Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2023 – № 1 (32)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. № 1 (32). 243 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_1_32. EDN VURDSH

2023, № 1 (32). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Т. А. Александрова,** кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, декан филологического факультета совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР); **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу,** доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в первую категорию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Авторы статей, 2023

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2023. № 1 (32). 243 pages. ISSN 2499-9679. DOI DOI 10.20323/2499_9679_2023_1_32. EDN VURDSH

2023, № 1 (32). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova,** Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, dean of the faculty of philology of the Joint university of Moscow state university-PPI in Shenzhen (China); **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu,** doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky.

The journal is included in the first category of the List of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2023
© Authors of the articles, 2023

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 (32) – 2023

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Богданова О. В., Миньцзе Лю Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные» 8

Фатеева И. М. Анализ путевых заметок литературной экспедиции по Волге драматурга А. Н. Островского 20

Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского 28

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 1 36

Доссэ Т. Г. Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов 48

Русский язык

Лагузова Е. Н., Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии 56

Алексеева И. К. О проблеме синтаксической синонимии и особенностях структурно-семантического анализа сложносочиненных предложений с компонентами «от этого» и «оттого» 66

Сарайкин И. В. Статистический подход к описанию семантической эволюции наречных предлогов 75

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лукин О. В. «Русская грамматика для немцев» И. А. Гейма в истории отечественного языкознания 85

Исаева М. Г., Гунько Л. А. Кодовое переключение как средство художественной выразительности в произведениях Сергея Минаева 95

Кравченко М. А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста 103

Шарова А. А. Лингвокультурологический и гендерный анализ зооморфизмов русского и английского языков 112

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Гусейнова И. А., Никитенкова К. Г. Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессы) 120

Канеева А. С., Боднарук Е. В. Особенности структурной организации лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» (на материале современных англоязычных текстов) 129

Плоцкая Ю. В. Источники возникновения терминов-антонимов в немецком стоматологическом дискурсе 140

Осипенко Т. А. Лексическая контекстуализация коммуникативных действий врача-онколога в устном медицинском дискурсе (на материале немецкоязычных консультативных бесед) 148

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Бойчук Е. И. Лексико-грамматическая функция повтора (на материале французского языка) 157

Корж В. И., Скуратов И. В. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке 166

Солнцева А. В. Лингвистические особенности языка электронных средств коммуникации (на материале французского и английского языков) 174

Бурак М. С. Лингвистический аспект исследования духовного и земного начал в «Книге Благой Любви» Х. Руиса 183

Бутько Ю. В. Репрезентация концепта permis de conduire в текстах авторских французских песен конца XX – начала XXI века 192

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Липский В. Н. Ценностно-эстетическое влияние русской культуры на европейскую художественную традицию в начале XX века (на материале деятельности С. Дягилева) 202

Малыгина И. В., Рафиев Т. О. Неоэгалитарный тип культуры: универсальные черты и особенности скандинавского опыта 210

Ерохина Т. И. Реконструкция гражданской идентичности в современном театре: документальный спектакль «Голоса цеха» 218

Черничкин Д. А. Социокультурные тренды языковой политики в Республике Казахстан 226

Петрова М. В. Русский Север как культурный концепт современного медиапространства 236

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 1 (32) – 2023

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Bogdanova O. V., Mingjie Liu Folklore and religious symbolism in Bunin's story «Birds of Heaven» ____ 9

Fateeva I. M. Analyzing the travel notes on the Volga literary expedition by the playwright A. N. Ostrovsky ____ 20

Fedotova A. A. From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the soviet era in J. Brodsky's «Speech about spilled milk» ____ 28

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 1 ____ 36

Dosse T. G. Subject motivated specificity of the psalm poetic paraphrases genre ____ 48

Russian language

Laguzova E. N., Ushakova A. P. Syntactic phrases with the word «хоть» as a means of expressing verbal aggression ____ 56

Alexeeva I. K. On syntactic synonymy and the specifics of the structural-semantic analysis of compound sentences with the components «от этого» and «оттого» ____ 66

Saraikin I. V. Statistical approach to describing the semantic evolution of adverbial prepositions ____ 75

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Lukin O. V. J. A. Heym's Russian grammar for germans in the history of russian linguistics ____ 85

Isaeva M. G., Gunko L. A. Code-switching as a means of artistic expression in Sergey Minaev's works __ 95

Kravchenko M. A. Reflexives with evaluation semantics in the space of a literary text ____ 103

Sharova A. A. Linguo-cultural and gender analysis of zoomorphisms in the russian and english languages ____ 112

Languages of foreign countries (germanic languages)

Guseinova I. A., Nikitenkova K. G. Ambisemy and gender in modern german internet media ____ 120

Kaneeva A. S., Bodnaruk E. V. Specific features of the «Landscape architecture» lexical-semantic field structure in modern english texts ____ 129

Plotskaya Yu. V. Sources of antonyms in german dentistry discourse _____ 140

Osipenko T. A. Lexical contextualization of an oncologist's communicative actions in oral medical discourse (doctor-patient consultations in german)_____ 148

Languages of foreign countries (romance languages)

Boychuk E. I. Lexical-grammatical function of repetition in the french language _____ 157

Korzh V. I., Skuratov I. V. On suffixal formation of feminitives in modern french _____ 166

Solntseva A. V. Linguistic features of the language for electronic communication in french and english _ 174

Burak M. S. Linguistic aspects of studying the spiritual and worldly principles in the «Book of Good Love» by J. Ruiz_____ 183

Butko Yu. V. The concept *permis de conduire* in the texts of french songs of the late XX – early XXI century _____ 192

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Lipsky V. N. Axiological-aesthetic influence of russian culture on the european artistic tradition in the early XX century (on S. Diaghilev's work) _____ 203

Malygina I. V., Rafiev T. O. Neo-egalitarian type of culture: universal features and peculiarities of scandinavian experience _____ 210

Erohina T. I. Civic identity reconstruction in modern theater: the documentary play «The Workers' Voices» _____ 218

Chernichkin D. A. Sociocultural trends in language policy of the Republic of Kazakhstan_____ 226

Petrova M. V. Russian North as a cultural concept of modern media space _____ 236

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_8
EDN: VUUBER

Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные»

Ольга Владимировна Богданова[1]✉, Миньцзе Лю[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
[2]Аспирант кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет. 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, стр. 10
[1]olgabogdanova03@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6007-7657
[2]1048795611@qq.com, http://orcid.org/0000-0002-1337-4154

Аннотация. Работа посвящена анализу рассказа Ивана Бунина «Птицы небесные» (1927), первоначально появившемуся в печати под названием «Беден бес» (1909).

В статье в отличие от ранее проводимых исследований внимание обращено не только на образ центрального героя повествования, нищего странника Луки, «птицы небесной», но и на образ «безымянного» персонажа студента Воронова. Прослежена «птичья» символика парных образов, именно в сопоставлении друг с другом эксплицирующих важнейшие грани каждого из характеров.

Показано, что фольклорная образность и религиозная символика опосредуют не только характер странствующего нищего Луки (значение имени «свет»), выявляя его духовную, «небесную» сущность, но и эксплицируют особенности характера и портрета молодого героя-студента, героя медика и прагматика. Фамилия Воронов, происходящая от лексемы «ворон», птицы грозной и хищной, в русском фольклоре нередко связанной с нечистой силой, актуализирует аксиологические маркеры в поведении и восприятии суждений молодого барина-студента. «Безымянность» героя, которая нередко интерпретируется исследователями как собирательность характера, на самом деле оказывается нерелевантной для рассказа. Не имя собственное, но имя фамильное избирается Буниным для психологического портретирования героя, фамилия Воронов оказывается поэтологически значимой и семантически (символически) акцентированной в повествовании.

В ходе анализа выявляются интертекстуальные связи и аллюзии, поддерживающие смысловой контекст рассказа Бунина, и устанавливаются значимые переклички с произведениями Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Продемонстрировано, то позиция Бунина наиболее близка позиции Чехова и решительно антитетична позиции Горького, с его идеей «гордого человека».

В работе затронут вопрос двух вариантов рассказа «Беден бес» / «Птицы небесные». Предложен вариант интерпретации одного и другого названия.

Ключевые слова: И. Бунин; «Птицы небесные»; система образов; композиция; символика; фольклор; варианты

Для цитирования: Богданова О. В., Миньцзе Лю Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 8–19. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_8. https://elibrary.ru/VUUBER

© Богданова О. В., Миньцзе Лю, 2023

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Folklore and religious symbolism in Bunin's story «Birds of Heaven»

Olga V. Bogdanova[1]✉, Minjie Liu[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, leading researcher at the Research institute of educational regional studies, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moyka river embankment, 48
[2]A postgraduate student, department of the russian language and literature, Far Eastern federal university. 690922 Primorsky region, Vladivostok, island Russian, village Ajax, 10
[1]olgabogdanova03@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6007-7657
[2]1048795611@qq.com, http://orcid.org/0000-0002-1337-4154

Abstract. The article is devoted to the analysis of Ivan Bunin's short story «Birds of Heaven» (1927), which originally appeared in print under the title «Poor is the Devil» (1909).

In contrast to earlier research, the article focuses not only on the central character of the narrative, the wandering beggar Luke, the «bird of heaven», but also on the image of the «nameless» character of the student Voronov. The «bird» symbolism of the pair images is traced, explicating the most important aspects of each of the characters in their juxtaposition to one another.

It is shown that folklore and religious imagery and symbolism mediate not only the character of the wandering beggar Luke («light»), revealing his spiritual, «heavenly» essence, but also explicate the features of the character and portrait of the young hero-student. The surname Voronov, derived from the lexeme «raven», a fearsome bird and often associated in folklore with evil spirits, actualizes axiological markers in the behavior and perception of the young master's judgments. The «nameless» hero, often interpreted by researchers as a collective character, in fact turns out to be irrelevant to the story. It is not the first name, but the family name that Bunin chooses for the psychological portrayal of the hero; the surname Voronov turns out to be poetologically significant and semantically (symbolically) accentuated in the narrative.

The analysis reveals intertextual connections and allusions that support the semantic context of Bunin's story, and establishes significant references to the works of L. Tolstoy, A. Chekhov, M. Gorky. It is demonstrated that Bunin's position is closest to that of Chekhov and decisively antithetical to that of Gorky, with his idea of the «proud man.

The article touches upon the issue of two versions of the story «Poor Is the Devil» / «Birds of Heaven». The authors propose an interpretation of both the titles.

Key words: I. Bunin; «Birds of Heaven»; image system; composition; symbolism; folklore; variants

For citation: Bogdanova O. V., Mingjie Liu Folklore and religious symbolism in Bunin's story «Birds of Heaven». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):8–19. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_8. https://elibrary.ru/VUUBER

Введение

Постановка вопроса и выдвижение гипотезы. Среди произведений Ивана Бунина, в целом достаточно хорошо отрефлексированных критикой, рассказ «Птицы небесные» один из немногих, который практически не привлекал внимания исследователей. Среди тех, кто вскользь касался текста «Птиц небесных», можно назвать имена А. Нинова [Нинов, 1964], Е. Полтавец [Полтавец, 2015], К. Галай [Галай, 2014], А. Боловиной [Боловина, 2015], И. Гнездилова и В. Яковлевой [Гнездилов, 2021]. Но и эти исследователи в основном сосредоточивали внимание лишь на отдельных аспектах анализа – в частности, на образе птиц в прозе Бунина. Целостному анализу рассказ «Птицы небесные» прежде не подвергался, однако и этот текст несет на себе печать своеобразия художественного мировоззрения и особой творческой манеры, которые отличают прозу Бунина.

Цель статьи – отказаться от одностороннего восприятия рассказа Бунина «Птицы небесные» и предложить новые интерпретации текста, включив в поле исследования образ не только странника Луки, но молодого студента-медика, показать взаимозависимость характеров персонажей, актуализированную в том числе на уровне «птичьей» символики, заданной русским фольклором.

Методы исследования. В работе исследуются основные семантико-поэтологические особен-

ности текста, что предполагает проведение комплексного филологического анализа с точки зрения тематико-мотивного и образно-символического единства, интерпретации хронотопического содержания, выявления особенностей вариативной композиционной структуры, выделения значимых интертекстуальных пластов. Целостный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия рассказа И. Бунина и объяснить причины обращения художника к отечественному фольклору.

История вопроса. Рассказ Ивана Бунина, известный сегодня под названием «Птицы небесные», появился в конце 1909 году в сборнике «Знание» (кн. 27) под заглавием «Беден бес». Изменение в титульный заголовок было внесено Буниным позже, уже в 1927 году, когда рассказ был частично переделан и в новой редакции опубликован в парижской газете «Возрождение» (№ 599, 22 января).

Сразу следует заметить, что при републикации в Париже текст рассказа подвергся серьезной переработке [ср.: Бунин, 1965, с. 523]: из него была исключена так называемая «третья» часть, достаточно большая и важная, заключительная, во многом смещавшая смысловые акценты наррации. Однако прежде, чем сравнить рассказовые варианты, обратимся к тому тексту рассказа «Птицы небесные», который сегодня признан каноническим.

Основная часть

Перитекстуальные особенности рассказа. Несомненно, что прежде всего внимание привлекают перитекстуальные особенности рассказа – в частности его название. Если первоначальный заголовок «Беден бес» представлял собой усеченную простонародную паремическую формулу «Беден бес – на нем креста нет» [Даль, 2004, с. 31], то название «Птицы небесные» изначально порождает аллюзию к Библии. Просвещенному читателю (особенно современнику Бунина) было очевидно, что в заголовочную позицию попала библейская цитата, почерпнутая из Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» (Мтф. 6: 26). В приведенной цитате из Библии птицы небесные становятся примером того, что в мире, согласно предназначению Божьему, каждый живет и трудится по-своему. И хотя птицы небесные не способны ни сеять, ни жать, ни собирать урожай, но они красиво поют и радуют окружающих и потому Отцом Небесным они любимы, как и любое из Его творений.

Смена названия с очевидностью влечет за собой коррекцию идейного ракурса рассказа – библейский претекст метафоризирует содержание и заставляет искать в нем символические смыслы, образы и мотивы. Несомненно, первыми в этом образно-символическом ряду оказывается образ *птиц (птиц небесных)*.

Образно-символическая система рассказа. На первый взгляд кажется, что образ *птиц небесных* связан исключительно с образом нищего и убогого странника Луки, о чем, как правило, и пишут современные исследователи [Боловина, 2015; Полтавец, 2015]. Герой-богомолец холодным зимним вечером бредет по заснеженной дороге в Знаменский монастырь, чтобы найти там приют и ночлег, но замерзает по пути, не достигнув цели («на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Бунин, 1965, с. 345]). Образ «птиц небесных», несомненно, ориентирован на восприятие судьбы нищего больного странника, по сути юродивого («дурачок», «бродяга по святым местам» [Бунин, 1965, с. 340]), и его бессмертной души, безвременно взлетевшей к небесным высям. Образ *душа-птица* традиционен как в целом для мировой литературы, так и для русской ментальности и русского фольклора в частности.

Образ богоугодного странствующего нищего со всей очевидностью несет на себе отсвет библейской мифологемы «птицы небесные». Его образ маркирован рядом характерологических черт и семантически значимых признаков. Прежде всего имя героя – Лука («Звать-то? Звали Лукой...» [Бунин, 1965, с. 343]).

Во-первых, имя Лука означает «свет» [Тихонов, 1995, с. 224], что напрямую связано с его «небесной» сущностью (как известно, в XIX веке значение имени обязательно учитывалось при крестинах и считалось, что оно осеняет весь жизненный путь его носителя) [Булгаков, 1958; Лосев, 1990; Доброхотов, 1996]. Не меньшую значимость имя героя несет и в литературном произведении [Степанов, 1985; Тименчик, 1992; Тумаркина, 1988; Кормилов, 1985; Карпенко, 1986; и др.]. По утверждению Ю. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен» и «„говорят” имена по-разному» [Тынянов, 1977, с. 254].

Во-вторых, несомненно, при возникновении в тексте рассказа «Птицы небесные» имени героя

Лука естественным образом в сознании актуализируется и имя евангелиста Луки. То есть имя героя оказывается по-тыняновски «говорящим», «по-разному» говорящим и своими различными гранями связанным с библейскими мотивами и ассоциациями.

Внешний облик героя, бредущего по дороге, нищего и убогого, больного и сирого, моделирует образ «бродяги по святым местам» [Бунин, 1965, с. 340], пилигрима, ранее уже появлявшийся в стихах Бунина («Пилигрим», 1908). Семантически значимым при этом оказывается сам тип организации наррации – т. н. «путевой» сюжет, изображение героя-странника, героя-путника, идущего по дороге (дороге в Знаменское и – шире – дороге его жизни). Как известно, герой-странник, герой-путешественник – один из самых знаменательных типов литературного персонажа в русской прозе XIX века [Степанов, 2001, с. 181–210] (без сомнения, и в произведениях Бунина [см. об этом: Богданова, 2021]).

Ряд эпитетов, которые обрисовывают портрет странника Луки, показателен: «зипунишка» «старый» и «заплатанный», «костыль», «самодельная шапка с наушниками и назатыльником, мехом внутрь», «склоненная голова», «бледное и изможденное, простое и печальное» лицо [Бунин, 1965, с. 340–341]. Буниным создается узнаваемый образ странника-пилигрима, весьма типичный для литературных проекций. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов («зипун*ишк*а») придает портрету странника еще более щемящую «малость» и «мелкость» – «маленький человеч*ек*», именно так изначально номинирован герой. Можно предположить, что подобным определением Бунин словно бы встраивает образ Луки в ряд «маленьких людей» русской классической литературы – «маленьких героев» А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского и др.

Малость героя дополняет физическое состояние, которое избирает Бунин для его портретирования (болезнь): «По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный» [Бунин, 1965, с. 340–341]. «Святой бродяга» тяжело болен и почти лишен сил. Неслучайна мысль второго героя рассказа «Птицы небесные» при взгляде на Луку: «…ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики… И как это он ухитряется ходить по такому морозу?» [Бунин, 1965, с. 341]. Почти точный повтор – «тонки и слабы», «тонки и стары» – *истончает* связь этого героя с миром, усиливает впечатление его уже почти ощутимой надмирности.

Исследователи правы, когда проецируют образ «птиц небесных» на образ бунинского Луки, чья душа, подобно птицам, взлетела к небу. Между тем образ «птиц небесных» связан не только с образом странника, но и (как это ни странно на первый взгляд) с образом героя-студента. Примечательно, что фамилия второго героя, студента, «по-птичьи» характерологична – персонаж-студент носит фамилию *Воронов*. Можно предположить, что «птичья» фамилия, которой наделяет автор героя, не случайна, но семантически значима и выбрана для него преднамеренно.

Как известно, в славянском фольклоре образ ворона отчетливо маркирован и сопровождается самыми «тяжелыми» характеристиками. По народным представлениям, ворон причастен «нечистой силе», он связан с загробным миром, с миром мёртвых. Уже только чёрный окрас оперения ворона наводит на «черные» мысли, заставляет видеть в его образе некую зловещую сущность. В народе ворона всегда почитали за ум, разумение, мудрость, но в фольклорных сказках ворон олицетворяет темные силы, нередко выступает вестником несчастий или близкой смерти. Ворон, как правило, оказывается в свите Бабы-яги, Кощея и прочей нечисти. В крике ворона народ слышит слово «смерть». Значение образа-символа многозначно и многогранно, но в основном и главном образ ворона вбирает в себя семантику отрицательно-негативную, зловещую и пугающую [Иллюстрированная энциклопедия символов, 2003, с. 184–186].

Учитывая «темную» этимологию образа ворона, нетрудно понять, что в рассказе «*Птицы* небесные» фамилия героя *Воронов* имплицитно должна сформировать противостояние, маркирующее (взаимо)отношения странника Луки и студента.

На первый взгляд кажется, что студент сочувствует страннику Луке, кажется, он готов помочь «божьему человечку», предлагает ему полтинник, тревожится о его судьбе зимней вьюжной ночью. Между тем очевидно и другое – студенту Воронову малосимпатичен нищий странник, он не верит ему, первоначально видит в нем лукавого обманщика, наделяет Луку самыми обидными определениями-характеристиками.

Как ни странно, позиции героев в рассказе *исходно* противоположны: Бунин как будто бы «сближает» героев (по сюжету студент прибли-

жается к нищему, стоящему на мосту; позже догоняет его на дороге), но подспудно автор «разводит» их, не акцентируя на этом особого внимания. Уже в пейзажной картине, открывающей рассказ, прозаик противопоставляет «сторону» Воронова и «сторону» Луки. «…оконца изб и кресты церкви на *противоположной* вороновской *стороне* еще горели лучистым золотом» [Бунин, 1965, с. 340]. В пейзаже изначально ощутимо противоположение – «вороновской стороны», темной, теневой, холодной («*темнели* сосны палисадника», «*дым из труб* дома поднимался в *чистое* <…> *небо*», «*черная, густая* зелень елок в вороновском палисаднике», «*мертвеющие сизые* крыши усадьбы» [Бунин, 1965, с. 340, 342]), и «лучистого золота» церкви, куда направляется Лука-*свет*, лучистого «горения» и тепла. (NB: на стороне Луки сельские дома с *оконцами* – форма слова и его уменьшительный суффикс порождают ощущение теплоты и уюта, авторской симпатии и нежности к этой «стороне»).

В отличие от Луки, молодой герой рассказа не имеет имени собственного, он безымянен – он представлен как *студент Воронов* [Бунин, 1965, с. 340]. Антропомастика в данном случае словно бы внешняя, сторонняя, ослабленная. Личностное начало, могущее быть обретенным персонажем посредством его персонального имени, растушевывается или даже обнуляется. Есть социальный статус, есть фамилия, но нет имени *собственного*.

Может показаться, что социальный статус «студент» имеет положительную аксиологию.

«– Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду... Понимаешь?

– Дело хорошее... Как не понимать...» [Бунин, 1965, с. 342].

Оценка добросердечного Луки – *дело хорошее*. Однако применительно к безымянному персонажу последнее утверждение либо нивелируется, либо вызывает сомнение. Герой-доктор, казалось бы, должный сочувствовать больным людям, исходно не верит страннику, подозревает его в обмане:

«Студент сбежал к мосту, – он [Лука] все кашлял. <…> видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, *притворный*: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина…» [Бунин, 1965, с. 340].

Герою-студенту представляется, что кашель Луки вызван не хворью, а желанием получить от барина монету, искусственно и искусно вызвать барское сочувствие демонстрацией болезни, кашля. Причем Бунин так описывает мысли студента Воронова, что читателю-реципиенту очевидно: будущий доктор нисколько не сомневается в своем представлении о *лукавом* нищем. Неслучайны вводные слова «верно», повторенные дважды и настойчиво. Герой-студент словно бы *уверяет* себя в этом суждении – «верно», «верно» [Бунин, 1965, с. 340]. Нельзя сомневаться, что для тонкого стилиста Бунина выбор именно этого вводного слова концептуально значим: вместо «сомнительных» *вероятно*, *возможно* как синоним и заместитель используется «утвердительное» *верно*.

Примечательно, как мысленно именует (то есть характеризует) студент нищего странника. В несобственно-прямой речи (от автора) он видится герою «маленьким человечком», чуть позже он назван героем «дурачком», а к концу рассказа и еще более грубо и жестко – «дикарем» [Бунин, 1965, с. 344] и «чертом» [Бунин, 1965, с. 345]. В последнем случае речь, несомненно, идет о междометном восклицании («Замерзнет, *черт*!» – с сердцем подумал студент про нищего [Бунин, 1965, с. 345]), но Бунин ставит лексему «черт» в такую позицию, что она легко проецируется и на образ Луки-героя. Любой поступок и суждение Луки вызывают однозначно негативную реакцию студента-барина: «*Глупо*, – сказал он» [Бунин, 1965, с. 342].

Противоположна и поведенческая доминанта героев. Если настрой и поведение студента Воронова отличаются «бодростью», заметим: «*деланной* бодростью» [Бунин, 1965, с. 341]: герой «сбежал…», «крикнул…» [Бунин, 1965, с. 340], то Лука, наоборот, медлителен и спокоен: «…*медленно* побрел…»; «Черные глазки глядели со странным *спокойствием*» [Бунин, 1965, с. 341].

Весь облик нищего богомольца Луки необычен для студента Воронова. Автор трижды (четырежды) повторяет: «*Необычна* была <…> аккуратность, с которой лежали мешки за его спиной. *Необычен* и зипунишка, старый, но тщательно заплатанный. И уже совсем *необычно* было лицо…» [Бунин, 1965, с. 341]. И необычность героя для молодого барина видится ему именно в том спокойствии и той простоте, с которыми говорил, двигался, ощущал себя Лука. Казалось, что всё в нем «*неожиданно* просто» [Бунин, 1965, с. 341].

Поведенческий код героя-студента. Примечательно, что герой студент у Бунина полон во-

просов. С одной стороны, может показаться, что это психологический признак молодости, который придает автор образу юного барина, демонстрируя его желание все (у)знать. Вся речь молодого персонажа исполнена (перенасыщена) вопросами: «Застыл, старик? <…> Дальний? <…> Давно удушье-то? <…> Селитру не жег? <…> А ночевать-то где ноне будешь? <…>» (и др.) [Бунин, 1965, с. 340–342]. Однако, с другой стороны, обилие вопросов студента несет в себе и иные смысловые коннотации: вопросы становятся признаком незнания и неопытности молодого человека. Его неумения разбираться в людях, в ситуации, в жизни. Последнее выразительно показано в восприятии студентом внешности Луки: он для него то «старик», то «подросток лет под сорок», то «дядя» [Бунин, 1965, с. 341]. Или в эпизоде, когда студент советует нищему использовать от кашля селитру: нищий внешне как будто бы покорно соглашается с будущим доктором («Это можно. Деньги не велики» [Бунин, 1965, с. 342]), но при этом «не придав, видимо, ни малейшего значения селитре» [Бунин, 1965, с. 342]. Бунин не объясняет причину невнимания странника к совету студента, но за его равнодушием ощутим и опыт жизни (вероятно, он уже многое перепробовал в своей жизни), а, может быть, понимание неизбежности собственной обреченности. В любом случае за спокойной реакцией Луки ощутим некий жизненный опыт, которого у студента явно нет. Опыт жизни противопоставлен лекционному знанию, причем у Бунина явно не в пользу последнего. Заметим, натуральный *перец*, который в борьбе с кашлем использовал Лука, противопоставляется Буниным химической *селитре,* рекомендованной студентом-медиком.

Всякий раз задавая страннику вопрос, молодой человек внутренне уже предполагает, каким будет ответ. Однако каждый раз он обманывается.

Видя «тонкую» и «плохую» «одежу» нищего, студент спрашивает, озяб ли странник, и полагает, что ответ будет «да». Однако ответ другой. «*Нет*, – ответил он <…> Застыть не застыл...» [Бунин, 1965, с. 341].

Слыша, что нищий бредет в далекое Знаменское, студент удивляется: «Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой придешь!» (NB: *!*). «Мне спешить некуда, – ответил нищий и так просто, что студент слегка *смешался*» [Бунин, 1965, с. 342].

На вопрос: «Побор в мешках-то?» – «святой бродяга» несогласно восклицает: «Ну, побор! [= *нет*] Добришко...» [Бунин, 1965, с. 342].

Позиции героев ни в едином «вопросе» не совпадают.

Даже в ситуации «одаривания» нищего («Нука вот тебе полтинничек» [Бунин, 1965, с. 343]) герой барин ожидает иной реакции: «Студент *ждал великой радости, но* поблагодарил нищий довольно *спокойно* <…>» [Бунин, 1965, с. 343].

Молодой герой-студент, как ему кажется, знает практически все: что лучше, что хуже, что дальше, что ближе, что полезнее, что глупее. Он легко подразделяет мир (= жизнь) на разные и четко очерченные половинки. Тогда как странник Лука принимает жизнь всецело, во всех ее проявлениях. Холод, нищета, дальняя дорога, болезнь не пугают его. Он готов к любому исходу: «Ночевать везде можно...» [Бунин, 1965, с. 342].

Фразеологический пласт рассказа. Жизненный опыт и жизненные наблюдения Луки кристаллизуются в его речи посредством фразеологических оборотов, паремических формул. Мудрость общенародная становится его собственной мудростью, вековые знания народа – его личным знанием.

Суждения Луки не просто лаконичны, но афористичны, мудры и смыслоемки:

«И замерзнешь, не откажешься»;

«Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет – везде»;

«Да и помирать-то не десять раз, а всего один» [Бунин, 1965, с. 343].

Бунин использует известные народные пословицы, зафиксированные (в том числе) в словаре В. И. Даля, и вкладывает их в уста героя-странника, тем самым придавая им речевую простоту и некоторую спонтанность. Герой Лука словно бы сам (по)рождает афоризмы, сам генерирует народную мудрость, становясь аккумулятором мудрости всего русского народа [Даль, 2004, с. 152, 230].

Пожалуй, центральной (и ключевой для рассказа) мудростью, которой делится со студентом Лука, становится суждение: «Беден только бес, на нем креста нет» [Бунин, 1965, с. 343]. В теперешнем «каноническом» тексте эта фраза звучит дважды. Но, если вспомнить, что усеченная форма этого афоризма стояла в заглавии рассказа при публикации 1909 года, то является *триада* – заметим, тоже фольклорный маркер. Троекратность формулы (как в русских народных сказках)

эксплицирует ее константность, словно бы подтверждает ее правоту и справедливость.

В тексте рассказа герой Лука произносит фразу «Беден только бес, на нем креста нет» дважды: вначале, когда студент предлагает ему дать денег: «Слушай, – сказал студент, – пойдем к нам. Я бы тебе *деньжонок дал*...» [Бунин, 1965, с. 342]. Во второй раз, когда студенту кажется, что в заплечном мешке странника хранится «побор» (милостыня, дары). Студент ориентирован на материальное – ему кажется, что в вещном («деньжонки», «побор») заключено спасение от несчастий, осчастливливание Луки.

Однако, по глубоко верующему Бунину, человек живет (должен жить) верой в Бога, в опоре не на материальные ценности, но на духовные богатства. Потому беден и несчастен *бес*, поскольку он не крещен, «на нем креста нет». И хотя впрямую Бунин не упрекает героя-студента в склонности к материальному (или химическому – селитра), но дважды произнесенная истина бросает отсвет и на персонажа-студента, будущего врача, героя-*материалиста*. Некое бесовское начало имплицитно проступает и в образе молодого героя-студента.

В ходе сюжетного развития рассказа, в контексте диалога-размышлений героев о вере, о материальном и духовном, в рассказовой наррации возникает центральный образ текста – образ «птиц небесных».

Удивленный речами Луки («Студент *с удивлением* взглянул в лицо нищего» [Бунин, 1965, с. 344]) молодой герой задает очередной вопрос страннику: «Живешь, как птицы небесные?» [Бунин, 1965, с. 344]. И ответ героя снова «смущает» и «удивляет» студента: «А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся» [Бунин, 1965, с. 344].

Как видно, философия героя (над которой внутренне иронизирует студент) состоит в том, чтобы верить в Бога – «В Бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он» [Бунин, 1965, с. 344]. Верить в Бога и полагаться на его волю («чтобы Бог дал благополучную дорогу» [Бунин, 1965, с. 344]) – таков жизненный закон странника, залог его душевного покоя и уверенности в будущем (каким бы оно ни было). Как показывает Бунин, в сознании Луки народная мудрость, проверенная веками, срастается с прочными христианскими догмами и обеспечивает герою знание о «царствии Божием внутри нас», дарует ему близость мироощущению «птиц небесных».

Семантика финала рассказа. Между тем одним только противопоставлением героев рассказ Бунина не заканчивается. Финал рассказа трагичен, причем двойственно трагичен.

Завершается «канонический» текст бунинского рассказа не выходом героев в сферы «птичьи-небесные», но совершенно иными горизонтами, другими значимо актуальными символами. Заключительную часть рассказа «Птицы небесные» составляет подробно-детальное описание мира студента, его интересов и увлечений. Оказавшись после расставания с Лукой в поместье и оставшись один, как замечает Бунин, студент «с вечера читал Юнга» [Бунин, 1965, с. 344]. При взгляде на ночное небо герой-студент видел не «свет Божий» [Бунин, 1965, с. 344], а рассматривал созвездия Близнецов, «зерна Волопаса», «треугольником дрожащего расплавленного золота висе[вшую] там Венеру» [Бунин, 1965, с. 345]. Материальный мир студента смотрел на него с небес не глазами Господа, но пугающими, широко «раскинутыми, кровавыми глазами» планет Арктура и Марса.

В беседе со странником сравнив его с «птицей небесной», теперь в доме, вспоминая нищего, студент грубо и жестоко называет его «дикарем» и (почти) «чертом». Более того, в удаленной из текста финальной части рассказа (но остававшейся в составе рассказа до 1927 года) герой-студент даже собирался написать рассказ об увиденном им нищем бродяге: «Хотелось написать рассказ… <…> Хотелось озаглавить зло и резко: „Дикари”» [Бунин, 1965, с. 469]. Герой-студент раздражен непросвещенностью и глупостью («глупо») богомольца.

В заключительной части рассказа становится особенно очевидно, что если простой и убогий нищий у Бунина имплицитно сравнивается с «птицей небесной», то материалистически настроенный герой-студент соотносится с пугающей «темной» птицей вороном, с предвестием беды, несчастия, смерти. Именно так и происходит в рассказе – материализм и прагматизм студента-медика Воронова не спасли Луку («свет») от смерти. Единственное, на что готов был студент, – по-вороньи «накаркать»: «Да ведь замерзнешь!» [Бунин, 1965, с. 343] и «Да скажи, как поминать тебя» [Бунин, 1965, с. 343]. Его знание оказалось не пророчески дружеским, товарищеским, обнадеживающим, спасительным, но прогностически, диагностически угрожающим и неизбежным.

Примечательна и последняя фраза, которая завершает рассказ: «…мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Бунин, 1965, с. 345]. Если в начале рассказа Лука воспринимался героем как «маленький человечек», если позже в его глазах он становился «еще меньше» [Бунин, 1965, с. 344], то к финалу рассказа от Луки-света в восприятии студента ничего не осталось, только *тело*. Бунин показал: его герой, студент-медик, и после встречи со «светлым» Лукой не прикоснулся к пониманию «птиц небесных», не сумел научиться различать «крестом простертые крылья» [Бунин, 1965, с. 343] мельницы-ветряка или божьего человека-странника. Забота о нищем и медицинские рекомендации были демонстрацией собственной просвещенности молодого героя, экспликаций его мнимого «ученого» статуса и требующего уважения высокомерия – по сути пестуемой им модной «сверхчеловечности».

Интертекстуальные проекции рассказа. Последнее утверждение подводит к еще одному ракурса анализа рассказа Бунина «Птицы небесные» – к проблеме интертекстуальных аллюзий, литературных отсылок и связей, которые проступают в бунинском (под)тексте. Так, можно заметить, что в ходе прочтения «короткого» рассказа Бунина возникают ощутимо емкие литературные проекции, среди которых в первую очередь (как минимум) апелляции к творчеству Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького.

О связях Бунина и Л. Толстого довольно подробно писала Е. Ю. Полтавец в статье «Лев Толстой и Иван Бунин – „птицы небесные" русской литературы (орнитосемантика: код и контекст)» [Полтавец, 2015], правда, акцент был сделан преимущественно на образах птиц в прозе Толстого и Бунина. Нам же представляется, что главным ракурсом сопоставления должен быть избран герой, а именно – *студент*.

При знакомстве с текстом бунинского рассказа номинация «студент» привлекает особое внимание. Бунин не называет героя «молодым барином», каковым он является, не дает ему имени собственного, но представляет как *студента Воронова* [Бунин, 1965, с. 340]. На первый план автором выдвинут социальный статус персонажа и зафиксирован однозначно и четко. Многократное повторение именования «студент» усиливает первоначальное впечатление.

Напомним, что горячо почитавший писателя и сердечно любивший человека А. П. Чехова, Бунин, несомненно, хорошо знал творчество писателя-современника, в том числе (с очевидность) и чеховский рассказ «Студент» (1894), некоторыми исследователями признанный как «самый толстовский рассказ Чехова» [Богданова, 2021, с. 5–42]. В современном прочтении основным содержанием рассказа Чехова признана не идея «духовного перерождения героя», о которой писали и пишут практически все чеховеды [Измайлов, 2003; Катаев, 2008; Чудаков, 1986; Тюпа, 1989; Есаулов, 2017; Злочевская. 2001; и др.], но идея развенчания поверхностной зависимости от Библии, показного и театрального богопочитания, самолюбования в проециях библейских историй, увлеченная игра в толстовство [Богданова, 2019, с. 331–356]. Фактически Чехов выстраивает весь текст рассказа «уж очень по-богословски», очень в писательской манере «великого старца» и действительно может быть воспринят не подражанием, а мастерским творческим спором с Львом Толстым [Богданова, 2019, с. 340–351].

В представлении Чехова его герой-студент не искренне погружен в древнюю историю событий Святой Пятницы, но «рисуется», играет перед нищими необразованными женщинами, встреченными им на пути холодным вечером. Вся внутренняя речь студента свидетельствует об ожидании желаемого производимого эффекта как перед «двумя вдовами», так и перед самим собой.

Выше было показано, что и в рассказе Бунина «мучительные» переживания молодого барина о судьбе нищего странника Луки не глубоки. В финале они особенно активно перемежаются сторонними отвлекающими сведениями, в том числе упоминанием Юнга (почти *позой* молодого студента), увлеченным рассматриванием звездного неба и страстным поиском узнанных небесных планет. Вся заключительная часть бунинского рассказа (его канонического варианта) ориентирована не на нищего, не на судьбу странника, но на самого героя. Упоминание «тела» на зимней дороге становится в череде впечатлений центрального персонажа почти случайным, значимым, но далеко не главным. Купированная «третья часть» первоначального текста рассказа «Беден бес» свидетельствует именно об этом – известие о смерти нищего странника не вызывает сочувствия молодого героя-студента, только еще больше раздражает его, убеждает в его декларированной правоте и, как следствие, правомерности аксиологического определения,

данного им страннику Луке, – «дикарь» [Бунин, 1965, с. 345].

Душевная черствость словно бы унаследована бунинским студентом от студента чеховского. Желание покрасоваться перед сирыми и убогими демонстрируют оба героя, внутренне оставаясь равнодушными к их судьбам. Желание героя написать книгу – в исключенной в 1927 году «третьей части» рассказа – связано не с возможным (и «затекстово» ожидаемым) уважением и преклонением перед стоической судьбой простого русского человека, но с намерением развенчать его «глупость», «дикость», непросвещенность. Душевные (и духовные) устремления Луки, простота и непритязательность этой «птицы небесной» никак не трогают героя-студента, не порождают желания написать о них, задуматься об их природе. В центре мира студента-медика – не люди, не Бог, но он сам, его прикладное знание и материалистическое мировидение.

В связи с интертекстуальными проекциями примечателен и тот факт, что героя-странника Бунина зовут Лука. Напомним, что к моменту создания «Птиц небесных» уже была написана активно популярная пьеса М. Горького «На дне» (1903) с героем-странником Лукой, задуманная и воплощенная практически в тот самый период, когда в Крыму невдалеке от Чехова проживал и Бунин. В Петербурге Бунин активно сотрудничал с Горьким, в частности, участвовал в его книжном издании «Знание», однако отзывы о человеке и писателе Горьком Бунин оставил весьма нелицеприятные. Можно предположить, что после создания пьесы «На дне» не только Чехов [Богданова, 2019, с. 533–580], но и Бунин (в Крыму или позднее) участвовал в обсуждении текста «картин» и, подобно Чехову, вряд ли разделял воплощенные в них идеалы Горького.

В те годы Горький неизменно возвращался к рефлексии на одну и ту же – онтологическую – тему, неустанно питался принципами своей ранней романтической парадигмы, стремясь литературой (творчеством) внедриться в «живую» жизнь, при этом проповедуя идеалы беспредметно-абстрактного философского знания – например, как в «На дне»: (I) пещера Платона (недочеловеки) → (II) христианство (Лука-свет) → (III) гордый человек (сверхчеловек Ницше) [Богданова, 2019, с. 533–580].

Постницшеанский «*Гордый Человек*» Горького [Богданова, 2019, с. 550–569], впервые выведенный в его «босяцких» рассказах, в растушеванном виде (образы Пепла и Сатина) присутствовал и в пьесе «На дне», становясь тем умозрительным идеалом, к которому взывал тогда писатель-буревестник. Низвергнутый Чеховым в образе «вечного студента» Пети Трофимова в «Вишневом саде» [Богданова, 2019, с. 463–510], тот же около-горьковский тип возник и на страницах бунинского рассказа. Непоименованный студент Воронов стал бунинским вариантом горьковского «гордого человека», не сумевшего проникнуться христианскими и народными – общечеловеческими – идеалами, не способного философски (или хотя бы глубинно) осмыслить простоту и «дикость» «птиц небесных». Студент Воронов вобрал в себя отсветы *птичьей* символики Горького и стал продолжением переосмысленного Чеховым «вечного студента» медика Пети Трофимова.

Структурные сдвиги в композиции рассказа. Наконец, рефлексии заслуживает структурно-композиционная переработка, предпринятая Буниным в 1927 году в отношении к тексту рассказа «Беден бес» [Бунин, 1965, с. 467–469].

Как уже было сказано, из текста рассказа была изъята «третья» заключительная часть повествования, где изображались похороны почившего странника Луки. Более того, в этой части присутствовал и «боковой» мини-сюжет, где появлялся еще один бедный мужик и сообщалось, что в могилу странствующего нищего был «без подати» положен и еще один гробик, маленькой девочки несчастного безденежного отца.

И торопливые похороны «этого странного, всем чужого покойника» [Бунин, 1965, с. 468], и короткая история несчастного отца («поставлю я ее с господом на этого самого странничка – и шабаш!» [Бунин, 1965, с. 468]) не столько добавляли что-то новое к «небесной» сущности одинокого и забытого вскоре бродяги, сколько уводили сюжет к трагической картине двойного захоронения и заброшенной «безымянной могилы» [Бунин, 1965, с. 469]. Образ странника Луки растушевывался в подобии и случайном множестве странных и трагических судеб простого народа, сюжет с «маленьким гробиком» уводил повествование в сторону.

Финальный «избыточный» эпизод был удален Буниным из текста рассказа, прежнее название «Беден бес» заменено на «Птицы небесные».

С одной стороны, оба паремических оборота, которые были использованы Буниным в качестве заглавия, звучат в речи странника Луки и словно бы связаны в первую очередь с ним. Кажется, особой причины к смене названия у Бунина не

было. Однако, с другой стороны, очевидно и то, что смысловой акцент при смене названия смещался и корректировался. В первоначальном варианте в титуле оказывался (несмотря на узнаваемую современниками фразеологему) образ беса, в окончательном варианте – образ «птицы небесной». Новое название усиливало и аккумулировало акцент на образе Луки, его образно-смысловая значимость возрастала и придавала рассказу центроустремленный характер. Изъятие дополнительного подсюжета «расчищало» пространство вокруг образа странствующего нищего, ставило его образ, а не рефлексию просвещенного студента в центр наррации. Рассказ обретал большую цельность и философическую настроенность. Если в первом варианте доминировали представления студента (именно они завершали повествование, именно его понимание мира преобладало), то второй вариант вуалировал итоговую точку зрения студента, лишал его «последнего слова», и в тексте контурировалась дифференция между позицией молодого героя-студента и незримого повествователя (в итоге alter ego автора). В рассказе «Беден бес» центральную позицию занимал молодой герой («биографически» очень близкий автору), но в «Птицах небесных» Бунин (уже умудренный жизненным и писательским опытом) сдвигал акценты и в эпицентре оказывалась не «смущенная» жизненным наблюдением реакция героя-студента («Но дикари ли? Да и смущал, трогал детский гробик…» [Бунин, 1965, с. 469]), но надтекстовая позиция автора, самого Бунина, к тому времени уже эмигранта, много пережившего и испытавшего, тоже «странника».

Заключение

Таким образом, завершая наблюдения над текстом рассказа Бунина «Птицы небесные», можно сказать, что фольклорная стихия, в данном случае слитая со стихией религиозного мироосознания, позволяла писателю тоньше и поэтичнее выразить семантически значимые акценты рассказовой наррации. Народная точка зрения, особенно обострившаяся в годы парижской эмиграции, выходила в его текстах на передний план, эксплицированная обращением к русскому фольклору, в прежнему жизненному опыту и знанию, обретенному писателем с ранней юности в пределах отечества. Чуткость к народному фольклору помогала Бунину и в ситуации эмиграции аксиологически точно и корректно выражать собственную точку зрения, выверять ее в согласии с опытом, обретенным на родине.

Библиографический список

1. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы Ивана Бунина. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 300 с.

2. Богданова О. В. Русская литература XIX – начала XX века. Традиция и современная интерпретация. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 732 с.

3. Боловина А. И. Религиозно-символическая семантика образов птиц в поэзии Г. Гессе и И. Бунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. Ч. III. С. 36–39.

4. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж : YMCA-press, 1958. 278 с.

5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. Москва : Художественная литература, 1965. Т. II. Повести и рассказы. 1890–1909. 527 с.

6. Галай К. Н. Зооморфные образы в произведениях И. Бунина (цикл «Темные аллеи») // Дискуссия. Сер. Филологические науки. 2014. № 5 (46). С. 134–137.

7. Гнездилов И. А., Яковлева В. Ю. Духовные искания героев в рассказах И. А. Бунина // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 407–409.

8. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва : Русский язык, Медиа, 2004. 814 с.

9. Доброхотов А. Л. Мир как имя // Логос. Москва , 1996. Вып. 7. С. 47–61.

10. Есаулов И. А. Авторский текст и православный подтекст у Чехова // Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. Санкт-Петербург : РХГА, 2017. С. 267–294.

11. Злочевская А. В. Рассказ А. П. Чехова «Студент» // Русская словесность. Москва , 2001. № 8. С. 24–29.

12. Измайлов А. А. Чехов. 1860–1904. Москва : Захаров, 2003. 480 с.

13. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. Москва : Астрель, АСТ, 2003. 723 с.

14. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1986. № 4. С. 34–40.

15. Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. 9-е изд. Москва : Изд-во МГУ, 2008. Т. I. С. 498–501.

16. Кормилов С. И. Имена, отчества и фамилии литературных персонажей: к проблеме изучения // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. Москва : Изд-во МГУ, 1985. С. 160–178.

17. Лосев А. Ф. Философия имени. Москва : Изд-во МГУ, 1990. 269 с.

18. Нинов А. Бунин в «Знании» // Русская литература. 1964. № 1. С. 184–200.

19. Полтавец Е. Ю. Лев Толстой и Иван Бунин – «птицы небесные» русской литературы (2015). URL: http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/poltavec-lev-tolstoj-i-ivan-bunin.htm (дата обращения: 10.02.2023)

20. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Москва : Ленанд, 1985. 331 с.

21. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е. Москва : Академический проект, 2001. 989 с.

22. Тименчик Р. Д. Имя литературного персонажа // Русская речь. 1992. № 5. С. 25–27.

23. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. Москва : Школа-пресс, 1995. 736 с.

24. Тумаркина Л. М. Антропонимика и проблема понимания художественного текста // Теория и практика литературоведческих и лингвистических исследований. Москва : Изд-во МГУ, 1988. С. 79–83.

25. Тынянов Ю. Литературный факт // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. С. 253–254.

26. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. Москва : Высшая школа, 1989. 135 с.

27. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Москва : Сов. писатель, 1986. 350 с.

Reference list

1. Bogdanova O. V. «Temnye allei» i drugie rasskazy Ivana Bunina = «Dark Alleys» and other stories by Ivan Bunin. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2021. 300 s.

2. Bogdanova O. V. Russkaja literatura HIH – nachala HH veka. Tradicija i sovremennaja interpretacija = Russian literature of the 19th – early 20th centuries. Tradition and modern interpretation.Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. 732 s.

3. Bolovina A. I. Religiozno-simvolicheskaja semantika obrazov ptic v pojezii G. Gesse i I. Bunina = Religious and symbolic semantics of bird images in the poetry of H. Hesse and I. Bunin // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov : Gramota, 2015. № 3 (45): v 3 ch. Ch. III. C. 36–39.

4. Bulgakov S. N. Filosofija imeni = Philosophy of the name. Parizh : YMCA-press, 1958. 278 s.

5. Bunin I. A. Sobranie sochinenij: v 9 t. = Collected works: in 9 vols. / pod obshh. red. A. S. Mjasnikova, B. S. Rjurikova, A. T. Tvardovskogo. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1965. T. II. Povesti i rasskazy. 1890–1909. 527 s.

6. Galaj K. N. Zoomorfnye obrazy v proizvedenijah I. Bunina (cikl «Temnye allei») = Zoomorphic images in I. Bunin's works (Dark Alleys series) // Diskussija. Ser. Filologicheskie nauki. 2014. № 5 (46). S. 134–137.

7. Gnezdilov I. A., Jakovleva V. Ju. Duhovnye iskanija geroev v rasskazah I. A. Bunina = The characters' spiritual quest in Bunin's stories // Molodoj uchenyj. 2021. № 3 (345). S. 407–409.

8. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda = Proverbs of Russian people. Moskva : Russkij jazyk, Media, 2004. 814 s.

9. Dobrohotov A. L. Mir kak imja = The world as a name // Logos. Moskva , 1996. Vyp. 7. S. 47–61.

10. Esaulov I. A. Avtorskij tekst i pravoslavnyj podtekst u Chehova = Chekhov's text and orthodox subtext // Esaulov I. A. Russkaja klassika: novoe ponimanie. Sankt-Peterburg : RHGA, 2017. S. 267–294.

11. Zlochevskaja A. V. Rasskaz A. P. Chehova «Student» = A. P. Chekhov's story «The Student» // Russkaja slovesnost'. Moskva , 2001. № 8. S. 24–29.

12. Izmajlov A. A. Chehov. 1860–1904 = Chekhov. 1860-1904. Moskva : Zaharov, 2003. 480 s.

13. Illjustrirovannaja jenciklopedija simvolov = Illustrated encyclopedia of symbols / sost. A. Egazarov. Moskva : Astrel', AST, 2003. 723 s.

14. Karpenko Ju. A. Imja sobstvennoe v hudozhestvennoj literature = Proper names in literature // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 1986. № 4. S. 34–40.

15. Kataev V. B. A. P. Chehov = A.P. Chekhov // Russkaja literatura XIX–XX vekov: v 2 t. 9-e izd. Moskva : Izd-vo MGU, 2008. T. I. S. 498–501.

16. Kormilov S. I. Imena, otchestva i familii literaturnyh personazhej: k probleme izuchenija = Names, patronymics and surnames of literary characters: to the research problem // Literaturnye proizvedenija XVIII–XX vekov v istoricheskom i kul'turnom kontekste. Moskva : Izd-vo MGU, 1985. S. 160–178.

17. Losev A. F. Filosofija imeni = Philosophy of name. Moskva : Izd-vo MGU, 1990. 269 s.

18. Ninov A. Bunin v «Znanii» = Bunin in «The Knowledge» // Russkaja literatura. 1964. № 1. S. 184–200.

19. Poltavec E. Ju. Lev Tolstoj i Ivan Bunin – «pticy nebesnye» russkoj literatury (2015) = Leo Tolstoy and Ivan Bunin – «Birds of Heaven» in Russian literature (2015). URL: http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/poltavec-lev-tolstoj-i-ivan-bunin.htm (data obrashhenija: 10.02.2023)

20. Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka = In the three-dimensional linguistic space. Moskva : Lenand, 1985. 331 s.

21. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury = Constants: dictionary of Russian culture. Izd. 2-e. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 989 s.

22. Timenchik R. D. Imja literaturnogo personazha = A literary character's name // Russkaja rech'. 1992. № 5. S. 25–27.

23. Tihonov A. N., Bojarinova L. Z., Ryzhkova A. G. Slovar' russkih lichnyh imen = Dictionary of Russian personal names. Moskva : Shkola-press, 1995. 736 s.

24. Tumarkina L. M. Antroponimika i problema ponimanija hudozhestvennogo teksta = Anthroponymy and

the problem of understanding literary text // Teorija i praktika literaturovedcheskih i lingvisticheskih issledovanij. Moskva : Izd-vo MGU, 1988. S. 79–83.

25. Tynjanov Ju. Literaturnyj fakt = A literary fact // Tynjanov Ju. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva : Nauka, 1977. S. 253–254.

26. Tjupa V. I. Hudozhestvennost' chehovskogo rasskaza = The artistry of Chekhov's stories. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 135 s.

27. Chudakov A. P. Mir Chehova: vozniknovenie i utverzhdenie = Chekhov's world: origin and establishing. Moskva : Sov. pisatel', 1986. 350 s.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 82.01
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_20
EDN: USONDZ

Анализ путевых заметок литературной экспедиции по Волге драматурга А. Н. Островского

Ирина Михайловна Фатеева
Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой архитектуры и изобразительных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия. 156530, Костромская область, пос. Караваево, ул. Учебный городок, д. 34
i_fateewa@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0002-9555-4641

Аннотация. Многочисленность пьес, разнообразие героев и сюжетов характеризуют талант А. Н. Островского в воспроизведении окружающей действительности, которую писатель изучал при любой возможности, считая изучение своей родины священным делом. Настоящая работа является попыткой, с одной стороны, добавить некоторые штрихи к его эстетическим взглядам, с другой, опираясь на материалы путевых заметок – «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» (1856–1857 гг.), выявить «культурологический» талант Островского. Путевые заметки носят литературный характер, но при этом Островский-драматург уступает место Островскому-исследователю. Если Островский-драматург созидает пространство жизни героев пьес, то Островский-путешественник созерцает окружающую действительность: наблюдает, анализирует, описывает, делает выводы. Пространство драматургии Островского по преимуществу «темное царство», а исследуемое пространство у Островского-путешественника имеет трансцендентальную окрашенность, и отдельный человек воспринимается им через призму «божьего мира». Писатель подвергает системному анализу бытийные основы жителей волжских городов и сел. Окружающая природа, Волга в путевых заметках является важным фактором, детерминирующим развитие культуры, характер народа, его практическую деятельность.

Островский-исследователь использует такие методы, как описание, наблюдение, сравнительно-исторический метод, анализ текстов. Сравнивая прошлое и настоящее волжских городов, Островский обрисовывает социокультурную динамику их развития.

Исследовательский взгляд Островского на народную культуру носит позитивную ценностную направленность.

Путевые заметки представляют целостный системный анализ народной культуры жителей прибрежных территорий Волги – культурологическое исследование драматурга А. Н. Островского.

Ключевые слова: путевые заметки; пространство; действительность; объективность; анализ; культурологическое исследование; факт; системный анализ; эстетическое восприятие

Для цитирования: Фатеева И. М. Анализ путевых заметок литературной экспедиции по Волге драматурга А. Н. Островского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 20–27. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_20. https://elibrary.ru/USONDZ

Original article

Analyzing the travel notes on the Volga literary expedition by the playwright A. N. Ostrovsky

Irina M. Fateeva
Candidate of philosophical sciences, associate professor, head of the department of architecture and visual disciplines, Kostroma state agricultural academy. 156530, Kostroma region, Karavaevo village, Uchebny Gorodok str., 34
i_fateewa@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0002-9555-4641

Abstract. Numerous plays, a variety of characters and plots characterize A. N. Ostrovsky's talent in depicting his native land which the writer used every opportunity to study, considering it a sacred cause. This paper is an attempt, on the one hand, to add some touches to his aesthetic views, and on the other hand, to identify Ostrovsky's talent in «cultural studies», based on the materials of his travel notes – «The Journey along the Volga from its source to Nizhny Novgorod» (1856–1857). The travel notes are literary in nature, but at the same time Ostrovsky the playwright gives way to Ostrovsky the researcher. If Ostrovsky the playwright creates the living space for the characters in his plays,

© Фатеева И. М., 2023

then Ostrovsky the traveler contemplates the reality around him: he observes, analyzes, describes and draws conclusions. Ostrovsky's dramaturgy is predominantly a «dark realm», and the space under study has a transcendent coloring for Ostrovsky the traveler, and the individual is perceived by him through the prism of «the God's world». The writer subjects the life of the residents in the Volga cities and villages to a systemic analysis. The surrounding nature and the Volga in the travel notes is an important factor in determining the cultural development, the people's character, and their practical activities.

Ostrovsky the researcher uses such methods as description, observation, comparative-historical method and text analysis. Comparing the past and the present of the Volga cities, Ostrovsky outlines the social and cultural dynamics of their development.

Ostrovsky's analytical view of popular culture has a positive value orientation.

The travel notes give a holistic systemic analysis of the people's culture on the Volga banks – cultural studies by the playwright A. N. Ostrovsky.

Key words: travel notes; space; reality; objectivity; analysis; cultural aspect of research; fact; systemic analysis; aesthetic perception

For citation: Fateeva I. M. Analyzing the travel notes on the Volga literary expedition by the playwright A. N. Ostrovsky. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):20–27. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_20. https://elibrary.ru/USONDZ

Введение

В преддверии юбилея выдающегося русского драматурга А. Н. Островского актуально обращение к его наследию. Как родоначальник русской драмы Островский состоялся в XIX веке. Это было время театральных успехов, горячих литературных дискуссий о творчестве писателя «гоголевского направления». В начале XX века на фоне футуристического сценического новаторства вновь обратились к Островскому, к театру, по словам А. Луначарского, «способному мощно двигать человеческие чувства и человеческую волю» [А. Н. Островский в русской критике, 1953, с. 434]. Наследие драматурга активно изучалось весь XX век. В наступившем XXI веке Островский также получил прописку. Реалистическая драматургия писателя не осталась в рамках своего времени: «пьесы жизни» ставят на современной сцене в постмодернистском режиссерском прочтении, а «типические характеры и типические обстоятельства» пьес Островского продолжают присутствовать в сегодняшней жизни.

В нашем информационно-технологическом времени человек все еще остается человеком, и его волнует жизнь со всеми ее проявлениями. Призыв современных философов «Учиться быть человеком» во многом реализуем посредством изучения великой русской литературы, в том числе творческого наследия А. Н. Островского.

Обзор литературы

Драматургическое наследие А. Н. Островского представляет собой неисчерпаемый источник для изучения. Многочисленность пьес, разнообразие героев, сюжетов характеризуют общепризнанный талант автора в воспроизведении окружающей действительности. «Пьесы жизни» составляют заслуженный пьедестал А. Н. Островскому как родоначальнику русской драмы, основателю национального театра. «Драматурга на все времена» изучали и изучают в литературном [Холодов, 1973; Журавлева, 1981; Лакшин 1982: Мильдон, 2007; Марьяновская, 2018; Щелыковские чтения…, 2018], фактологическом [Щелыковские чтения…, 2017], биографическом [Щелыковские чтения…, 2019; Щелыковские чтения…, 2019–21] аспектах. Рассматривая поэтику комедий писателя, А. И. Журавлева отмечала: «…жанровые каноны комедии Островского – своего рода полюса, между которыми располагается реальное разнообразие его творчества» [Журавлева, 1981, с. 215]. В последнее время исследователей привлекают народоведческие и историко-культурные аспекты деятельности драматурга А. Н. Островского [Соколова, 2016, с. 51–54; Щелыковские чтения… , 2019]. В сентябре 2022 года состоялась Всероссийская научная конференция на тему: «Театр и драматургия А. Н. Островского в зеркале критики», на которой наследие писателя рассматривалось в контексте критических статей А. Григорьева.

При всей изученности творческого наследия Островского личность самого писателя, как пишет Т. В. Москвина, в определенной степени остается «вещью в себе» [Москвина, 2009, с. 8], то есть недостаточно выявленной в плане духовной жизни, его личных исследований окружающей действительности [Щелыковские чтения… , 2005]. Движению в этом направлении помогает изучение эпистолярного наследия, путевых заметок, дневниковых записей. Путевые заметки писателя чаще всего рассматривались как материалы, которые «приоткрывают нам двери в творческую лабораторию драматурга, свидетельствуя о

постоянном и неистощимом интересе его к живой разговорной речи» [Островский, 1978, с. 582]. Безусловно, это так, но вызывает интерес и собственно культурологический аспект изысканий писателя, который считал изучение своей родины священным делом.

Настоящая работа является продолжением исследования «Особенности эстетического восприятия природы драматургом А. Н. Островским» [Фатеева, 2022, с. 204–211], попыткой, с одной стороны, добавить некоторые штрихи к его эстетическим взглядам, с другой – опираясь на путевые заметки, выявить «культурологический» талант Островского.

Культурология – современная научная дисциплина: термин «культурология» проявился только в начале XX века [Самыгин, 2007]. Утверждение о культурологическом характере исследований Островского требует ответа на вопрос о том, представлена ли народная культура, описываемая в путевых заметках, как целостный объект изучения. Привлекаемый к исследованию материал преднамеренно ограничен текстом путевых заметок «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода».

Методы исследования

Заметки «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» явились результатом участия драматурга в «литературной экспедиции» с апреля по август 1856 года и с начала мая по август 1857 года, организованной Морским министерством для «изучения быта прибрежных обитателей Волги» и написания статей в «Морской сборник» [Островский, 1978, с. 631]. Островский – признанный знаток народной жизни (бытописатель русского народа) – сам проявил желание участвовать в экспедиции наряду с другими литераторами: А. Ф. Писемским, А. А. Потехиным и др. (частью маршрута с ним поделился Потехин). А. Н. Островский должен был изучить и описать губернии, лежащие на верхней части Волги: Тверскую, Ярославскую, Костромскую и часть Нижегородской [Островский, 1978, с. 541]. В уведомлении Островскому была начертана программа исследования, пункты которой прослеживаются в темах описаний быта приволжских жителей.

Предпринимая путешествие, чтобы осуществить «добросовестное собирание фактов», на месте обнаружить свою «долю правды», писатель не перестает решать творческие задачи [Островский, 1978, с. 323]. Путевые заметки носят литературный характер, но при этом Островский-драматург уступает место Островскому-исследователю, которому «надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться», и для этого он использует любую возможность [Островский, 1978].

«Путешествие» непосредственно касается категории пространства; оно для Островского буквально означало пространствовать куда-либо, где живет и действует человек. Автор путевых заметок предстает «шествующим по пути», а само такое движение говорит об уважительном, внимательном отношении к окружающему миру. Это влияет на результат. Философ Павел Флоренский указывал на то, что «только пройденное пешком пространство становится осознанным» [Флоренский, 2000, с. 87].

В вопросе о пространстве важен масштаб. Пространство, наблюдаемое Островским в путешествии – большое, разнообразное, многозначное, а пространство действий его произведений – малое, стесненное, составленное воображением на основе синтеза многочисленных впечатлений, в котором люди видятся крупно, как под увеличительным стеклом. Ограниченность обстоятельствами позволяет в совершаемых поступках проявиться их характерам. Пространство в пьесах А. Н. Островского можно характеризовать как интенсивное, в путешествии – экстенсивное.

Пространство жизни героев пьес драматурга называют «темным царством» – отрицательной реальностью.

«Чтобы высветить „темное”, нужен свет в самом себе. Островский умел получать наслаждение от встречи с природой, городским пейзажем, красивым человеком: он имел талант эстетического восприятия действительности. Приобретенный эстетический опыт помогал ему острее ощущать дисгармонию, безнравственность обыденной человеческой жизни, служил для высветления „темного царства”, для создания отдельных положительных образов и более снисходительного отношения к отрицательным» [Фатеева, 2022, с. 206].

«Светлое царство» духовной жизни писателя, включает и его наблюдения в путешествии. Читая путевые заметки Островского, обнаруживаешь, что с эстетических позиций автора реальная окружающая жизнь – это светлое царство, в котором все внешние явления составляют единое целое. В общем виде, неисчисляемом масштабом, писатель воспринимает это пространство

как воплощение трансцендентальной идеи – «Божий мир».

Путевые заметки содержат удивительные пейзажные описания: «За рекой зеленел пойменный луг, который расстилался ковром вплоть до высокого, темного лесу. Справа и слева между кустарниками кой-где блестели изгибы и плесы Волги; по крутым берегам далеко виднелись белые каменные церкви сел» [Островский, 1978, с. 335].

Природная гармония пейзажа, воспринимаемая писателем в модусе возвышенного [Фатеева, 2022], не исключает и человека. Островский-путешественник смотрит на человека через призму «божьего мира», при этом личные, индивидуальные проявления отдельного жителя как бы отодвигаются на второй план – вглубь от света к темному. «Бог есть свет», и только человек, в силу своего несовершенства и обстоятельств его же действий, создает «темное», где пребывает, мучаясь и задыхаясь. Характерное для «темного царства» неизменно сохраняется в памяти драматурга и позднее реализуются в его произведениях.

Автор статьи из «Отечественных записок» С. Дудышкин писал о месте проживания главной героини «Грозы» – Екатерины: «…мизернейший из мизерных городков русских, в котором мы с вами не искали ничего, кроме плохих баранок и загнанных почтовых лошадей, нашли мы городом, полным жизни и страсти…» [А. Н. Островский в русской критике, 1953, с. 22]. Изучение этих «мизерных городков русских», в том числе и в процессе путешествия, привело к созданию драматических произведений, в которых «…улеглась широкая картина национального быта и нравов, с беспримерною художественною полнотою и верностью» [А. Н. Островский в русской критике, 1953, с. 373].

В XIX в. культура начинает рассматриваться как самостоятельное явление социальной жизни. Волга с ее городами, селами и жителями – это пространство, в котором во всей полноте проявляется жизнь народа, его самобытная культура.

Путешествие Островского – спланированное событие. Программа «литературной экспедиции» предписывала изучить «жилища, промыслы, нравы, обычаи, привычки и другие характеристические черты… страны и ее жителей» [Островский, 1978, с. 631].

Пристальный исследовательский взгляд писателя подвергает системному анализу бытийные основы жителей волжских городов и сел. Островский использует такие методы, как описание, наблюдение, сравнительно-исторический метод, анализ текстов.

Ознакомившись с жизнью города Твери, «так красиво построенного и так счастливо поставленного на перекрестке путей железнодорожного и водных» [Островский, 1978, с. 322], Островский дает исчерпывающее описание промыслов жителей, занимающихся «утомительным, безвыгодным трудом: перевозкой, кузнечным мастерством, вязаньем шерстяных чулок», сетуя на то, что сейчас здесь «…много готовых рук и так мало работы» [Островский, 1978, с. 327]. Положение Твери в прошлом писатель определяет «бойким, проездным местом», которое определенным образом испортило жителей: приучило их «к легкому приобретению, доставляемому огромным проездом» [Островский, 1978, с. 326]. Этот вывод отсылает к драматургическому творчеству, к всевозможным коллизиям жизни героев его пьес. Писатель выявляет причины пьянства, бесхозяйственности, праздности среди обитателей «бойких мест», но при этом берет во внимание и положительные изменения: начало мануфактурного производства, инициативы компании пароходства «Самолет». Интересно, что во время экспедиции в 1857 г. Островским была опубликована пьеса «Доходное место», в которой герои действуют в «доходных местах» чиновничьей среды.

Социальные коннотации в описаниях не имеют обличительной окраски, писатель допускает некоторые ремарки своего личного понимания бедности народа. Он проявляет сочувствие, пытается акцентировать то, что может изменить обстоятельства. В тексте заметок встречаются заключения писателя – «доля правды», о которой он скромно упоминает в начале заметок. Сравнивая прошлое и настоящее волжских городов, Островский обрисовывает социокультурную динамику их развития.

В статье «Темное царство» Н. Добролюбов отмечал, что у Островского везде на первом плане «жизненные факты» [А. Н. Островский в русской критике, 1953, с. 111]. Вооружившись фактами, Островский напишет, что Тверь в настоящее время «не может считаться процветающим» городом, так как кругом «бедность промышленного класса (мещан) и ничтожность заработной платы и выручки» [Островский, 1978, с. 322–323]. В своих описаниях драматург правдив и объективен. Исследователи его творчества всегда стремились выявить прообразы не только

героев, но и литературных городов Калинова и Бряхимова [Красникова, 2019].

В части заметок «Весенний караван» драматург обнаруживает глубокие знания по подъемному, сплавному судоходству, по любимому им рыболовству, соответствующим профессиям, оснастке [Островский, 1978, с. 334–339], – пространственно-предметной среде, представляющей культурный опыт жителей прибрежных территорий. Его интересует место, люди, оснастка. Поразительны по своей точности описания устройств типических судов вышневолоцкой системы: барок, полубарок, вышневолоцких лодок. На этих судах доставляется главный груз весеннего каравана: «пенька, сало, зерновой хлеб, льняное семя, конопляное масло…». За изложением особенностей речных профессий – лоцманов, коренных, коноводов, их доходов и мест проживания чувствуются реальные люди в своем повседневном быте, и, в определенной степени, их характеры. В заметках о селе Городня он с неподдельным интересом исследует Волгу на предмет рыболовства, попутно замечая, что «рыболовство… незавидное, железная дорога лишила это село всех выгод, когда тут был проезд» [Островский, 1978, с. 335]. Островский живописует яркую картину повседневного быта жителей Городни «до чугунки», когда приезжего приглашали съесть «ушки или соляночку из стерлядей» [Островский, 1978, с. 336]. Во время путешествия он наблюдает упадок рыболовного промысла, прибыль от которого «не превышает издержек на бедные, плохие снаряды, на повинности и вообще на все крестьянские нужды» [Островский, 1978, с. 336]. Он выступает против незаконного способа рыболовства, случавшегося в Торжке. Как заядлый рыбак, перечисляя трофеи, Островский приводит случай, рассказанный стариками, об огромной величины стерляди. Исключительно точный, подробный анализ рыбной оснастки, описание способов ловли рыбы зимой и летом, представляет интерес для исследователей и в XXI веке.

«Национальное», «народное», играющие главную роль в драматургии, проходят красной нитью и в описаниях путешествий по родной земле. Островский подробно, с уважением к жителям характеризует каждое место своего пребывания. Он неизменно дает определение «русскому» в быту, в человеческом характере, в народных промыслах. В эти тексты писатель органично включает местные названия, живую разговорную речь, собирает словарь. Н. Ф. Соколова, занимавшаяся специальными народоведческими исследованиями, проводившимися Островским, как по живым образцам, так и по архивным документам и летописям, отмечала, что они «способствовали развитию особого значения в постижении русской национальной жизни и отечественной истории» [Соколова, 2016, с. 51–54].

В контексте географии пространство определяется местом, которое славится своим особым, примечательным – «местным». «Цветущий в торговом и промышленном отношении город», по точному замечанию Островского, всегда должен иметь какую-нибудь съестную особенность [Островский, 1978, с. 325], так, в Твери это – пряники. В тоже время он не скрывает «характеристическую черту тверских мещан, ярко выказывающую их бедность», замечая: «Самое лакомое кушанье, о котором они мечтают, это жареный лук в конопляном масле. Мяса не видят почти круглый год» [Островский, 1978, с. 324].

В исследование органично включены «живые картинки» – фрагменты общения писателя с народом. Так, в селе Городня ямщик поведал писателю о «городских слабостях» местных жителей: «У иного соли нет, а не напиться двух раз чаю в день нельзя. Такая привычка!» [Островский, 1978, с. 336]. Эта зарисовка – иллюстрация к характеристике быта, потребления и досуга одновременно, а также к утверждению Островского о сатирическом складе русского ума.

Островскому интересны не только привычки, но и ритуалы православного населения. В Городне он узнает от местного священника, об особом отношении сельчан к Ильину дню – ильинских пятницах и постах [Островский, 1978, с. 334–339] – о сложившихся культурных нормах, традициях жителей Поволжья.

Путешествие привело Островского к истокам Волги, сделало возможнымпроследить «развитие этой могущественной реки со всей её береговой обстановкой от самого зарождения до впадения в нее Оки» [Островский, 1978, с. 339]. Островскому удалось познакомиться с красивейшим городом Тверской губернии – Торжком, его историческим описанием, легендами, последовательно, системно осуществить свой анализ. Писатель высоко оценил материальное производство: развитие солодовенной промышленности, выделку кож. Купив две пары туфель из разноцветного сафьяна и бархата, шитые золотом, он с огорчением пишет о том, что девки-золотошвейки, в связи с упадком промысла, вынуждены заниматься искусною выделкой кирпича. По этому

поводу последовала афористическая реплика в духе Островского-драматурга: «От великого до смешного только один шаг», котораянапоминает о прозе раннего Островского – «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или от великого до смешного только один шаг» (1843 г.) [Островский, 1987, с. 5].

Эстетические взгляды писателя констатировали изменения в женской моде. Он с любовью обрисовывает старый живописный наряд девушек и с легкой критикой перечисляет новые веяния в одежде жительниц Торжка. Описания одежды органично соседствуют с текстом об образе жизни девушек и женщин, о торговцах женскими нарядами – новоторах. Осуществляя «добросовестное собирание фактов» [Островский, 1978, с. 323], Островский вновь применяет системный метод, охватывающий жизнь народа во всех ее проявлениях.

Изучая отечественную действительность, передвигаясь по проселочным дорогам, по бездорожью, усеянному камнями, писатель прочувствовал особенности русских дорог, Эти неудобства передвижения позволили ему узнать об отхожем промысле местных жителей. Вывод писателя звучит многозначно: «Скудность земли заставляет здешних крестьян отходить на целый год на заработки, иначе им негде достать оброка, а недостаток оборотливости и ловкости, недостаток, без сомнения, усиливаемый печальной обстановкой их жизни, запрягает их на веки вечные в тяжелую каменотесную работу» [Островский, 1978, с. 348]. Путешествуя, А. Н. Островский не устает выявлять, анализировать эту «печальную обстановку» народной жизни.

Завершением путевых заметок служит мастерски написанный пейзаж, который инспирирует мысль о гармоничном мире: «… я приехал на берег Селигера. Новые невиданные картины открылись предо мной. На берегу вся увешанная сетями деревня, через пролив Рудинского плеса тянется непрерывная цепь мереж, безгранично протянулось синее озеро со своими островами, вдали колокольни и дома, почти утонувшего в воде Осташкова, покрытый дремучим лесом остров Городомля и почти на горизонте окруженные водой белые стены обители Нила преподобного…» [Островский, 1978, с. 347]. Народная культура, исследуемая драматургом в путешествии, не противоречит этой мысли, а лишь акцентирует направление творческого служения А. Н. Островского, состоящее в утверждении гармонии в обыденной человеческой жизни, высветлении «темного царства».

Результаты исследования

Проведенный анализ путевых заметок позволяет утверждать, что описывая в «путешествии за правдой» жилища, промыслы, нравы, обычаи, привычки жителей Поволжья, Островский в литературной форме характеризует духовное развитие, материальное производство, быт, социально-экономические отношения, то есть все сферы народной культуры, изучение которойвсегда явилось для писателя основойдля моделирования образов и сюжетов будущих пьес.

Окружающая природа, Волга в заметках Островского – важный фактор, детерминирующий развитие культуры, характер народа, его практическую деятельность, кроме того, описания пейзажей дают представление о высоком уровне писательского таланта и эстетической культуры драматурга.

Погружение в народную культуру, выявление ценностей и внутреннего смысла явлений помогли А. Н. Островскому обрисовать самобытность культуры жителей приволжских территорий, продемонстрировать возможности полевого метода исследования.

Взгляд Островского на народную культуру носит позитивную ценностную направленность.

Небольшие по объему заметки «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» представляют результат глубокого системного подхода в изучении народной жизни, объективного отношения к предмету описания и являются целостным полновесным культурологическим исследованием драматурга А. Н. Островского.

Библиографический список

1. А. Н. Островский в русской критике : сборник статей. Москва : Художественная литература, 1953. 450 с.

2. А. Н. Островский в воспоминаниях современников. Москва : Художественная литература, 1966. 630 с.

3. Журавлева А. И. А. Н. Островский – комедиограф. Москва : МГУ, 1981. 216 с.

4. Красникова О. Н. Калинов и Бряхимов: волжские города, созданные А. Н. Островским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 266.

5. Лакшин В. А. А. Н. Островский. Москва : Искусство, 1982. 568 с. ил.

6. Марьяновская О. На семи холмах. Островский стоит особняком: главным лицом национальной драматургии Александр Островский стал полтора века

назад // Свой (приложение к газете «Культура»). 2018. Апрель. С. 24–27.

7. Москвина Т. В. В спорах о России: А. Н. Островский: статьи, исследования. Москва : Автор, 2009. 310 с.

8. Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя: Художественная проза. Пьесы. Москва : Правда, 1987. 512 с.

9. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 10. Статьи, записки, речи. Дневники. Словарь. Москва : Искусство, 1978. 720 с.

10. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 11. Письма 1848–1880. Москва : Искусство, 1979. 781 с.

11. Соколова В. Ф. Народоведческие истоки творчества А. Н. Островского // Филологические науки. Вопросы теории и практики Грамота. 2016. № 5. Ч. 3. С. 51–54.

12. Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. и др. Культурология : учебное пособие. Изд. 3-е. Ростов-на-Дону : Издательский центр «МарТ», 2007. 352 с.

13. Фатеева И. М. Особенности эстетического восприятия природы драматургом А. Н. Островским // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. Ярославль, 2022. № 4. С. 204–211.

14. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. Игумена Андронника (А. С. Трубачёва); ред. Игумен Андронник. Москва : Мысль, 2000. 446 с.

15. Холодов Е. Г. Драматург на все времена. Москва : Всероссийское театральное общество, 1973. 423 с.

16. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. Москва : Искусство, 1967. 542 с.

17. Щелыковские чтения 2005. А. Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова : сборник статей / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2006. 364 с.

18. Щелыковские чтения 2015. А. Н. Островский в контексте литературы: конфликт, фабула, цитата, тематика : сборник статей / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2016. 282 с.

19. Щелыковские чтения 2017. Москва и усадьба в творческой жизни А. Н. Островского и русских писателей XVIII–XIX веков : сборник статей / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2018. 288 с.

20. Щелыковские чтения 2018. А. Н. Островский и его наследие: судьба во времени : сборник статей / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2019. 336 с.

21. Щелыковские чтения 2019. Жизнь и творчество А. Н. Островского: историко-культурные аспекты : сборник статей / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2020. 320 с.

22. Щелыковские чтения 2020–2021. Актуальные вопросы жизни и творчества А. Н. Островского : сборник научных статей и материалов / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2020. 240 с.

Reference list

1. A. N. Ostrovskij v russkoj kritike = A. N. Ostrovsky in Russian criticism : sbornik statej. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1953. 450 s.

2. A. N. Ostrovskij v vospominanijah sovremennikov = A. N. Ostrovsky in memoirs of contemporaries. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1966. 630 s.

3. Zhuravleva A. I. A. N. Ostrovskij – komediograf = A. N. Ostrovsky as a comedy writer. Moskva : MGU, 1981. 216 s.

4. Krasnikova O. N. Kalinov i Brjahimov: volzhskie goroda, sozdannye A. N. Ostrovskim = Kalinov and Bryakhimov: Volga towns created by A. N. Ostrovsky // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 10. S. 266.

5. Lakshin V. A. A. N. Ostrovskij = A. N. Ostrovsky. Moskva : Iskusstvo, 1982. 568 s.

6. Mar'janovskaja O. Na semi holmah. Ostrovskij stoit osobnjakom: glavnym licom nacional'noj dramaturgii Aleksandr Ostrovskij stal poltora veka nazad = On the seven hills. Ostrovsky stands apart: Alexander Ostrovsky became the face of national drama a century and a half ago // Cvoj (prilozhenie k gazete «Kul'tura»). 2018. Aprel'. S. 24–27.

7. Moskvina T. V. V sporah o Rossii: A. N. Ostrovskij: stat'i, issledovanija = In disputes about Russia: A. N. Ostrovsky: articles, studies.Moskva : Avtor, 2009. 310 s.

8. Ostrovskij A. N. Zapiski zamoskvoreckogo zhitelja: Hudozhestvennaja proza. P'esy = Notes of a Zamoskvoretsky resident: Prose. Plays. Moskva : Pravda, 1987. 512 s.

9. Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sochinenij. V 12-ti t. = Complete works collection. In 12 vols. / pod obshh. red. G. I. Vladykina i dr. T. 10. Stat'i, zapiski, rechi. Dnevniki. Slovar'. Moskva : Iskusstvo, 1978. 720 s.

10. Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sochinenij. V 12-ti t. = Complete works collection. In 12 vols. / pod obshh. red. G. I. Vladykina i dr. T. 11. Pis'ma 1848–1880. Moskva : Iskusstvo, 1979. 781 s.

11. Sokolova V. F. Narodovedcheskie istoki tvorchestva A. N. Ostrovskogo = The folk origins of A. N. Ostrovsky's work // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Gramota. 2016. № 5. Ch. 3. S. 51–54.

12. Stoljarenko L. D., Samygin S. I. i dr. Kul'turologija = Culture studies : uchebnoe posobie. Izd. 3-e. Rostov-na-Donu : Izdatel'skij centr «MarT», 2007. 352 s.

13. Fateeva I. M. Osobennosti jesteticheskogo vosprijatija prirody dramaturgom A. N. Ostrovskim = Specific features of playwright A. N. Ostrovsky's aesthetic perception of nature // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. Jaroslavl', 2022. № 4. S. 204–211.

14. Florenskij P. A. Stat'i i issledovanija po istorii i filosofii iskusstva i arheologii = Articles and studies on the history and philosophy of art and archaeology/ sost.

Igumena Andronnika (A. S. Trubachjova); red. Igumen Andronnik. Moskva : Mysl', 2000. 446 s.

15. Holodov E. G. Dramaturg na vse vremena = A playwright for all times. Moskva : Vserossijskoe teatral'noe obshhestvo, 1973. 423 s.

16. Holodov E. G. Masterstvo Ostrovskogo = Ostrovsky's mastery. Moskva : Iskusstvo, 1967. 542 s.

17. Shhelykovskie chtenija 2005. A. N. Ostrovskij: lichnost', myslitel', dramaturg, master slova = Shchelykov readings 2005. A. N. Ostrovsky: personality, philosopher, playwright, writer : sbornik statej / nauch. red., sost. I. A. Edoshina. Kostroma, 2006. 364 s.

18. Shhelykovskie chtenija 2015. A. N. Ostrovskij v kontekste literatury: konflikt, fabula, citata, tematika = Shchelykov readings 2015. A. N. Ostrovsky in the context of literature: conflict, plot, quotation, theme : sbornik statej / nauch. red., sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2016. 282 s.

19. Shhelykovskie chtenija 2017. Moskva i usad'ba v tvorcheskoj zhizni A. N. Ostrovskogo i russkih pisatelej XVIII–XIX vekov = Shchelykov readings 2017. Moscow and country estate in creative lives of A. N. Ostrovsky and Russian writers of the XVIII-XIX centuries : sbornik statej / nauch. red. i sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2018. 288 s.

20. Shhelykovskie chtenija 2018. A. N. Ostrovskij i ego nasledie: sud'ba vo vremeni = Shchelykov readings 2018. A. N. Ostrovsky and his legacy: a fate through time : sbornik statej / nauch. red. i sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2019. 336 s.

21. Shhelykovskie chtenija 2019. Zhizn' i tvorchestvo A. N. Ostrovskogo: istoriko-kul'turnye aspekty = Shchelykov readings 2019.A. N. Ostrovsky's life and work: historical and cultural aspects : sbornik statej / nauch. red. i sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2020. 320 s.

22. Shhelykovskie chtenija 2020–2021. Aktual'nye voprosy zhizni i tvorchestva A. N. Ostrovskogo = Shchelykov readings 2020–2021 = Topical issues of A. N. Ostrovsky's life and work : sbornik nauchnyh statej i materialov / nauch. red. i sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2020. 240 s.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 14.12.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_28
EDN: VOKZNP

От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского

Анна Александровна Федотова
Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
i_fateewa@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9629-6154

Аннотация. Изучение творчества И. А. Бродского относится к актуальным проблемам современного литературоведения. В рамках данной статьи обратимся к методам комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуального анализа и определим особенности поэтики и проблематики раннего творчества Бродского. Материалом для анализа выступит малоизученное раннее стихотворение (точнее, небольшая поэма) автора «Речь о пролитом молоке» (1967), а рассмотрено оно будет в контексте предпринятой автором попытки своеобразного синтеза разнородных на первый ряд культурных традиций – классической, представленной отсылками к Луцию Аннею Сенеке и советской, выраженной в марксистской идеологи. К анализу привлекаются и другие претексты, актуализированные Бродским, – произведения Ф. М. Достоевского и И. А. Крылова. В ходе анализа доказывается, что поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное стилистическое и смысловое единство. Актуализация писателем интертекстуальных приемов письма не превращает произведение в бессвязную игру разного рода культурных кодов, наоборот, в едином авторском замысле все претексты приобретают системность, а их взаимодействие друг с другом позволяет углубить смысловое содержание «Речи о пролитом молоке». Размышления о советской эпохе переходят у Бродского в размышления о современном ему обществе вообще. Главной проблемой последнего поэту видится тенденция к обезличиванию и охлократии, к власти толпы. Поэт не сводит счеты с советским в поэме, но пытается серьезно разобраться в причинах гибельности советской идеологии. Главная из них, по мнению Бродского, – недоверие к индивидуальному, созерцательной силе индивида, а не коллектива, массы.

Ключевые слова: И. А. Бродский; «Речь о пролитом молоке»; русская литература XX века; советское; рецепция; интертекстуальность; диалог

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, https://rscf.ru/project/23-28-00995/

Для цитирования: Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 28–35. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_28. https://elibrary.ru/VOKZNP

Original article

From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the soviet era in J. Brodsky's «Speech about spilled milk»

Anna Alexandrovna Fedotova
Doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
i_fateewa@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9629-6154

Abstract. Studying J. A. Brodsky's work is among the most acute concerns for contemporary literary criticism. Within the framework of this article the author resort to methods of complex philological text analysis, as well as intertextual analysis and determine the peculiarities of Brodsky's poetics and problem of his early work. The material for the analysis is an early poem «A Speech about spilled milk» (1967) which has not been studied thoroughly enough, and which will be examined in the context of the author's attempt at a specific synthesis of cultural traditions that are seemingly heterogeneous – classical, represented by references to Lucius Anna Seneca, and soviet, expressed in marxist ideology. Other pretexts actualized by Brodsky, such as the works by F. M. Dostoevsky and I. A. Krylov, are also included in the analysis. The analysis proves that Brodsky's poem «A Speech about spilled milk» is a complex stylistic and semantic unity. The writer's actualization of intertextual writing tech-

© Федотова А. А., 2023

niques does not turn the work into an incoherent game of various cultural codes; on the contrary, in the writer's idea all the pretexts acquire consistency, and their interaction with each other helps deepen the semantic content of «A Speech about spilled milk». Brodsky's reflections on the soviet era turn into reflections on the contemporary society in general. The poet sees the main problem of the latter as a tendency toward depersonalization and ochlocracy, toward the power of the crowd. The poet does not take revenge on everything Soviet in the poem, but tries to examine the reasons for the destructive nature of soviet ideology. The main one, according to Brodsky, is the distrust of the individual, of the individual's contemplative power rather than that of the community, the mass.

Key words: I. A. Brodsky; «A Speech about spilled milk»; russian literature of the XX century; soviet; reception; intertextuality; dialogue

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00995, https://rscf.ru/project/23-28-00995/

For citation: Fedotova A. A. From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the soviet era in J. Brodsky's «Speech about spilled milk». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):28–35. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_28. https://elibrary.ru/VOKZNP

Введение

С начала 1990-х гг. творчество И. А. Бродского не выходит из поля зрения современных литературоведов. Лирика поэта исследуется в различных аспектах. Внимание ученых привлекает широкий пласт проблем поэтики автора (в частности таких ее граней, как интерес к интертекстуальным формам письма [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021], [Ранчин, 2001], коммуникативные стратегии [Чаунина, 2019], своеобразие строфики [Шерр, 2002]), особенности субъектной организации, специфика циклообразования [Бурая, Богданова, 2022]. В большой степени исследовано взаимодействие стихотворений Бродского с итальянской традицией, в частности с творчеством Данте [Ishov, 2017], с русской классикой, например, с творчеством А. С. Пушкина и др. Активно в последние годы изучается рождественский цикл поэта [Богомолов, 2004], [Бурая, 2021], [Гудониене, 2004], в том числе в аспекте актуализации христианской традиции (о религиозности Бродского см., например, [Янгфельдт, 2011]).

Между тем, анализ лирики Бродского еще далек от завершения. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении малоизученного раннего стихотворения (точнее, небольшой поэмы) автора «Речь о пролитом молоке», имеющей точную датировку – 14 января 1967 года. Обратившись к методам комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуального анализа, определим особенности поэтики раннего творчества Бродского в контексте предпринятой автором в поэме попытки своеобразного синтезасамых разнородных на первый ряд культурных традиций.

Основная часть

Название поэмы И. А. Бродского отсылает к английской пословице «It’s no use crying over spilled milk» или – в другом варианте – «Tis a folly to cry for spilt milk», которая на русском языке звучит как «нет пользы плача над пролитым молоком» и является своеобразным аналогом русской идиомы «слезами горю не поможешь». Знание культурного контекста помогает понять вызов и некоторую провокационность заголовка Бродского. Что пользы плакать о том, чего не вернешь? И тем не менее поэт предлагает в качестве предмета разговора именно «пролитое молоко». При этом поэт даже заостряет абсурдность и «бессмысленность» своего высказывания, определяя жанровую разновидность поэмы как «речь». Если логика английской пословицы подразумевает, что неприятные события, которые уже не изменить, следует оставить в прошлом и глупо даже вспоминать о них, то Бродский выносит «пролитое молоко» как материал для ораторского выступления.

Сочетание несочетаемого уже с заглавия вносит в текст неподражаемую ироническую интонацию, которая и будет главенствовать в поэме. Впрочем, принципиальная для писателя замена лексемы «плач», характерной для оригинальной идиомы, на лексему «речь» в контексте художественного мира писателя не вызывает удивления. Слово «речь» для Бродского всегда семантически маркировано и становится своеобразным указанием на акт говорения вообще (ср., например, известное выражение из цикла «Часть речи» 1975–1976 гг.:

> От всего человека вам остается часть
> речи. Часть речи вообще. Часть речи
> [Бродский, 2001б, с. 143]).

Композиция поэмы, как это почти всегда бывает у Бродского, выстроена очень строго и структурировано. Текст состоит из 40 пронумерованных восьмистиший, объединенных поэтом в 3 части. Показательно, что 1 и 3 часть по объему одинаковы и включают в себя по 9 восьмистиший, в то время как основная часть значительно увеличена по сравнению с ними и объединяет 22

восьмистишия. Формальная строгость текста еще больше увеличивается за счет того, что на протяжении всех 40 восьмистиший Бродский выдерживает одинаковую оригинальную строфическую форму: все строфы рифмуются по принципу aaabcccb или AAABCCCB.

Первая часть поэмы представляет собой лирический монолог. Субъективность высказывания подчеркивается постоянным использованием местоимений первого лица, в том числе – очень часто – и первого лица единственного числа, а также специфических глагольных форм. Интимность «речи» лирического героя задается уже первыми стихами текста:

Я пришел к Рождеству с пустым карманом.
Издатель тянет с моим романом.
[Бродский, 2001а, с. 179]

Первая строфа поэмы принципиальна тем, что в ней задается мотив одиночества лирического героя («Не могу я встать и поехать в гости»). Пока, впрочем, это одиночество мотивировано лишь сугубо бытовыми, материальными обстоятельствами.

Характерные для первой строфе смысловые линии (тема поэзии, сниженное изображение быта, мотив денег-безденежья, а также метафизическая тема христианства), разнообразно варьируясь, формируют ткань первой части поэмы. Образ поэта-творца, возвышенно задаваемый в начале второй строфы фразой «Ах, проклятое ремесло поэта» [Бродский, 2001а, с. 179] (за счет характерных для поэтического языка XIX века лексем «проклятый», «ремесло», междометия «ах»), все больше снижается от третьей к четвертой строфе, когда лирический герой признается, что его «невеста пятый год за <него> ни с места» [Бродский, 2001а, с. 179], а он сам «оскорбляет <чужую> кухню желудком лишним» [Бродский, 2001а, с. 179].

Интимность интонации субъекта лирического высказывания подкрепляется автобиографическими подробностями, вокруг которых строится пятая строфа:

Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немого.
[Бродский, 2001а, с. 180]

В четырех стихах поэт передает трагические обстоятельства своей личной биографии. Уже за семь лет до написания поэмы, начиная с 1960 г., Бродский находился в поле интереса комитета государственной безопасности г. Ленинграда. А 29 ноября 1963 года после появления в газете «Вечерний Ленинград» статьи «Окололитературный трутень» началось открытое преследование и травля Бродского, которая закончилась его арестом 13 февраля 1964 года по обвинению в тунеядстве, несколькими заседаниями суда, обвинительным приговором и ссылкой (1964–1965 гг.)

Принципиальна для Бродского фраза, вынесенная им в финал пятой строфы: «изображать немого». Она также может быть интерпретирована в биографическом ракурсе: в декабре 1963 г. с согласия Бродского друзья положили его для обследования в психиатрическую больницу в Москве, думая, что таким образом он может быть избавлен от уголовного преследования. Между тем, не менее важно, что «немота» поэта может трактоваться как невозможность свободного слова, отсутствие права на «речь», «говорение», которые были так важны для Бродского. Конечно, речь идет не о той «первоначальной немоте» [Мандельштам], об обретении которой мечтали Ф. И. Тютчев и О. Э. Мандельштам. «Немой» у Бродского – скорее, «такой, как все», обезличенный человек, у которого нет собственного голоса. Оппозиция «Я-другой» из бытовой, как она была задана в первой строфе, в пятой строфе становится социальной. Показательно, что противопоставленной поэту оказывается и его «невеста», которая тоже подвержена коллективному обезличиванию:

Она говорит: «Не горюй напрасно.
Главное – чувства! Единогласно?»
[Бродский, 2001а, с. 179]

Власть и право коллектива у Бродского, естественно, ассоциировались, прежде всего, с советской, коммунистической идеологией. В «Речи о пролитом молоке» эта идей не остается в подтексте, а прямо реализуется. В шестой строфе монолог лирического героя приобретает остро социальные оттенки:

Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать.
[Бродский, 2001а, с. 180]

Вторая половина 1960-х – годы своеобразного расцвета и СССР и, кстати, «капиталистического» Запада во главе с США. Это время относительного комфорта и технического прогресса: совсем немного времени прошло с первого полета человека в космос (12 апреля 1961 года) и буквально пара лет остается до полета «Аполлона-11» на Луну (16–24 июля 1969 года). Однако приближа-

ющейся реализации социалистической мечты об обществе всеобщего благоденствия, рая на земле, неожиданно противопоставляется ценность уникальной человеческой жизни, которая еще больше возрастает благодаря тому, что это жизнь самого поэта.

Изящная паронимическая аттракция (масса – Маркс) высвечивает ту сердцевину советской идеологии, с которой Бродский не хотел и не мог согласиться, считая неприемлемой идею о гегемонии безличного большинства. Показательно, что в утверждении невозможности приобретения счастья ценой страданий хотя бы одного человека Бродский разделяет традиционные ценности русской классической литературы, а процитированные слова из поэмы невольно заставляют вспомнить Достоевского с его Иваном Карамазовым, уверенно провозгласившим: «<…> от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка» [Достоевский].

Ироничная проповедь о наступлении общества всеобщего благоденствия продолжается в седьмой строфе поэмы. От условного настоящего лирический герой обращается к прошлому и делает небольшой экскурс в историю, перечисляя все основные моменты советского исторического мифа:

То есть, все основания быть спокойным.
Никто уже не кричит: «По коням!»
Дворяне выведены под корень.
Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
Зимний взят, если верить байке.
Джугашвили хранится в консервной банке.
Молчит орудие на полубаке.
В голове моей – только деньги.
[Бродский, 2001а, с. 180–181]

В иронически сниженной форме перед читателями предстают основные фигуры борцов за права низших слоев населения (во всяком случае, как они были представлены на страницах советских учебников истории). Бродский упоминает восстание Степана Разина и крестьянскую войну 1667–1671 годов, восстание Емельяна Пугачева и крестьянскую войну 1773–1775 годов, а также ключевые события уже советской историографии – штурм Зимнего дворца (7 ноября 1917 года) и сталинское правление. Благодаря ироничному перифразу «Джугашвили хранится в консервной банке» Бродский подчеркивает мысль об относительном спокойствии и даже идилличности эпохи, в которой он живет, по сравнению с предшествующими годами сталинского террора.

Между тем, возвращаясь к заявленному в первой строфе мотиву денег–безденежья, поэт подчеркивает, что тирания диктатора сменилась иной властью – если воспользоваться выражением еще одной фигуры, значимой для формирования советской идеологии, теперь уже литературной, а именно, Г. И. Успенского (1843–1902) – «властью капитала». Использование асиндетона позволяет Бродскому передать всепоглощающую власть денег в современном ему обществе:

Деньги прячутся в сейфах, в банках,
в полу, в чулках, в потолочных балках,
в несгораемых кассах, в почтовых бланках.
Наводняют собой Природу!
[Бродский, 2001а, с. 181]

Основная – и самая значительная по объему – часть поэмы представляет собой афористичное изложение «Credo» («Верую») лирического героя. В ее основе – продолжение опровержения советской идеологии, которое постепенно перерастает в нравственный приговор современному массовому обществу, в том числе западному. Начинает поэт с парадоксального переосмысления столь принципиального для коммунистического общества лозунга времен великой французской революции 1789 года «Свобода. Равенство. Братство»: «Равенство, брат, исключает братство» [Бродский, 2001а, с. 181]. Понимание того, почему Бродский кардинально трансформирует столь близкий любым «левым» идеологиям призыв к всеобщему равенству, становится возможным, если учесть, каким смыслом наделяет поэт это понятие. «Равенство» для Бродского – это всеобщая унификация, отказ от индивидуального, а не просто экономическое благополучие всех. Хотя поэт настаивает на том, что подобное анти-равенство – результат в том числе и экономического успеха общества. Антитезой братству, трактуемому Бродским, как свободный союз индивидов, выступает рабство. Показательно, что Бродский рифмует эти лексемы, доходя почти до каламбура.

Равенство, брат, исключает братство.
В этом следует разобраться.
Рабство всегда порождает рабство.
Даже с помощью революций.
Капиталист развел коммунистов.
Коммунисты превратились в министров.
Последние плодят морфинистов.
Почитайте, что пишет Луций.
[Бродский, 2001а, с. 181]

В изложении Бродского привлекает внимание ироничное переосмысление хода истории как по-

следовательной цепочки «рождений», напоминающее известную советскую логику событий XIX века, восходящую к статье В. И. Ленина «Памяти Герцена», согласно которой «Декабристы разбудили Герцена, Герцен разбудил Чернышевского, Чернышевский разбудил Ленина, Ленин разбудил революции».

Каждая из предлагаемых Бродским систем, по мнению автора, превращает человека в раба: капитализм как власть капитала ставит деньги выше всего человеческого, коммунизм – в трактовке Бродского – это власть коллектива над человеком, морфинизм широко интерпретируется поэтом как власть удовольствий. Характерно, что для расширения смыслового пространства текста писатель предлагает читателю отсылку к работам Луция, более известного как Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.), выдающегося римского философа, первого представителя философского направления стоицизм в Древнем Риме. Изложенные в «Речи о пролитом молоке» идеи наиболее близки мыслям Сенеки из трактата «О блаженной жизни». В ней автор противопоставляет толпу и философа (как у Бродского противопоставлены коллектив и индивид). Толпа, по мысли Сенеки, занята заботами о власти, богатстве и наслаждениях. Путь же сохранения внутренней свободы, который указывает философ, – это нравственная норма или совесть, следование которой позволяет человеку и остаться самим собой, и служить другим людям. Мысль об «осознанной разумом совести» [Луций] – ключевая для Сенеки, которая и сделала его одним из оснований стоицизма. Отсылая читателей к трактатам античного философа, Бродский резко расширяет временные рамки изображенных им событий, указывает на не временной, а общечеловеческий формат изложенных им проблем.

Проблематика центральной части поэмы – сугубо социальная. Бродский размышляет над ключевыми категориями экономической теории Карла Маркса – трудом, капиталом и производством.Имя Маркса уже упоминалось в первой части поэмы, теперь Бродский вновь отсылает к ключевому для коммунистического общества теоретику-экономисту, теперь уже в прямо полемическом ключе: «Маркс в производстве не вяжет лыка» [Бродский, 2001а, с. 182]. Актуализация в поэме ключевых понятий марксистской теории (показательно, что лексемы Труд и Капитал пишутся с заглавной буквы как имена собственные, что придает этим понятием некоторый аллегоризм) отсылает к основным трудам немецкого экономиста – прежде всего, к «Капиталу» (1867), но также и к более частным публикациям, например, «Наемный труд и капитал» (1849).

Согласно К. Марксу, капитал в определенном роде противопоставлен труду: «Только господство накопленного, прямого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает труд в капитал» [Маркс]. Новаторство Маркса заключается в утверждении, что капитал возникает прежде всего не в результате накопления конкретных товаров. А вследствие определенных общественных отношений, которые позволяют путем владения вещами безвозмездно присваивать живой труд рабочих, которые лишены собственности. Как известно, Маркс подчеркивал антагонизм буржуазии и пролетариата. Увеличивая производительность труда, пролетариат парадоксальным образом кует «золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой» [Маркс].

Бродский полемизирует с теорией Маркса с позиций современной ему действительности. Поэт утверждает, что труд и капитал не противопоставлены друг друга, а, наоборот, вступили в органическое единство. Для того, чтобы показать высочайшую степень этого единства, поэт использует развернутую метафору брачного союза Труда и Капитала:

В общем, каждая единица
по своему существу – девица.
Она желает объединиться.
Брюки просятся к юбке. <…>
Союзу принадлежит прекрасное завтра <…>
Пробил час, и пора настала
для брачных уз Труда – Капитала.
[Бродский, 2001а, с. 182]

В основании характерного для современного общества союза труда и капитала лежит всеобщая меркантилизация, поэт вновь обращается к мотиву денег, свойственному и остро заостренному в первой части поэмы:

Блеск презираемого металла
(дальше – изображенье в лицах)
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах.
[Бродский, 2001а, с. 182–183]

В этом утверждении Бродский возвращается к изображению коллективного сознания. Характерно, что теперь в единое целое собираются все те три начала, о которых писал Луций, упоминаемый Бродский в начале второй части поэмы: власть,

деньги и удовольствие. Но если Луций противопоставлял коллективным «низким» устремлениям толпы совесть, то в изображаемом Бродским обществе совесть утратила прежний авторитет, также постепенно уступив место денежным отношениям:

Сейчас экономика просто в центре.
Объединяет нас вместо церкви,
объясняет наши поступки.
[Бродский, 2001а, с. 182]

В дальнейшем ходе поэмы акцент вновь смещается на лирическое «Я» поэмы, на авторефлексию. Знаком последнего выступает актуализация фигуры лирического субъекта-поэта:

Мне, как поэту, все это чуждо. <…>
Мне хватает скандальной славы.
Но плохая политика портит нравы.
Это уж – по нашей части!
[Бродский, 2001а, с. 183]

Строфа интересна как пример метатекста, размышления Бродского о смысле и назначении поэзии. Первоначально кажется, что лирический герой принципиально абстрагируется от социальной проблематики, поднятой им в поэме, приближаясь к пониманию искусства ради искусства, эстетизации творчества («Мне, как поэту, все это чуждо»). Между тем, Бродский находит нишу для поэзии, обращаясь к традиционной для русской классики теме нравственного учительства литературы («Но плохая политика портит нравы. Это уж – по нашей части!»)

В восемнадцатой строфе Бродский в русле неожиданных и даже парадоксальных утверждений, свойственных тексту поэмы в целом, афористично заключает: «Деньги похожи на добродетель» [Бродский, 2001а, с. 184]. Для доказательства этой странной и даже кажущейся на первый взгляд абсурдной мысли поэт прибегает к привлечению текстов нескольких фразеологизмов и пословиц о деньгах:

Не падая сверху – Аллах свидетель, –
деньги чаще летят на ветер
не хуже честного слова.
Ими не следует одолжаться.
С нами в гроб они не ложатся.
Им предписано умножаться,
словно в баснях Крылова.
[Бродский, 2001а, с. 184]

Писатель контаминирует такие известные выражения, как «деньги с неба не падают», «деньги на ветер», «не бросать слова на ветер», «долг платежом красен», наконец, «деньги должны работать» (приписывают Рокфеллеру) и «денег в могилу не унесешь».

Показательно, что завершается эта апелляция к мировой «копилке» мудрости отсылкой к творчеству И. А. Крылова, басни которого, действительно, выступают квинтэссенцией дидактического начала в русской литературе. Среди ряда произведений Крылова, касающихся темы денег, наиболее близка, на наш взгляд, «Речи о пролитом молоке», басня «Бедный богач». Также, как в восемнадцатой строфе поэмы Бродского, она начинается с общего рассуждения, построенного на принятых в обществе представлениях о деньгах:

«Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем, ведь всё оставим.
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я, даже, делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа»
[Крылов].

Очевидны переклички на мотивном уровне двух текстов («Умрем ведь, все оставим» у Крылова – «С нами в гроб они не ложатся» и общая логика отрицания скупости). Смысл басни Крылова, однако, заключается в опровержении заданной в начале нравственной максимы жизненной практикой: бедняк, неожиданно получивший волшебный кошелек, из которого можно вынуть сколь угодно много «червонцев», но потратить которые можно лишь выкинув кошелек в воду, предпочитает вынимать червонцы бесконечно, так и не потратив ни одного из них:

На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион [Крылов].

Нарисованная Крыловым картина буквально воспроизводит выражение Бродского о том, что «деньгам предписано умножаться». Учет претекста, как и в случае с привлекаемым ранее трактатом Луция, расширяет смысловое пространство произведения (об этом свойстве интертекстуальности см., например, [Лученецкая-Бурдина, Федотова, 2021], [Федотова, 2022]). Хотя Бродский много рассуждает о «зацикленности» современного его общества на деньгах и капитале, нигде в поэме буквально не говорится о вреде этого. Глу-

боко ироничная по существу поэма, конечно, нигде прямо не дидактична. Обращение писателя к интертекстуальным приемам письма, ориентация на «чужое» слово позволяет внести поэту серьезную нотку сомнения в жизнеспособности современной ему «экономической» идеологии. Впрочем, Бродский сразу же снижает уровень заданного им самим морализаторского пафоса:

Я не занят, в общем, чужим блаженством.
Это выглядит красивым жестом.
Я занят внутренним совершенством:
полночь – полбанки – лира.
[Бродский, 2001а, с. 184]

Частное и индивидуальное вновь противопоставляется коллективному. Лирический герой сознательно отказывается от маски учителя толпы и поэта-«пророка».

Заключение

Поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное стилистическое и смысловое единство. Она насквозь литературна и богата интертекстуально. Поле претекстов поэмы формируют самые разнообразные источники: от Луция Сенеки до Карла Маркса, от И. А. Крылова до Ф. М. Достоевского. Актуализация писателем интертекстуальных приемов письма, однако, не превращает произведение в бессвязную игру разного рода культурных кодов, наоборот, в едином авторском замысле все претексты приобретают системность, а их взаимодействие друг с другом позволяет углубить смысловое содержание «Речи о пролитом молоке».

Размышления о советской эпохе переходят у Бродского в размышления о современном ему обществе вообще. Главной проблемой последнего поэту видится тенденция к обезличиванию и охлократии, к власти толпы. Отношения Бродского с советским обществом были полны трагизма. Полное непонимание, неприязнь и жестокость советских обывателей в полной мере проявились в ходе судебных процессов над поэтом. Арест и ссылка не прошли для Бродского бесследно: еще совсем молодой поэт впервые столкнулся с серьезным сердечным заболеванием, которое сопутствовало ему всю жизнь и привело к ранней кончине. Между тем, поэт вовсе не сводит счеты с советским в поэме, но пытается серьезно разобраться в причинах гибельности советской идеологии. Главная из них, по мнению Бродского, – недоверие к индивидуальному, созерцательной силе индивида, а не коллектива, массы.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

2. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

3. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : НЛО, 2004. С. 478–485.

4. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. 440 с.

5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. 312 с.

6. Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.

7. Бурая М. А. Стихотворение «Presepio» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

8. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.

9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. URL: https://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html (дата обращения: 20.01.2023).

10. Крылов И. А. Бедный богач. URL: https://rustih.ru/ivan-krylov-bednyj-bogach/ (дата обращения: 20.01.2023).

11. Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17.

12. Луций Анней Сенека. Биография и труды. URL: https://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/stoiki/seneka/ (дата обращения: 20.01.2023).

13. Мандельштам О. Э. Silentium. URL:https://rupoem.ru/mandelshtam/ona-esche-ne.aspx (дата обращения: 20.01.2023).

14. Маркс К. Наемный труд и капитал. URL: https://www.politpros.com/library/14/33/ (дата обращения: 20.01.2023).

15. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : НЛО, 2001. 462 с.

16. Федотова А. А. «Блаженны алчущие и жаждущие правды»: библейские аллюзии в повести Н. С. Лескова «Юдоль» // Два века русской классики. 2022. № 2. С. 134–150.

17. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.

18. Шерр Б. Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва : НЛО, 2002. С. 269–299.

19. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

20. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's «Sources of Light» // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvuju sebja Shekspirom…» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of Brodsky's «Pilgrims») // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

3. Bogomolov N. O dvuh «rozhdestvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = On J. Brodsky's two «Christmas Poems» // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj pojezii. Moskva : NLO, 2004. S. 478–485.

4. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 2 = Joseph Brodsky's works: in 7 vols. V. 2. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001a. 440 s.

5. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 3 = Joseph Brodsky's works: in 7 vols. V. 3. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001b. 312 s.

6. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = The supertextual unity of the Christmas, Italian, and love pretexts in Brodsky's «I was only that, what» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

7. Buraja M. A. Stihotvorenie «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

8. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «The Christmas Star» in the context of J. Brodsky's Gospel verses // Slavjanskie chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.

9. Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy = The Karamazov Brothers. URL: https://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html (data obrashhenija: 20.01.2023).

10. Krylov I. A. Bednyj bogach = A poor rich man. URL: https://rustih.ru/ivan-krylov-bednyj-bogach/ (data obrashhenija: 20.01.2023).

11. Lucheneckaja-Burdina I. Ju., Fedotova A. A. Funkcionirovanie evangel'skih citat v «avtobiograficheskom» narrative N. S. Leskova = Functions of Gospel quotations in N. S. Leskov's «autobiographical» narrative // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 8–17.

12. Lucij Annej Seneka. Biografija i trudy = Lucius Annaeus Seneca. Biography and works.URL:https://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/stoiki/seneka/ (data obrashhenija: 20.01.2023).

13. Mandel'shtam O. Je. Silentium = Silentium URL:https://rupoem.ru/mandelshtam/ona-esche-ne.aspx (data obrashhenija: 20.01.2023).

14. Marks K. Naemnyj trud i kapital = Employed labor and capital. URL: https://www.politpros.com/library/14/33/ (data obrashhenija: 20.01.2023).

15. Ranchin A. «Na piru Mnemoziny»: interteksty Brodskogo = «At Mnemosyne's feast»: Brodsky's intertexts.Moskva : NLO, 2001. 462 s.

16. Fedotova A. A. «Blazhenny alchushhie i zhazhdushhie pravdy»: biblejskie alljuzii v povesti N. S. Leskova «Judol'» = «Blessed are those who hunger and thirst for the truth»: Biblical allusions in N. S. Leskov's story «Vale» // Dva veka russkoj klassiki. 2022. № 2. S. 134–150.

17. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Specifics of communicative strategies in Brodsky's poem «A Speech about Spilled Milk» // Nauchnyj dialog. 2019. № 6. S. 232–241.

18. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's versification: a new look // Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo. Moskva : NLO, 2002. S. 269–299.

19. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom = Language is God. Notes on Joseph Brodsky.Moskva : Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

20. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 20.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_36
EDN: TFYCUA

Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 1

Елена Михайловна Болдырева[1]✉, Елена Валерьевна Асафьева[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР
[2]Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а
[1]e71mih@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262
[2]tvist_o@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-0933-0068

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа ворона в китайской и русской поэзии. Ворон рассматривается как один из орнитоморфных архетипов, выступающий в качестве инструмента исследования закономерностей исторического развития и приобретающий статус метатеоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа ворона в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений. В первой части исследования анализируется ворон как мортальный символ, неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий, орнаментирующий батальные сцены или выступающий в роли демона апокалипсиса (Ли Лянь, Цюй Юань, А. Пушкин, А. Белый, А. Блок, И Бунин, К. Вагинов), и ворон как символ вневременности, мирового порядка, хранитель тайн мироздания, связующая нить между миром живых и царством мертвых, обладающий мудростью, недоступной человеческому разуму (Н. Гумилев, Ф. Сологуб, М. Петровых, К. Бальмонт, В. Павлова, Б. Окуджава, И. Одоевцева, И. Бунин). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных (степь, река, кладбище, горы и т. д.) и историко-мифологических реалий. Образ ворона рассматривается как многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные качества и символические значения: мудрость, долголетие, беспристрастность, любовь к свободе, жестокость, справедливость, тоску, одиночество, безысходность, он выполняет функции хранителя тайн бытия и восстанавливает экзистенциальную справедливость.

Ключевые слова: культурный символ; мегатекст; мифология; образ ворона; аллегория; экзистенциальный кризис; метафизическое время; русская лирика; китайская лирика; философия; мировоззрение; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 36–47. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_36. https://elibrary.ru/TFYCUA

Original article

Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 1

Elena M. Boldyreva[1]✉, Elena V. Asafieva[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng str. 2, PRC
[2]Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technology. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoe shosse, 31a
[1]e71mih@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262
[2]tvist_o@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-0933-0068

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2023

Abstract. The article analyzes the symbolic potential of the raven image in chinese and russian poetry. The raven is considered as one of the ornithomorphic archetypes, acting as a tool for studying the patterns of historical development and acquiring the status of a meta-theoretical category which serves as a source of new cultural knowledge. On the example of chinese and russian poems of different epochs, the authors consider the peculiarity of the raven's artistic representation in lyrical texts and reveal a wide range of its symbolic meanings.The first part of the study analyzes the raven as a mortal symbol, a constant accessory to war and cataclysms, terrible diseases and natural disasters, ornamenting battle scenes or acting as the demon of the apocalypse (Li Lian, Qu Yuan, A. Pushkin, A. Bely, A. Blok, I. Bunin, K. Vaginov), and the raven as a symbol of timelessness, the world order, the guardian of the mysterious universe, the link between the world of the living and the realm of the dead, possessing wisdom beyond the reach of the human mind (N. Gumilev, F. Sologub, M. Petrov, K. Balmont, V. Pavlova, B. Okudzhava, I. Odoevtseva, I. Bunin). The analysis highlights the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, on the natural (steppe, river, cemetery, mountains, etc.), historical and mythological realia accompanying the key symbol. The image of the raven is considered as a multidimensional entity combining various qualities and symbolic meanings: wisdom, longevity, impartiality, love of freedom, cruelty, justice, longing, loneliness, hopelessness; it functions as the guardian of the mysteries of existence and restores existential justice.

Key words: cultural symbol; megatext; mythology; raven image; allegory; existential crisis; metaphysical time; russian lyrics; chinese lyrics; philosophy; worldview; lyrical hero

This article was prepared thanks to support of the Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University of the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 1. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):36–47. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_36. https://elibrary.ru/TFYCUA

Введение

«And his eyes have all the seeming of a demon’s that is dreaming» [Poe, 1988, с. 158]. («Он глядит в недвижном взлете, словно демон тьмы в дремоте» Эдгар По), «Sois donc le crieur du devoir,/Ô notre funèbre oiseau noir!» [Rimbaud, A, 1988, с. 451] («Так будь глашатаем долга, наша погребальная черная птица» Артюр Рембо), «Krähe, <...>/ Meinst wohl bald als Beute hier/Meinen Leib zu fassen?» [Müller, 2015, с. 23] («Ворон, <...> ты думаешь, что скоро получишь мое тело в качестве добычи?» Вильгельм Мюллер), «Qual dextrocorvo o qual mancha cornice / canti ’l miofato, o qual Parcal’innaspe?» [Petrarca, 2004, с. 267] («Что мне предскажут ворон и сорока?/Чьи руки держат нить судьбы моей?» Франческо Петрарка). Подобные цитаты, встречающиеся в творчестве поэтов самых разных стран и эпох свидетельствуют о том, что образ ворона – один из наиболее значимых и частотных в литературной орнитологической парадигме. Он широко представлен в стихотворениях А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, А. Белого, К Бальмонта, Ху Ши, Ли Бо Чжан Цзи и др. В настоящей статье мы будем рассматривать образ ворона как один из компонентов орнитологического дискурса русской и китайской поэзии, поскольку именно в этих странах интересующий нас образ обладает большим количеством значений, поражая читателя порой странными сходствами и не менее удивительными разрывами, расхождениями.

Благодаря широкому распространению в мифологии, птица стала семиотическим кодом практически во всех мировых культурах. Образы птиц нашли свое отражение в литературе, фольклоре, живописи, геральдике и т. д. Исследователи отмечали, что «символический образ птицы, воплотивший в себе устойчивый архетип, объясняющий реальность, открывает нам наиболее древнюю форму восприятия человеком действительности. В формате современной науки понятие „орнитоморфный архетип” выступает как инструмент исследования закономерностей исторического развития, приобретая статус метатеоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре» [Рябцева, 2019, с. 226]. Изучая и сопоставляя образы птиц в мифопоэтическом пространстве разных народов, можно выявить общие закономерности в их историческом, культурном развитии. Природа – это наиболее устойчивый культурный код, поскольку с течением времени она практически остается неизменной. Эту особенность заметил М. Эпштейн в работе «Природа, мир, тайник вселенной»: «Если образ правителя и вера суть изменчивые, исторически подвижные черты народной физиономии, то климат, ландшафт, флора и фауна накладывают на нее родовой отпечаток» [Эпштейн, 1990, с. 18]. Рассмотрение орнитологического дискурса как части зооморфного кода представлен в литературоведении и культурологии достаточно широко [Абакарова, 2017, Бычков, Лукина, Рэш, 2019, Цзин Цзинши,

2021, Джанумов, 2019, Абашева, 2019, Федотов, 2019, Верина, 2019, Грудева, 2015, Дубинина, 2016, Эпштейн, 1990, Бельская, 2016 и др.]. Накопленный опыт сопоставительного анализа позволил ученым прийти к заключению, что «расшифровка [кода, в том числе орнитологического] дает своего рода ключ к пониманию многих спорных моментов в формировании этических и эстетических критериев, свойственных этническому сознанию» [Хань, 2015, с. 28].

Среди всех героев литературной орнитологии, фигура ворона, пожалуй, является самой противоречивой. В постхристианскую эпоху образ большой черной птицы, издающей зловещее карканье,стал прочно ассоциироваться со смертью, болезнями или природными катаклизмами. Не случайно существует множество примет, связанных с воронами: если вороны каркают и кружатся над домом, то это к несчастью; если эта птица идет по дороге рядом с домом, то в нем возможно скоро случится воровство; утром стая ворон собирается у дома и начинает каркать на него, это не к добру, возможно, к гибели человека и т. д. В художественной литературе ворон нередко сопровождается эпитетами «злоокий», «кровавый», «зловещий». Однако подобные представления о птице главенствовали не всегда. Древние люди почитали воронов за вековую мудрость, наблюдательность, силу и отвагу. В германо-скандинавской они служили Одину: Хугин и Мугин олицетворяли «Мысль и Память» и символизировали высшее сознание. Наблюдая за деяниями смертных, они сообщали Одину, кто достоин награды, а кто – возмездия. В славянской мифологии воронов чествовали как слуг Чернобога. Упоминания о черных птицах встречаются и в памятниках древнерусской письменности. В Древнем Китае трехлапый ворон символизирует само мироздание – Небо, Землю и Человека. Также он является символом Солнца. М. Е. Кравцова отмечает, что «солярная эмблема с вороном впервые отчетливо проявляется в художественном творчестве ханьской эпохи» [Кравцова, 2004, с 408]. Отсюда существовала примета, что увидеть ворона в небе – это добрый знак.

Предметом осмысления в настоящей статье является образ ворона, воплощающий различные аспекты культурной символики народов России и Китая. В отличии от других героев литературной орнитологии – ласточек, кукушек, голубей и т. д. – ворон сочетает в себе различные, нередко даже противоположные значения, что представляет особый интерес для его анализа. Следует уточнить, что нас будет интересовать именно «corvus corax», то есть ворон обыкновений – самый крупный и яркий представитель семейства врановых. Удивительно, но иногда возникает путаницы в словах «ворон» и «ворона», и часто первое понимается как самец, а второе – самка одной и той же птицы. Но это разные птицы, и соответственно, образы их в культуре имеют разное семантическое наполнение. Так, если ворон олицетворяет вековую мудрость, ворона – глупость (в басне Крылова, например) или коварство (ворона, которая хотела стать котом); ворон – величие, ворона – беспечность (эх ты, ворона!) и т. д. Анализ именно китайской и русской литературы с точки зрения функционирования в ней образа ворона как культурного кода обусловлен прежде всего широким спектром коннотаций и богатством литературного материала. Данный факт позволяет прийти к выводу, что именно для этих культурных структур образ ворона является наиболее значимым.

Следует отметить, что образ ворона уже рассматривался отечественными и китайскими литературоведами [Купчик, 2001, Тропкина 1995, Хань У, 2015], однако в данных работах преобладает анализ эмпирического материала и не представлено концептуально-комплексное осмысление данного образа в русской и китайской культуре. Кроме того, выявлен далеко не весь спектр символических значений образа ворона. Научная новизна состоит в восполнении этих пробелов. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы из отдельных поэтических текстов создать «мегатекст», смысловым ядром которого будет выступать образ ворона, отражающий важные аспекты национальной культуры России и Китая. Проанализировав тексты М. Лермонтова, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Павловой, М. Петровых, Б. Окуджавы, И. Бунина, М. Цветаевой, И. Одоевцевой, Мэна Хаожаня, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюаня и др., мы выделили и сопоставили пять семантических групп, реализующих как универсальные символические коннотации образа ворона, так и индивидуально-авторские окказиональные интенции:

1. Ворон как символ смерти
2. Ворон как воплощение вневременности
3. Ворон как пророк
4. Ворон как символ одиночества
5. Ворон как воплощение свободы

Поскольку «сопоставительное литературоведение основывается на типологическом сопоставлении, <...> изучении сущностно несходных литератур при отсутствии прямых контактных связей» [Хань, 2015, с. 34], в настоящей статье мы предприняли попытку вписать свой фрагмент в корпус литературной орнитологии и обозначить векторы для дальнейшего изучения русско-китайского культурного диалога.

«Я воронов на тризну пригласил, чтоб остров смрадный им предать на растерзанье»: ворон как символ смерти и тления

Ворон как мортальный символ широко распространен во всех культурах. В готической культуре ворон, сидящий на кресте, стал ключевой фигурой и изображался в поэзии, музыке, позднее в художественных фильмах. «У многих народов бытовало представление о том, что душа умершего принимает птичий облик и в таком виде навещает родных, напоминает о себе, объявляет свою волю, оказывает покровительство» [Тропкина, 1995, с. 84]. Подобные мотивы связаны с тем, что ворон – всеяден, он превосходно охотится на грызунов, насекомых, разоряет гнезда других птиц, однако основу его рациона составляет падаль и пищевые отходы человека. Даже надменные тауэрские птицы, находящиеся на государственном обеспечении, не прочь опустошить местные мусорные баки. Эта их особенность, а также большой размер и черный цвет стали тесно ассоциироваться в сознании древних людей со смертью.

Ворон – неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий. Все, что приносит смерть живому, прочно ассоциируется с образом большой черной птицы, вонзающий хищный клюв в глазницу поверженного воина: «在中国农村有“乌鸦叫□死神到”的说法□于是乌鸦成了死亡的象征人们对它避之不及，把驱赶» [陈梅, 2007, с. 97] («В сельских районах Китая бытует поговорка, что «ворона зовет, что идет бог смерти», поэтому ворона стала символом смерти, и люди избегают ее» (перевод авторов статьи)).

Ворон не только сопровождает смерть физическую, но и нивелирует важнейшие аспекты человеческого бытия – любовь, надежду, веру и т. д. Множественность коннотаций ворона как мортального символа обусловлена многозначностью самого понятия «смерть».

В китайской культуре ворон нередко знаменует кровавые битвы. Так, в стихотворении Ли Ляня, китайского поэта времён династии Мин, описано поле сражения: «Со всех сторон дул сильный ветер, поднимая желтую пыль», «К югу от военного города, много горя, в сумерках бродят вороны, клюют кишки и улетают в сторону леса» [李濂撰, 1997, с. 76]. Война здесь изображена как трагедия – индивидуальная и глобальная. Смерть, приобретая массовый характер, стирает жизнь отдельно взятого человека, нивелируя таким образом понятие личности: «Слышны лишь крики призраков, но не известно, кто они» [李濂撰, 1997, с. 76]. Война порождает неведение, что иногда бывает значительно хуже смерти: «Я вижу твое лицо в своих снах, но нигде не могу найти твое тело» [李濂撰, 1997, с. 76]. Невозможность захоронить тело усопшего, не отдать дань памяти и уважения само по себе трагично, но не знать, жив твой близкий человек или нет, вдвойне страшнее. На смену надежде приходит отчаяние и мысли о том, что смерть, может быть, не так страшна, как плен, или тяжелое ранение, или погребение заживо. Смерть рождает великую скорбь: «Многие семьи плачут от горя каждый год во время фестиваля Холодного еды» [李濂撰, 1997, с. 76]. В контексте название этого праздника (дня поминовения усопших) приобретает двойную семантику: для людей – это дань памяти и уважения почившим родственникам, для воронов – возможность насытиться холодными трупами солдат, отдавшие свою жизнь во благо Родины. Таким образом, ворон становится не только символом смерти, но и воплощением нечистой силы, разрушителем древних традиций, которая превращает светлый праздник в кровавое пиршество.

Образ ворона воплощает не только смерть физическую: когда погибает надежда, человек обращается в пепел, будучи еще живым Пример тому – стихотворение Цюй Юаня «Переправляясь через реку» [Цюй Юань, 2000, с. 81]. Его герой стар телом, но молод душой: он сохранил в облике и поведении черты юности – носит красивую одежду, драгоценности и меч. Мир, окружающий его в долгом странствии, перестал замечать героя, и тот как бы умер для всего сущего:

В грязном и мутном мире
никто обо мне не знает,
Но я на него, в гордыне,
вниманья не обращаю
[Цюй Юань, 2000, с. 81]

Погружаясь в воспоминания все глубже, герой осознает, что время былых побед и мудрых правителей прошло, и что смерть постепенно приходит за теми, кто некогда был овеян славой: их деяния, лица стираются, но герой сопротивляется тлению:

Впряжен в мою колесницу
черный дракон рогатый,
А пристяжными –пара
безрогих драконов белых
[Цюй Юань, 2000, с. 81]

Антитеза «черный» – «белый» выражает идею противостояния жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла. Но осознавая, что прошлого не изменить, не остановить ход времени, герой погружается в мир грез: «хотел бы я…», «хочу», «желаю» и т. д. Но вместо достижения желаний, он получает осознание конечности жизни, тщету настоящего и утрату прошлого не только персонального, но и героического прошлого его родины, и он сдается:

И я коней распрягаю –
пускай погуляют вволю,
Пусть постоит колесница
возле зимнего леса.
[Цюй Юань, 2000, с. 82]

Колесница символизирует силу, могущество, власть человека над собственной жизнью, река – стремление времени, а лодка, на которой герой хочет отправиться в путешествие – смерть, переправу через время. Этот образ восходит к древнему мифу о Хароне, переправляющем души в мир мертвых. Но лодка медлит, и уставший герой вынужден ждать. Об утрате жизненных сил свидетельствует и пейзаж – снега. Для мира он потерян, поскольку «прошло время луаней и фениксов» [Цюй Юань, 2000, С. 82] – мудрых правителей – и пришло царство «ласточек и воронов» – грабителей, убийц, мародеров.Образ хищных птиц усиливается элементами пейзажа: Лотос – цветок счастья и благополучия – завял у дороги. Смерть уже заполонила и время, и пространство, а герой обратился безликой тенью, незримой для сущего, и вынужден скитаться по свету в надежде на скорую кончину, слушая крики воронов, напоминающих ему о тщете сущего.

Ворон как воплощение смерти широко представлен в русской культуре. В художественной литературе, отражающей войну, образы хищных птиц, волков с окровавленной пастью, сопровождают практически каждую сцену сражений. Об этом не раз говорили историки и литературоведы [Нагина, 2017, Хазанкович, 2009, Бобылева, Есеева, 2014, Болдырева, Линлу Ао, Сунь Жаньжань 2018 и др.]. Поэтому мы обратимся к образу ворона как символа смерти духовной и рассмотрим ряд стихотворений, где черная птица реализует индивидуально-авторские коннотации.

В ряде стихотворений ворон является отражением постреволюционной России. Об этом можно прочесть у А. Блока, А. Белого, в творчестве которых революция выступает как апокалиптическая сила, движимая четырьмя всадниками – бездуховностью, глупостью, жестокостью и бессмысленностью. В это контексте интересно стихотворения И. Бунина «Степь» [Бунин, 2014, с. 1103]. В центре его – синий ворон с окровавленным клювом. Цвет птицы нетипичен и выделяет его из ряда прочих воронов, которые, не смея приблизиться, «косились и прядали». Выделяется он не только необыкновенной палитрой, но и поведением. Отпугнув конкурентов, он забирает себе всю пищу и поглощает ее без остатка:

Синий ворон пьёт глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань
[Бунин, 2014, с. 1103]

Исходя из поведения птицы, можно понять, что он – Король воронов, жестокий и властный правитель. Использование словоформ с уменьшительно-ласкательными аффиксами, а также особой ритмической организации (дактилической рифмы) сближает текст с традиционной народной песней и древнерусской культурой. Здесь содержится идея, что кто бы ни правил русской землей, он, ослепленный властью (ворон выклевывает покойнику глаза), будет нести горе и смерть своему народу, и традиционная нравственная чистота синего цвета оборачивается хладнокровием, и потому заключительные строки стихотворения звучат особенно трагично:

Сторона ли моя ты, сторонушка,
Вековая моя глухомань!
[Бунин, 2014, с. 103]

В ряде текстов ворон символизирует нравственное падение человека, то есть смерть души. К таковым следует отнести стихотворение К. Вагинова «Ворон» [Вагинов, 2008, с. 216]. Его ге-

рой похож на Ларру из повести М. Горького – высокомерен, жесток, считает, что мир должен лежать у его ног. Все, что он делает, стоит на горе и ждет, когда река времени принесет ему жертву. Насытившись крови, он чувствует себя счастливым и еще более привлекательным:

И чудится мне, что я пью ясный сок,
Что бабочкой переливаюсь
[Вагинов, 2008, с. 216]

Необходимо отметить, что бабочка в русской поэзии олицетворяет границу между жизнью, искусством и смертью. Подобные мотивы можно встретить в поэзии А. Фета, К. Бальмонта, И. Анненского, В. Набокова, И. Бродского, Б. Рыжего и др, а возведение смерти в ранг красоты свойственно поэтике символизма.

Ворон также может предсказывать расставание любимых и является воплощением умирающей любви. Подобные мотивы можно встретить в поэзииМ. Цветаевой. Так, в стихотворении «Хочу у зеркала, где муть…» [Цветаева, 2016, с. 211] лирическая героиня страдает от безразличия любимого. Провожая его в плавание, она так и не получает ответа, куда он направляется. Наблюдая за воронами, кружащими над вечерними полями, она осознает, что эта встреча последняя, и как бы слышит слова прощания, которые, по всей видимости, обращены к ней: «Благословляю Вас на все четыре стороны» [Цветаева, 2016, с. 211]. Эта реплика прерывает внутренний монолог и показывает, что герою она безразлична, и что любовь жила только в ее душе, но теперь эта любовь обречена на гибель.

Похожие мотивы можно найти и в стихотворении «Вчера еще в глаза глядел» [Цветаева, 2016, с. 314], где жаворонки оборачиваются воронами. Все стихотворение являет собой плач, прерываемый рефреном «мой милый, что тебе я сделала» [Цветаева, 2016, с. 314]. Вороны, разрывающие душу брошенной, растоптанной, несчастной героини, является одним из знаковых в поэзии М. Цветаевой, и комплекс вины женщины перед мужчиной красной нитью проходит сквозь всю любовную лирику.

Таким образом, изображение ворона как символа смерти получило широкое распространение в русской и китайской культуре. Он может олицетворять как физическое разложение, так и нравственное падение человека – жестокость, надменность, властолюбие. Образ ворона-палача сопряжен с мотивами увядания, скоротечности земного времени, разрушением культурных ценностей, исторической правды, а также порождать апокалиптические мотивы, возводя ворона в ранг слуги дьявола, низвергающего христианские устои.

«Отгадай-ка, – молвит он, – который век на белом свете я живу»: ворон как символ вневременности

В одной из легенд есть упоминание о вороне как о долгожителе: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всего только тридцать три года?» [Пушкин, 2022, с. 56]. В древних мифах и сказаниях многих народов ворон является символом мудрости и долголетия.Так, в Англии эти птицы символизируют монархию и охраняют королевскую семью. Культ почитания воронов как хранителей древних британских традиций сохранился и по сей день: на протяжении сотен лет в крепости Тауэр проживают 7 воронов – стражей британской империи.

Ворон – воплощение вневременности, связующая нить между миром живых и царством мертвых. Не случайно именно эта птица сопровождает древних богов. Например, в германо-скандинавской мифологии Одина сопровождают два ворона – Хугин и Мунин. У древних восточных славян эти птицы являлись слугами Чернобога. Колдуны, ведьмы и чернокнижники, обладавшие древними знаниями, оборачивались воронами.

В древнеазиатской мифологии встречается трехлапая ворона – 三足乌. «„Трехлапый ворон”, живущий на солнце, – олицетворение ян<ь>. Три его ноги символизируют фазы движения: восход, зенит, закат; могут означать и Великую Триаду (три величайших силы космоса): Небо, Землю и Человека» [Хань, 2015, с. 87]. Таким образом они символизируют само мироздание и являются хранителями космического порядка: 但是无论东方还是西方，因为乌鸦和太阳联系十分紧密，几乎有太阳崇拜的民族便伴随着乌鸦崇拜，因此乌鸦崇拜的范围十分广泛[齐鴿， 2018] (<…> ворона очень тесно связана с солнцем, почти все народы, поклоняющиеся солнцу, поклоняются вороне, поэтому сфера поклонения вороне очень широка). Китайские народы почитали эту птицу за мудрость и благородство, заботу о своем потомстве и дар предсказателя.

Образ мудрого ворона широко распространен и в русской культуре, он встречается в баснях и пословицах, например, «Старый ворон не каркнет даром», «Ворон мудрый, а сидит на отбросах» и т. д. Эти положительные коннотации ворон приобрел благодаря метафорическому долголетию. Поэтому в ряде текстов ворон предстает как символ вечности или вневременности, он нематериален и представляет собой нечто вроде духа, хранителя мирового порядка, обладающего знаниями земного и загробного мира. Одним из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих эту идею, является стихотворение М. Петровых «Черный ворон, черный вран» [Петровых, 2012, с. 219].

В первом стихе соединяются два временных пласта – древность и современность. Словоформа «вран» восходит к праславянской эпохе, о чем свидетельствует его фонетическая структура. Получается, ворон – птица, время которой – вечность. Таким образов создается антитеза – время, олицетворяющее конечность человеческого существования, и вневременности, воплощением которого служит древний ворон,проникающий сквозь века. Об этом свидетельствуют и слова самого ворона, сознающегося в краже человеческих жизней:

Я украл ваш краткий век.
Сколько вас пошло травой,
Я один за всех живой.
[Петровых, 2012, с. 219]

Вопрос, «был ты вором или не крал» [Петровых, 2012, с. 219], возникающий в сознании героини, на наш взгляд, обусловлен тем, что ворон тесно связан со смертью. Однако умирание – процесс столь же естественный, как рождение, и ворон не распоряжается судьбой, а выполняет функцию провожатого человеческих душ, помогая им совершить переход из одного состояния в другое. Человеку сложно осознать свою «конечность» и потому в вопросах экзистенциального характера он привык полагаться на волю высших сил. Ворон же как связующая нить между миром людей и миром богов, владеет тайнами как жизни, так и смерти, и потому является воплощением мудрости. Он, понимая, насколько уязвим и ограничен человеческий ум, говорит героине то, что она хочет слышать. Параномазия «вран» – «крал» – «врал» порождает ряд сложнейших антиномий, таких как время конечно (относительно человека) – время бесконечно (относительно мироздания), смерть есть (тело тленно) – смерти нет (душа бессмертна) и т. д. Она ориентирует примитивное сознание сугубо на негативную и скомпрометированную сферу деятельности ворона, однако героине удается раскрыть обман и понять, насколько ворон мудр и благороден: слова птицы звучат как снисходительная ирония, но, сознаваясь во лжи, он отдает дань уважения человеку, интересующемуся вопросами бытия.

В качестве хранителя мироздания и истины ворон выступает и в стихотворении И. Бунина «На распутье в диком древнем поле» [Бунин, 2014, с. 206]. Лирический герой пребывает в состоянии экзистенциального кризиса: пройдя определенный отрезок жизненного пути, он не может определиться, куда двигаться дальше. Его взгляд приковывает безмолвствующий ворон, сидящий на кресте. Черная птица олицетворяет в стихотворении вечность, поскольку она одна не тронута увяданием. Окружающий мир претерпевает метаморфозы, тлеет, порастает травой забвения:

Заросла бурьяном степь на воле,
и в траве заржавел старый щит.
[Бунин, 2014, с. 206]

Пейзаж выражает идею тщеты всего сущего.Ее же выражает и крест, и надпись на нем. С точки зрения геометрии, крест – это фигура из двух пересекающихся под углом линий. Предположим, что точка пересечения линий – это человек в пространственно-временной плоскости. Так, луч, идущий вверх от точки – будущее человека, идущий вниз – его прошлое. Горизонталь – настоящее с множественностью вариаций. От того, пойдет ли человек, условно говоря по правой грани или по левой, зависят незначительные измерения в его жизни, но итог всегда один – смерть. Об этом свидетельствует послание: пойдешь прямо – умрешь, налево – умрешь, направо – тоже умрешь, а назад пути нет, потому что прошлое уже умерло. И действительно, человек может менять будущее, условно переворачивая крест, но сама фигура, олицетворяющая судьбу и неизбежность, не поменяет свою структуру. Глядя на заросший травой щит, герой понимает, что такая же участь ждет и его, и потому он обращается к птице:

Жутко мне! Вдали стоят могилы
В них былое дремлет вечным сном
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом»

[Бунин, 2014, с. 206]

Но ворон безмолвствует, потому что не должен вмешиваться в естественный ход времени и вершить человеческие судьбы. Его задача – хранить тайну мироздания, дабы человек, узнав ее, не вверг себя в отчаяние и не умирал, будучи еще живым.

«Когда кто-то умирает, его душу в страну мертвых уносит ворон. Но иногда... лишь иногда... Ворон приносит эту душу обратно, чтобы восстановить порядок вещей» – этими словами начинается х/ф «Ворон», описывающий историю музыканта Эрика Дрейвена и его невесты, ставших жертвами жестокой банды. Ворон вернул героя на землю и сделал его бессмертным и неуязвимым, чтобы отомстить убийцам за то, что они вмешались в судьбу и нарушили естественный ход вещей. Ворон как воплощение справедливого возмездия за невинно отнятые жизни встречается и в литературе, в частности, в стихотворении И. Одоевцевой «Толченое стекло» [Одоевцева, 1988, с. 172]. Его герой – солдат, совершивший преступление ради наживы:

Семь тысяч. Целый капитал
Мне здорово везло:
Сегодня в соль я подмешал
Толченое стекло
[Одоевцева, 1988, с. 172]

Жена, узнав о его поступке, обвиняет героя, но тот, зная о последствиях, о том, в каких муках погибнут случайные люди, не придает этому значения и просит лишь поставить свечи за упокой, и отправляется в «Рай» – чайную. Этой же ночью к дому, где они жили, прилетает ворон, и жена понимает, что скоро в их семью придет горе. Чтобы спастись, она молится, а муж, едва петух прокричал дважды, злится и не может попасть в «Рай», ибо он для него стал недоступен. Петух в данном случае символизирует солнце, победу тьмы над светом, он также предвещает трагичную развязку герою, потерявшему этот божественный свет души, осознанно принеся человеческую жертву. Когда вороны пришли на вторую ночь, они заслонили собой весь дом, но солдат спал, совесть его не проснулась. На третий день герой увидел, как везут семь гробов – тех людей, которые умерли, наевшись стекла. Тогда он затрясся и побелел, услышав похоронный звон. С момента смерти человека до момента захоронения проходит три дня, столько времени нужно душе, чтобы отделиться от тела. Но вороны знали о гибели селян с первого дня, поэтому и предупреждали, что скоро придет возмездие. Возможно, они ждали раскаяния, но единственная, кто горевал о невинных душах – жена солдата. И потому вместе с детьми она избежала кары. Наконец, на третью ночь вороны пришли в последний раз. Герой чувствовал, что скоро умрет. Об этом говорила ему и природа:

Ущербная взошла луна,
Солдат ложится спать,
Как гроб тверда и холодна
Двуспальная кровать!
[Одоевцева, 1988, с. 173]

Убывающая луна – время очищения. В этот период маги и колдуны проводили обряды на снятие порч, сглазов и т. д. И наконец, появляется ворон-мститель вместе с душами, загубленными героем. Они тоже превратились в черных птиц. Здесь ворон – посланник бога, праведник, о чем свидетельствует метафора «вороний поп» Солдат тщетно кается, в надежде спастись, но вороны беспристрастны и неумолимы. Однако их месть не в том, чтобы забрать душу убийцы: они предают ее забвению:

И отнесли его туда,
Где семь кривых осин
Питает мертвая вода
Чернеющих трясин
[Одоевцева, 1988, с. 174]

Финал стихотворения выражает идею о смерти не как о переходе из одной формы существования в другую, а как о полном исчезновении души, и изображает ворона как хранителя порядка и справедливости.

Заключение

Таким образом, образ ворона в литературе и культуре России и Китая имеет широкий спектр семантических векторов, два из которых мы рассмотрели в первой части нашего исследования. Ворон как мортальный символ – это неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий, он поедает плоть человека или забирает его душевные силы. Нередко он орнаментирует батальные сцены или выступает в роли демона апокалипсиса. Одновременно с этим в русской и китайской культуре ворон является символом мирового порядка, хранителем

тайн мироздания и связующей нитью между миром живых и царством мертвых. Он обладает мудростью, недоступной человеческому разуму. Существуя в веках, он не подвержен тлению и олицетворяет вечность, помогает обрести вечный покой душам, окончившим земной путь, и позволяет восстановить справедливость, если нарушается естественный ход вещей. Во второй части нашего исследования мы продолжим рассмотрение символического потенциала образа ворона в русской и китайской поэзии, акцентировав внимание на пророческой ипостаси ворона и воплощении в этом образе идей экзистенциального одиночества человека в мироздании, свободы, независимости и бунтарского духа.

Библиографический список

1. Абакарова Э. Г. Символическая концептуализация семейных отношений в орнитоморфных символах проективного теста «Птица» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №2. С. 250–257.

2. Абашева Д. В. Символ птички в произведении Г. Х. Андерсена «С крепостного вала» и в переложении И. З. Сурикова «Птичка и солнечный луч // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 131–137.

3. Бельская Л. Л. «Стихи мои! Свидетели живые...»: Три века русской поэзии. Москва : Флинта, 2016. 380 с.

4. Бобылева Н. И., Есеева О. В. Семиотика отношений «волк – собака – человек» и их отражение в текстах культуры // Культура и общество. 2014. № 2. С. 91–101.

5. Болдырева О. Н., Линлу Ао, Сунь Жаньжань Зодиакальные животные в русских и китайских идиомах // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2. С. 31–44

6. Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинятиной. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, Вита Нова, 2014. С. 103.

7. Бурнаков В. А. Образ врановых птиц в мировоззрении хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. №4. С. 346–362.

8. Бычков Ю. А., Лукина О. Г., Рэш О. В. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера // Вестник МГУКИ. 2019. № 5. С. 42–50.

9. Вагинов К. К. Козлиная песнь / Романы, стихи. Москва : Эксмо, 2008. 608 с.

10. Верина У. Ю. Птица в «страшном мире» Геннадия Гора // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 198–207.

11. Грудева Е. В Особенности функционирования орнитонимов в русском языке (корпусное исследование) // Череповецкий государственный университет. 2015. №4. С. 72–78.

12. Джанумов С. А. Образы орла и ворона в творчестве А. С. Пушкина // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. С. 109–118.

13. Дубинина Т. Г. Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. №1 (21). С. 27–33.

14. Кравцова М. Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Москва : Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство – 2010. С. 183–200.

15. Купчик Е. В Образ ворона в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 2001. № 5. С. 545–549.

16. Лазарев С. С. Метафизическое время – Альфа и Омега процессуальности, онтологической и гносеологической // Палеонтологический ин-т им. А. А. Борисяка РАН. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/lazarev_metafizicheskoe.html (дата обращения: 27.01.2023).

17. Нагина К. А. В «лабиринте сцеплений» между войной и охотой: волки в романе Л. Толстого «Война и мир» // Вестник ВГУ. 2017. №1. С. 28–32.

18. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / вступ. статья К. Кедрова; послесл. А. Сабова. Москва : Худож. лит., 1988. 334 с.

19. Петрарка Ф. Сонеты : сборник. На итальянском языке с параллельным русским текстом. Москва : Радуга, 2004. 672 с.

20. Петровых М. С. Великие поэты мира. Москва : Эксмо, 2012. 352 с.

21. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с.

22. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Санкт-Петербург : Азбука, 2022. 480 с.

23. Рыбина М. С. Метафора птицы в «Поисках утраченного времени» М. Пруста // Мир науки, культуры, образования. 2020. №3. С. 382–384.

24. Рябцева Н. Е. Художественное своеобразие орнитологической символики в поэзии Инны Лиснянской и Светланы Кековой // Известия ВПГУ: филологические науки. 2019. № 7. С. 226–229.

25. Тропкина Н. Е., Хань У. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия ВГПУ. 2014. № 7. С. 124–129.

26. Тропкина Н. Е. Русская поэзия 1917–1921 годов: художественные искания поэтов Серебряного века. Волгоград : Перемена, 1995. 244 с.

27. Федотов О. И. Ласточка как мифологема души (Интертекстуальные связи «Ласточек» Ходасевича) // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 165–181.

28. Хазанкович Ю. Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 4. С. 177–182.

29. Хань У. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX в. Волгоград, 2015. 181 с.

30. Цветаева М. И. Хочу у зеркала, где муть (сборник). Москва : Издательство АСТ, 2016. 320 с.

31. Цзин Цзинши Орнитологические образы в поэзии Арсения Тарковского: истоки и художественная семантика. Волгоград, 2021. 173 с.

32. Цюй Юань Стихотворения. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Кристалл», 2000. 336 с.

33. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 304 с.

34. Müller W. Die Winterreise: Nachwort v. Dietrich Fischer-Dieskau. Berlin : Insel Verlag, 2015. 56 с.

35. Poe E. A. Poems. Moscow : Raduga Publishers, 1988. 419 с.

36. Rimbaud A. Rimbaud oeuvres. Moscou : arc en ciel, 1988. 544 с.

37. 冯静.中西方文化中的乌鸦意象探析[J].齐鲁学刊,2002(05):99–101.

38. 张昊辰.中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J].青年文学家,2018(30):91–94.

39. 李时珍：本草纲目/紫图选编。——西安：陕西师范大学出版社，2012.

40. 李时珍：本草纲目/紫图选编。——西安：陕西师范大学出版社，2012.

41. 章磊.浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J].俄语学习,2018(06):10–15

42. 胡适：尝试集/胡适。北京：华夏出版社，2009.

43. 陈梅,王孝杰.简析中外文化中的乌鸦意象[J].哈尔滨学院学 , 2007(09):96–100.

44. 高聚斌.中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J].青年文学,2009(10):21+164.

45. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D].山东大学, 2018.

46. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九，《四库全书存目丛书》集部别集类，第471册，齐鲁书社1997年.

Reference list

1. Abakarova Je. G. Simvolicheskaja konceptualizacija semejnyh otnoshenij v ornitomorfnyh simvolah proektivnogo testa «Ptica» = Symbolic conceptualization of family relationships in the ornithomorphic symbols of the «Bird» projective test // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2017. №2. S. 250–257.

2. Abasheva D. V. Simvol ptichki v proizvedenii G. H. Andersena «S krepostnogo vala» i v perelozhenii I. Z. Surikova «Ptichka i solnechnyj luch = The bird symbol in H. C. Andersen's «From the rampart» and I. Z. Surikov's paraphrases «The Bird and the Sunbeam» // Ptica kak obraz, simvol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 131–137.

3. Bel'skaja L. L. «Stihi moi! Svideteli zhivye...»: Tri veka russkoj pojezii = «My poems! Living witnesses...» Three centuries of Russian poetry. Moskva : Flinta, 2016. 380 s.

4. Bobyleva N. I., Eseeva O. V. Semiotika otnoshenij «volk – sobaka – chelovek» i ih otrazhenie v tekstah kul'tury = Semiotics of the «wolf-dog-human» relationship and its reflection in cultural texts // Kul'tura i obshhestvo. 2014. № 2. S. 91–101.

5. Boldyreva O. N., Linlu Ao, Sun' Zhan'zhan' Zodiakal'nye zhivotnye v russkih i kitajskih idiomah = Zodiac animals in Russian and Chinese idioms // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema. 2020. № 2. S. 31–44

6. Bunin I. A. Stihotvorenija : v 2 t. = Poems: in 2 vols. / Vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. T. Dvinjatinoj. Sankt-Peterburg : Pushkinskij dom, Vita Nova, 2014. S. 103.

7. Burnakov V. A. Obraz vranovyh ptic v mirovozzrenii hakasov = The image of ravens in the Khakass worldview // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010. №4. S. 346–362.

8. Bychkov Ju. A., Lukina O. G., Rjesh O. V. Mifologicheskie obrazy pticy i ornitomorfnaja simvolika v tradicionnyh kul'turah narodov Severa = Mythological images of birds and ornithomorphic symbolism in traditional cultures of Northern peoples // Vestnik MGUKI. 2019. № 5. S. 42–50.

9. Vaginov K. K. Kozlinaja pesn' = The goat's song / Romany, stihi. Moskva : Jeksmo, 2008. 608 s.

10. Verina U. Ju. Ptica v «strashnom mire» Gennadija Gora = A bird in Gennady Gora's «scary world» // Ptica kak obraz, simvol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 198–207.

11. Grudeva E. V Osobennosti funkcionirovanija ornitonimov v russkom jazyke (korpusnoe issledovanie) = Specific functioning of ornithonyms in Russian (corpus research) // Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet. 2015. № 4. S. 72–78.

12. Dzhanumov S. A. Obrazy orla i vorona v tvorchestve A. S. Pushkina = Images of the eagle and the raven in A. S. Pushkin's work // Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kul'ture i jazyke : kollektivnaja

monografija. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. S. 109–118.

13. Dubinina T. G. Mifologema pticy v «tainstvennyh» povestjah i «Stihotvorenijah v proze» I. S. Turgeneva = The bird mythologeme in Turgenev's «mysterious» novels and «Poems in prose» // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2016. №1 (21). S. 27–33.

14. Kravcova M. E. Ikonograficheskie principy buddijskogo izobrazitel'nogo iskusstva = Iconographic principles of Buddhist visual art // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija : v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. Moskva : Vost. lit., 2006. T. 6 (dopolnitel'nyj). Iskusstvo – 2010. S. 183–200.

15. Kupchik E. V Obraz vorona v pojezii B. Okudzhavy, V. Vysockogo i A. Galicha = The raven's image in the poetry of B. Okudzhava, V. Vysotsky and A. Galich // Mir Vysockogo: Issledovanija i materialy. 2001. № 5. S. 545–549.

16. Lazarev S. S. Metafizicheskoe vremja – Al'fa i Omega processual'nosti, ontologicheskoj i gnoseologicheskoj = Metaphysical time is the Alpha and Omega of ontological and epistemological proceduralism// Paleontologicheskij in-t im. A. A. Borisjaka RAN. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/lazarev_metafizicheskoe.html (data obrashhenija: 27.01.2023).

17. Nagina K. A. V «labirinte sceplenij» mezhdu vojnoj i ohotoj: volki v romane L. Tolstogo «Vojna i mir» = In the «labyrinth of linkages» between war and hunting: Wolves in Leo Tolstoy's novel War and Peace // Vestnik VGU. 2017. №1. S. 28–32.

18. Odoevceva I. V. Na beregah Nevy: Literaturnye memuary = On the Neva banks: Literary memoirs / vstup. stat'ja K. Kedrova; poslesl. A. Sabova. Moskva : Hudozh. lit., 1988. 334 s.

19. Petrarka F. Sonety : sbornik. Na ital'janskom jazyke s parallel'nym russkim tekstom = Sonnets : a collection. In Italian with a parallel Russian text. Moskva : Raduga, 2004. 672 s.

20. Petrovyh M. S. Velikie pojety mira = The great poets of the world. Moskva : Jeksmo, 2012. 352 s.

21. Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kul'ture i jazyke = The Bird as an image, symbol, and concept in literature, culture, and language : kollektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. 504 s.

22. Pushkin A. S. Kapitanskaja dochka = The Captain's daughter. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2022. 480 s.

23. Rybina M. S. Metafora pticy v «Poiskah utrachennogo vremeni» M. Prusta = The bird metaphor in M. Proust's «In Search of the Lost Time» // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. №3. S. 382–384.

24. Rjabceva N. E. Hudozhestvennoe svoeobrazie ornitologicheskoj simvoliki v pojezii Inny Lisnjanskoj i Svetlany Kekovoj = Artistic originality of ornithological symbolism in the poetry of Inna Lisnyanskaya and Svetlana Kekova // Izvestija VPGU: filologicheskie nauki. 2019. № 7. S. 226–229.

25. Tropkina N. E., Han' U. Obraz vorona v kitajskoj i russkoj pojezii = The raven's image in Chinese and Russian poetry // Izvestija VGPU. 2014. № 7. S. 124–129.

26. Tropkina N. E. Russkaja pojezija 1917–1921 godov: hudozhestvennye iskanija pojetov Serebrjanogo veka = Russian poetry in 1917-1921: Silver Age poets' artistic quests. Volgograd : Peremena, 1995. 244 s.

27. Fedotov O. I. Lastochka kak mifologema dushi (Intertekstual'nye svjazi «Lastochek» Hodasevicha) = The Swallow as a mythologeme of the soul (Intertextual connections in Khodasevich's «Swallows») // Ptica kak obraz, simvol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 165–181.

28. Hazankovich Ju. G. Arhetip «volka» v fol'klore i literature = The «wolf» archetype in folklore and literature // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2009. № 4. S. 177–182.

29. Han' U. Ornitologicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj pojezii pervoj treti XX v. = Ornithological images in Russian and Chinese poetry in the first third of XX century. Volgograd, 2015. 181 s.

30. Cvetaeva M. I. Hochu u zerkala, gde mut' (sbornik) = Before a mirror (collected poems). Moskva : Izdatel'stvo AST, 2016. 320 s.

31. Czin Czinshi Ornitologicheskie obrazy v pojezii Arsenija Tarkovskogo: istoki i hudozhestvennaja semantika = Ornithological imagery in Arseny Tarkovsky's poetry: origins and artistic semantics. Volgograd, 2021. 173 s.

32. Cjuj Juan' Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Izdatel'skij Dom «Kristall», 2000. 336 s.

33. Jepshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj. Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj pojezii = Nature, the world, the secret of the universe. The system of landscape images in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 304 s.

34. Müller W. Die Winterreise: Nachwort v. Dietrich Fischer-Dieskau. Berlin : Insel Verlag, 2015. 56 s.

35. Poe E. A. Poems. Moscow : Raduga Publishers, 1988. 419 s.

36. Rimbaud A. Rimbaud oeuvres. Moscou : arc en ciel, 1988. 544 s.

37. 冯静.中西方文化中的乌鸦意象探析[J].齐鲁学刊,2002(05):99–101.

38. 张昊辰.中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J].青年文学家,2018(30):91–94.

39. 李时珍：本草纲目/紫图选编。——西安：陕西师范大学出版社，2012.

40. 李时珍：本草纲目/紫图选编。——西安：陕西师范大学出版社，2012.

41. 章磊.浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J].俄语学习,2018(06):10–15

42. 胡适：尝试集/胡适。北京：华夏出版社，2009.

43. 陈梅,王孝杰.简析中外文化中的乌鸦意象[J].哈尔滨学院学, 2007(09):96–100.

44. 高聚斌.中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J].青年文学,2009(10):21+164.

45. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D].山东大学, 2018.

46. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九，《四库全书存目丛书》集部别集类，第471册，齐鲁书社1997年.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 11.12.2022; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_48
EDN: TGYGMT

Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов

Татьяна Григорьевна Доссэ
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
tdosse@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-7295-0695

Аннотация. В период социокультурной и в том числе политической трансформации общество часто обращается к традиционным духовным истокам, понимая их значимость в процессе становления жизненных ориентиров молодого поколения. В статье подчеркивается актуальность обращения современного литературоведения к проблеме взаимного влияния христианства, православия и литературы. Парафразы псалмов соединили европейскую христианскую поэзию с богодухновенным ветхозаветным текстом, наполненным истинной верой и авторским творчеством. Для русского человека Псалтирь с её поэтичностью и молитвенной выразительностью, раскрывающей все стороны православной души в отношении к Богу и к жизни, традиционно является спутником и в радости, и в горести, недаром творческий диалог поэтов России с Псалтирью продолжается и сегодня. Возникшее в эпоху Возрождения вольное обращение со священным оригиналом, а затем вернувшееся в эстетике барокко и классицизма преклонение перед ним предоставили возможность для нового эстетического переживания и восприятия стихов Давида. Автор статьи стремится определить место и роль перелагателя в субъектно-объектной организации переложений псалмов с позиций првославно-христианской культуры, осмыслить динамику взаимодействия личного и сверхличного. По его мнению, отражение внутреннего духовного мира личности в переломные моменты жизни особенно ярко проявляется в исповедальной основе и глубоком психологизме литературных переложений библейской Книги псалмов – Псалтири. Представленный в статье сравнительный анализ переложений псалмов рядом поэтов XVIII – начала XIX веков позволяет выявить, что субъектно-мотивированная поэтическая природа жанра стихотворных переложений псалмов не только обладает раскрытыми в статье специфическими характеристиками, но и воплощает принципы общечеловеческой нравственности, взывает к справедливости и социальному равенству. Возможность использования литературных переложений Псалтири в развитии морально-этической сферы и духовной активности личности сегодня становится очевидной.

Ключевые слова: Псалтирь; истоки духовности; литературные (стихотворные) переложения псалмов; субъектно-мотивированная жанровая природа; личность

Для цитирования: Доссэ Т. Г. Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 48–55. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_48. https://elibrary.ru/TGYGMT

Original article

Subject motivated specificity of the psalm poetic paraphrases genre

Tatiana G. Dosse
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
tdosse@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-7295-0695

Abstract. During a period of socio-cultural and political transformation, society often turns to traditional spiritual sources, understanding their importance in the process of forming life guidelines for the younger generation. The article emphasizes the relevance of addressing the problem of interaction between Christianity, Orthodoxy, and literature in contemporary literary criticism. The psalm paraphrases linked European Christian poetry with the divinely inspired Old Testament text, filled with true faith and creativity of the author. For the Russians, the Psalter, with its poetry and reli-

© Доссэ Т. Г., 2023

gious expressiveness revealing all aspects of the Orthodox soul in its attitude to God and to life, has traditionally been a companion both in joy and in sorrow, hence the continuous creative dialogue between Russian poets and the Psalter. The liberal treatment of the sacred original arose in the Renaissance period, was admired later in the Baroque and Classical aesthetics, and provided an opportunity for a new aesthetic experience and perception of David's poems. The author of this article seeks to determine the place and role of the paraphraser in the subject-object organization of psalm paraphrases from the perspective of Orthodox Christian culture and to understand the dynamics of interaction between the personal and the super-personal. An individual reflection of the inner spiritual world at critical moments in a person's life is particularly evident in confessional and deeply psychological literary paraphrases of the biblical Book of Psalms, the Psalter. The comparative analysis of psalm interpretations by a number of poets of the 18th – early 19th centuries shows that the subject motivated poetic nature of the genre of psalm poetic paraphrases not only possesses the specific characteristics described in the article, but also embodies the principles of universal morality, appeals to justice and social equality. The possibility of using literary interpretations of the Book of Psalms in developing the moral and ethical sphere and spiritual activity of the individual is becoming evident today.

Key words: the Book of Psalms; origins of spirituality; literary (poetic) paraphrases of psalms; subject-motivated genre nature; personality

For citation: Dosse T. G. Subject motivated specificity of the psalm poetic paraphrases genre. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):48–55. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_48. https://elibrary.ru/TGYGMT

Введение

Для переломных эпох естественно обращение общества к устойчивому институту духовной жизни. П. Е. Бухаркин называет множество причин этого явления: от сохранения глубины традиций до духовной жажды современного человека, политических факторов времени и просто интереса к тому, что долго было под запретом [Бухаркин, 1996, с. 11]. Значимость использования библейских историй в развитии морально-этической сферы и духовной активности личности подчеркивал известный исследователь Библии Густав Гече [Гече, 1988]. Кроме того, многовековая основополагающая задача литературного произведения как и «главной» книги человечества – Библии – дать читателю жизненные ориентиры, помочь в выборе верного жизненного пути, безусловно, определяет актуальность обращения современного литературоведения к проблеме взаимного влияния христианства, православия и литературы, что подтверждается целым рядом исследований последних лет [Гларианова, 2011; Есаулов, 2019; Калугина, 2015; Ратников, 2016; Синило, 2019 и др.].

Псалтирь как часть Библии сопровождала русского человека на протяжении всей жизни. К Псалтири обращались в минуты скорби и радости, несчастья и благополучия. Псалтирь отзывалась в пословицах и поговорках. Сама возвышенная поэтичность и молитвенная выразительность псалмов сделались близки православному читателю и слушателю. В. А. Котельников отмечает, что в псалмах все стороны и состояния души предстают в их живых отношениях к Богу, и в этом велика роль мощного и выразительного псалмодического слова. Именно Псалтирь ярче всех проявила себя в древнерусских текстах, стала самым важным источником оригинальной русской литературы, благодаря её личностному, уникально человеческому характеру, благодаря ее содержательной и функциональной универсальности, благодаря отношению к ней на Руси как к основе духовного делания человека [Котельников, 1994, с. 5].

Один из известных отцов церкви епископ Афанасий Александрийский в послании к Маркеллину «Об истолковании псалмов», отмечая значимость всеобъемлющего содержания песенно-поэтической формы Псалтири, писал: «...Специфическая особенность этих песнопений состоит в том, что в них не просто последовательно излагаются события библейской истории, но они даны в преломлении переживающей их души, то есть изображены движения души в различных житейских и исторических перипетиях. В книге псалмов любой человек может найти песнопения, как бы приспособленные к состоянию его души» [Библейская энциклопедия, 1990, с. 584]. Можно заметить, что наиболее интенсивное обращение к литературным переложениям псалмов наблюдалось в тот период времени, когда «национальный язык, словесность (в первую очередь лирическая поэзия), литературный стих находились в стадии поиска, формирования, становления» [Бедина, 2004]. При этом прослеживается тенденция отступления от канонического текста, что обусловлено идеологическими, нравственными и эстетическими принципами как времени, так и автора-перелагателя.

Основная часть

Е. В. Семёнова выделяет следующие жанрообразующие признаки переложений псалмов: наличие интертекстовых связей с псалмом; особую тематику (диалог Творца и души человека); включение в систему родственных жанров (духовная ода, гимн, элегия); соединение в жанровой природе ораторского, одического и личностного, элегического начал [Семёнова, 1995, с. 14]. Перечисленные жанрообразующие признаки переложений являются лишь «внешними». А какова же внутренняя организация произведений данного жанра в контексте православно-христианской культуры с позиций динамичного субъектного взаимодействия? Каково место и роль автора в субъектно-объектной системе переложений псалмов? Как сочетаются в этом жанре личное и сверхличное?

Данная самой Псалтирью возможность «приблизить» библейский текст к себе, заложить в парафразы исповедальность, сместив для этого акценты, совершенно очевидна. Но вместе с тем, именно посредством литературных переложений псалмов происходит соединение европейской, христианской по своему пафосу поэзии с наследием Ветхого Завета. Поэты-христиане вдохновлялись ветхозаветным текстом – универсальным образцом истинной веры и авторского творчества. Свободное отношение к священному оригиналу, появившееся в эпоху Возрождения, когда человек воспринимался почти равным Богу, и возродившийся в эстетике барокко и классицизма некий «пиетет» к нему создали предпосылки для эстетического его переживания и восприятия, показали возможность вступления автора в художественное взаимодействие, в творческий диалог с богодухновенным текстом. В справедливости подобного выводаможно убедиться, познакомившись с результатами исследований Ю. Я. Барабаш (2017), А. А. Козловой (2005), А. Г. Масловой (2020), С. Н. Симоненковой (2021).

Стихотворные переложения Псалтири Симеоном Полоцким явились своеобразным прологом новой литературы России и началом русской псалмодической традиции в поэзии, которая соединила в себе православный дух с открытостью к европейской стихотворной литературной традиции. Мы должны понимать, что если европейские поэты тяготели к свободному соединению духовной веры с индивидуальным прочтением Псалтири, то русские поэты выше всего ставили чистоту веры, верность традиции, и им свойственен настолько буквалистический подход к стихотворным переложениям псалмов, насколько это возможно при использовании ритма и рифмы. Таким образом, несмотря на несомненное присутствие личностного начала, в русской поэтической версификации псалма на первом месте – начало сверхличное.

В России в результате реформ Петра I произошло навеянное также и мировым общественным и культурным развитием деление культуры на духовную и светскую, но ни в коем случае не отрицание духовной. Истинно православное личностное сознание есть сознание соборное, сознание всеобщего единства, скреплённого любовью и надеждой на преображение. Собственно это и является центральной проблемой всей русской культуры, литературы и русской религиозной поэзии в частности. Православие направляет внимание на внутренний мир человека, на его преображение, устанавливает неразрывную зависимость жизни человека и общества от духовного состояния каждой человеческой личности.

Старые ценности никогда не покидают культуру, они приспосабливаются к новым задачам и начинают новую жизнь. Интенсивное обращение русских поэтов XVIII века к переложениям псалмов объясняется укорененностью Псалтири в православной церковной службе, её важной ролью в образовании и в быту, её общечеловеческим содержанием, стимулирующим выражение личных переживаний, возможностью интимного общения с Господом. Вслед за В. А. Западовым, И. З. Серманом, Д. К. Мотольской, О. А. Державиной мы считаем жанр переложений псалмов возможностью воплощения и развития лирического начала в рамках барокко и особенно классицизма, не знавшего интимной лирики. Время лирики ещё не наступило, лишь в переложениях псалмов лирическая тема звучала в полный голос: чужими словами поэты выражали состояние собственной души в сопряжении общечеловеческого, личного и сверхличного начал.

Подробная история развития жанра литературных переложений псалмов в русской литературе достаточно отражена в современном литературоведении. Мы сочли возможным в рамках статьи кратко рассмотреть процесс становления национальной псалмодической традиции на основе сравнительного анализа литературных пе-

реложений 1-ого и 136-ого псалмов, наиболее популярных у поэтов-версификаторов конца XVIII и первой половины XIX веков, с целью дальнейшего уяснения специфики жанровой природы стихотворных переложений и их субъектной организации.

Уже при анализе изменений авторской позиции в различных вариациях переложений указанных псалмов субъектно-мотивированная сфера обнаруживает себя как особое «пограничное», дуалистичное явление лирики. Эта специфика жанра и исследуемой нами субъектной организации связана, с одной стороны, с «ограничениями» автора как перелагателя сакрального текста, а с другой стороны, – с особой исповедальностью и лиризмом, то есть с проявлением субъективизма автора как творца. Интерпретация 1-го псалма, концентрирующего важнейшие темы Псалтири, С. Полоцким и М. Ломоносовым рассмотрены в работе И. З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова. Ученый подчеркивает уже у С. Полоцкого появление индивидуально-личностного содержания: поэт «привносит нечто свое, новые оттенки смысла, иные образы и идеи…», – и отмечает следование ему Ломоносовым в сохранении психологического содержания и стилистики [Серман, 1966, с. 100–101]. Действительно, замена ряда глаголов и эпитетов (вместо библейского «нечестивых» – «злых»), а особенно авторское обращение к образу «сердца»: «по желанию сердца» – у Полоцкого; «и сердцем оный наблюдает» – у Ломоносова, – вносят иной эмоциональный оттенок, подчеркивают лиризм, субъектно-психологическую природу жанра. Кроме того, интерпретационная творческая природа переложения у Ломоносова прямо обозначается названием стихотворения – «Преложение псалма 1» (у Полоцкого – «Псалом 1»). Вместе с тем, данные переложения являются буквальными, поскольку Высшее сверхличное начало, безусловно, преобладает над личным, что обусловлено духовно-религиозным сознанием, православным мироощущением поэтов, проявляющимся в их понимании праведности и грешности, убежденности в Божьей справедливости. «Пограничность» жанра, связанная с его появлением в эйдетическую эпоху, проявляется также в удивительном переплетении чувства и логики: диагностика чувств от восхищения до неприятия и логически последовательное рассуждение о праведных и грешных, о судьбе человека и Божьем суде – лирика и нравоучение одновременно.

Дальнейшая эволюция переложений псалма 1 подтверждает нашу гипотезу о специфичности жанра. С переходом литературы в модальную стадию поэтики индивидуально-творческий аспект стихотворных переложений псалмов расширяется. Уже названия переложений псалма 1 Ф. Глинкой (1824 г.) и Н. Языковым служат иллюстрацией возрастания роли личного начала: «Блаженство праведного» – у Глинки и «Подражание псалму» – у Языкова.

Резко меняется основной эмоциональный тон переложений, становясь не только возвышенным, но и взволнованным, обнажающим душу человеческую: учительный образ – характер «я – для – других» постепенно превращается в лирического героя, равного автору, в образ-личность «я – для – себя». Переложение Ф. Глинки носит характер восторженной хвалебной оды, но не Богу (образ Господа появляется в самом конце переложения как карателя «нечестивых), а праведному Человеку. Автор подчеркивает глубокую лиричность своей версии, создавая уже в первом четверостишии образ души («…в союзе чистых душ», «…для души находит»). Перед нами возникает истинно романтический герой (он «…вперил на правду очи», «…чист, душою прям…») в романтических обстоятельствах (он «…бичом судьбы гоним в шум бурных океанов», на него обрушивается «неудержимый ураган»), который «смело борется с судьбой!». Ценностные ориентации автора определены как эпохой дворянской революционности (его герой «будет памятен отчизне, благословит его народ»), так и духовно-религиозным сознанием (герой «смело борется с судьбой», поскольку «он видит Бога над собой», считает Господа своим «пастырем и отрадой»). Интерпретационность жанра и субъективно-личностное начало позволяют Ф. Глинке не просто воспроизвести псалтырный Идеал, как у С. Полоцкого и М. Ломоносова, а на основе творческого диалога с «разумом» псалма создать новый, соответствующий его эпохе и его личному представлению. Лирическая компенсаторная основа переложения Глинки очевидна, его коммуникативность подчеркивается не только наличием внутреннего диалога личного и сверхличного, но и прямым обращением автора к «страдальцам правоты» в последних строках переложения, к которым он несомненно относит и себя.

В «Подражании псалму» Н. Языкова лирический герой (автор) и ситуация еще более конкретизируются, они более реальны: он «муж боголюбивый», он «лишний гость на том пиру, где

брат обманывает брата, сестра клевещет на сестру; где суесловят вольнодумно хула, злоречие и лесть».

Нравоучения нет и в помине, автор идентифицирует себя с героем, который «мудрости высоко послушен сердцем и умом», сопрягая личное с Вечной Истиной, утверждающей, что «злочестивый прав не будет» и Господь «беззаконного казнит».

Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы рассматриваемого жанра находит свое подтверждение и в ходе анализа ряда переложений псалма 136, «псалма проклятия», по выражению Л. Ф. Луцевич. В книге «Псалтирь в русской поэзии» она отмечает повышенное эмоциональное содержание и даже несколько романтизированную систему координат в переложении 136-го псалма («На реках Вавилонских») В. Тредиаковским, где переплетается идеальное прошлое и «роковое» настоящее [Луцевич, 2002].

В «Подражании 136-му псалму» И. Дмитриева (1822 год) эта эмоциональность повышается, автор отдает дань эпохе: появляются романтизированные «бледные» ивы, «томно» качающиеся лиры, мы, «безмолвны и сиры», «сладость жизни», «ужасный день»; используются междометия «увы», «ах»; возрастает количество восклицательных предложений (9 против 3-х в первоисточнике). Очевидно, что душевно-психологическое состояние лирического героя, чувства боли, горечи, жажды мести и Божьей справедливости выражаются более открыто. Тем не менее, сверхличное начало и духовно-религиозное сознание поэта проявляются в достаточно жестком следовании теме и сюжету псалма 136, в сохранении оппозиции добра и зла, воплощенных в Иерусалиме и Вавилоне, диалога с врагами, самим собой и с Богом.

В. Григорьев подчеркивает лирическую природу жанра уже в названии переложения: «Чувства пленного певца (Подражание 136 псалму)». Романтизация данного переложения также очевидна: здесь и «сплетенный венец», и «рубища дев», и «отеческий кров», и «пылкое сердце». Но автор решительно заменяет «мы» первоисточника на «я» и называет пленного «певцом» (поэтом), определяя тем самым иносказательность псалтырной ситуации, ее тесную связь со своей судьбой – «концепированный» автор превращается в биографического. Исчезает диалог не только с врагами, но и с Господом как справедливой карающей силой, ситуация приближена к реалиям эпохи. В центре – «я» поэта, он тоскует и мечтает, он решительно отказывается «арфу порочить, душе изменяя» и «лелеять» песнею слух «злодея» даже ценой собственной жизни. В переложенииВ. Григорьевым 136-го псалма (1824 год) очевидны какреволюционный настрой декабристов, так и идейные посылы масонства, популярные в то время средипридворной знати.Конфликтная диалогичность добра и зла, свойственная псалму, сохраняется, но отсутствует 9-я часть первоисточника о мщении потомкам вавилонян – так обозначается личностная гуманистическая позиция автора.

Согласимся с А. С. Шеремет, что религиозный поэт И. Бороздна неслучайно назвал свою «Песнь иудейских пленников» (1847 г.) опытом нового переложения [Шеремет, 2015]. Действительно, в отличие от буквальных переложений Полоцкого и Тредиаковского, индивидуально-творческой романтизированной манеры перелагателей 20-х годов XIX века его переложение 136-го псалма довольно органично соединяет в себе личное и сверхличное начало, религиозное и светское. Лексика, сюжет, композиция и самый «дух» сакрального образца представлены в полной мере. Но перед нами не нравоучение, а проникнутое глубоким лиризмом повествование иудейского пленника о своих душевных страданиях, о вере во всемогущество справедливого Господа. Перед нами – личность с ее светлыми «воспоминаниями», «томлением» по родине, с ее «позором», «пленом» и «гибелью»,личность, жаждущая «воздания» не только Божественного, но и человеческого: «…блажен, кто на тебя грозой падет, как наш отмститель беспощадный». И если И. Дмитриев называет врагов «свирепой стражей», а В. Григорьев обозначает только их действие («И песней хотели»), как и первоисточник, то И. Бороздна отмечает их личностные проявления: «улыбку злую» и глубоко ранящую героя иронию их слов: «Что ж вы под небом Вавилона / из песен Вашего Сиона / нам не споете ни одной!». Дуальность и «пограничность» жанра, его духовно-религиозная и субъектно-психологическая природа наглядно представлены в данном переложении.

Следует отметить, что лиризм всех рассмотренных переложений 1-го и 136-псалмов подчеркивается многообразным употреблением личных и притяжательных местоимений и восходит к Псалтири.

Итак, анализ ряда интерпретаций только двух псалмов в русской поэзии XVIII – начала XIX

века делает очевидными глубокий лиризм и различные интерпретативные возможности жанра, формы его культурной и литературной актуализации; уникальное соединение духовно-религиозной и субъектно-психологической жанровой природы, взаимодействие личного и сверхличного начал, воплощенных в ипостаси автора как субъекта сознания и деятельности. Исследование конкретных текстов показывает эволюционную динамическую природу жанра, движение художественного сознания автора, а значит, и движение субъектной организации переложений от риторичности к душевному самораскрытию, к углублению психологизма; раскрывает диалогическую творческую природу жанра, удивительно осуществляющую себя в форме лирического монолога.

В результате проведенного анализа можно сделать краткий вывод, что в целом субъектно-мотивированная поэтическая природа жанра литературных переложений псалмов характеризуется: лиризмом, единением личного и сверхличного начал в субъектно-психологическом, духовно-религиозном и художественном сознании автора; эволюционной и динамической интерпретационностью, диалогичностью, дуальностью, «пограничностью» и культурно-стадиальной актуализацией.

И в наши дни уникальная художественная система: библейская Псалтирь и сложившийся в XVIII веке особый жанр духовной поэзии – стихотворные переложения псалмов – привлекает поэтов. Идейные посылы и художественные принципы у современных версификаторов различны, но в своей интерпретации практически все они опираются на отечественную псалмодическую традицию, родившуюся в XVII–XVIII веках: это переложения В. Куприянова, А. Величанского, Т. Кибирова, С. Аверинцева, Н. Гребнева, первого в конце XX века поэта, переложившего всю Псалтирь.

Заключение

Жанр переложений, как уже было сказано, жанр интерпретационный. Библейские псалмы как уникальная художественная система являются для переложений текстом-прототипом и ориентируют их на себя. Интертекстовые связи между ними прослеживаются как в тематике, так и в системе образов и художественных средств. Например, личностное и исповедальное начало в переложениях обусловлено их наличием в псалмах. Определяющей тематикой переложений, как и псалмов, является диалог между Творцом и душой человека.

Наряду с объединяющими моментами в процессе взаимодействия сверхличного и личного начал рождается нечто новое, в чём главная заслуга принадлежит автору-перелагателю как субъекту сознания и деятельности: собирательное «я» псалмов стремится к индивидуальности; изменяется структура текста, превращаясь из ритмизованной прозы в стихотворный текст со своими законами; наблюдается выдвижение на первый план тех смысловых оттенков, которые в псалмах были в тени; наконец, переложения, говоря словами Л. В. Пумпянского, уже не «факт религии…, а … факт истории религии» [Пумпянский, 1983, с. 320–324] и, добавим, истории литературы.

Таким образом, общеизвестное определение жанра как типологической группы внутри литературного рода позволяет считать, что именно такой группой и является жанр стихотворных переложений псалмов в лирике. Он обладает особым жанровым содержанием, небольшим объемом, своеобразными художественно-эстетическими качествами, имеет традиции бытования и перспективы развития.

Библиографический список

1. Барабаш Ю. Я. Псалмы Давида Тараса Шевченко: от сакрального текста к поэтическому «тексту» (опыт системно-компаративного анализа) // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 3. С. 252–273.

2. Бухаркин П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога. Санкт-Петербург : Изд. С-Пб. университета, 1996. 169 с.

3. Бедина Н. Н. Псалтирь и ранняя русская книжность (XI–XIII вв.). Архангельск : Поморский университет, 2004. 139 с.

4. Библейская энциклопедия. Москва, 1990. С. 584.

5 Гече Г. Библейские истории. Москва : Издательство политической литературы, 1988. 367 с.

6. Гляриантова Е. В. Христианские реминисценции в творчестве А. Кантемира // Проблемы исторической поэтики, 2011. № 1. С. 38–47.

7. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики, 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.

8. Калугина Е. Б. Духовная ода и переложение псалмов в современном литературоведении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 74–83.

9. Козлова А. А. Жанр стихотворного переложения псалмов в русской поэзии первой половины XIX века. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

10. Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов. Статья первая // Литература в школе, 1994. № 1. С. 6–9.

11. Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов. Статья вторая // Литература в школе, 1994. № 3. С. 3–10.

12. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. 608 с.

13. Маслова А. Г. Библейские мотивы и образы в поэзии Е. И. Кострова // Проблемы исторической поэтики, 2020. Т. 18. № 1. С. 92–110.

14. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма (Поэтика Ломоносова) // Контекст. 1982. Литературно-теоретические исследования. Москва, 1983. С. 320–324.

15. Ратников К. В. Гусли Давида и русские лиры: вариации псалмических переложений в отечественной романтической поэзии первой половины XIX века // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2016. № 1. С. 78–88.

16. Семёнова Е. В. «Высокие» жанры (стихотворные переложения псалмов, оды) в русской поэзии конца XVIII – начала XIX вв. Москва, 1995. 18 с.

17. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. Москва : Наука, 1966. С. 100–101.

18. Симоненкова С. Н. Принципы трансформации сакрального текста в стихотворных переложениях псалмов в поэзии конца XIX века // Образование и культурное пространство. 2021. № 2. С. 92–101.

19. Синило Г. В. Книга псалмов как архетекст европейской культуры // Традиции и перспективы искусства как феномена культуры: сборник статей по материалам Международной научной конференции Академии имени Маймонида Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) / под общей научной ред. Я. И. Сушковой-Ириной; редакторы-составители М. Л. Зайцева, Р. Р. Будагян. Москва, 2019. С. 181–201.

20. Шеремет А. С. Творческий путь И. П. Бороздны (индивидуальность в контексте литературных традиций). Симферополь, 2015.

Reference list

1. Barabash Ju. Ja. Psalmy Davida Tarasa Shevchenko: ot sakral'nogo teksta k pojeticheskomu «tekstu» (opyt sistemno-komparativnogo analiza) = The psalms of David by Taras Shevchenko: from sacred text to poetic «text» (experience of a systemic comparative analysis) // Studia Litterarum. 2017. T. 2. № 3. S. 252–273.

2. Buharkin P. E. Pravoslavnaja cerkov' i russkaja literatura v XVIII–XIX vekah. Problemy kul'turnogo dialoga = The Orthodox Church and Russian literature in XVIII-XIX centuries. Problems of cultural dialogue. Sankt-Peterburg : Izd. S-Pb. universiteta, 1996. 169 s.

3. Bedina N. N. Psaltir' i rannjaja russkaja knizhnost' (XI–XIII vv.) = The Psalter and early Russian literacy (XI-XIII centuries). Arhangel'sk : Pomorskij universitet, 2004. 139 s.

4. Biblejskaja jenciklopedija = The Bible Encyclopedia. Moskva, 1990. S. 584.

5 Geche G. Biblejskie istorii = The Bible stories. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1988. 367 s.

6. Glariantova E. V. Hristianskie reminiscencii v tvorchestve A. Kantemira = Christian reminiscences in A. Kantemir's work // Problemy istoricheskoj pojetiki, 2011. № 1. S. 38–47.

7. Esaulov I. A. Parafraz i stanovlenie novoj russkoj literatury (postanovka problemy) = Paraphrases and the development of new Russian literature (posing the problem) // Problemy istoricheskoj pojetiki, 2019. T. 17. № 2. S. 30–66.

8. Kalugina E. B. Duhovnaja oda i perelozhenie psalmov v sovremennom literaturovedenii = Spiritual ode and the paraphrases of psalms in modern literary criticism // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2015. № 2 (20). S. 74–83.

9. Kozlova A. A. Zhanr stihotvornogo perelozhenija psalmov v russkoj pojezii pervoj poloviny XIX veka = The genre of psalm paraphrases in Russian poetry in the first half of XIX century. Moskva : MGU im. M.V. Lomonosova, 2005.

10. Kotel'nikov V. A. O hristianskih motivah u russkih pojetov. Stat'ja pervaja = On Christian motifs in Russian poetry. Article one // Literatura v shkole, 1994. № 1. S. 6–9.

11. Kotel'nikov V. A. O hristianskih motivah u russkih pojetov. Stat'ja vtoraja = On Christian motifs in Russian poetry. Article two // Literatura v shkole, 1994. № 3. S. 3–10.

12. Lucevich L. F. Psaltyr' v russkoj pojezii = The Psalter in Russian poetry. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2002. 608 s.

13. Maslova A. G. Biblejskie motivy i obrazy v pojezii E. I. Kostrova = Biblical motifs and images in E. I. Kostrov's poetry // Problemy istoricheskoj pojetiki, 2020. T. 18. № 1. S. 92–110.

14. Pumpjanskij L. V. K istorii russkogo klassicizma (Pojetika Lomonosova) = On the history of Russian classicism (Lomonosov's poetics) // Kontekst. 1982. Literaturno-teoreticheskie issledovanija. Moskva, 1983. S. 320–324.

15. Ratnikov K. V. Gusli Davida i russkie liry: variacii psalmicheskih perelozhenij v otechestvennoj romanticheskoj pojezii pervoj poloviny XIX veka = David's Psalter and Russian lyres: variations of psalm paraphrases in Russian Romantic poetry of the first half of XIX century // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region, 2016. № 1. S. 78–88.

16. Semjonova E. V. «Vysokie» zhanry (stihotvornye perelozhenija psalmov, ody) v russkoj pojezii konca XVIII – nachala XIX vv. = «High» genres (poetic paraphrases of psalms, odes) in Russian poetry of the late XVIII – early XIX centuries. Moskva, 1995. 18 s.

17. Serman I. Z. Pojeticheskij stil' Lomonosova = Lomonosov's poetic style. Moskva : Nauka, 1966. C. 100–101.

18. Simonenkova S. N. Principy transformacii sakral'nogo teksta v stihotvornyh perelozhenijah psalmov v pojezii konca XIX veka = Principles of sacred text transformation in poetic paraphrases of psalms in late XIX century // Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo. 2021. № 2. S. 92–101.

19. Sinilo G. V. Kniga psalmov kak arhetekst evropejskoj kul'tury = The Book of Psalms as an archetext of European culture // Tradicii i perspektivy iskusstva kak fenomena kul'tury: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Akademii imeni Majmonida Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. N. Kosygina (Tehnologii. Dizajn. Iskusstvo) / pod obshhej nauchnoj red. Ja. I. Sushkovoj-Irinoj; redaktory-sostaviteli M. L. Zajceva, R. R. Budagjan. Moskva, 2019. S. 181–201.

20. Sheremet A. S. Tvorcheskij put' I. P. Borozdny (individual'nost' v kontekste literaturnyh tradicij) = The creative path of I. P. Borozdna (individuality in the context of literary traditions). Simferopol', 2015.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Русский язык

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_56
EDN: TNSVTW

Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии

Евгения Николаевна Лагузова[1]✉, Алина Павловна Ушакова[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
[2]Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. 150001, г. Ярославль, Московский проспект, д. 28
[1]laguzova.e@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6284-0951
[2]ushakowalina@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-8080-306X

Аннотация. Статья посвящена описанию возможностей синтаксических фразеологизмов, построенных по модели «*Хоть* + V_{imper}*!*», реализовывать значения неодобрения и выступать в качестве средства выражения речевой агрессии. Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, тексты современной русской литературы и средств массовой информации. Актуальность исследования обусловлена продуктивностью синтаксических фразеологизмов в современном русском языке, важностью многоаспектного описания синтаксических фразеологизмов рассматриваемой модели для определения её статуса в современном русском языке. Значимость продиктована также и целесообразностью анализа возможностей реализации значения неодобрения, способности выражения речевой агрессии на уровне синтаксиса. Представлены материалы комплексного анализа синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть*. В исследовании показано, что синтаксический фразеологизм типа «*Хоть* + V_{imper}*!*» способен реализовывать целый диапазон значений, главенствующим среди которых является значение неодобрения. Описаны субъективно-модальные значения неодобрения, иронии синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть* как показателей речевой агрессии. Уделяется внимание структурно-семантическим особенностям синтаксических явлений, способу выражения постоянного компонента и роли лексического наполнения переменного компонента при реализации речевой агрессии. В статье доказано, что значение синтаксических фразеологизмов определяется синтаксической структурой высказывания, а также зависит от контекста. Показано, что синтаксические фразеологизмы образуются по аналогии с лексическими фразеологизмами. Приводятся аргументы, подтверждающие способность синтаксического фразеологизма к выражению речевой агрессии. Показывается, что речевая агрессия сопутствует основным значениям, в некоторых случаях может устанавливаться только при анализе контекста. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах типа «*Хоть* + V_{imper}» выражается лексемами со сниженной стилистической окраской, закреплённым порядком следования компонентов.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм; оценка; неодобрение; ирония; речевая агрессия; акциональные глаголы; союз *хоть*

Для цитирования: Лагузова Е. Н., Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 56–65. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_56. https://elibrary.ru/TNSVTW

Russian language

Original article

Syntactic phrases with the word «хоть» as a means of expressing verbal aggression

Evgenia N. Laguzova[1]✉, Alina P. Ushakova[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
[2]Candidate of philological sciences, associate professor, the department of the russian language, Yaroslavl higher military school of anti-aircraft defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky ave., 28

© Лагузова Е. Н., Ушакова А. П., 2023

[1]laguzova.e@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6284-0951
[2]ushakowalina@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-8080-306X

Abstract. The article describes the possibilities of syntactic phraseological units based on the model « *Хоть + V_{imper}!*» to realize the meaning of disapproval and to act as a means of expressing verbal aggression. The material for the study is the data from the National corpus of the russian language, modern russian literary texts and the mass media. The relevance of the study is due to the productivity of syntactic phraseological units in modern Russian, to the importance of multidimensional description of syntactic phraseological units of the model under consideration to determine its status in modern russian. The significance is also caused by the expediency of analyzing the possibility to implement the meaning of disapproval and the ability to express verbal aggression at the syntactic level. The article presents the materials for the complex analysis of syntactic phrases with the conjunction «хоть». The study shows that a syntactic phraseological unit of the type «*Хоть + V_{imper}!*» is capable of realizing the whole range of meanings, disapproval being the dominant one among them. The authors describe subjective-modal meanings of disapproval and irony of syntactic phraseological expressions with the conjunction хоть as indicators of verbal aggression. The article focuses on the structural and semantic features of syntactic phenomena, on the way the constant component is expressed and on the role of the lexical content of the variable component in realizing the verbal aggression. The authors prove that the meaning of syntactic phraseological units is determined by the utterance syntactic structureand also depends on the context. It is shown that syntactic phraseological units are formed in the same way as lexical phraseological units. To support the ability of syntactic phraseology to express verbal aggression the authors give certain argumentsshowing that verbal aggression accompanies basic meanings, and in some cases it can be established only by analyzing the context. Verbal aggression in syntactic phraseological units of the type «*Хоть + V_{imper}!*» is expressed by lexemes with reduced stylistic coloring and a fixed order of the components.

Key words: syntactic phraseology; evaluation; disapproval; irony; verbal aggression; action verbs; conjunction «хоть»

For citation: Laguzova E. N., Ushakova A. P. Syntactic phrases with the word «хоть» as a means of expressing verbal aggression. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):56–65. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_56. https://elibrary.ru/TNSVTW

1. Введение

Состояние современного социума и негативные обстоятельства внеязыковой действительности являются причиной нарушения принятых норм ведения коммуникации, повышения эмоциональности высказываний, возникновения агрессивных речевых действий, что находит отражение в современных лингвистических исследованиях [Воронцова, 2006; Какорина, 1996; Петрова, 2011; Сковородников, 1997]. Раскрытие отрицательных характеристик объекта речи, неодобрение и обличение негативных сторон ситуации и явлений действительности находят своё отражение в синтаксических фразеологизмах. Под речевой агрессией понимается «жёсткое, подчёркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, 2011, с. 32].

Феномен речевой агрессии можно наблюдать на разных уровнях языка, в том числе и на уровне синтаксиса. Возможной формой проявления враждебного речевого поведения является обращение к использованию синтаксических фразеологизмов с семантикой отрицания, неодобрения и др. Природа синтаксических фразеологизмов – устная речь, однако имитация разговорной речи, активно используемая в текстах художественных произведений и средств массовой информации, обусловливает проникновение синтаксических фразеологизмов в сферу письменной речи.

Под синтаксическими фразеологизмами понимаются фразеологизированные предложения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия», построения «с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Шведова 2003; Русская грамматика II]. Синтаксическим фразеологизмам свойственны устойчивость, идиоматичность, частичная воспроизводимость, двукомпонентность, способность реализовывать модусное значение, сниженная стилистическая маркированность.

Речевая агрессия характеризуется целенаправленностью и осознанностью, в свою очередь, синтаксические фразеологизмы заключают

в себе реакцию на сложившуюся ситуацию и предназначены не для воздействия на адресата, а для выражения отношения говорящего к ситуации речи, в том числе и негативного, нередко враждебного. Оценка в синтаксических фразеологизмах и контексте имеет вербальное и невербальное воплощение. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах проявляется в лексическом наполнении синтаксической единицы и контекста, представляется имплицитно словами с ложной положительной оценкой и основывается на последовательности постоянного и переменного компонентов, на пунктуационном и интонационном оформлении высказывания.

В современных исследованиях указывается, что при агрессивном речевом поведении наблюдаются два типа коммуникативного намерения: «1) выражение негативного отношения к кому- или чему-либо; 2) ориентация на антидиалог, то есть на субъектно-объектный некооперативный тип общения с адресатом» [Коряковцева, 2008, с. 86]. Для синтаксических фразеологизмов характерна первая интенция, так как исследуемые построения предназначены для выражения точки зрения говорящего в ответной реплике диалога, в них заключена реакция на окружающую обстановку и суждения адресата. В связи с этим для синтаксических фразеологизмов свойственна экспрессивная и эмоциональная окрашенность, сниженная стилистическая маркированность. «Эмоциональная оценка действия, поступка, события является коммуникативной целью высказывания и составляет его диктумный смысл» [Лекант, 2012, с. 47].

2. Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов типа «*Хоть* + V_{imper}»

В современном русском языке широко распространены фразеологизмы, в структуру которых включён компонент *хоть*: *хоть брось, хоть в петлю лезь, хоть волком вой, хоть глаз выколи, хоть завались, хоть зарежь, хоть караул кричи, хоть лопни, хоть разорвись, хоть плачь, хоть святых выноси, хоть стой, хоть падай, хоть трава не расти, хоть тресни, хоть убей*. От синтаксических фразеологизмов данные выражения отличают воспроизводимость, постоянный состав компонентов, строго закреплённое в языке значение. Ср.: *Нет, думаю, не буду: а ну как они меня опять привлекут по партийной линии к оперативной работе? А я этого не могу.* ***Хоть убей****, не могу. Но других недостатков у меня нет, Медея Георгиевна* (Л. Улицкая. Медея и её дети); **хоть убей** ‘выражение невозможности понять, уяснить и т. п. что-либо, поверить чему-либо или сделать, выполнить что-либо’ [ФСМ, с. 487]; *Объектов среднего качества или вообще без качества среди будущих машинистов сцены, осветителей и звукооператоров было* ***хоть отбавляй*** (Л. Улицкая. Лестница Якова); **хоть отбавляй** ‘очень, слишком много’ [ФСМ, с. 299]; *Перед людьми стыдно, но перед богом* ***хоть плачь****, хоть нет – он всё знает* (Коммерсантъ, 20.05.2019); **хоть плачь** ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения’ [ФСМ, с. 322]; *Продолжаю: до конца октября было солнце – бывали ясные дни et cetera – теперь же* ***хоть лопни*** *– ни одного светлого куска неба! И так будет до конца февраля. Ни одного хорошего дня!* (Л. Улицкая. Лестница Якова); *– Ну вот хочется ему, чтобы Ганелин оказался замешан, и* ***хоть ты тресни!*** (А. Маринина. Незапертая дверь); **хоть лопни (тресни)** ‘что ни делай, ни старайся (всё равно бесполезно, напрасно и т. п.). О бесполезности, тщетности чьих-либо усилий, стараний’ [ФСМ, с. 233] и т. п.

По формальным признакам с лексическими фразеологизмами сближаются синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть* + V_{imper}», построенные по модели односоставного предложения и заключающие в себе постоянный компонент, представленный союзом *хоть*, и переменный компонент, выраженный императивом: *Такая наша местная реальность, на которую* ***хоть открывай*** *глаза,* ***хоть закрывай*** *– ничего не меняется* (Известия, 10.10.2013*); После дня рождения что-то накатило –* ***хоть*** *к мозгоправу* ***иди.*** (Коммерсантъ, 21.10.2022). Анализируемые языковые единицы заключают реакцию говорящего на ситуацию, условия коммуникации. При этом господствует негативная реакция, неодобрение, недовольство, сожаление по поводу чего-либо. Переменный компонент представлен глаголом, обозначающим действие, благодаря которому говорящий мог бы приспособиться к ситуации, изменить своё отношение к обстоятельствам речи (*открывай, закрывай, иди*).

О значении негативного отношения к нецелесообразности реальных и ирреальных действий, неодобрения называемых в

предложениях действий, свидетельствует Большой толковый словарь С. А. Кузнецова, в котором среди прочих у союза *хоть* отмечается значение безнадёжности положения, бессмысленности усилий: ***Хоть весь свет обойди**, такой красавицы не найдёшь* [МАС, IV, с. 622].

В БАС отмечается, что уступительный союз *хоть* в сочетании с повелительной или неопределённой формой глагола обозначает «некий предел, степень проявления чего-нибудь или допустимое следствие чего-нибудь в значении ‘так (такая), что впору, до такой степени, что’» [БАС, XVII, с. 414]. Условный союз *хоть* «выражает (с глаголами будущего времени и повелительной формой глагола) предположительное условие, в значении ‘даже если, пусть даже, в случае и’, связывает условное придаточное с главным, употребляясь в начале придаточного предложения»: *Да отсюда **хоть три года скачи**, ни до какого государства не доедешь* [БАС, XVII, с. 416].

В ТСРЯ разграничивается собственно уступительное значение союза *хоть* и значение ‘до такой степени, что (о чём-то крайнем в своем проявлении)’, свойственное устойчивым выражениям: *Не понимает, **хоть сто раз объясняй**; Ничего не понимаю, **хоть убей** (разг.); **Хоть выжми** (о чём-нибудь мокром; разг.); **Хоть умри**, а сделай; Не соглашается**, хоть умри*** [ТСРЯ, с. 1071]. Действительно, в устойчивых выражениях с союзом *хоть* уступительное значение ослабляется, актуализируется семантика степени и следствия. Ср.: *Порой в ход идут такие ноу-хау, что **хоть стой, хоть падай*** (Комсомольская правда, 2011.05.03); *Н-да, аргументация – **хоть стой, хоть падай*** (А. Маринина. Незапертая дверь). Фразеологизм *хоть стой, хоть падай* имеет значение крайнего удивления, недоумения, растерянности [ТСРЯ, с. 947].

Переменный компонент синтаксических фразеологизмов представляет собой императив, подвергшийся десемантизации, в результате чего в структуре синтаксического фразеологизма при сохранении ирреальности значения глагол теряет традиционное значение побуждения к действию. Лексическое наполнение переменного компонента свободно, однако оно оказывает воздействие на содержание, смысл всего высказывания. Ср.: *Вот это красивый выход из скандала, куда дважды олимпийскую чемпионку втянуло одно СМИ, передёрнувшее её слова: «Жизнь в Волгограде такая, что **хоть стреляйся** – поэтому я уезжаю на ПМЖ в Монте-Карло»* (Комсомольская правда, 2013.08.26). Ситуация представляется как не поддающаяся разрешению, единственный целесообразный выход из оцениваемой ситуации обозначен глаголом *застрелиться*, однако действие, названное говорящим, не будет выполнено, так как видится напрасным. Ср.: *Замечательная девушка Наташа из Понетаевского интерната говорит: «Я в детдоме выросла, после детдома сюда попала, до гробовой доски тут буду, вот **хоть повесьте** меня на этой берёзе, а никуда отсюда не пойду»* (Коммерсантъ, 2022.01.22); *Хоть три маски надень, а грузный мужчина с авоськами так и нависал всем телом надо мной, рискуя плюхнуться мне на коленки!* (Комсомольская правда, 2013.02.05). Как отмечает А. В. Величко, обозначенное императивом действие представляется «самой решительной, крайней мерой, поэтому <…> называемый выход не обязательно будет принят, говорящий скорее всего не сделает того, о чём говорит, и называемое действие останется лишь декларированным, заявленным, но неосуществлённым» [Величко, 1996, с. 30]. В приведённых примерах крайняя мера подчёркивается, например, преувеличенным количеством объектов предполагаемого действия (*хоть три маски надень*).

В рассматриваемых синтаксических фразеологизмах переменный компонент представлен акциональными глаголами 1) физического действия (*Понятно, что восставшие крестьяне здесь белые и пушистые, а аристократы омерзительны настолько, что **хоть** сейчас **вешай** их на фонарях* (РБК Дейли, 2014.03.13)); 2) перемещения, движения в пространстве (*Да ещё и от воды парит так – **хоть ныряй*** (Советский спорт, 2013.07.08)); 3) речевого действия (***Хоть** криком **кричи,** что мы не питаемся водкой и не соседствуем с медведями – кто поверит?* (Комсомольская правда, 2013.06.25)); 4) интерсубъектного действия (*Тут самое важное, чтобы эти периоды не совпали! Потому что тогда **хоть разводись**. Нужно позволять близким слабости и ошибки* (Комсомольская правда, 2013.08.16)); 5) донативного действия [классификация глаголов приводится по: Золотова, 1998, с. 60–61] (***Хоть запокупайся** потом – ничего не получишь. Теперь думцы эту несправедливость*

устраняют (Комсомольская правда, 2013.04.11)).

3. Выражение речевой агрессии синтаксическими фразеологизмами типа «*Хоть* + V_{imper}»

Одним из слагаемых речевого поведения является категория оценки. В синтаксических фразеологизмах типа «*Хоть* + V_{imper}» выражается негативная оценка говорящим ситуации или предмета речи. Одним из «самых продуктивных модальных значений, „смешанных, переплетённых с оценкой"» является неодобрение. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признаётся сопутствующей, недифференцированной, отвлечённой [Лекант, 2002, с. 118].

Речевая агрессия не является ключевым намерением, заключённым в форму синтаксического фразеологизма. Синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть* возможно рассматривать как проявление речевой агрессии в связи с тем, что они выражают неодобрение обстановки, состояния предмета речи, в них признаётся плохой сложившаяся ситуация. Речевая агрессия, реализованная с помощью синтаксического фразеологизма, не имеет таких категоричных форм проявления, как ссора, угроза, ругать, оскорбление и др. Ср.: 1) *Беспечная: отправляясь в церковь, забыла про исповедь напрочь. А Маша не предупредила.* ***Хоть разворачивайся*** *и* ***уходи*** (Д. Гуцко. Машкин Бог); 2) *В общем, мать не прописывает, без прописки я даже мою инвалидскую пенсию получить не могу, сунуться некуда, на работу опять же без прописки не берут,* ***хоть ложись*** *и* ***помирай*** (Л. Улицкая. Народ избранный); 3) *Настроение –* ***хоть вешайся*** (Л. Улицкая. Народ избранный). 4) *Нет, я очень люблю делегировать всё и всем. Другое дело, что бывают люди, которые хотят только Чулпан Хаматову,* ***хоть разбейся в лепешку****. И тогда, конечно, встаёшь и идёшь* (Коммерсантъ, 13.12.2020). В подобных построениях неодобрение связано с дополнительным модальным значением – высокой степенью проявления признака, а несогласие со сложившимся положением дел, обида, раздражение могут быть интерпретированы как речевая агрессия. В первом контексте парцелляция усиливает эмоциональность высказывания, порицание говорящим ситуации.

Неодобрение происходящего, угроза совершения крайнего действия заключается в лексическом наполнении переменного компонента: используется императив *помирай* и устойчивое выражение *разбиться в лепёшку,* имеющие просторечную стилистическую окраску, императивы *разворачивайся*, *уходи*, *вешайся*, свидетельствующие о категоричности действия, высокой степени проявления критического осмысления происходящего.

В роли переменного компонента синтаксического фразеологизма могут выступать глаголы, характеризующиеся не только пометой «просторечное», но и пометой «разговорное», «бранное», «презрительное», «пренебрежительное», «уничижительное»: *Но есть места, где* ***хоть изрежься****, всем плевать, помрёшь и помрёшь, никого не волнует* (Новая газета, 20.10.2018); – *Ну, Любка, подь ты к чертям! Тебя наслушаешься – так* ***хоть удавись****…* (В. Астафьев. Обертон); *Нет, ничего не работает –* ***хоть расшибись****, а с утра всегда рычажок повёрнут, и полы ледяные* (lenta.ru, 11.03.2011); *Срочно, непременно, чего бы то ни стоило, кровь из носу,* ***хоть сдохни!*** (Московский комсомолец, 13.12.2018) и др. Употребление лексики, обладающей отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией, является частым показателем речевой агрессии. Ср.: *Внутрь их не пустили, выставили столы наружу, дали ручки – пожалуйста,* ***хоть обжалуйтесь!*** (Новая газета, 01.09.2017); *И величия уж не осталось, да и немота преодолена –* ***хоть заорись*** (Новая газета, 16.08.2017); *В киберпространстве можно топнуть ногой, чтобы из-под земли тут же поднялись легионы хомяков, в обыкновенном пространстве* ***хоть обтопайся****, из-под земли кроме лопуха ничего не растёт* (Известия, 01.07.2013). Глаголы *обжаловаться, заораться, обтопайся* не имеют фиксации в словарях. С помощью приставки *об-*, имеющей значение достигательного способа действия и присоединяющейся к глаголу *жаловаться,* реализуется значение ‘категорично высказать полное неудовольствие по поводу несправедливости’, при присоединению к глаголу *топать* – значение ‘произвести неоднократный сильный стук ногами’. В свою очередь глагол *заораться,* выступая в качестве переменного компонента, имеет значение доведения до излишества, до крайней степени крика. Предпочтение говорящим действия, характеризующегося чрезмерностью, свидетельствует о негативной реакции на существующую конфликтную ситуацию общения.

Усиление негативного эмоционально-оценочного отношения реализуется за счёт сле-

дования друг за другом синтаксических фразеологизмов одинаковой модели. Ср.: *На вопрос, как обстоят дела с экипировкой врачей в регионах, он отвечает: «Никак. **Хоть ты тряпку на голову наматывай, хоть ведро надевай**». Бригада с начала марта ездит на вызовы в самодельных марлевых масках* (Коммерсантъ, 20.04.2020); ***Хоть перепишите** историю, **хоть** все города **переназовите**, **сотрите** эту историю. Невозможно это. Все они вернутся к себе домой. Вопрос времени* (Комсомольская правда, 03.08.2021); *Он резюмировал, что «в республике доверие к органам власти ещё раз подтверждено было этим голосованием и высокой явкой». – Силой никого не затащишь. **Хоть кричи, хоть свет туши, хоть не знай**, что **делай** там* (Коммерсантъ, 13.09.2019). В качестве переменного компонента используются слова, называющие действия, которые видятся напрасными при достижении цели, в связи с чем ситуация оценивается как безвыходная, что и вызывает критику говорящего. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах выражается закреплённым порядком следования компонентов и повтором однотипных синтаксических фразеологизмов. При несомненной адресованности кому-либо из участников коммуникации использование синтаксических фразеологизмов в речи не определяют намерение говорящего изменить установки адресата.

Значение нежелательности совершения действия, обусловленное ситуацией, сопровождается включениемотрицания. Ср.: *Старая шерсть с меня сыплется – **хоть в дом не заходи*** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот); *Вчера только Наталья пропылесосила всю огромную пятикомнатную квартиру, а сегодня жильё выглядит так, словно в нём год не убирались. Ковровые покрытия сочного синего и бордового цветов снова стали белёсыми и пыльными на вид. **Прямо хоть окна не открывай!*** (А. Маринина. Незапертая дверь).

Одним из способов выражения субъективной оценки высказывания является ироническое употребление синтаксических фразеологизмов. Под иронией понимается «стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете» [МАС, I, с. 675]. Иронию, как правило, связывают с отрицательной оценкой объекта речи [Ермакова, 1996, с. 49; 2002; ср., например: *ирония* ‘тонкая, скрытая насмешка’; *насмешка*‘обидная шутка, издёвка’ [ТСРЯ, с. 305, 495]. Вместе с тем в ироническом высказывании может быть представлена в той или иной степени положительная оценка предмета речи, действительности [см., например, в: Noailly 1997, с. 34–35]. Ср.: *Как пройдётся по ковру с видом европейской манекенщицы, виляя всеми лапками, – **хоть стой, хоть падай!*** (Э. Успенский) и т. п. Упоминание о европейской манекенщице связывается с красотой, элегантностью, достоинством. В конструкции реализуется высшая степень похвалы, нестандартный выбор объекта сравнения (собака – прекрасная девушка) вызывает иронию [Лагузова, 2016, с. 9].

Иронию, считается позволительным, рассматривать как косвенное выражение речевой агрессии, в виду того что для высказывания характерно несоответствие плана выражения плану содержания и требуется дополнительная интерпретация, основывающейся на анализе несоответствия предполагаемого действия и орудия действия: *Ему надо хорошо работать, чтобы скорее перевели на поселение, а для перевыполнения плана необходимы вот эти диски и прочее. Там, на зоне, ничего у них нет – **хоть** пальцем болты **закручивай*** (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию); *А в капюшонах которые, вот им всегда кричат – не слышат и не видят, только впереди себя. Два капюшона если встретились посреди дороги – вообще ничего не видят, **хоть дави их мусоровозом*** (М. Жванецкий. Женщины). Невыводимость значения синтаксического фразеологизма из входящих в его структуру компонентов свидетельствует о скрытой речевой агрессии, заключённой в высказывании с семантикой иронического неодобрения. Ср. также: *Вблизи он казался не просто худ, но настоящий кощей, торчали наружу все лицевые кости, – **хоть изучай** анатомию* (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию). Ирония реализуется в данном контексте как насмешка. В предложении представлено «явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путём доведения до абсурда самой возможности положительной оценки, осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [ЛЭ]. Критика деталей, дискредитирующих объект, свидетельствует о проявлении речевой агрессии.

Негативное отношение к предмету речи, скрывающееся под маской иронии, может быть интерпретировано при анализе контекста: *Нечего валяться, усаживайтесь, мы сейчас будем пить бульон со сплетнями, потому что вы и вообразить себе не можете – Курнаков завел себе новую пассию, да какую! Феерическая блондинка, бюст – **хоть стол** на двадцать две персоны **накрывай*** (Степнова М. Женщины Лазаря). В представленном примере заключена неодобрительная оценка предмета речи. Говорящий заявляет своё речевое намерение (*будем пить бульон со сплетнями*), предполагающее публичное недоброжелательное высказывание, сопровождающееся выявлением негативных черт объекта и их осуждение. Речевая агрессия представлена косвенно, направлена на оцениваемый объект (феерическую блондинку), заключена в форме намеренной злой шутки, предусматривающей изменение у окружающих отношения к объекту речи.

Речевая агрессия проявляется в коммуникативном конфликте. На интерпретацию значения синтаксического фразеологизма влияют факторы неязыковой действительности. Ср.: 1) *Как написал дипломат в своём Telegram- канале, вспомнился Жванецкий: «Отрегулировал. Всё вот так – хоть не приходи, полный порядок». По словам Захаровой, американцы такую демократию в Афганистане отрегулировали, что **хоть народ вывози**, «и не приходи, всё вот так»* (Российская газета, 15.07.2021); 2) *Все разговоры – про коронавирус и кризис, **хоть из окна выпрыгивай**. Так ведь нельзя без пропуска…* (Труд, 21.02.2020); 3) *Не знаю, как кто, а я так глазам своим не поверил, когда прочитал, что в больницах Москвы плановую помощь будут оказывать только привитым пациентам. Остальные – **хоть помирай?*** (Русский вестник, 02.07.2021). Представленные контексты содержат синтаксические фразеологизмы, имеющие значение иронического неодобрения, что свидетельствует о скрытой речевой агрессии. Дополнительное оценочное значение высказываниям сообщает цитирование и обращение к авторитетному мнению (контекст 1), что можно рассматривать как речевой приём манипулирования сознанием читателей. В контекстах 2, 3 речевая агрессия рассматривается как реакции на раздражающий фактор – сложившуюся в обществе обстановку, контроль за соблюдением правил, установленных для предотвращения распространения инфекции.

Отметим, что в структуре синтаксического фразеологизма типа «*Хоть* + V_{imper}» наблюдается включение факультативных элементов *(…он загорелся желанием всенепременно заполучить её и удвоил натиск: то в кино пригласит, то пирожков с повидлом из студенческой столовой притащит, то побитый букет гвоздик преподнесет – до того жухлый, **хоть немедленно выкидывай*** (Абгарян Н. Зулали*); Он даже хотел сделать ей замечание… Но вдруг подумал: «Да **хоть на голову себе валите**, мне-то что…»* (Гришковец Е. Шрам)), однако значение синтаксического фразеологизма остаётся стабильным, свидетельствует о системности [см. о системности идиом, например, в: Schröder 2015, с. 202] синтаксических фразеологизмов как синтаксических единиц современного русского языка.

При интерпретации текстов современных средств массовой информации особую роль играют заголовки газетных статей, по мнению исследователей, «важную и болезненную проблему современного массмедийного дискурса составляет речевая агрессивность заголовков, в частности заголовков, где используется прецедентное имя или высказывание» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 145]. Синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть* + V_{imper}» и лексические фразеологизмы, по модели которых построены исследуемые нами конструкции, используются в качестве заголовков газетных статей часто в трансформированном виде. Изменению подвергается имя существительное в составе устойчивого выражения: *Хоть права не расти* (Коммерсантъ, 21.04.2021); *Хоть газ выколи* (Коммерсантъ, 29.10.2021); *Хоть ядром покати* (Коммерсантъ, 02.11.2020); *Хоть рублём покати* (Коммерсантъ, 05.02.2021). Наблюдаются примеры образования синтаксического фразеологизма путёмзамены императива: *Хоть святых приноси* (Коммерсантъ, 22.06.2021); *Хоть из-под земли поставь* (Коммерсантъ, 21.01.2021). Использование подобных построений создаёт комический эффект, воздействует на сознание читателя, что следует расценивать как элементы речевого манипулирования. В конструкциях усиливается авторская точка зрения, неодобрительное отношение к описываемым в статье явлениям, таким образом, трансформированные конструкции в качестве заголовка газетной статьи выполняют функцию речевого воздействия.

Речевая агрессия как проявление экспрессивности высказывания реализуется в синтаксических фразеологизмах, имеющих преимуществен-

но восклицательную организацию конструкции: *Один знакомый лектор (из прогрессивных) жаловался мне: «На тысячу вопросов готов ответить. Есть два, которые меня смущают.* ***Хоть с работы увольняйся!..*** (С. Довлатов. Марш одиноких). «В предложении совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация даёт говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [Лекант 2012, с. 47].

Негативная оценка, отрицание, порицание явлений действительности реализуется в предложениях, конечный знак которых – многоточие: 1) *Война несёт в себе удушливое ощущение смертельной тягости, она как-то непостижимо чувствуется душой, всем естеством.* ***Хоть закрой глаза, не выходи на улицу, не смотри в телеэкран, газеты, интернет****… Мне до сих пор больно смотреть даже на снимки сожжённого Крещатника* (Литературная газета, 18.06.2014); 2) *Что большее преступление: открыть для россиян этот чудо-остров, осовременив его яхтенными причалами и зоной отдыха, или, наоборот, сделать Кижи местом элитарным и нетронутым, чтобы ехать туда за тишиной?* ***Хоть референдум проводи****…* (Комсомольская правда, 2013.03.19); 3) *– Ты, тётя Вася, смотри, какая здоровенная, на тебе* ***хоть*** *воду* ***вози****, а всё молишься…* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Многоточие усиливает неявное выражение речевой агрессии, заключённой в высказывании. На месте многоточия может подразумеваться эмоционально окрашенное слово, выражение, что также может свидетельствовать об агрессивном речевом поведении. В представленных контекстах агрессия создаётся также и за счёт «перенасыщения текста негативным материалом» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 138].

Выводы

В современном русском языке распространены синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть* + V_{imper}» со значением неодобрения, что отражает тенденцию к демократизации литературного языка, которая проявляется, в частности, в сближении устно-разговорной и письменной речи, имитации разговорной речи в речи письменной. Синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть* + V_{imper}» в современном русском языке, реализуя значения негативной оценки, иронии, неодобрения и др., обладают неоспоримым потенциалом реализовывать речевую агрессию. При этом речевая агрессия не является основным значением синтаксических фразеологизмов, оно сопутствует основным значениям, может устанавливаться только при анализе контекста. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах типа «*Хоть* + V_{imper}» выражается лексемами со сниженной стилистической окраской, закреплённым порядком следования компонентов.

Библиографический список

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Москва : Знак, 2008. 656 с.

2. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. Около 30 000 наиболее употребительных слов. Москва : Словари XXI века «АСТ+ ПРЕСС ШКОЛА». 1452 с.

3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

4. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография. Москва : МАКС Пресс, 2016. 411 с.

5. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев : учебное пособие. Москва, 1996. 96 с.

6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) 2-е изд. Москва : Высшая школа, 1972. 616 с.

7. Ермакова О. П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. Москва, 2002. Т. 61. № 4. С. 30–36.

8. Ермакова О. П. Об иронии и метафоре // Облик слова : сб. статей. Москва : Ин-т русского языка, 1997. С. 48–57.

9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва : МГУ, 1998. 528 с.

10. Коряковцева Е. И. Язык современной российской прессы: варваризмы и агротизмы как сигналы речевой агрессии // Współczsena komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. Warsawa, 2008.

11. Лагузова Е. Н. Синтаксические фразеологизмы с союзом хоть в современном русском языке / Е. Н. Лагузова, О. Н. Прокопова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 8–10.

12. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 5. С. 44–48.

13. Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. Москва : Издательство МГОУ, 2002. 312 с.

14. Литературная энциклопедия: В 11 т. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (дата обращения: 04.09.2020)

15. Меликян В. Ю. Очерки по синтаксису нечленимых предложений : учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001.

16. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. Москва : Флинта, Наука, 2011. 160 с.

17. Русская грамматика : в 2 т / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1980. Т I. 783 с.

18. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4-х т. Т. IV. Москва : Русский язык, 1988. 800 с.

19. Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. : В 17 т. Т. XVII. Москва–Ленинград, 1965. 2126 с.

20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 2011. 1175 с.

21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1986. 543 с.

22. Шмелёв Д. Н. О синтаксической членимости предложения // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 376–388.

23. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. Москва, 1986. С. 17–58.

24. Noailly Michèle. À propos Fabrice: nomination et ironie dans La Chartreuse de Parme // L'Information grammaticale. 1997. № 73. P. 32–35.

25. Schröder Daniela. Spilling some linguistic beans: on the syntactic flexibility of idioms // Within Language, Beyond Theories (Volume III). Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-based Studies/ Chapter 12. Cambridge Scholars Publishing. P. 190–205.

Reference list

1. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Aspekty teorii frazeologii = Aspects of phraseological theory. Moskva : Znak, 2008. 656 s.

2. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka = Complete Universal Dictionary of the Russian Language / pod red. V. V. Morkovkina. Okolo 30 000 naibolee upotrebitel'nyh slov. Moskva : Slovari XXI veka «AST+ PRESS ShKOLA». 1452 s.

3. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij = Phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary/ otv. red. V. N. Telija. Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 s.

4. Velichko A. V. Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke: strukturno-semanticheskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie = Russian sentences with phraseological structure: a structural-semantic and functional-communicative study : monografija. Moskva : MAKS Press, 2016. 411 s.

5. Velichko A. V. Sintaksicheskaja frazeologija dlja russkih i inostrancev = Syntactic phraseology for Russians and foreigners : uchebnoe posobie. Moskva, 1996. 96 s.

6. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language (the grammatical doctrine of the word). 2-e izd. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. 616 s.

7. Ermakova O. P. Ironija i problemy leksicheskoj semantiki = Irony and problems of lexical semantics // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. Moskva, 2002. T. 61. № 4. S. 30–36.

8. Ermakova O. P. Ob ironii i metafore = On irony and metaphor // Oblik slova : sb. statej. Moskva : In-t russkogo jazyka, 1997. S. 48–57.

9. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the Russian language. Moskva : MGU, 1998. 528 s.

10. Korjakovceva E. I. Jazyk sovremennoj rossijskoj pressy: varvarizmy i agrotizmy kak signaly rechevoj agressii = The language of the modern Russian press: barbarisms and agroticisms as signals of speech aggression // Współczsena komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. Warsawa, 2008.

11. Laguzova E. N. Sintaksicheskie frazeologizmy s sojuzom hot' v sovremennom russkom jazyke = The language of the modern Russian press: barbarisms and agrotyisms as signals of speech aggression / E. N. Laguzova, O. N. Prokopova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 2.S. 8–10.

12. Lekant P. A. Kategorii racional'nogo i jemocional'nogo v russkom jazyke i russkoj rechi = Categories of rational and emotional in the Russian language and Russian speech // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija». 2012. № 5. S. 44–48.

13. Lekant P. A. Ocherki po grammatike russkogo jazyka = Essays on Russian grammar. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2002. 312 s.

14. Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. = Literary encyclopedia: In 11 vols. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (data obrashhenija: 04.09.2020)

15. Melikjan V. Ju. Ocherki po sintaksisu nechlenimyh predlozhenij = Essays on the syntax of indivisible sentences : ucheb. posobie. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. gos. ped. un-ta, 2001.

16. Petrova N. E., Raciburskaja L. V. Jazyk sovremennyh SMI. Sredstva rechevoj agressii = The language of modern media. Expressingaggression. Moskva : Flinta, Nauka, 2011. 160 s.

17. Russkaja grammatika : v 2 t. = Russian grammar : in 2 vols. / gl. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Nauka, 1980. T I. 783 c.

18. Slovar' russkogo jazyka = The Russian language dictionary / pod red. A. P. Evgen'evoj : v 4-h t. T. IV. Moskva : Russkij jazyk, 1988. 800 s.

19. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = Dictionary of the Russian literary language / pod

red. A. M. Babkina, S. G. Barhudarova, F. P. Filina i dr. : V 17 t. T. XVII. Moskva–Leningrad, 1965. 2126 s.

20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory dictionary of the Russian language, including data on the origin of words / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Azbukovnik, 2011. 1175 s.

21. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language / pod red. A. I. Molotkova. Moskva : Russkij jazyk, 1986. 543 s.

22. Shmeljov D. N. O sintaksicheskoj chlenimosti predlozhenija = Onsyntactic sentence dividedness // Izbrannye trudy po russkomu jazyku / vst. st. L. P. Krysina. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. S. 376–388.

23. Jakubinskij L. P. O dialogicheskoj rechi = On dialogic speech // Izbrannye raboty: Jazyk i ego funkcionirovanie. Moskva, 1986. S. 17–58.

24. Noailly Michèle. À propos Fabrice: nomination et ironie dans La Chartreuse de Parme // L'Information grammaticale. 1997. № 73. P. 32–35.

25. Schröder Daniela. Spilling some linguistic beans: on the syntactic flexibility of idioms // Within Language, Beyond Theories (Volume III). Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-based Studies/ Chapter 12. Cambridge Scholars Publishing. P. 190–205.

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 13.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_66
EDN: TPJHTI

О проблеме синтаксической синонимии и особенностях структурно-семантического анализа сложносочиненных предложений с компонентами «от этого» и «оттого»

Инна Константиновна Алексеева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). 121552, г. Москва, ул. Оршанская, д. 3
inna.alexeeva7@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0001-9008-484X

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение проблемы синтаксической синонимии и особенностей структурно-семантического анализа сложносочиненных предложений, содержащих «от этого», «оттого». Дана классификация данных предложений по силе выражения причинно-следственных отношений в зависимости от состава союзных сочетаний, возможность использования анализируемых предложений в качестве синтаксических синонимов. В исследовании использовался метод сплошной выборки, метод структурно-семантического анализа, метод компонентного анализа, методы эмпирического исследования (сравнение и описание). Для анализа рассматриваемых сложных предложений целесообразно использовать термин «ядерный компонент», под которым понимается главная, «ядерная» часть составного союзного сочетания со значением следствия, которая присутствует во всех разновидностях предложений данного типа. «Ядерным компонентом» можно считать союзное сочетание со значением следствия «от этого», которое присутствует во всех предложениях данного типа: «от этого», «от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», «от этого и», «от этого-то и». Во второй группе анализируемых сложносочиненных предложений «ядерным компонентом» можно считать союзное сочетание со значением следствия «оттого», которое присутствует во всех разновидностях предложений данного типа: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и». Под «союзным сочетанием со значением следствия» автор понимает такое сочетание, первым компонентом которого является сочинительный союз «и», который может быть опущен, а вторым компонентом является в первой группе предложений союзное слово «от этого» (форма родительного падежа указательного местоимения «это») и союзное слово «оттого» во второй группе анализируемых предложений.

Ключевые слова: синтаксические синонимы; союзное сочетание со значением следствия; «ядерный компонент»; формальный показатель причинно-следственных отношений; усилительно-подчеркивающая частица «-то»; сочинительный союз «и»; структурно-семантический анализ

Для цитирования: Алексеева И. К. О проблеме синтаксической синонимии и особенностях структурно-семантического анализа сложносочиненных предложений с компонентами «от этого» и «оттого» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 66–74. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_66. https://elibrary.ru/TPJHTI

Original article

On syntactic synonymy and the specifics of the structural-semantic analysis of compound sentences with the components «от этого» and «оттого»

Inna K. Alekseeva
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of the russian language, Moscow aviation institute (national research university). 121552, Moscow, Orshanskaya st., 3
inna.alexeeva7@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0001-9008-484X

Abstract. The study aims to consider the issues of syntactic synonymy and the features of structural-semantic analysis of compound sentences containing «от этого» and «оттого». The article contains a classification of these sentences according to the power of expression of causal relations depending on the structure of the conjunctions, the possibility of using the sentences under analysis as syntactic synonyms. The author uses the method of continuous sampling, the method of structural-semantic analysis, the method of component analysis, and the methods of empirical research

© Алексеева И. К., 2023

(comparison and description). To analyze the compound sentences under consideration, it is advisable to use the term «nuclear component», which means the main, «nuclear» part of a compound conjunction with the meaning of consequence, which is found in all sentence variants of this type. The conjunctive phrase with the meaning of the consequence «от этого» can be considered Pthe «core component», which can be found in all sentences of this type: «от этого», «от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», «от этого и», «от этого-то и». In the second group of the compound sentences under analysis, the «nuclear component» is the conjunction with the meaning of the consequence «оттого», which can be found in all sentences of this type: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и». By a «conjunction with the meaning of consequence» the author understands such a combination whose first component is the coordinating conjunction «и», which can be omitted, and the second component is the conjunctive word «от этого» (the genitive of the indicative pronoun «это») in the first group of sentences and the conjunctive word «оттого» in the second group of the sentences under analysis.

Key words: syntactic synonyms; conjunctive phrase with the meaning of consequence; «nuclear component»; formal indicator of causal relations; intensifying particle «-то»; coordinating conjunction «и»; structural-semantic analysis

For citation: Alexeeva I. K. On syntactic synonymy and the specifics of the structural-semantic analysis of compound sentences with the components «от этого» and «оттого». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):66–74. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_66. https://elibrary.ru/TPJHTI

Введение

Материалом исследования стали сложносочиненные предложения, содержащие в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание со значением следствия «от этого» и сочетания с ним: «от этого», « от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», «от этого и», «от этого-то и»; и сложносочиненные предложения, содержащие в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание со значением следствия «оттого» и сочетания с ним: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и».

Результаты исследования

В результате проведенного анализа сделан вывод, что сложносочиненные предложения, содержащие в качестве «ядерного компонента» союзные сочетания со значением следствия «от этого» и «оттого» выражают причинно-следственные отношения. Союзные сочетания «от этого» и «оттого» являются формальными показателями причинно-следственных отношений, а сложносочиненные предложения анализируемых двух групп являются синтаксическими синонимами. Сила выражения причинно-следственных отношений в предложениях рассматриваемых групп различна, зависит от состава союзных сочетаний со значением следствия и от исторической природы их образования. Наличие и позиция сочинительного союза «и», усилительно-подчеркивающей частицы «-то» по отношению к «ядерным компонентам» «от этого» и «оттого» ведет к увеличению силы выражения причинно-следственных отношений в данных предложениях.

Теоретическая значимость: теоретическая значимость исследования обусловлена расширением представления о роли сложносочиненных предложений, содержащих в качестве «ядерных компонентов» союзные сочетания со значением следствия «от этого», «оттого» в формировании функционально-семантических категорий. Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены в процессе преподавания курсов «Синтаксис русского языка», «Функциональная грамматика».

Анализу сложносочиненных предложений, содержащих в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание со значением следствия «от этого» посвящены работы З. Н. Великодворской и Е. В. Коток. Данные сложносочиненные предложения нуждаются в тщательном анализе и изучении, так как в исследованиях многих лингвистов обнаружены разногласия по вопросу определения их структурно-семантического значения, выбора терминологии для обозначения анализируемых предложений [Великодворская, 1963; Коток, 1963].

Данные предложения относятся к сложносочиненным предложения с союзом «и», в которых выражаются присоединительно-определительные отношения [Грамматика русского языка, 1954, с. 194; Грамматика русского языка, 1960, с. 198]. Они названы соединительно-распространительными предложениями, которые выражают причинно-следственные отношения [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 663]. Данные предложения названы присоединительно-комментирующими [Русская грамматика, 1980, с. 618].

В сложносочиненных предложениях, содержащих в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание «от этого», выражаются присоединительные и причинно-следственные отношения. Союзное сочетание «от этого» является

формальным показателем причинно-следственных отношений в данных предложениях, по своей синтаксической функции – обстоятельственным распространителем со значением причины, отвечает на вопрос почему? По какой причине? и относится к сказуемому второй части предложения. «От этого» – это форма родительного падежа указательного местоимения «это». Первый компонент союзного сочетания со значением следствия (сочинительный союз «и») опущен, второй компонент – союзное слово «от этого».

Формальный показатель причинно-следственных отношений «от этого» всегда стоит в начале второй части предложения.

…выстрелы были страшно оглушительны, от этого юнкера подолгу ходили со звоном в голове [Куприн, 1981].

Автором отмечено неконтактное употребление союзного сочетания «от этого» по отношению к главной части предложения, что в языке художественной литературы 19–20 веков реализуется редко.

Любви было мало, он страдал от этого. [Толстой, 1979].

В произведениях художественной литературы 19–20 веков автором найдены сложносочиненные предложения, содержащие в качестве формального показателя причинно-следственных отношений союзное сочетание со значением следствия «от этого-то». Первый компонент данного союзного сочетания со значением следствия (сочинительный союз «и») опущен, второй компонент – союзное слово «от этого» осложнено употреблением усилительно-подчеркивающей частицы «-то», стоящей в постпозиции по отношению ко второму компоненту союзного сочетания, со значением следствия, союзному слову «от этого». Причинно-следственные отношения в данных предложениях выражены сильнее, чем в предложениях с «от этого», что обусловлено употреблением усилительно-подчеркивающей частицы «-то» в составе союзного сочетания «от этого-то».

В его нраве появилась грубость и жестокость, от этого он ворчал. [Гончаров, 1979]

В его нраве появилась грубость и жестокость, от этого-то он ворчал.

В сложносочиненных предложениях с формальным показателем причинно-следственных отношений «и от этого» наличие первого компонента составного союзного сочетания со значением следствия (сочинительного союза «и») увеличивает силу выражения причинно-следственных отношений. Союзное сочетание со значением следствия «и от этого» всегда стоит в начале второй части предложения.

…играли на рояле, и от этого поднимались смутные и невозможные желания. [Толстой, 1979]

В анализируемых предложениях, содержащих формальный показатель причинно-следственных отношений «и от этого» причинно-следственные отношения выражены сильнее, чем в предложениях, содержащих формальные показатели причинно-следственных отношений «от этого», «от этого-то».

Ее глаза то суживались, то расширялись, от этого менялось все ее знакомо-незнакомое лицо. [Куприн, 1981]

Ее глаза то суживались, то расширялись, от этого-то менялось все ее знакомо-незнакомое лицо.

Ее глаза то суживались, то расширялись, и от этого менялось все ее знакомо-незнакомое лицо.

В составе показателя причинно-следственных отношений «и от этого-то» в анализируемых сложносочиненных предложениях отмечено употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то», стоящей в постпозиции по отношению к союзному сочетанию со значением следствия «и от этого».

…ему шутили о княжне Волконской, и от этого-то Ростов сердился. [Толстой, 1979]

Причинно-следственные отношения в сложносочиненных предложениях, содержащих формальный показатель причинно-следственных отношений «и от этого-то» выражены сильнее, чем в анализируемых предложениях с «от этого», «от этого-то», «и от этого», что обусловлено употреблением усилительно-подчеркивающей частицы «-то» и сочинительного союза «и» в качестве первого компонента союзного сочетания со значением следствия «и от этого-то».

Врага можно любить любовью божеской, от этого я радовался. [Толстой, 1979]

Врага можно любить любовью божеской, от этого-то я радовался.

Врага можно любить любовью божеской, и от этого я радовался.

Врага можно любить любовью божеской, и от этого-то я радовался.

В произведениях художественной литературы 19–20 веков автором зафиксировано употребление сложносочиненных предложений с формальным показателем причинно-следственных отношений «от этого и». Первый компонент союзного сочетания со значением следствия «от этого и» сочинительный союз «и» находится в постпозиции по отношению ко второму компоненту союзного сочетания союзному слову «от этого». В данном случае союзная функция «и» ослабляется, союз «и» сближается с функцией усилительной частицы [Виноградов, 1986].

В науку в те годы шли немногие чудаки, от этого и укрепился образ отрешенного, одержимого своей наукой отшельника. [Гранин, 1989]

Возможен случай неконтактного расположения частей союзного сочетания со значением следствия «от этого и».

…не нужно слишком предаваться развлечениям, от этого я и боюсь за тебя [Гончаров, 1979].

Причинно-следственные отношения выражены в сложносочиненных предложениях с «от этого и» сильнее, чем в предложениях, содержащих союзные сочетания со значением следствия «от этого», «от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», что обусловлено тем, что происходит сближение союза «и» с функцией усилительной частицы.

Ты стал лениться, от этого не видать тебя нигде. [Гончаров, 1979]

Ты стал лениться, от этого-то не видать тебя нигде.

Ты стал лениться, и от этого не видать тебя нигде.

Ты стал лениться, от этого и не видать тебя нигде.

В процессе анализа языка произведений художественной литературы 19–20 веков автором обнаружено употребление в рассматриваемых предложениях в составе формального показателя причинно-следственных отношений усилительно-подчеркивающей частицы «-то», употреблённой в интерпозиции по отношению к компонентам составного союзного сочетания со значением следствия: союзного слова «от этого» и сочинительного союза «и», союзная функция которого ослабляется, он сближается с функцией усилительной частицы.

Он не шевелился, от этого-то и происходило то странное выражение мертвенности на его лице. [Толстой, 1979]

В данных сложносочиненных предложениях, содержащих формальный показатель причинно-следственных отношений «от этого-то и» сила выражения причинно-следственных отношений возрастает, что обусловлено наличием в составе формального показателя усилительно-подчеркивающей частицы «-то» и сочинительного союза «и», употребленного в постпозиции по отношению к союзному сочетанию «от этого».

В результате анализа вышеуказанных предложений автором отмечена закономерность возрастания силы выражения причинно-следственных отношений в случае использования сочинительного союза «и» в качестве компонента формального показателя причинно-следственных отношений («и от этого», «от этого и»). Употребление данного союза в постпозиции по отношению к союзному сочетанию «от этого» ведет к еще большему возрастанию силы выражения причинно- следственных отношений.

Вторым способом усиления выражения причинно-следственных отношений является употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то» в составе формального показателя причинно-следственных отношений («от этого-то», «и от этого- то», «от э того-то и»).

Автором предложена классификация сложносочиненных предложений, содержащих в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание со значением следствия «от этого» в порядке возрастания силы выражения причинно-следственных отношений.

Волосы с висков были зачесаны за уши, от этого лицо у Марии Викторовны стало как будто шире. [Чехов, 1977]

Волосы с висков были зачесаны за уши, от этого-то лицо у Марии Викторовны стало как будто шире.

Волосы с висков были зачесаны за уши, и от этого лицо у Марии Викторовны стало как будто шире.

Волосы с висков были зачесаны за уши, и от этого-то лицо у Марии Викторовны стало как будто шире.

Волосы с висков были зачесаны за уши, от этого и лицо у Марии Викторовны стало как будто шире.

Волосы с висков были зачесаны за уши, от этого-то и лицо у Марии Викторовны стало как будто шире.

Автором отмечено, что увеличение силы выражения причинно-следственных отношений в анализируемых предложениях зависит от наличия в составе союзного сочетания со значением следствия сочинительного союза «и», от позиционного расположения данного союза (в препозиции или в постпозиции по отношению к союзному слову «от этого»); от наличия в составе союзного сочетания со значением следствия усилительно-подчеркивающей частицы «-то», от позиционного расположения данной частицы (в постпозиции или в интерпозиции по отношению к компонентам союзного сочетания).

Объектом исследования в нашей статье служат и сложносочиненные предложения, содержащие «ядерный компонент» союзное сочетание со значением следствия «оттого» и сочетания с ним: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и», в которых «оттого» является формальным показателем причинно-следственных отношений. Рассмотрению этой проблемы посвящены работы В. А. Белошапковой [Белошапкова, 1967] и Е. В. Скорлуповской [Скорлуповская, 1966]. «Оттого» является отсылочным словом и соотносит содержание второй части сложносочиненного предложения с содержанием первой части сложносочиненного предложения во всем объеме. «Оттого» – это местоименное наречие, в предложении является обстоятельством причины и отвечает на вопросы: почему? по какой причине?

Они не смущали себя никакими умственными или нравственными вопросами, оттого всегда цвели здоровьем и весельем. [Гончаров, 1979]

В данных предложениях «оттого» – это формальный показатель причинно-следственных отношений, составное союзное сочетание со значением следствия, первый компонент которого (сочинительный союз «и») опущен, а второй компонент – союзное слово «оттого».

В процессе анализа сложносочиненных предложений, содержащих формальный показатель причинно-следственных отношений, союзное сочетание со значением следствия «оттого», автором отмечено употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то» в постпозиции по отношению ко второму компоненту союзного сочетания, к союзному слову «оттого».

Молодое вино начинает бродить, бурлить, играть в желудке, оттого-то называют это молодое вино – «бешеным вином». [Куприн, 1981]

Наличие усилительно-подчеркивающей частицы «-то» в составе союзного сочетания со значением следствия «оттого-то» увеличивает силу выражения причинно-следственных отношений.

Лесные товары принадлежат к предметам первой необходимости, оттого спрос на них повторяется в возрастающих размерах [Леонов, 2005].

Лесные товары принадлежат к предметам первой необходимости, оттого-то спрос на них повторяется в возрастающих размерах.

В сложносочиненных предложениях, содержащих формальный показатель причинно-следственных отношений, союзное сочетание со значением следствия «и оттого», наличие первого компонента союзного сочетания (сочинительного союза «и»), употребленного в препозиции по отношению ко второму компоненту союзного сочетания, союзному слову «оттого», увеличивает силу выражения причинно-следственных отношений в данных предложениях. Наличие или отсутствие сочинительного союза «и» перед «оттого», употреблённым в союзной функции, не меняет структурно-семантический тип предложения.

Они понимали друг друга с полуслова, оттого в доме стояло постоянное безмолвие.

Они понимали друг друга с полуслова, оттого-то в доме стояло постоянное безмолвие.

Они понимали друг друга с полуслова, и оттого в доме стояло постоянное безмолвие [Леонов, 2005].

В составе составного союзного сочетания со значением следствия «и оттого» зафиксировано употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то», стоящей в постпозиции по отношению к анализируемому сочетанию («и оттого-то»), что ведет к увеличению силы выражения причинно-следственных отношений в данных предложениях.

В обладании женщиной таится что-то постыдное, оттого у большинства вслед за обладанием идет отвращение.

В обладании женщиной таится что-то постыдное, оттого-то у большинства вслед за обладанием идет отвращение.

В обладании женщиной таится что-то постыдное, и оттого у большинства вслед за обладанием идет отвращение.

В обладании женщиной таится что-то постыдное, и оттого-то у большинства вслед за обладанием идет отвращение [Куприн, 1979].

Автором зафиксировано употребление сочинительного союза «и» в постпозиции по отношению к союзному слову «оттого» в составе союзного сочетания со значением следствия «оттого и». В данном союзном сочетании сочинительный союз «и» сближается с функцией усилительной частицы, что приводит к усилению силы выражения причинно-следственных отношений в данных предложениях.

Деды наши по Европам не шастали, оттого жили по сто лет без болезней.

Деды наши по Европам не шастали, оттого-то жили по сто лет без болезней.

Деды наши по Европам не шастали, и оттого жили по сто лет без болезней.

Деды наши по Европам не шастали, и оттого-то жили по сто лет без болезней.

Деды наши по Европам не шастали, оттого и жили по сто лет без болезней [Куприн, 1981].

В сложносочиненных предложениях, содержащих союзное сочетание со значением следствия «оттого-то и» отмечено употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то», стоящей в интерпозиции по отношению к компонентам союзного сочетания (союзному слову «оттого», сочинительному союзу «и»). Союз «и» в данном случае сближается с функцией усилительной частицы. Употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то» и сочинительного союза «и» увеличивает силу выражения причинно-следственных отношений в данных предложениях.

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, оттого русские бедны. [Пикуль, 2011]

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, оттого-то русские бедны.

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, и оттого русские бедны.

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, и оттого-то русские бедны.

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, оттого русские и бедны.

Русские не богатеют и не банкротятся на копейках, оттого-то русские и бедны.

В примерах сложносочиненных предложений, содержащих союзное сочетание со значением следствия «оттого-то и» зафиксирована возможность неконтактного употребления компонентов союзного сочетания в вышеприведенном примере. Среди рассматриваемых предложений высока частотность неконтактного употребления компонентов союзного сочетания «оттого-то и».

Из любви сделали тему для мерзких анекдотов, оттого-то люди и отвели для любви ночь. [Куприн, 1981]

В проанализированных выше сложносочиненных предложениях происходит увеличение силы выражения причинно-следственных отношений в зависимости от наличия в составе союзного сочетания со значением следствия сочинительного союза «и», его позиционного употребления (в препозиции, в постпозиции по отношению к союзному слову «оттого»), от наличия усилительно-подчеркивающей частицы «-то», ее позиционного употребления (в постпозиции. или в интерпозиции по отношению к компонентам составного союзного сочетания (союзному слову «оттого», сочинительному союзу «и»)).

Далее автор приводит классификацию сложносочиненных предложений, содержащих сочинительный союз «и» в составе союзных сочетаний со значением следствия, имеющих «ядерный компонент» «оттого» в порядке увеличения силы выражения причинно-следственных отношений.

Ему не совсем здоровилось, и оттого он в церковь не ходил.

Ему не совсем здоровилось, и оттого-то он в церковь не ходил.

Ему не совсем здоровилось, оттого он и в церковь не ходил.

Ему не совсем здоровилось, оттого-то он и в церковь не ходил. [Тургенев, 1980].

Автор считает целесообразным показать классификацию анализируемых сложносочиненных предложений, содержащих усилительно-подчеркивающую частицу «-то» в составе союзных сочетаний со значением следствия, имеющих «ядерный компонент» «оттого» в порядке увеличения силы выражения причинно-следственных отношений.

Она продавала молоко, оттого-то сундуки казачки ломились от добра. [Шолохов, 1973]

Она продавала молоко, и оттого-то сундуки казачки ломились от добра.

Она продавала молоко, оттого-то сундуки казачки и ломились от добра.

Рассматриваемые в нашем исследовании сложносочиненные предложения, содержащие «ядерный компонент» «от этого» и сочетания с ним: «от этого», «от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», «от этого и», «от этого-то и»; и сложносочиненные предложения, содержащие «ядерный компонент» «оттого» и сочетания с ним: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и», – являютсясинтаксическими синонимами. Синтаксические синонимы (синонимические конструкции) – конструкции, совпадающие по своему значению при различии формального построения, выраженные единицами одинакового синтаксического уровня [Розенталь, 1985]. Автор приводит пары синтаксически синонимичных предложений, содержащих рассматриваемые формальные показатели причинно-следственных отношений («от этого», «оттого» и сочетаний с ними).

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, от этого / оттого твои любовные дела плохи. [Гончаров, 1979].

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, от этого-то / оттого-то твои любовные дела плохи.

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, и от этого / и оттого твои любовные дела плохи.

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, и от этого-то / и оттого-то твои любовные дела плохи.

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, от этого / оттого твои любовные дела и плохи.

Ты ничего не смыслишь в сердечных тайнах, от этого-то / оттого-то твои любовные дела и плохи.

В последних двух примерах отмечено неконтактное употребление компонентов составных союзных сочетаний со значением следствия «от этого и», «оттого и», «от этого-то и», «оттого-то и».

Слабее всего причинно-следственные отношения выражены в предложениях с «от этого» и «оттого», сильнее всего в предложениях с «от этого-то и» и «оттого-то и».

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что существует два способа усиления выражения причинно-следственных отношений в анализируемых сложносочиненных предложениях: наличие сочинительного союза «и», употребление усилительно-подчеркивающей частицы «-то» в составе союзных сочетаний «от этого» и «оттого».

Проанализировав данные сложносочиненные предложения ,можно сделать вывод, что причинно-следственные отношения выражены сильнее в предложениях первой группы, содержащих в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание «от этого» и сочетания с ним: «от этого», «от этого-то», «и от этого», «и от этого-то», «от этого и», «от этого-то и», чем в сложносочиненных предложениях второй группы, содержащих в качестве «ядерного компонента» союзное сочетание «оттого» и сочетания с ним: «оттого», «оттого-то», «и оттого», «и оттого-то», «оттого и», «оттого-то и». Это можно объяснить, если обратиться к исторической природе образования указательного местоимения «это» («от этого»). В исходной системе древнерусского языка различали указательное местоимение «то», которое употреблялось для безотносительного указания. Местоимение «это» возникло путем сложения формы «то» с указательной частицей е (из he, ср.белорусск. гэ), причем первоначально эта частица осознавалась как нечто самостоятельное, отдельное от местоимения. Развитие языка привело к тому, что местоимение «то» стало играть роль указателя на отдаленный предмет, роль указателя на ближайший (конкретный) предмет стало выполнять местоимение «это» [Иванов, 1990].

В исследовании отмечалось, что наличие частицы в составе союзного сочетания способствует увеличению силы выражения причинно-следственных отношений в анализируемых сложносочиненных предложениях.

Проведенный анализ сложносочиненных предложений, содержащих «ядерные компоненты» союзные сочетания со значением следствия «от этого» и «оттого», позволил расширить представление о роли данных предложений в формировании функционально-семантических категорий. Полученные результаты анализа могут быть использованы в преподавании курсов «Синтаксис современного русского языка», «Функциональная грамматика», для самостоятельной работы учащихся школ и студентов вузов, активизировать их интерес к языковой форме и структурным элементам данныхсложносочиненных предложений.

Библиографический список

1. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке: (Некоторые вопросы теории) : монография. Москва : Просвещение, 1967. 160 с.

2. Великодворская З. Н. Сложные конструкции с относительно-присоединительными придаточными (в их соотношении с параллельными конструкциями, включающими указательное местоимение «это»). Москва, 1963. 23 с.

3. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие для вузов. Москва : Высш. шк., 1986. 640 с.

4. Гончаров И. А. Собрание сочинений : В 8 т. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1979. 534 с.

5. Грамматика русского языка. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 444 с.

6. Грамматика русского языка. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 702 с.

7. Грамматика современного русского литературного языка. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1970. 767 с.

8. Гранин Д. А. Зубр : повесть. Москва : Известия, 1989. 240 с.

9. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для пед. ин-тов. Москва : Просвещение, 1990. 398 с.

10. Коток Е. В. Сложные предложения со словом «что», «это» во второй части в современном русском литературном языке. Москва, 1963. 15 с.

11. Куприн А. И. Т. 1. Повести; Рассказы. Москва : Худож. лит., 1981. 398 с.

12. Леонов Л. М. Русский лес : роман. Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2005. 717 с.

13. Пикуль В. С. На задворках великой империи : роман в 3 т. Москва : Вече, 2011. 333 с.

14. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Москва : Просвещение, 1985. 399 с.

15. Русская грамматика. Москва : Наука, 1980. 620 с.

16. Скорлуповская Е. В. О роли союзов и, а в сложных предложениях со значением причины и следствия, основания и вывода // Вопросы синтаксиса сложного предложения и методика его преподавания в школе и вузах. Краснодар : 1966. 139 с.

17. Толстой Л. Н. Война и мир : собрание сочинений. Т. 4. Москва : Худож. лит., 1979. 334 с.

18. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Москва : Наука, 1978. 574 с.

19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. В 18-ти томах. Т. 5. Рассказы. Москва : Наука, 1977. 583 с.

20. Шолохов М. А. Поднятая целина: роман в 2-х кн. Минск : Нар. асвета, 1979. 544 с.

Reference list

1. Beloshapkova V. A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom jazyke: (Nekotorye voprosy teorii) = Complex sentence in modern Russian: (Some theoretical issues) : monografija. Moskva : Prosveshhenie, 1967. 160 s.

2. Velikodvorskaja Z. N. Slozhnye konstrukcii s otnositel'no-prisoedinitel'nymi pridatochnymi (v ih sootnoshenii s parallel'nymi konstrukcijami, vkljuchajushhimi ukazatel'noe mestoimenie «jeto») = Complex constructions with relative-conjoint clauses (in their relation to parallel constructions including the demonstrative pronoun «it»). Moskva, 1963. 23 s.

3. Vinogradov V. V. Russkij jazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language: (The grammatical doctrine of the word) : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Vyssh. shk., 1986. 640 s.

4. Goncharov I. A. Sobranie sochinenij = Collected works : V 8 t. T. 4. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1979. 534 s.

5. Grammatika russkogo jazyka = Grammar of the Russian language. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. 444 s.

6. Grammatika russkogo jazyka = Grammar of the Russian language. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 702 s.

7. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = Grammar of the modern Russian literary language. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1970. 767 s.

8. Granin D. A. Zubr = Bison : povest'. Moskva : Izvestija, 1989. 240 s.

9. Ivanov V. V. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: uchebnik dlja ped. in-tov. = Historical grammar of the Russian language: textbook for pedagogical institutes. Moskva : Prosveshhenie, 1990. 398 s.

10. Kotok E. V. Slozhnye predlozhenija so slovom «chto», «jeto» vo vtoroj chasti v sovremennom russkom literaturnom jazyke = Complex sentences with the word «what», «it» in their second part in modern Russian literary language.Moskva, 1963. 15 s.

11. Kuprin A. I. T. 1. Povesti; Rasskazy = V. 1. Nar-

ratives; Stories. Moskva : Hudozh. lit., 1981. 398 s.

12. Leonov L. M. Russkij les = Russian forest : roman. Moskva : Izd-vo Mosk. gos. un-ta lesa, 2005. 717 s.

13. Pikul' V. S. Na zadvorkah velikoj imperii = In the backyard of a great empire : roman v 3 t. Moskva : Veche, 2011. 333 s.

14. Rozental' D. Je. Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov : Posobie dlja uchitelja = Dictionary of linguistic terms : A teacher's guide / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 399 s.

15. Russkaja grammatika = Russian grammar. Moskva : Nauka, 1980. 620 s.

16. Skorlupovskaja E. V. O roli sojuzov i, a v slozhnyh predlozhenijah so znacheniem prichiny i sledstvija, osnovanija i vyvoda = On the role of conjunctions «i», «a» in complex sentences with the meaning of cause and result, ground, and conclusion // Voprosy sintaksisa slozhnogo predlozhenija i metodika ego prepodavanija v shkole i vuzah. Krasnodar : 1966. 139 s.

17. Tolstoj L. N. Vojna i mir = War and Peace : sobranie sochinenij. T. 4. Moskva : Hudozh. lit., 1979. 334 s.

18. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Moskva : Nauka, 1978. 574 s.

19. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah. Sochinenija. V 18-ti tomah. T. 5. Rasskazy = Complete collection of works and letters: in 30 vols.Works. In 18 vols. V.5. Stories. Moskva : Nauka, 1977. 583 s.

20. Sholohov M. A. Podnjataja celina: roman v 2-h kn. = Sholokhov M.A. Virgin Lands Upturned: novel in 2 books. Minsk : Nar. asveta, 1979. 544 s.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 16.12.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 81-112.4
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_75
EDN: TZCBQD

Статистический подход к описанию семантической эволюции наречных предлогов

Иван Валерьевич Сарайкин
Аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
sivvis2017@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2838-9666

Аннотация. Несмотря на то, что проблеме семантического развития предлогов посвящено довольно много исследований, она продолжает оставаться актуальной. В данной статье представлено сквозное синхронно-диахронное статистическое описание динамики развития предлогов *вокруг*, *около* и *близ* с исходным пространственным значением. Исследование проводится на материале старорусского и основного корпусов Национального корпуса русского языка с применением статистических методов (критериев). Цель статьи – описать изменение соотношения пространственных и непространственных значений наречных предлогов *вокруг*, *около* и *близ*.

Для её достижения сначала описывается семантическая структура трех предлогов, а потом обсуждаются проблемы составления сбалансированной корпусной выборки и применения статистического аппарата для получения таких данных о пространственных и непространственных употреблениях предлогов, которые могут считаться статистически достоверными. Для оценки нормального распределения выборочной совокупности используются статистические критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Выводы: относительное количество пространственных употреблений сокращается, количество непространственных употреблений растет, и в текстах второй половины XX в. показатели сравниваются. Семантическое развитие предлогов *вокруг* и *около* подтверждает статистическую гипотезу о постепенном количественном увеличении метафорических употреблений. Пример семантического развития предлога *близ* показывает, что изначально большое количество значений ещё не говорит о том, что эти значения в процессе развития языка закрепятся в узуальном употреблении. Утрата одних непространственных значений при сохранении и появлении прочих может объясняться рядом факторов: актуализацией одних стилей и уходом на периферию языковой системы других, индивидуально-авторскими предпочтениями, конкуренцией предлогов.

Ключевые слова: диахроническая лингвистика; семантическая эволюция; предлоги; статистический подход; семантика пространства; локалистская гипотеза; корпусная лингвистика; русский язык

Для цитирования: Сарайкин И. В. Статистический подход к описанию семантической эволюции наречных предлогов // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 75–84. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_75. https://elibrary.ru/TZCBQD

Original article

Statistical approach to describing the semantic evolution of adverbial prepositions

Ivan V. Saraikin
A postgraduate student at the department of general and russian linguistics, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6
sivvis2017@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2838-9666

Abstract. Despite the fact that quite a lot of research has been devoted to semantic evolution of prepositions, the problem is still relevant. This article presents a cross-cutting synchronic and diachronic statistical description of the dynamic development of prepositions *вокруг*, *около* and *близ* with an initial spatial meaning. The study is conducted on the material of the old russian and main corpora of the Russian national corpus using statistical methods (criteria).

The article aims to describe the change in the ratio of spatial and non-spatial meanings of adverbial prepositions *вокруг*, *около* and *близ*.

To achieve it, the author first describes the semantic structure of the three prepositions and then discusses the problems of compiling a balanced corpus sampling and applying a statistical apparatus for obtaining data on spatial and non-

© Сарайкин И. В., 2023

spatial uses of prepositions that can be considered statistically reliable. The normal distribution of the sample data is estimated by using Kolmogorov-Smirnov and Shapiro-Wilk test. Conclusions: the relative number of spatial uses is declining, the number of non-spatial uses is growing, and in the texts of the second half of the 20th century the numbers are compared. The semantic evolution of the prepositions *вокруг* and *около* confirms the statistical hypothesis of a gradual quantitative increase in metaphorical usage. Semantic evolution of the adverbial preposition *близ* illustrates that the initial large number of meanings does not prove that these meanings become usual in the course of language evolution. The loss of some non-spatial meanings while others survive and appear can be explained by a number of factors:the actualization of some styles and the peripheral position of others, author's individual preferences, competition among prepositions.

Key words: diachronic linguistics; semantic evolution; prepositions; statistic approach; space semantics; localist hypothesis; corpus linguistics; the russian language

For citation: Saraikin I. V. Statistical approach to describing the semantic evolution of adverbial prepositions. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):75–84. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_75. https://elibrary.ru/TZCBQD

Введение. Постановка проблемы

Предлагаемое диахронно-лингвостатистическое исследование продолжает серию работ, посвящённых семантике пространства. Проблемы отражения пространства в языке, его концептуализации интересовали многих учёных. Перечислим некоторые исследования: [Svorou, 1994]; [Pütz, Dirven, 1996]; [Bloom et al. 1999]; [Арутюнова, Шатуновский, 1999]; [Арутюнова, Левонтина, 2000]. Частеречный статус наречных предлогов подробно рассматривается в статье [Урысон, 2017]. Е. В. Урысон относит эти единицы к классу управляющих непредикативных наречий. В академической грамматике [Русская грамматика…, 1980] наречные предлоги отнесены к классу предлогов. Пространство привлекает внимание лингвистов в первую очередь потому, что это универсальный аспект бытия человека, источник человеческого опыта; пространство является почвой для поиска и исследования языковых универсалий [Talmy, 2000]. В статье под термином *наречный предлог* понимается *омокомплекс* (наречие + предлог)

В работе мы исходим из локалистской точки зрения на развитие значений: от обозначения отношений между предметами к обозначению отношений между понятиями. Этот тезис основан на универсальном принципе когнитивного развития от конкретного к абстрактному. Мысль о первичности пространства и его первостепенной роли в теории познания и философии языка находим:

1) В сочинениях античных и средневековых философов (Аристотель, грамматическое учение модистов);

2) В философии Нового времени и в немецкой классической философии (работы Дж. Локка, Г. В. Лейбница, Э. Б. де Кондильяка, И. Канта);

3) В современной философии лингвистического анализа предлагается более сложное понимание пространства, появляются новые термины: *локализованность во времени* (Д. Дэвидсон), *ментальные пространства* (Ж. Фоконье) и др.

Нашей рабочей гипотезой будет положение о том, что в диахронии наблюдается количественное увеличение контекстов, в которых предлоги *вокруг*, *около* и *близ* употребляются в непространственных значениях.

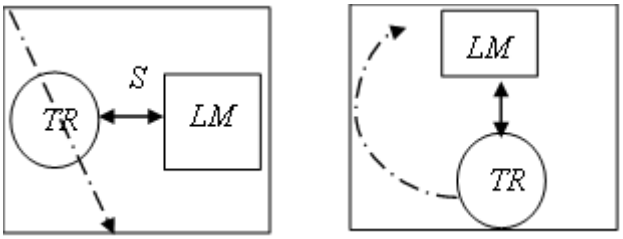
Предлогам посвящено огромное количество исследований. Перечислим лишь некоторые из них: [Черкасова, 1964, 1967], [Виноградов, 2001], [Виноградова, 2016, 2017, 2021], [Прияткина и др., 2001], [Шиганова, 2001], [Всеволодова, 2010, 2011, 2012ab], [Шереметьева, 2007, 2008], [Крейдлин, 1994], [Галактионова, 2007]. Сюда же отнесем работы, выполненные в рамках международных проектов: русско-французского проекта «Семантика предлогов» [Пайар, Селиверстова, 2000]; межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова, 2008].

Для верификации гипотезы необходимо прежде всего представить семантические расширения исследуемых предлогов (на основании современных и исторических словарей русского языка), а затем дать статистическое описание. Статистическое описание включает несколько этапов. Во-первых, необходимо выделить и описать кластер текстов старорусского и основного корпусов НКРЯ с предлогами *вокруг*, *около*, *близ*. Во-вторых, необходимо сформировать и описать выборочную совокупность.

Семантические расширения предлогов *вокруг, около, близ*

Предлоги *вокруг, около* и *близ* в пространственном значении могут описывать два типа ситуаций: статическую и динамическую. Когнитивные схемы статической и динамической ситуаций можно считать похожими (рис 1б). Разница состоит лишь в том, что в случае динамической ситуации, описываемой предлогом *около*, характер траектории носителями современного русского языка может не осмысляться как круговой, хотя, безусловно, данные этимологии свидетельствуют именно о круговом движении / месторасположении (др.-русск. *коло* ‘круг’). Об этом же свидетельствуют два пространственных значения, выделенные в словаре древнерусского языка XI–XVII в.: ‘вокруг, со всех сторон’ и ‘перед’ [СлРЯ XI–XVII вв., 1987]. Предлог *близ* вовсе не подразумевает круговую траекторию движения, допустимы ситуации заданного однонаправленного движения и разнонаправленного движения без заданной траектории (рис 1а).

Изобразим пространственные ситуации при помощи когнитивных схем. Выделим два основных компонента пространственной ситуации – траектор (*TR*) и ориентир (*LM*). Расстояние между ними обозначим буквой *S*. Пунктирным вектором покажем траекторию движения при динамической ситуации:



а) б)

Рисунок 1. Пространственная ситуация, описываемая при помощи предлогов вокруг, около, близ

Семантические расширения предлога *вокруг* связаны с семантикой относительности. По данным толковых словарей, семантический переход [пространственная близость] > [релятивность] относительно новый, релятивное значение предлога *вокруг* впервые фиксируется в словаре Д. Н. Ушакова [Ушаков, 1935]: *вокруг* – ‘в области чего-н., по отношению к’ *Его интересы сосредоточиваются в. вопросов нового быта*’, а затем и в словаре С. И. Ожегова [Ожегов, 1988]: *вокруг* – ‘по поводу’ *Споры в. сложного вопроса*’. Другие абстрактные смыслы развивают фразеологизмы *вокруг да около* ‘не доходя до сути дела’, *обвести вокруг пальца* ‘обмануть’.

Предлог *около* более разнообразен с точки зрения производных абстрактных смыслов. Так, словарь русского языка С. И. Ожегова фиксирует, кроме пространственного (*дом о. пруда*), значение приблизительности меры (*весит о. килограмма*), количества (*мальчику о. десяти лет*), времени (*О. полуночи*) [Ожегов, 1988].

В словаре русского языка XI–XVII вв. находим устаревшее субординативное значение ‘под начальством’ (*Поѣхаше псковичи **около князя Остафья** к Полотску*) [СлРЯ XI–XVII вв., 1987]. Данные корпуса дополняют список релятивным значением, которое можно обнаружить, например, в следующем контексте: *Мыслями он бродил **около лечения раковых заболеваний** с помощью ингибиторов роста гормонального происхождения* [Людмила Улицкая, 2000].

В словаре русского языка XI–XVII для предлога *близ* зафиксировано пространственное, временное, количественное и метафорическое значение. По нашим наблюдениям, в русском языке XIV–XV в. *близ* употребляется почти исключительно в церковнославянских текстах, то есть жанровое ограничение весьма жёсткое. Действительно, форма *близ* обнаруживается ещё в старославянском языке, откуда она проникает впоследствии в церковнославянские тексты, а позднее и в тексты других жанров. В дальнейшем, ввиду того, что церковнославянские стили и жанры уходят на периферию языковой системы, церковнославянская лексика употребляется ограниченно, подвергается переосмыслению и переоценке (см. замечание В. В. Виноградова: «во второй половине XVII в. резко проявился внутренний распад системы церковнославянского языка, обозначившийся еще в XVI в. Изменения в структуре церковнокнижной речи были связаны с ростом литературного значения «светских» – деловых, публицистических, повествовательных – стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытовой речи» [Виноградов, 1982, с. 10]).

Словарь С. И. Ожегова приводит только пространственное значение (*Ребёнок спокоен б. матери*) [Ожегов, 1988].

Модальное значение предлога *близ* характерно для устаревшего устойчивого сочетания *близ рещи* в знач. ‘можно сказать’, зафиксированного в словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв., 1975], а также в старорусском корпусе НКРЯ: *отомъ отъ благородныхъ и великихъ*

самѣхъ земледержцовъ нашихъ и правителей, нынѣ же ***близъ рещи*** *и кривителей, и не о томъ днесь слово, иже впредь узрите* [Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском (1610–1611)].

Абстрактные значения развиваются в сочетаниях *близ* с религиозной лексикой. В таких контекстах речь идёт о духовной близости человека и Бога: *Близ Господь всем призывающим Его во истине* [епископ Арсений (Жадановский). Отец Иоанн Кронштадский (1918–1925)]. Несмотря на то, что качественно нового непространственного значения в данном случае не возникает, такое употребление всё же является исходно синкретичным, сочетающим в себе семы ‘пространство’ и ‘принадлежность к религиозной вере’. Подобные употребления в НКРЯ немногочисленны; мы отнесли их к группе непространственных употреблений. Представим семантические расширения предлогов схематично (рис. 2).

а) б) в)

Рисунок 2. Семантические расширения предлогов вокруг (а), около (б), близ (в)

Применение числовых методов при описании семантических изменений предлогов *вокруг, около, близ* в диахронии

Числовая характеристика параметров кластера НКРЯ, включающего тексты с предлогами *вокруг, около, близ*, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика выборочного кластера НКРЯ с предлогами *вокруг, около, близ* по периодам

Параметр	Всего	в т.ч. по периодам					
		XIV–XV в.	XVI–XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в. (1 пол.)	XX в. (2 пол.)
Количество текстов с предлогами	24631	76	402	496	3558	11808	8291
Удельный вес текстов с предлогами от общего количества текстов в НКРЯ, %	26.7	5.8	8.0	22.5	50.5	21.0	40.7
Структура текстов, в %	100	0.3	1.6	2.0	14.4	47.9	33.7
Приходится на один текст, имеющий предлоги *вокруг, около, близ*:							
словоформ	11981	11214	11315	9181	19371	10115	10692
предложений	1016	506	508	471	1424	874	972
Средняя длина предложения (словоформ) для текстов с предлогами *вокруг, около, близ*	12.4	22.2	22.3	19.5	13.6	11.6	11.0
Количество вхождений *вокруг, около, близ*	144271	632	2830	3104	41364	52814	43527
Структура вхождений, в %	100	0,4	2,0	2,2	28,7	36,6	30,2

Приходится предлогов на один текст	*8.8*	*8.3*	*7.0*	*6.3*	*11.6*	*10.6*	*8.7*
Количество текстов, в которых употребляется предлог							
вокруг	10774	15	81	93	1857	3913	4815
около	17801	51	304	365	3072	8455	5554
близ	4646	42	127	211	982	2537	747
Количество вхождений предлогов							
вокруг	48660	29	200	266	8498	16631	23036
около	83962	337	1890	2010	28581	32136	19008
близ	11649	266	740	828	4285	4047	1483
Приходится вхождений на один текст:							
вокруг	4.52	1.93	2.47	2.86	4.58	4.25	4.78
около	4.72	6.61	6.22	5.51	9.30	3.80	3.42
близ	2.51	6.33	5.83	3.92	4.36	1.60	1.99
Приходится вхождений предлогов на 10 тыс. словоформ	7,9	7,4	6,2	6,8	6,0	10,4	8,1

Как видно из данных таблицы, суммарное количество текстов, включающих предлоги *вокруг*, *около* и *близ*, насчитывает 24,6 тыс. ед., что в общем объеме ресурсов НКРЯ составляет 26,7 %. Однако их распределение в указанных временных границах сильно разнится. Минимальная доля приходится на период XIV–XV вв. – 5,8 %, а максимальная – на XIX в. – 50,5 %, в первой половине XX в. она снижается до 21 %, а во второй – увеличивается до 40,7 %, что убедительно показывает наличие существенной разницы использования предлогов в текстах различных эпох. В целом же на тексты XIX и XX вв. приходится 96 % всех текстов с предлогами от их общего количества, а остальные 4 % – на более ранние периоды.

Количественный характер распределения использования предлогов по периодам показывает, что до XVIII в. включительно их доля незначительно различается от доли текстов, в которых они употреблялись (структура текстов и структура вхождений приблизительно равны). Иначе говоря, сохраняются единые пропорции их употребления. В XIX в. происходит значительный рост употребления предлогов, в результате чего доля числа вхождений (28,7 %) превосходит удельный вес текстов в структуре (14,4 %) в 2 раза. В XX в. идет некоторое сокращение относительного показателя использования предлогов в текстах, причем во 2-ой половине количественные показатели вхождений предлогов, приходящихся на один текст (8,7), почти сравниваются с уровнем XIV–XV вв. (8,3). Полагаем, что все эти количественные показатели тесно связаны с качественными изменениями в грамматике и стилистике русского языка. Это хорошо характеризуют данные таблицы, в которых показана динамика использования отдельных видов предлогов, входящих в общую группу предлогов. Так, например, среднее употребление формы *вокруг* в XIV–XV вв. составляло менее 2 ед. на текст, а во 2-ой половине XX в. оно достигло почти 5 ед., и, наоборот, в среднем употребление формы *около* в XIV–XV вв. достигало величины 6,61 ед., а во 2-ой половине XX в. составило только 3,42 ед., сократившись в 1,9 раза. Аналогичная предлогу *около* тенденция наблюдается в использовании формы *близ*: по ней произошло сокращение более чем в 3 раза.

Методика построения репрезентативной выборочной совокупности из текстов, входящих в кластер, ограниченный наличием в них предлогов, состояла из следующих шагов:

1) определение количества текстов, образующих выборочную совокупность;

2) составление списков текстов отдельно для каждого периода;

3) вычисление шага отбора текстов из общего списка.

Так, например, было принято, что количество входящих в выборку текстов должно быть не менее 30 единиц для обеспечения устойчивости полученных результатов и количественной представительности при распространении на всю совокупность. Однако малые исходные совокупности XIV–XV вв., XVI–XVII вв. и XVIII в. при проведении предварительного исследования показали значительный разброс количества словоформ и предложений в текстах, что приводило к сильной асимметрии (скошенности выборки по

показателю) в группе. Кроме этого, невозможно было построить табличный список с указанием параметров, для проведения отбора из текстов XIX и XX вв. Фактически выбор происходил «втемную», что с одной стороны обеспечивало случайность (как того требует методика построения выборочной совокупности), а с другой стороны возрастала неопределенность полученного среднего значения. В результате было решено увеличить объем выборки, чтобы уменьшить ошибки оцениваемых показателей и их соответствие значениям исходной совокупности. Например, для XIV–XV вв., в выборочную совокупность включались тексты из составленного списка с шагом 2: первый и второй включались, третий пропускался; четвёртый и пятый включались, шестой пропускался и т. д. Аналогичная процедура отбора текстов для выборочной совокупности проводилась и по другим периодам, за исключением XX в., так как доступными были только 5 тыс. единиц для каждой из его половин.

Обобщённые данные по выборочной совокупности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика выборочной совокупности из кластера текстов с предлогами

Параметр	**Всего**	**в т.ч. по периодам**					
		XIV–XV в.	**XVI–XVII в.**	**XVIII в.**	**XIX в.**	**XX в. (1 пол.)**	**XX в. (2 пол.)**
Количество текстов	293	50	56	34	58	40	55
Удельный вес в кластере текстов с предлогами, %	1,2	65,8	13,9	6,9	1,6	0,3	0,7
Количество предложений	282739	18045	33628	22826	103022	33355	71863
Количество словоформ	3881798	369178	783306	327944	1327044	394375	679951
Слов в предложении	13,7	20,5	23,3	14,4	12,9	11,8	9,5
Общее количество вхождений предлогов *вокруг, около, близ*	2459	275	539	310	755	205	375
Приходится предлогов на один текст	8,4	5,5	9,6	9,1	13,0	5,1	6,8
в пространственном значении							
вокруг	613	17	34	107	193	64	198
около	949	136	356	43	289	59	66
близ	456	117	132	77	108	6	16
в непространственных значениях							
вокруг	25	0	0	0	1	6	18
около	400	0	6	83	164	70	77
близ	16	5	11	0	0	0	0
Общее количество вхождений предлогов на 10 тыс. словоформ	6,3	7,4	6,9	9,5	5,7	5,2	5,5

Общее количество текстов, включенных в выборочную совокупность, равно 293, что составляет 1,2 % от объёма кластера.

По периодам группы в выборочной совокупности представлены несколько разными объемами, что явилось следствием сложности проведения отбора в больших совокупностях. Сравнение средних показателей таких параметров, как количество словоформ в предложении, количество предлогов, приходящихся на один текст, и общее количество вхождений предлогов, приходящихся на 10 тыс. словоформ, показывает довольно близкие значения в группах выборочной совокупности (табл. 2) и исходного кластера их формирования (табл. 1). Иначе говоря, сравнивая параметры групп выборочной совокупности и кластера, можно говорить о репрезентативности первых как по группам, так и всей совокупности в целом.

Динамика употребления предлогов. Выводы

Перейдем теперь к оценке изменений использования предлогов в текстах в различные временные периоды, выделенные нами ранее. Динамика изменения употребления предлогов в пространственном и непространственных значениях в текстах характеризуется следующими явными тенденциями.

1) относительное количество употреблений предлогов в пространственном значении в текстах сокращается как в отношении их числа к количеству предложений, так и в отношении к количеству словоформ;

2) стандартная ошибка относительно среднего показателя употребления предлогов в обоих случаях также сокращается. Так, если в текстах XIV–XV вв. среднее количество предлогов в пространственном употреблении составляет 6 ед. на 100 предложений с размахом от 4 до 8 слов, то уже в XIX в. среднее значение составляет менее 1 употребления на 100 предложений и 0,5 употреблений на 1 тыс. словоформ, с очень незначительным размахом варьирования;

3) относительное употребление предлогов в непространственных значениях обнаруживает тенденцию к количественному увеличению. При этом во второй половине XX в., в отличие от пространственного употребления, непространственные употребления увеличивались как в случае отношения к количеству предложений, так и к количеству словоформ;

4) во второй половине XX в. показатели относительного употребления в текстах предлогов в пространственном и непространственных значениях сравнялись.

Семантическое развитие предлогов *вокруг* и *около* подтверждает исходную статистическую гипотезу о постепенном количественном увеличении метафорических употреблений. У русских предлогов раньше имелся целый ряд непространственных значений, который в ходе исторической эволюции оказался утрачен. Это и значение ‘под начальством’ у предлога *около*, и идиома *близ рещи* ‘можно сказать’. Парадокс состоит в том, что хотя непространственных контекстов сейчас столько же, сколько пространственных, самих непространственных значений раньше было больше, чем сейчас. Этот парадокс, с нашей точки зрения, нельзя считать контраргументом локалистской гипотезы: он лишь доказывает, что предлоги в ходе исторического развития могут снижать полисемию и употребительность. Иными словами, три рассмотренных в статье предлога следуют базовому принципу семантической эволюции (конкретное имя > абстрактное понятие). Однако частотность их употребления в разных непространственных смыслах различна. Вопрос в том, как соотносятся между собой появление / утрата значений и снижение / увеличение частотности употребления? Пример семантического развития предлога *близ* – славянизма, уходящего из языка – показывает, что изначально большое количество значений ещё не говорит о том, что эти значения в процессе развития языка закрепятся в узуальном употреблении. Утрата одних непространственных значений при сохранении и появлении прочих, с нашей точки зрения, может объясняться рядом факторов.

Во-первых, актуализацией одних стилей и уходом на периферию языковой системы других. К XX в. система церковнославянских стилей качественно трансформируется; они уходят на периферию системы; отсюда – наблюдаемые количественные изменения, снижение употребительности предлога *близ* в непространственных значениях.

Во-вторых, индивидуально-авторскими предпочтениями. В этом отношении показательна деятельность отдельных авторов, последовательно употребляющих одни предлоги только в прямом, а другие – только в переносном значении. Например, такая закономерность отмечается в текстах Н. М. Карамзина: он употребляет предлог *около* только в абстрактных значениях, тогда как предлоги *вокруг* и *близ* употребляются исключительно для выражения пространственного смысла.

В-третьих, конкуренцией предлогов. Так, семантика относительности у предлога *вокруг* могла возникнуть по аналогии: в XX в. класс активно пополняется, возникают новые предлоги и предложные единицы с соответствующим синонимичным значением: *относительно (сведений), касаемо (репертуара)*. Синонимичный предлог *около* в этом значении употребляется реже и проигрывает конкуренцию (в отличие от приставки *около-*, привносящей значение ‘не до конца принадлежащий к чему-н., лишь внешне относящийся к чему-н.’, см. *(окололитературный, околонаучный, околофутбольный)*.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. Логический анализ языка: языки пространств. Москва : ЯРК, 2000. 448 с.

2. Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна : Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. 520 с.

3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : учебник. 3-е изд. Москва : Высш. школа, 1982. 528 с.

4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. Москва : Рус. яз., 2001. 720 с.

5. Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.

6. Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.

7. Виноградова Е. Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом. 2021. С. 37–45.

8. Всеволодова М. В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. Москва : «Индрик» 2008. 575 с.

9. Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.

10. Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–136.

11. Всеволодова М. В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 5. С. 30–78.

12. Всеволодова М. В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 9–51.

13. Галактионова И. В. Предлог: препозиция и постпозиция // Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, 2007. С. 272–273.

14. Крейдлин Г. Е. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 19–27.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. С. И. Ожегова. 20-е изд., стереотип. Москва : Рус. яз., 1988. 750 с.

16. Пайар Д., Селиверстова О. Н. Исследования по семантике предлогов : сб. статей. Москва : Русские словари, 2000. 375 с.

17. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Т. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Владивосток, 2001. 363 с.

18. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Москва : Наука, 1980–1982.

19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б). Москва : Наука, 1975. 371 с.

20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 12 (О – Опарный). Москва : Наука, 1987. 383 с.

21. Урысон Е. В. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

22. Толковый словарь русского языка. Том I А – Кюрины / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935.

23. Черкасова Е. Т. Изменение состава предлогов // Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы. Москва : Наука, 1964. 320 с.

24. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. Москва, 1967. 280 с.

25. Шереметьева Е. С. Проблема категориального статуса отымённых релятивов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва : МГУ, 2007. С. 299–300.

26. Шереметьева Е. С. Отымённые релятивы современного русского языка: семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.

27. Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001. 454 с.

28. Bloom P. et al. (ed.) Language and Space. Cambridge, Mass.; London : MIT Press, 1999. 597 p.

29. Pütz M.; Dirven R. (ed.) The construal of space in language and thought. Berlin; NY : de Gruyter, 1996. 704 p.

30. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam / Philadelphia : J. Benjamins, 1994. 290 p.

31. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA : MIT Press, 2000 504 p.

Reference list

1. Arutjunova N. D., Levontina I. B. Logicheskij analiz jazyka: jazyki prostranstv = Language logical analysis: languages of spaces. Moskva : JaRK, 2000. 448 s.

2. Arutjunova N. D., Shatunovskij I. B. Logicheskij analiz jazyka: jazyki dinamicheskogo mira = Language

logical analysis: languages ofdynamic world. Dubna : Mezhd. un-t prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna», 1999. 520 s.

3. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vv. = Essays on the history of Russian literary language in XVII-XIX centuries : uchebnik. 3-e izd. Moskva : Vyssh. shkola, 1982. 528 s.

4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian Language (Grammar of the Word) / pod. red. G. A. Zolotovoj. 4-e izd. Moskva : Rus. jaz., 2001. 720 s.

5. Vinogradova E. N. Grammatikalizacija v russkom jazyke: ot formy sushhestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) = Grammaticalization in Russian: from noun forms to prepositions (on the material of somatisms) // Voprosy jazykoznanija. 2016. № 1. S. 25–50.

6. Vinogradova E. N. Problemy leksikograficheskogo i grammaticheskogo opisanija predlogov v sovremennom russkom jazyke = Problems of lexicographical and grammatical description of prepositions in modern Russian // Voprosy jazykoznanija. 2017. № 5. S. 56–74.

7. Vinogradova E. N. Vplotnuju k narechnym predlogam (k voprosu o polifunkcional'nyh edinicah) = Close to adverbial prepositions (on polyfunctional units) // Russkij jazyk za rubezhom. 2021. S. 37–45.

8. Vsevolodova M. V. Tipologija slavjanskogo predloga. Sistemnost': kategorii i paradigmy = Typology of the Slavic preposition. Consistency: categories and paradigms // XIV mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Slavjanskoe jazykoznanie. Moskva : «Indrik» 2008. 575 s.

9. Vsevolodova M. V. Grammaticheskie aspekty russkih predlozhnyh edinic: tipologija, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikacii = Grammatical aspects of Russian prepositional units: typology, structure, syntagmas, and syntactic modifications // Voprosy jazykoznanija. 2010. № 4. S. 3–26.

10. Vsevolodova M. V. K voprosu ob operacional'nyh metodah kategorizacii predlozhnyh edinic = On the operational methods of categorizing prepositional units // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2011. № 3. S. 103–136.

11. Vsevolodova M. V. Sistema morfosintaksicheskih tipov russkih predlogov. Stat'ja 1. Fragment sistemy – nemotivirovannye (pervoobraznye) predlogi = The system of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 1. A fragment of the system – non-motivated (simple) prepositions // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2012. № 5. S. 30–78.

12. Vsevolodova M. V. Sistema morfosintaksicheskih tipov russkih predlogov. Stat'ja 2: Fragment sistemy – motivirovannye (vtorichnye) predlogi = The system of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 2. A fragment of the system – motivated (secondary) prepositions // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2012. № 6. S. 9–51.

13. Galaktionova I. V. Predlog: prepozicija i postpozicija = Preposition: pre-position and post-position // Trudy i materialy III Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». Moskva, 2007. S. 272–273.

14. Krejdlin G. E. Metafora semanticheskih prostranstv i znachenie predloga = Semantic space metaphors and the meaning of the preposition // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 5. S. 19–27.

15. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: Ok. 57 000 slov = The dictionary of the Russian language: about 57000 words / pod red. S. I. Ozhegova. 20-e izd., stereotip. Moskva : Rus. jaz., 1988. 750 s.

16. Pajar D., Seliverstova O. N. Issledovanija po semantike predlogov = Studies on the semantics of prepositions : sb. statej. Moskva : Russkie slovari, 2000. 375 s.

17. Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of Russian function words / A. F. Prijatkina, E. A. Starodumova, T. N. Sergeeva, G. D. Zajceva, E. S. Sheremet'eva, N. T. Okatova, I. N. Tokarchuk, G. M. Krylova, T. A. Zhukova, T. V. Petrochenko, V. N. Zav'jalov. Vladivostok, 2001. 363 s.

18. Russkaja grammatika : v 2 t. = Russian grammar: in 2 vols. / Akad. nauk SSSR, In-t rus. jaz. ; [redkol.: d. filol. n. N. Ju. Shvedova (gl. red.) i dr.]. Moskva : Nauka, 1980–1982.

19. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vypusk 1 (A–B) = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 1 (A–B).Moskva : Nauka, 1975. 371 s.

20. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vypusk 12 (O – Oparnyj) = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 12 (O-Oparny).Moskva : Nauka, 1987. 383 s.

21. Uryson E. V. Predlog ili narechie? (Chasterechnyj status narechnyh predlogov) = Preposition or adverb? (The part of speech status of adverbial prepositions) // Voprosy jazykoznanija. 2017. № 5. S. 36–55.

22. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Tom I A – Kjuriny = Explanatory dictionary of the Russian language. Vol.I A — Kurins / pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Gos. in-t «Sovetskaja jenciklopedija»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935.

23. Cherkasova E. T. Izmenenie sostava predlogov = Changing the structure of prepositions // Vinogradov V. V., Shvedova N. Ju. Ocherki po istoricheskoj grammatike russkogo literaturnogo jazyka XIX veka. Glagol, narechie, predlogi, sojuzy. Moskva : Nauka, 1964. 320 s.

24. Cherkasova E. T. Perehod polnoznachnyh slov v predlogi = Transition of full words into prepositions. Moskva, 1967. 280 s.

25. Sheremet'eva E. S. Problema kategorial'nogo statusa otymjonnyh reljativov = Category status of the denominative relatives // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. Trudy i materialy. Moskva : MGU, 2007. S. 299–300.

26. Sheremet'eva E. S. Otymjonnye reljativy sovremennogo russkogo jazyka: semantiko-sintaksicheskie jetjudy = Denominative relatives of the modern Russian

language: semantic-syntactic studies. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. 236 s.

27. Shiganova G. A. Sistema leksicheskih i frazeologicheskih predlogov v sovremennom russkom jazyke = The system of lexical and phraseological prepositions in modern Russian. Cheljabinsk, 2001. 454 s.

28. Bloom P. et al. (ed.) Language and Space. Cambridge, Mass.; London : MIT Press, 1999. 597 p.

29. Pütz M.; Dirven R. (ed.) The construal of space in language and thought. Berlin; NY : de Gruyter, 1996. 704 p.

30. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam / Philadelphia : J. Benjamins, 1994. 290 p.

31. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA : MIT Press, 2000 504 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81-11
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_85
EDN: UIUMNY

«Русская грамматика для немцев» И. А. Гейма в истории отечественного языкознания

Олег Владимирович Лукин
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Аннотация. Статья посвящена автору «Русской грамматики для немцев» (нем. *Russische Sprachlehre für Deutsche*) И. А. Гейму (1759 – 28.10.1821). Актуальность работы определяется неизменным интересом, который проявляют все языковеды к истории своей науки. Заполнение лакун о жизни, творчестве, работах и месте в научной парадигме своего временимало известных лингвистов является в этом смысле весьма важной задачей.

В работе с позиций нарративной лингвоисториографии анализируются особенности жизни, творческой деятельности и научного наследия выпускника Геттингенского и Гельмштедтского университетов, преподавателя, а впоследствии декана словесного факультета и ректора Императорского Московского университета И. А. Гейма. Родившись и получив образование в Германии, он сделал карьеру в Российской империи – от гувернера в помещичьей усадьбе до ректора университета. Будучи профессором всемирной истории, статистики и географии и опубликовав значительное количество научных трудов по указанным специальностям, он оставил также заметный след в истории российского языкознания. Его перу принадлежат многочисленные словари, «Грамматика русского языка для немцев», книги для чтения на русском и немецком языках, пособия по немецкому языку.

«Грамматика русского языка для немцев» играет в истории отечественного языкознания совершенно особую роль: ее автор после М. В. Ломоносова и практически одновременно с Я. М. Родде, П. И. Соколовым и Санкт-Петербургской Академией, отчасти опираясь на труды этих авторов, написал для немецких учащихся грамматику титульного языка Российской Империи, которую впоследствии использовали для своих работ более поздние авторы, в том числе и Н. И. Греч.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; грамматика русского языка; И. А. Гейм (1759 – 28.10.1821); Россия; XVIII–XIX вв.; Московский университет

Для цитирования: Лукин О. В. «Русская грамматика для немцев» И. А. Гейма в истории отечественного языкознания // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 85–94. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_85. https://elibrary.ru/UIUMNY

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

J. A. Heym's Russian grammar for germans in the history of russian linguistics

Oleg V. Lukin
Doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Abstract. The article is devoted to the author of the «Russian grammar for germans» (German: Russische Sprachlehre für Deutsche) J. A. Heym (1759 – 10/28/1821). The relevance of the work is determined by the constant interest that all linguists show in the history of their science. Filling in the lacunae in the life, activity, works, and place of little-known linguists in the scientific paradigm of their time is a very important task.

© Лукин О. В., 2023

From the standpoint of narrative linguistic history, the paper analyzes the peculiarities of the life, creative activity and scientific heritage of J. A. Heym, a graduate of Göttingen and Helmstedt universities, a teacher, and later dean of the faculty of philology and rector of the Imperial moscow university. Born and educated in Germany, he built a career in the Russian empire – from a tutor in a landowner's estate to a university rector. Being a professor of world history, statistics and geography and having published a significant number of researches on these sciences, he also left a noticeable mark in the history of Russian linguistics. He wrote numerous dictionaries, «Grammar of the russian language for germans», readers in russian and german, manuals on the german language.

«Grammar of the russian language for germans» plays a very special role in the history of russian linguistics: its author wrotea grammar of theRussian empire majority language for german students which later was used by other authors, including N. I. Grech. He wrote it after M. V. Lomonosov and practically at the same time as J. M. Rodde, P. I. Sokolovand the St. Petersburg academy, partly relying on the works of these authors.

Key words: narrative linguistic historiography; grammar of the russian language; J. A. Heym (1759 – 28.10.1821); Russia; XVIII–XIX centuries; Moscow university

For citation: Lukin O. V. J. A. Heym's Russian grammar for germans in the history of russian linguistics. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):85–94. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_85. https://elibrary.ru/UIUMNY

Введение

В истории отечественного языкознания есть немало имен, по разным причинам незаслуженно забытых. Часто это не самые известные ученые, внесшие выдающийся вклад в тот или иной раздел науки о языке. Однако, на их трудах основываются работы их современников, последователей, сказавших свое слово в истории лингвистики и ставших более знаменитыми.

Нередко такие ученые не получали специального образования, профессионально не занимались наукой о языке в течение всей своей жизни или значительного ее отрезка. К тому же, некоторые их них были поистине универсальными учеными, достаточно назвать, к примеру, специалиста в области политических и камеральных наук, сделавший значительный вклад в лингвофилософию, грамматику и лексикографию Ф. Я. Шмиттеннера (1796–1850) (см. нашу статью [Лукин, 2017]). При этом языкознание, а зачастую некоторый его раздел, имевший в то или иное время сугубо практическое значение, привлекали их внимание именно в силу его практической востребованности в жизни общества определенного исторического периода.

Имя Ивана Андреевича Гейма, действительного статского советника, профессора всемирной истории, статистики и географии Императорского Московского университета, декана словесного отделения, четыре раза избранного ректором этого университета, заслуживает самого пристального внимания – не только в силу его выдающейся роли в ныне главном университете страны, не только в силу широкой палитры его научного творчества, но и потому, что он немало сделал для развития языкознания в нашей стране, особенно грамматики русского языка и лексикографии.

Родившись и получив образование в Германии, он сделал карьеру в России – от гувернера в помещичьей усадьбе А. А. Лопухина до ректора Императорского Московского университета. Будучи специалистом по всемирной истории, статистике и географии, он составил и издал многочисленные словари, «Грамматику русского языка для немцев», книги для чтения на русском и немецком языках, пособия по немецкому языку.

Эти издания были исключительно востребованы именно в силу практической необходимости немецкого населения Российской империи получать образование и сделать карьеру в нашей стране. Составление учебников русского языка, словарей, грамматик, хрестоматий по русскому языку, написанных на немецком языке, отражало в известном смысле эту общую тенденцию (см., например, [Лукин, 2022, с. 85]).

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя, прежде всего:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографической литературы;
3. анализ «Русской грамматики для немцев» И. А. Гейма.

Результаты исследования

1. Основные биографические сведения

Основные биографические данные о И. А. Гейме были опубликованы в некрологах [Б. а., 1821а, с. 228–231; Б. а., 1821б, с. 266–269],

изданиях, посвященных Московскому университету [Б. а., 1855, с. 188–191; Шевырев, 1855; Андреев, 2010] и авторитетных справочных изданиях – Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [Мазаев, 1892] и Русском биографическом словаре, издававшемся А. А. Половцовым [Половцов, 1914].

И. А. Гейм (нем. Bernhard Andreas von Heim / Johann Andreas von Heim / Heym, рус. Бернгард Андреас Гейм / Иван Андреевич Гейм; 1759 – 28.10.1821) родился в нижнесаксонском городе Брауншвейге в семье придворного лекаря герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Карла I. По окончании гимназии в родном городе учился в университетах Гёттингена и Гельмштедта, где изучал историю, филологию, политические науки и языки.

В двадцатилетнем возрасте юноша был приглашен в Россию в качестве домашнего учителя сына А. А. Лопухина (Адриан Адрианович Лопухин (30.06.1734 – 28.08.1816) был тульским помещиком, статским советником, впоследствии, с 1788 по 1791 гг. – предводителем дворянства Никитского уезда Московской губернии).

Спустя два года молодой немец начинает свою преподавательскую деятельность в Московском университете, вначале в качестве преподавателя (лектора) немецкого языка и классических древностей. С этим учебным заведением будут связаны последующие сорок лет его жизни.

Вскоре И. А. Гейм начинает работать в университетской библиотеке. Его страсть к книгам продолжалась всю его жизнь. Начал он с должности суббиблиотекаря, то есть помощника библиотекаря. Его служение книгам русский литературный критик, историк литературы, ординарный профессор и декан Московского университета, академик Петербургской Академии наук С. П. Шевырев (18.(30).10.1806 – 8.(20).05.1864) описывал так: «В Словесном Факультете, по старшинству, первенствовал Гейм, заключавший в себе энциклопедию самых разнообразных познаний, истощавший все остатки жизни своей, до самого конца ее, на беспрерывное приобретение новых сведений, иссохший и изможденный в библиотеке и не хотевший никогда снять с себя звания библиотекаря. Книги сделались атмосферою его жизни, второю стихиею, в которой дышал ученый. И теперь в нашей памяти резко выдается тень почтенного старца, представлявшего живой скелет в последние годы его жизни» [Шевырев, 1855, с. 453].

20 декабря 1784 года двадцатипятилетний ученый получил звание экстраординарного профессора, был назначен инспектором Университетского Благородного пансиона, в котором преподавал историю и географию. Одновременно на протяжении четырнадцати лет И. А. Гейм преподавал историю, коммерческую географию и немецкий язык в Демидовском коммерческом училище.

10 июля 1796 г. ученый получил должность ординарного профессора и преподавал в Московском университете историю и статистику. По повелению императрицы Марии Феодоровны в 1803 году И. А. Гейм стал инспектором вновь открытого института ордена святой Екатерины, назначен членом училищного комитета. Им был составлен каталог библиотеки известного российского дипломата графа А. К. Разумовского (22.10.(2.11)1752 – 11.(23)09.1836). Зная восточные языки, он неоднократно приглашался московскими властями в качестве переводчика для общения с чиновниками восточных государств.

В 1805 г. И. А. Гейм был избран первым деканом вновь открытого словесного факультета, а затем, с 1808 г. по 1819 г. – ректором Императорского Московского университета [Феофанов, 2011, с. 188]. На протяжении своей педагогической, научной и административной деятельности он выполнял также и цензорские обязанности как специалист по всемирной истории, статистике и географии [Гринченко, 2013, с. 11–12].

За время своей службы в Императорском Московском университете И. А. Гейм произнес несколько речей на торжественных собраниях. С января 1811 г. по сентябрь 1812 г. издавал газету московских немцев «Moscovitische Zeitung».

Скончался профессор И. А. Гейм 28 октября 1821 года в возрасте 62 лет. Автор опубликованного в «Отечественных записках» некролога так характеризовал нашего героя: «С разнообразными сведениями в науках он соединял познания во многих древних и новейших языках, непрестанно трудился, и труд, кажется, несмотря на болезнь и старость, был пищею постоянной души его до самой смерти, которой он не боялся, как истинный христианин, а почитал ее *отдыхом от скорбей и трудов*. Быв нрава пылкого, казался тихим, кротким и любезным. В лекциях своих и сочинениях Гейм всегда внушал любовь к вере и отечеству и повиновение к законам» [Б. а., 1821, с. 268] (курсив автора статьи).

Лучшую часть своей библиотеки (более 2000 книг и карт) И. А. Гейм завещал Московскому

университету, в библиотеке университета хранится рукопись его дневника «Tagebuch 1818». Ученый был похоронен на Московском лютеранском кладбище на Введенских горах, на его памятнике сделана красноречивая надпись «*Dem Wohlthäter und Lehrer von dankbaren Schülern*» (Благодетелю и учителю от благодарных учеников).

2. Направления научного творчества

Занимаясь на протяжении сорока лет своей жизни преподавательской и научной деятельностью в Императорском Московском университете, И. А. Гейм, разумеется, писал и публиковал свои труды по широкому спектру преподаваемых им дисциплин, из которых довольно значительное место занимают работы по географии (Географическая таблица Европы (М., 1787); Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopädie des Russischen Reichs nach alphabetischer Ordnung (Göttingen, 1789 и 1796) [Heym 1796]; Краткая география для детей [Гейм, 1837]; Первоначальные основания новейшего всеобщего землеописания (М., 1813); Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель (М., 1811, 2 ч., М., 1817 и 1819)), экономике (Руководство к коммерческой науке, в пользу высших классов гимназий, состоящих в округе Императорского Московского Университета (М., 1804) [Гейм, 1804]), статистике (Статистика соединенных Великобританского и Ирландского королевств. Опыт новой издаваемой статистики (М., 1811), Опыт начертания статистики главнейших государств, по нынешнему их состоянию, ч. I, содержащая статистику Российской и Австрийской Империй, Французского, Великобританского и Прусского государств (М., 1821, с табл.) [Гейм, 1821]), многочисленные работы по языкознанию, а также речь «О состоянии наук в России под покровительством Павла Перваго» (нем. *Ueber den Zustand der Wisenschaften in Russland unter Paul I*) (Moskwa, 1799) (с русским переводом) [Гейм, 1799].

Работы по языкознанию занимают самое немаловажное место среди научного наследия И. А. Гейма. Это грамматики русского и немецкого языков (Russische Sprachlehre für Deutsche, (М., 1789, Riga, 1794 и 1804) [Heym, 1789], [Heym, 1794], [Heym, 1804] (переводы на финский (1831 г.) и польский языки (1819 г.)), Немецкая грамматика для классов гимназии и вольного Благородного Пансиона при Московском Университете (М., 1802 и 1805) [Гейм, 1802], Первые правила немецкого языка для низших классов университетского пансиона (М., 1804)), книги для чтения на русском и немецком языках (Russisches Lesebuch, oder Auswahl prosaischer und poetischer Aufsätze aus den besten russischen Schrifstellern. Livre de lecture russe (Riga, 1805), Немецкая хрестоматия (М., 1808), Deutsches Lesebuch zum Gebrauch für Schulen (2-e Aufl., M., 1808) [Heym, 1784]) и многочисленные словари русского, немецкого и французского языков (Deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch. Erster deutsch-russischer Theil (Riga, 1795), Словарь немецко-российско-французский, 2 ч. Neues vollständiges Wörterbuch. 1-e Abtheilung, welche das deutsch-russisch-französische Wörterbuch enthält, 2 ч., (М., 1796-1797 гг.), Deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch, 3 ч., (Riga und Leipzig, 1798-1800); то же, 2 ч. (Riga, 1801), Новый российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по словарю российской академии, 3 ч. (М., 1799-1802); 2-е издание, исправленное и дополненное К. Мессом, вышло в Москве в 1826 г. под заглавием: Полный российско-французско-немецкий словарь, Словарь, содержащий самые употребительнейшие и нужнейшие слова из общей жизни, в пользу нижних французских и немецких классов (М., 1803, 2-е изд., М., 1819), Dictionnaire portatif ou dictionnaire françois-russe-allemand (Riga und Leipzig, 1805), Deutsch-russisch-französisches Taschen-Wörterbuch (Riga und Leipzig, 1805), Французский и Российский словарь, сочиненный по лучшим и новейшим французским словарям в пользу российского юношества и иностранцев. Dictionnaire françois et russe 2 ч. (М., 1809) [Гейм, 1809а], [Гейм, 1809б], Новый и полный французско-российско-немецкий словарь, составленный по лучшим и новейшим словарям, 2 ч. (СПб., 1816–1817)).

3. «Русская грамматика для немцев» И. А. Гейма и ее источники

Первое издание грамматики вышло в свет в 1789 году [Heym, 1789] в типографии Московского университета и, как отмечает сам автор в предисловии к второму изданию, было быстро раскуплено [Heym, 1794, Vorrede]. Второе издание своей русской грамматики для немцев, вышедшее в 1794 году в Риге в издательстве Хартknоха, И. А. Гейм посвящает русскому военному педагогу, генерал-поручику, генерал-адъютанту Екатерины II графу Фридриху фон Ангальт (нем.

Friedrich von Anhalt, рус. Фёдор Евстафьевич Ангальт, 21.05.1732 – 2.06.1794).

Интересно отметить, что в написанном 27 сентября 1793 года предисловии к этому изданию И. А. Гейм настоятельно не рекомендует любителям русского языка грамматику Я. М. Родде [Rodde, 1778] в качестве надежного пособия по русскому языку, потому что во многих своих частях, особенно в склонении, она отличается от других русских грамматик, и, кроме того, страдает неполнотой и ошибками в примерах [Heym, 1794, Vorrede].

В этом же предисловии автор подчеркивает, что во втором издании исправлены ошибки и использованы самые последние произведения по русской грамматике, в особенности «Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в Гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные», написанная членом и непременным секретарем Императорской Российской Академии наук П. И. Соколовым (24.06.(05.07)1764 – 2.(14)01.1835) (см. [Соколов, 1788]). Особую благодарность за помощь в работе над грамматикой И. А. Гейм выражает своему коллеге по университету профессору древней словесности в Императорском Московском университете П. А. Сохацкому (1766 – 18.(30).03.1809) [Heym, 1794, Vorrede].

В этом же предисловии И. А. Гейм указывал на неполноту как своей грамматики, так и издававшихся до него грамматик русского языка, отмечая и то, что для начинающих изучать русский язык немцев его работа может показаться недостаточно понятной и обстоятельной [Heym, 1794, Vorrede].

Третье издание грамматики появилось лишь спустя 10 лет в рижском издательстве Гартманна [Heym, 1804].

Очень важно отметить, что второе и третье издания одной и той же грамматики не были просто исправленными и дополненными вариантами первого: это были в известной степени непохожие друг на друга работы, ориентировавшиеся на наиболее актуальные, вышедшие непосредственно перед 1789, 1794 и 1804 гг. труды по русской грамматике. В своем докладе С. В. Власов и Л. В. Московкин показали, что при подготовке разных изданий своей грамматики И. А. Гейм в большей степени опирался на разные грамматики русского языка. Так, для первого издания была использована грамматика М. В. Ломоносова, автор «… однако стремится упростить и рационализировать материал, устраняя архаичные и малоупотребительные формы и заменяя многие примеры» [Власов, Московкин 2022, с. 11–12]. В первом издании отчасти заметно и влияние грамматики Я. М. Родде, которого И. А. Гейм критикует в предисловии ко второму изданию. Во втором издании ощущается влияние грамматик Я. М. Родде и П. И. Соколова. И, наконец, текст третьего издания 1804 года «… уже мало напоминает грамматику Ломоносова, но при этом обнаруживает зависимость от академической грамматики 1802 г.» [Власов, Московкин, 2022, с. 11–12].

Структура всех трех изданий в силу вышеуказанных особенностей отличается друг от друга, но практически неизменной остается сама схема описания материала. В отличие от первых двух изданий, последнее, третье, делится на две части. В первой речь идет об устной речи (*Von der Fertigteit richtig zu reden*), во второй – о письменной речи и правописании (*Von der Fertigkeit richtig zu schreiben oder von der Rechtschreibung*).

Как сугубо практическая грамматика немецкого языка, предназначенная для немцев, она начинается с букв, слогов и правил чтения (*Von den Buchstaben und Sylben* (о буквах и слогах) во втором издании и *Von den Buchstaben und ihrer Aussprache* (о буквах и их произношении) в третьем).

Морфологический раздел традиционно содержит учение о частях речи в русском языке (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, союзы, предлоги, междометия), при этом во втором издании весьма подробно описаны склонение существительных и спряжение глаголов.

Синтаксический раздел второго издания состоит из двух небольших глав (1. О соединении отдельных слов (*Von der Verbindung einzelner Wörter*) и 2. О следовании или порядке слов (*Von der Folge oder Ordnung der Wörter*)). В третьем издании между главами с похожими названиями расположено еще восемь глав об употреблении отдельных частей речи.

Приложение состоит из трех небезынтересных частей. В первой «*Von den Titulaturen*» содержится информация о титулах военных и гражданских чиновников Российской империи (заметим, что для молодых немцев, намеревающихся сделать карьеру в иностранном государстве, это весьма полезная практическая информация на двух языках). Вторая часть приложения «*Kleines Wo͏̈rterbuch*» представляет собой не-

большой словник, сгруппированный по тематическому принципу. Третья часть «*Gespräche*» («Разговоры») – это краткие клишированные фразы на двух языках, также сгруппированные по тематическому принципу (например: *Все ли въ добромъ здоровьѣ, какъ вы поживаете*? (*какъ вы обрѣтаетесь*?)).

Такая структура грамматики русского языка, как нам представляется, диктовалась не только современными ему работами по русской грамматики конца XVIII – начала XIX века, но и в немалой степени менталитетом целевой аудитории, ср.: «… зная менталитет соотечественников, И. Гейм постарался максимально адаптировать свой учебник для населения Германии» [Ершова, 2011, с. 49].

Заключение

Подводя некоторые итоги нашего исследования, хотелось бы отметить важную роль И. А. Гейма в развитии отечественной науки, в том числе, науки о языке. Будучи в течение более четырех десятилетий преподавателем одного из главных университетов Российской империи, он внес несомненный вклад в развитие преподаваемых им дисциплин – экономики, статистики и географии. Лингвистические работы профессора И. А. Гейма занимают, как нам представляется, совершенно особое место в его научном творчестве.

Составленная им «Грамматика русского языка для немцев» ставит его в один ряд с крупнейшими грамматистами конца XVIII – начала XIX века от М. В. Ломоносова до Н. И. Греча (ср. [Tappe, 1826, S. IV]). Практическая направленность, ориентация на свою целевую аудиторию и вовлеченность в парадигму исследований в области грамматики русского языка вообще и для немецких учащихся в частности сделали эту работу одной из самых востребованных и знаменитых в свой период времени, она послужила впоследствии источником для составления грамматик русского языка более поздними авторами, например, Н. И. Гречем ([Лукин, 2020]).

Библиографический список

1. Андреев А. Ю. Гейм Иван Андреевич // Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145–147.

2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Москва : В Университетской Типографии, 1855. Т. I. С. 188–191.

3. Некрология // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 266–269.

4. Власов С. В., Московкин Л. В. Эволюция грамматических взглядов Ивана Андреевича Гейма (на материале анализа трех изданий учебника «Russische Sprachlehre für Deutsche») // Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, Санкт-Петербургский государственный университет, 15-23 марта 2022 года, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург : Издательство СпбГУ, 2022. С. 11–12.

5. Гейм // Сын Отечества. 1821. Ч. 73, отд. 3. С. 228–231.

6. Гейм И.-А. Краткая география для детей / изданная по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма. 10-е изд. Москва : В Типографии Лазаревых института восточных языков, 1837. 147 с.

7. Гейм И. А. Начертание всеобщаго землеописания по новейшему разделению государств и земель. Второе издание, исправленное и весьма умноженное. Москва: В Университетской типографии, 1819. [10], 3 492, [2] с.

8. Гейм И. А. Немецкая грамматика для классов гимназий и Вольнаго благороднаго пансиона при Императорском Московском университете, изданная коллежским советником, профессором п. о. и университетским суббиблиотекарем, Иваном Геймом. Москва : В Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. 135, [1] с.

9. Гейм И. А. О состоянии наук в России под покровительством Павла Перваго: Слово, при торжествовании всерадостнаго дня тезоименитства его императорскаго величества, всемилостивейшаго государя императора и самодержца всея России Павла Перваго, именем Московскаго университета, говоренное на немецком языке Иваном Геймом, надворным советником, профессором и суббиблиотекарем университетским. Москва : Университетская типография, 1799. [2], 14 с.

10. Гейм И. А. Опыт начертания статистики главнейших государств, по нынешнему их состоянию. Ч. 1: Содержащая статистику Российской и Австрийской империй, Французскаго, Великобританскаго и Прусскаго государств. Москва : В Университетской типографии, 1821. VI, [2], 465, [3] с.

11. Гейм И. А. Руководство к коммерческой науке: В пользу вышних классов гимназий, состоящих в округе Императорскаго Московскаго университета. Москва : В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1804. 79, [1] с.

12. Гейм И. А. Словарь, содержащий самыя употребительнейшия и нужнейшия слова из общей жизни,: Dictionnaire, contenant les mots les plus usités et les plus nécessaires de la vie commune : À l'usage des classes inférieures françoises et allemandes = Wörterbuch von den gebräuchlichsten und nothwendigsten Wörtern des gemeinen Lebens, : Zum Gebrauche der niedrigen Französischen und Deutschen Klassen: В пользу нижних французских и немецких классов. Москва : В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803. [4], 60 с.

13. Гейм И. А. Французский и российский словарь: Dictionnaire françois et russe / Composé d'après les meilleurs et les plus nouveaux dictionnaires françois à l'usage de la jeunesse russe et des etrangers et principalement de la nation françoise, par Jean Heym / Сочиненный по лучшим и новейшим французским словарям в пользу российскаго юношества и иностранцов, а особливо французской нации, Иваном Геймом. Москва : В Университетской типографии, 1809а. Т. 1. [4], 399, [1] с.

14. Гейм И. А. Французский и российский словарь: Dictionnaire françois et russe / Composé d'après les meilleurs et les plus nouveaux dictionnaires françois à l'usage de la jeunesse russe et des etrangers et principalement de la nation françoise, par Jean Heym / Сочиненный по лучшим и новейшим французским словарям в пользу российскаго юношества и иностранцов, а особливо французской нации, Иваном Геймом. Москва : В Университетской типографии, 1809б. Т. 2. 324 с.

15. Гринченко Н. А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX в. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Санкт-Петербург, 2013. Т. 201: Книжное дело: вчера, сегодня, завтра, ч. 1: Традиции и инновации в книжном деле: XVII Смирдинские чтения. С. 9–20.

16. Ершова Е. О. И. А. Гейм на службе русскому языку и российскому просвещению // Филология и человек. 2011. № 1. С. 47–56.

17. Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158–163.

18. Лукин О. В. Феномен А. В. Таппе и учебники русского языка для немцев // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 84–90.

19. Лукин О. В. Фридрих Шмиттеннер как грамматист, лингвофилософ и лексикограф // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

20. Мазаев М. Н. Гейм, Иван Андреевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т., т. VIII: Гальберг – Германий. Санкт-Петербург : Семеновская Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. С. 254.

21. Половцов А. А. Гейм, Иван Андреевич // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова: Гааг – Гербель. Т. IV. Санкт-Петербург : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. С. 350–352.

22. Соколов П. И. Начальныя основания российской грамматики: В пользу учащагося в гимназии при Императорской Академии наук юношества составленныя. Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1788. [8], 148 с.

23. Феофанов А. М. Профессора-иностранцы в российских университетах во второй половине XVIII первой половины XIX века // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 8. С. 186–195.

24. Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогии Степаном Шевырёвым: 1755–1855. Москва : в Университетской тип., 1855. XII, 582, [2] с.

25. Heym J. Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der obern Deutschen Klassen in den Kaiserlich-Moskowischen Gymnasien / hrsg. von Jo. Heym, Professor u. Unterbibliothecarius bey der Kayserl. Moskowischen Universität, Inspector der dasigen adelichen Pension, Lehrer der Geschichte bey dem Demidowschen Handlungs-Institut, u. Mitglied der freyen Russischen Gesellschaft in Moskwa. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts-Buchdruckerey: Bey N. von Nowikow, 1784. XX, 3-204, [1] S.

26. Heym J. Dictionnaire portatif, première partie, ou Dictionnaire françois-russe-allemand. Riga et Leipzig: C. J. G. Hartmann, 1805. 2, 1002 p.

27. Heym J. Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyklopädie des Russischen Reichs nach alphabetischer Ordnung. Göttingen: Bey Johann Christian Dieterich, 1796. 4, CXLVIII, 1000 s.

28. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey: Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [4] S.

29. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Neue vermehrte und verbesserte Auflage. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1794. [16], 464, [4] s.

30. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kaiserlichem Collegien-Rathe, Professor bey der Moskowischen Universität, Inspector und öffentlichem Lehrer bey dem Kaiserlichen Fräuleinstifte des Ordens der Heiligen Catharina. Neue völlig umgearbeitete und vermehrte Auflage. Riga: Bey Carl Johann Gottfried Hartmann, 1804. 356 s.

31. Rodde J. Russische Sprachlehere, verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur Eines Hochedlen

Raths der Russischkaiserlichen Stadt Riga. 2. Aufl. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1778. 431 s.

32. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis 1826, von August Wilhelm Tappe, Doctor der Theologie und Philosophie, Professor der Naturgeschichte, Moral und Sprachwissenschaften in Tharant, Ritter des St. Annen-Ordens, Mitgliede der Kӧniglichen Akademie der Wissenschaften in Erfurt,der Kaiserlichen mineralogischen Gesellschaften zu St. Petersburg und der Großherzoglich Sachsen-Weimarschen zu Jena , der Kurlӓndischen Gesellschaft fuӥr Litteratur und Kunst in Mitau, der Alterthumskunde in Halle und der naturforschenden Gesellschaft in Leipzig. Sechste verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, bey Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause, Riga: bey Deubner, Dresden und Leipzig: bey Arnold, I826. VIII, 337 s.

Reference list

1. Andreev A. Ju. Gejm Ivan Andreevich = Heym Ivan Andreevich // Andreev A. Ju., Cygankov D. A. Imperatorskij Moskovskij universitet: 1755–1917: jenciklopedicheskij slovar'. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. S. 145–147.

2. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekajushhee stoletie so dnja uchrezhdenija janvarja 12-go 1755 goda, po den' stoletnego jubileja janvarja 12-go 1855 goda, sostavlennyj trudami professorov i prepodavatelej, zanimavshih kafedry v 1854 godu, i raspolozhennyj po azbuchnomu porjadku = Biographical dictionary of professors and lecturers of the Imperial Moscow University for the expiring century, from the date of its establishment in January 12, 1755 to the date of the centenary in January 12, 1855, compiled by the efforts of professors and lecturers, who were at the chairs in 1854, and arranged in alphabetical order. Moskva : V Universitetskoj Tipografii, 1855. T. I. S. 188–191.

3. Nekrologija = Necrology // Otechestvennye zapiski. 1821. Ch. 8. S. 266–269.

4. Vlasov S. V., Moskovkin L. V. Jevoljucija grammaticheskih vzgljadov Ivana Andreevicha Gejma (na materiale analiza treh izdanii͡ uchebnika «Russische Sprachlehre fuӥr Deutsche») = Evolution of Ivan Andreevich Heym's grammatical views (analyzing three editions of the textbook «Russische Sprachlehre für Deutsche») // Tezisy 50-j Mezhdunarodnoj nauchnoj filologicheskoj konferencii imeni Ljudmily Alekseevny Verbickoj, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 15-23 marta 2022 goda, Sankt-Peterburg. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo SpbGU, 2022. S. 11–12.

5. Gejm = Heym // Syn Otechestva. 1821. Ch. 73, otd. 3. S. 228–231.

6. Gejm I. A. Kratkaja geografija dlja detej = A brief geography for children / Izdannaja po rukovodstvu g-na statskogo sovetnika i kavalera I. A. Gejma. 10-e izd. Moskva : V Tipografii Lazarevyh instituta vostochnyh jazykov, 1837. 147 s.

7. Gejm I. A. Nachertanie vseobshhago zemleopisanija po novejshemu razdeleniju gosudarstv i zemel'. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i ves'ma umnozhennoe = An outline of a general land description according to the newest division of states and lands. Second edition, revised and greatly enlarged.Moskva: V Universitetskoj tipografii, 1819. [10], 3 492, [2] s.

8. Gejm I. A. Nemeckaja grammatika dlja klassov gimnazij i Vol'nago blagorodnago pansiona pri Imperatorskom Moskovskom universitete, izdannaja kollezhskim sovetnikom, professorom p. o. i universitetskim subbibliotekarem, Ivanom Gejmom = German grammar for high school and free noble boarding school classes at the Imperial University of Moscow, published by the collegiate counselor, professor and university sublibrarian, Ivan Heym.Moskva : V Universitetskoj tipografii u Ljubi, Garija i Popova, 1802. 135, [1] s.

9. Gejm I. A. O sostojanii nauk v Rossii pod pokrovitel'stvom Pavla Pervago: Slovo, pri torzhestvovanii vseradostnago dnja tezoimenitstva ego imperatorskago velichestva, vsemilostivejshago gosudarja imperatora i samoderzhca vseja Rossii Pavla Pervago, imenem Moskovskago universiteta, govorennoe na nemeckom jazyke Ivanom Gejmom, nadvornym sovetnikom, professorom i subbibliotekarem universitetskim = On the state of sciences in Russia under the patronage of Pavel the First: Speech at the celebration of the saint's day of his imperial majesty, the sovereign emperor and autocrat of all Russia, Pavel the First, in the name of the Moscow University, delivered in German by Ivan Heym, royal court counselor, professor and sublibrarian of the university. Moskva : Universitetskaja tipografija, 1799. [2], 14 s.

10. Gejm I. A. Opyt nachertanija statistiki glavnejshih gosudarstv, po nyneshnemu ih sostojaniju. Ch. 1: Soderzhashhaja statistiku Rossijskoj i Avstrijskoj imperij, Francuzskago, Velikobritanskago i Prusskago gosudarstv = Experience in outlining the statistics of the major nations, according to their present state. Ch. 1: Containing statistics of the Russian and Austrian empires, of the French, British, and Prussian states. Moskva : V Universitetskoj tipografii, 1821. VI, [2], 465, [3] s.

11. Gejm I. A. Rukovodstvo k kommercheskoj nauke: V pol'zu vyshnih klassov gimnazij, sostojashhih v okruge Imperatorskago Moskovskago universiteta = A guide to the commercial science: for the benefit of the higher classes of the gymnasia, which are located in the district of the Imperial Moscow University. Moskva : V Universitetskoj tipografii, u Ljubi, Garija i Popova, 1804. 79, [1] c.

12. Gejm I. A. Slovar', soderzhashhij samyja upotrebitel'nejshija i nuzhnejshija slova iz obshhej

zhizni = Dictionary containing the most useful and necessary words of common life: Dictionnaire, contenant les mots les plus usités et les plus nécessaires de la vie commune : À l'usage des classes inférieures françoises et allemandes = Wörterbuch von den gebräuchlichsten und nothwendigsten Wörtern des gemeinen Lebens, : Zum Gebrauche der niedrigen Französischen und Deutschen Klassen: V pol'zu nizhnih francuzskih i nemeckih klassov. Moskva : V Universitetskoj tipografii, u Ljubi, Garija i Popova, 1803. [4], 60 s.

13. Gejm I. A. Francuzskij i rossijskij slovar' = French and Russian dictionary: Dictionnaire françois et russe / Composé d'après les meilleurs et les plus nouveaux dictionnaires françois à l'usage de la jeunesse russe et des etrangers et principalement de la nation françoise, par Jean Heym / Sochinennyj po luchshim i novejshim francuzskim slovarjam v pol'zu rossijskago junoshestva i inostrancov, a osoblivo francuzskoj nacii, Ivanom Gejmom. Moskva : V Universitetskoj tipografii, 1809a. T. 1. [4], 399, [1] s.

14. Gejm I. A. Francuzskij i rossijskij slovar' = French and Russian dictionary: Dictionnaire françois et russe / Composé d'après les meilleurs et les plus nouveaux dictionnaires françois à l'usage de la jeunesse russe et des etrangers et principalement de la nation françoise, par Jean Heym / Sochinennyj po luchshim i novejshim francuzskim slovarjam v pol'zu rossijskago junoshestva i inostrancov, a osoblivo francuzskoj nacii, Ivanom Gejmom. Moskva : V Universitetskoj tipografii, 1809b. T. 2. 324 s.

15. Grinchenko N. A. Professor v cenzurnom vedomstve Rossii v pervoj polovine XIX v. = A professor in the Russian censorship office in the first half of XIX century // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Sankt-Peterburg, 2013. T. 201: Knizhnoe delo: vchera, segodnja, zavtra, ch. 1: Tradicii i innovacii v knizhnom dele: XVII Smirdinskie chtenija. S. 9–20.

16. Ershova E. O. I. A. Gejm na sluzhbe russkomu jazyku i rossijskomu prosveshheniju = I. A. Heym serving the Russian language and the Russian education // Filologija i chelovek. 2011. № 1. S. 47–56.

17. Lukin O. V. Russkie grammatiki N. I. Grecha i ih nemeckie istochniki = N. I. Grech's Russian grammars and their German sources // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2 (21). S. 158–163.

18. Lukin O. V. Fenomen A. V. Tappe i uchebniki russkogo jazyka dlja nemcev = The phenomenon of A. V. Tappe and the Russian language textbooks for Germans // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 3 (30). S. 84–90.

19. Lukin O. V. Fridrih Shmittenner kak grammatist, lingvofilosof i leksikograf = Friedrich Schmittanner as grammarian, linguophilosopher, and lexicographer // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

20. Mazaev M. N. Gejm, Ivan Andreevich = Heym, Ivan Andreevich // Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t., t. VIII: Gal'berg – Germanij. Sankt-Peterburg : Semenovskaja Tipo-litografija I. A. Efrona, 1892. S. 254.

21. Polovcov A. A. Gejm, Ivan Andreevich = Heym, Ivan Andreevich // Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva A. A. Polovcova: Gaag – Gerbel'. T. IV. Sankt-Peterburg : Tipografija G. Lissnera i D. Sovko, 1914. S. 350–352.

22. Sokolov P. I. Nachal'nyja osnovanija rossijskoj grammatiki: V pol'zu uchashhagosja v gimnazii pri Imperatorskoj Akademii nauk junoshestva sostavlennyja = Basic principles of Russian grammar: For the benefit of the high school students of the Imperial Academy of Sciences. Sankt-Peterburg : Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1788. [8], 148 s.

23. Feofanov A. M. Professora-inostrancy v rossijskih universitetah vo vtoroj polovine XVIII pervoj poloviny XIX veka = Foreign professors at Russian universities in the second half of XVIII the beginning of XIX century // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva. 2011. № 8. S. 186–195.

24. Shevyrev S. P. Istorija Moskovskogo universiteta, napisannaja k stoletnemu ego jubileju ordinarnym professorom russkoj slovesnosti i pedagogii Stepanom Shevyrjovym: 1755–1855 = History of the Moscow University, written for its centenary by Stepan Shevyrev, an Ordinary Professor of Russian Literature and Pedagogy: 1755-1855. Moskva : v Universitetskoj tip., 1855. XII, 582, [2] s.

25. Heym J. Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der obern Deutschen Klassen in den Kaiserlich-Moskowischen Gymnasien / hrsg. von Jo. Heym, Professor u. Unterbibliothecarius bey der Kayserl. Moskowischen Universität, Inspector der dasigen adelichen Pension, Lehrer der Geschichte bey dem Demidowschen Handlungs-Institut, u. Mitglied der freyen Russischen Gesellschaft in Moskwa. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts-Buchdruckerey: Bey N. von Nowikow, 1784. XX, 3-204, [1] s.

26. Heym J. Dictionnaire portatif, première partie, ou Dictionnaire françois-russe-allemand. Riga et Leipzig: C. J. G. Hartmann, 1805. 2, 1002 p.

27. Heym J. Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyklopädie des Russischen Reichs nach alphabetischer Ordnung. Göttingen: Bey Johann Christian Dieterich, 1796. 4, CXLVIII, 1000 s.

28. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey: Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [4] s.

29. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Univer-

sität. Neue vermehrte und verbesserte Auflage. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1794. [16], 464, [4] s.

30. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kaiserlichem Collegien-Rathe, Professor bey der Moskowischen Universitaẗ, Inspector und oẗffentlichem Lehrer bey dem Kaiserlichen Fraäuleinstifte des Ordens der Heiligen Catharina. Neue völlig umgearbeitete und vermehrte Auflage. Riga: Bey Carl Johann Gottfried Hartmann, 1804. 356 s.

31. Rodde J. Russische Sprachlehere, verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur Eines Hochedlen Raths der Russischkaiserlichen Stadt Riga. 2. Aufl. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1778. 431 s.

32. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis 1826, von August Wilhelm Tappe, Doctor der Theologie und Philosophie, Professor der Naturgeschichte, Moral und Sprachwissenschaften in Tharant, Ritter des St. Annen-Ordens, Mitgliede der Koẗniglichen Akademie der Wissenschaften in Erfurt,der Kaiserlichen mineralogischen Gesellschaften zu St. Petersburg und der Großherzoglich Sachsen-Weimarschen zu Jena , der Kurlaẗndischen Gesellschaft fuẗr Litteratur und Kunst in Mitau, der Alterthumskunde in Halle und der naturforschenden Gesellschaft in Leipzig. Sechste verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, bey Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause, Riga: bey Deubner, Dresden und Leipzig: bey Arnold, I826. VIII, 337 s.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 22.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 81.119
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_95
EDN: SUHWQO

Кодовое переключение как средство художественной выразительности в произведениях Сергея Минаева

Мария Геннадьевна Исаева[1]✉, Людмила Андреевна Гунько[2]
[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет. 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5
[2]Старший преподаватель кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет. 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5
[1]mashasuprugina@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-0465-9788
[2]gunkolyuda@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-8896-7600

Аннотация. Целью данной статьи является описание стилистического потенциала кодовых переключений в современном литературном произведении на примере романов Сергея Минаева. Данное исследование выполнено в рамках художественного билингвизма, под которым мы понимаем сугубо лингвистическую составляющую литературного текста, то есть использование писателем (поэтом) иноязычных единиц в предложении. Художественный билингвизм предполагает социолингвистический, структурный, прагматический и стилистический анализ переключений в тексте произведения. Кодовые переключения – это структурные единицы гостевого языка (морфема, слово, словосочетание, предложение, группа предложений) в высказывании на матричном языке, всегда выполняющие прагматические функции, а также способные служить выразительным средством речи в тексте. Стилистический потенциал иноязычных единиц в художественном произведении проявляется в том, что их можно использовать в качестве выразительного средства речи (стилистического приема) на различных уровнях языка, а именно лексическом, морфосинтаксическом, фонетическом и графическом. В анализируемом материале кодовые переключения были выявлены в заглавии, эпиграфе и непосредственно в тексте произведения. В романах Сергея Минаева иноязычные единицы функционируют в качестве таких выразительных средств, как эпитет, аллюзия, ирония, экспрессивное обращение, риторический вопрос, лексический повтор, кавычки, заглавные буквы, восклицательный знак. Графические выразительные средства могут дополнять лексические и синтаксические стилистические приемы. Кодовые переключения на английский, французский и испанский в романах Сергея Минаева характеризуют персонажей и их взаимоотношения, создают «эффект присутствия», передают эмоции героев, участвуют в формировании тематических сеток романа и помогают определить основные темы произведения, а также его идейный замысел.

Ключевые слова: кодовое переключение; матричный язык; гостевой язык; художественный билингвизм; стилистическая функция; троп; фигура речи

Для цитирования: Исаева М. Г., Гунько Л. А. Кодовое переключение как средство художественной выразительности в произведениях Сергея Минаева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 95–102. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_95. https://elibrary.ru/SUHWQO

Original article

Code-switching as a means of artistic expression in Sergey Minaev's works

Maria G. Isayeva[1]✉, Lyudmila A. Gunko[2]
[1]Candidate of philological sciences, associate professor, the department of germanic philology and intercultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky ave., 5
[2]Senior lecturer, the department of germanic philology and intercultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky ave., 5
[1]mashasuprugina@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-0465-9788
[2]gunkolyuda@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-8896-7600

© Исаева М. Г., Гунько Л. А., 2023

Abstract. This article aims to describe the stylistic potential of code switches in modern literary work using Sergey Minaev's novels as an example. This study is made within the framework of literary bilingualism, by which we mean a purely linguistic component of the literary text, that is, using foreign language units in the sentence by the writer (poet). Literary bilingualism deals with sociolinguistic, structural, pragmatic and stylistic analysis of code-switches in the literary text. Code-switches are structural units of the embedded language (morpheme, word, phrase, sentence, a set of sentences) in the matrix language utterance, always performing pragmatic functions and, also, serving as an expressive means of speech in the text. The stylistic potential of foreign language units in a literary work lies in the fact that they can be used as an expressive means of speech (stylistic device) at different levels of language, namely lexical, morpho-syntactic, phonetic and graphic. In the data under examination the code-switches have been found in the title, the epigraph and in the body of the literary text. In Sergey Minaev's novels foreign units are used as the following expressive means – epithet, allusion, irony, an expressive form of address, rhetoric question, lexical repetition, quotation marks, capital letters, and exclamatory mark. Lexical and syntactic expressive means may be supplemented with graphic ones. The code-switches into english, french and spanish in Sergey Minaev's novels characterize the protagonists and their relationships, create «the effect of presence», express the characters' emotions, enter the novel's thematic sets and help to define the main topics and the message of the literary work.

Key words: code-switch; matrix language; embedded language; literary bilingualism; stylistic function; trope; figure of speech

For citation: Isaeva M. G., Gunko L. A. Code-switching as a means of artistic expression in Sergey Minaev's works. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):95–102. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_95. https://elibrary.ru/SUHWQO

Введение

Одной из сфер функционирования иноязычных единиц является художественное произведение, классическое и современное. Кодовое переключение как разновидность иноязычной единицы обладает различными структурными и функциональными характеристиками в литературном тексте. Под **кодовым переключением** мы понимаем структурные единицы гостевого языка (от морфемы до группы предложений) в высказывании на матричном языке [Исаева, 2021, с. 122]. Кодовые переключения выполняют одну или несколько прагматических функций, а также могут выступать в литературном тексте в качестве дополнительного средства художественной выразительности в том случае, когда автор использует иноязычные единицы для создания тропа или фигуры речи. Ключевые термины контактной лингвистики – этоматричный и гостевой языки. **Матричный язык** принимает иноязычные элементы в свои грамматические (морфосинтаксические) структуры, **гостевой язык** является своеобразным поставщиком иноязычных единиц в предложении [Myers-Scotton, 2002]. Одно из направлений изучения кодовых переключений – это иноязычные единицы в художественном произведении, то есть литературно-художественный билингвизм. Художественный билингвизм – это разновидность мыслительной и вербальной деятельности творческого двуязычного индивида, который использует в своих работах опыт двух культур в освоении действительности и описывает достижения этих культур при помощи двух языков [Вишневская, 2011]. Одним из проявлений художественного билингвизма в тексте произведения – использование кодовых переключений, значительно расширяющих репертуар писателя: кодовые переключения могут служить для более точной характеристики персонажа, создания эффекта присутствия, описания социальных параметров коммуникативной ситуации и т. д. Зарубежные исследователи говорят о художественном билингвизме в его широком и узком значении. В широком понимании данный термин трактуется как переключение между языками, диалектами, регистрами в процессе литературного творчества, включающего непосредственно написание произведения, редактирование, перевод, его чтение и интерпретацию. В узком понимании литературно-художественный билингвизм – это сугубо лингвистическая составляющая литературного текста, то есть использование писателем (поэтом) иноязычных единиц в высказывании. В настоящем исследовании мы придерживаемся данного узкого понимания художественного билингвизма, так как предметом анализа выступают стилистические функции кодовых переключений. Кодовые переключения можно наблюдать в следующих частях литературного произведения – в имени автора, эпиграфе, заглавии книги, непосредственно в тексте произведения, в прологе, в глоссарии имен собственных и реалий, помещенном в конце книги. Кодовое переключение, согласно зарубежным исследователям, – средство языковой выразительности, выполняющее эстетическую функцию в литературном тексте [Domokos, Deganutti, 2021, с. 58–59].

В современной лингвистике существуют несколько аспектов изучения кодовых переключений в художественном произведении: 1. **Социолингвистический** аспект, рассматривающий кодовые переключения как манифест о культурной идентичности отдельных этносов [Barnett-Woods, 2015; Schmidt, 2011]. 2. **Структурный** аспект, исследующий особенности использования различных структурных типов переключений по месту появления в высказывании – интерсентенциональных, интрасентенциональных, а также переключений в присоединенных частях предложения [Anggraeni, 2021; Yusuf, 2020]. 3. **Прагматический** аспект, анализирующий особенности прагматического функционирования кодовых переключений в художественном тексте с использованием классификаций прагматических функций Дж. Гамперца [Gumperz, 1982], Ш. Хоффман [Hoffmann, 1991], Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2020] с применением теории критического дискурсивного анализа [Sultana, Abalkheek, 2021]. Чаще всего функции анализируются в тесной связи со структурными характеристиками переключений [Гунько, 2022; Кожина, 2021; Ambanilah, Hidayat, Rosalinah, 2021; Gamalinskaya, 2020; Gunko, 2021; Djingga, Loebis, Perangin-angin, 2021; Karjo, Alyarizky, 2021; Majedah, 2022; Nur, 2021; PSDKU, Metriani, 2021; Wang, 2022; Yohana, 2020]. 4. **Стилистический** аспект, рассматривающий кодовое переключение как дополнительное средство выразительности в художественном тексте [Кожина, 2021; Akhtar, Baig, Aslam, Khan, 2020; Azuike, 1987; Afful, Ennin, 2015; Isaeva, 2013].

Методология исследования

В литературном произведении кодовое переключение может выступать в качестве дополнительного средства художественной выразительности. Средства художественной (речевой) выразительности – это те явления в языке, которые придают речи дополнительную образность и включают в себя тропы и фигуры речи.Средства художественной выразительности – это средства, способствующие речевому прагматическому потенциалу [Куулар, 2021]. Тропы – это различные типы переносных значений. Они являются описательными средствами, в основном, лексическими. К тропам относят метафору, метонимию, виды комического (иронию, сарказм, игру слов, межъязыковой каламбур), гиперболу, литоту, перифраз и т. д. Фигуры речи усиливают эмоциональность речи, повышают ее выразительность при помощи синтаксических структур. Фигуры речи – это такие конструкции, как риторический вопрос, параллелизм, противопоставление, инверсия и некоторые другие [Арнольд, 2002]. Единой классификации средств художественной выразительности нет. В данном исследовании мы используем классификацию, в основе которой лежит поуровневый подход и все средства делятся на 4 большие группы: 1) Лексические стилистические приемы (метафора, метонимия, олицетворение, эпитет, гипербола, виды комического, зевгма); 2) синтаксические стилистические приемы (инверсия, эллипс, риторический вопрос, хиазм, повторы, параллельные конструкции, апозиопезис, бессоюзие, многосоюзие, обращение); 3) лексико-синтаксические стилистические приемы (антитеза, литота, сравнение, перифраз, градация); 4) графические и фонетические стилистические приемы (курсив, подчеркивание, орфографические ошибки, заглавные буквы, кавычки, аллитерация, ассонанс, ономатопея, рифма, ритм) [Кухаренко, 2009, с. 102].

Исследование на материале журнальных публикаций [Isaeva, 2013] показало, что иноязычные единицы, а именно кодовые переключения могут участвовать в создании стилистических приемов на лексическом, морфосинтаксическом, графическом и фонетическом уровнях. **Целью** настоящего исследования является описание стилистических возможностей кодовых переключений на материале современных произведений Сергея Минаева «Dyxless» (2006 г.), «Москва, я тебя не люблю» (2012 г.), «Dyxless 21 века: Селфи» (2015 г.).

Сергей Минаев (1975 г.) – российский писатель, родившийся в Москве. Сергею Минаеву принесли известность книги о нравах современного московского общества: в книге «Dyxless. Повесть о ненастоящем человеке» главный герой обманут старым другом, предложившим ему стать совладельцем и вложиться в несуществующий бизнес; роман «Москва, я тебя не люблю» рассказывает о мечтах жителей Москвы, которая не делает их лучше и быстро избавляет от всех иллюзий; «Dyxless21 века: Селфи» – это роман об известном телеведущем и писателе, который в одночасье теряет работу, славу, друзей и любимую женщину. Романы Сергея Минаева пронизаны юмором и сатирой.

Материал исследования представлен 718 кодовыми переключениями (352 примера использования переключений – в романе «Dyxless: Повесть о ненастоящем человеке»; 241 пример – в романе «Москва, я тебя не люблю»; 125 кодовых пере-

ключений – «Духless 21 века: Селфи»). Русский язык в анализируемом материале выступает в качестве матричного во всех случаях. Гостевые языки представлены структурными единицами из английского, латинского, французского, испанского и немецкого. Данные кодовые переключения фигурируют в следующих частях литературного произведения – в заглавии книги, в эпиграфе и непосредственно в тексте произведения.

Результаты исследования

В исследуемом материале были выявлены кодовые переключения, выступающие в качестве лексических, синтаксических и графических художественно-выразительных средств. Фонетические и лексико-синтаксические приемы не были обнаружены в рассматриваемом материале.

1. **Лексические выразительные средства** представлены иронией, эпитетом, игрой слов, аллюзией. Рассмотрим несколько примеров:

А) **Ирония**:

«– **Дарлинг**, читай самолетные журналы. Там иногда полезные вещи печатают.

– Вот как. А я-то, идиот, все с „Моноклем" да с „Эсквайром" по старинке» [Минаев, 2015, с. 61]. Кодовое переключение на английский язык в виде обращения передает общий иронично-пренебрежительный, снисходительный тон общения между главным героем и его легкомысленной подругой.

Б) **Эпитет: «**Мы уже обсудили отдых на Сардинии, последнюю коллекцию Гальяно, нашествие русских моделек в нижний бар „Plaza Athenee" в Париже, сошлись во мнении, что ресторан „Nobu" стал хуже, а в Лондоне сейчас слишком холодно, осудили всеобщее помешательство на футбольном клубе „Челси", решили, что „Prada" уже **démodé**» [Минаев, 2006, с. 54]. Кодовое переключение на французский язык «démodé» (вышедший из моды) используется в тексте произведения для выделения существенного признака окружающей атмосферы, торгового бренда и выражает отношение героев к описываемому предмету, а именно их пресыщенность роскошью: персонажей произведения С. Минаева уже трудно удивить.

В) **Игра слов (межъязыковой каламбур): «**Попадая туда, вы всегда должны помнить, что это не ваш мир. Это не ваша **party**. Вы тут всего лишь лазутчик. ***Partyзан.*** И если вы не имеете целью совершить тут диверсию, пытаясь вернуть хотя бы часть мумий в человеческое племя, не стоит оставаться в нем слишком долго. Вы рискуете стать одним из них» [Минаев, 2006, с. 133]. «Дух**less**: Повесть о ненастоящем человеке» (заглавие книги) [Минаев, 2006]. В первом примере при помощи кодового переключения на английский язык реализуется межъязыковой каламбур на основе игры морфем. Слово «партизан» состоит из двух элементов – корневой морфемы из английского языка и русского суффикса. Образованное слово одновременно передает два значения («лазутчик» и «вечеринка»). Во втором примере межъязыковой каламбур основан на противопоставлении значений морфем слова: корневая морфема «дух» – из русского языка, суффиксальная «less» – из английского. Словогибрид имеет значение «бездушный, ориентированный только на материальные блага».

Г) **Аллюзия: «**– I don't want your love to bring me down, – поет Саймон Ле Бон. И я с ним согласен. Я не хочу твоей любви, Москва» [Минаев, 2012, с. 132]. Кодовое переключение на английский язык – строка из песни группы Дюран Дюран – отражает эмоциональное состояние героя. В следующем примере – аллюзия на песню группы The Smiths «Girlfriend in a Coma»: « – Я так себе и представил, как она бахнется лбом об стол, услышав сумму моего бонуса. Воистину, **My Girlfriend in a Coma.** Думая об этом, я почему-то поворачиваю голову к ней и подмигиваю» [Минаев, 2006, с. 106]. Кодовое переключение на английский язык усиливает циничный тон повествования от лица главного персонажа романа.

Примером аллюзии в романе «Духless: Повесть о ненастоящем человеке» является эпиграф, содержащий текст песни австралийской рок-группы INXS «Elegantly Wasted» («Растраченный элегантно»). Текст песни связан с основными темами произведения – культе материального, бездуховности, впустую растраченной жизни поколения 90-х и 2000-х.

2. **Синтаксические выразительные средства** представлены обращением в экспрессивной форме, риторическим вопросом и лексическим повтором.

А) **Обращение в экспрессивной функции**:

«– **Дарлинг**, читай самолетные журналы. Там иногда полезные вещи печатают.

– Вот как. А я-то, идиот, все с „Моноклем" да с „Эсквайром" по старинке» [Минаев, 2015, с. 61]. В данном примере кодовое переключение на английский подчеркивает дружественные отношения между персонажами.

Б) **Риторический вопрос:** «– Даже не думай! – достаю из-за пазухи пистолет. – Медленно поворачивайся к двери, набирай код и медленно входи в подъезд. Мы поднимемся на один этаж, и ты мне покажешь содержимое рюкзака. Все просто, как анализ мочи. Одно твое движение, неверно истолкованное мною, и ты объясняешь предку, что Бородинским сражением теперь называется сорт мороженого. **Comprende?**» [Минаев, 2012, с. 99]. В данном примере кодовое переключение на испанский «*comprende*» (понятно) используется в качестве риторического вопроса, так как говорящий не ожидает ответа: у собеседника нет выбора. Этим фактом обуславливается выбор языка для риторического вопроса, собеседник вынужден будет выказать молчаливое согласие. Выбор гостевого языка, возможно, связан с близостью французскому слову comprendre, так как тема разговора – Бородинское сражение и имя собеседника – Денис Давыдов.

В) **Лексический повтор:**«А, – Санька сплюнул. – В пятницу играть будем? Я тут подумал, может, вист поднимем рублей до пяти? Чтобы почувствовать биение жизни? – Да можно и… – предательски расслабляюсь. – Да брось ты, мы же **френдли**… **На друзьях** заработать хочешь?» [Минаев, 2012, с. 49]. При помощи повтора лексемы на другом языке передаются разные понимания слова «дружба»: кодовое переключение на английский язык «френдли» используется, чтобы передать отрицательный оттенок значения, тогда как слово «друзья» из матричного языка несет положительную коннотацию. В данном примере кодовое переключение используется также для контраста.

3. **Графические выразительные средства** в исследуемом материале – это кавычки, восклицательный знак, заглавные буквы.

А) Кавычки: «Именно поэтому вы никогда не встретите их днем на улицах Москвы. Боязнь, что кто-либо увидит, что под темными очками **„Chanel”** нет никаких глаз, а их лица просто нарисованы, заставляет их оставаться днем дома» [Минаев, 2006, с. 131]. В данном примере иноязычная единица помещена в кавычки для постановки дополнительного акцента на предметах роскошной жизни, знаковых для отдельных жителей Москвы.

Б) **Восклицательный знак и заглавные буквы:** «И доминирует над этими двумя никак не соотносящимися друг с другом партиями омерзительная, заезженная композиция „Moscow never sleeps”. (Как же я вас ненавижу!) – „Я люблю тебя, Москва!” (Неужели никто из начальства не придет, чтобы разогнать эту обезумевшую от безделья толпу?) – „Я люблю тебя, Москва!” (Я хочу спать…) – MOSCOW NEVER SLEEPS!!! [Минаев, 2015, с. 233]. «Будем вызывать на товарищеский суд. Шутка ли, пять лимонов ***грина***! За такие бабки любой кедровый орех из Манчжоу-Го станет гранатой РГД. Ладно, это его путь. А ты помни, Володя, про Дао. Познай его. И про вечность помни» [Минаев, 2012, с. 176].

В первом примере при помощи оформления кодового переключения на английский язык заглавными буквами и восклицательными знаками передается сильная усталость героя, его раздражает песня, которая звучит все громче и громче. Во втором примере кодовое переключение на английский язык сопровождается восклицательным знаком, чтобы передать эмоции персонажа – возмущение и удивление.

Заключение

Выше приведенные примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. В анализируемом материале иноязычные единицы функционируют в таких композиционных частях литературного произведения, как заглавие, эпиграф, непосредственно текст произведения.

2. Кодовые переключения в современном художественном произведении могут выступать в качестве следующих тропов, фигур речи и графических стилистических приемов – ирония, эпитет, игра слов, аллюзия (тропы), обращение в экспрессивной функции, риторический вопрос, лексический повтор (фигуры речи), кавычки, восклицательный знак и заглавные буквы (графические стилистические приемы).

3. Кодовые переключения, участвующие в формировании стилистического приема, передают положительные и отрицательные эмоции персонажей книги, их отношение к другим персонажам или ситуации в целом, создают «эффект присутствия», характеризуют персонажей. Кодовые переключения также входят в главные тематические сетки произведения и, следовательно, помогают определить ведущие темы романов (в исследуемом материале это карьеризм, чрезмерное увлечение брендами, безнравственность и пр.) и их основную идею.

4. В некоторых случаях в исследуемом материале можно наблюдать комбинацию стилистических средств, например, лексических и синтаксических с графическими или объединение нескольких графических приемов.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва : Просвещение, 2002. 384 с.

2. Вишневская Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация : учебное пособие. Иваново : ИвГУ, 2011. 223 с.

3. Гунько Л. А. Структурные особенности переключений кодов в произведении «Москва, я тебя не люблю» Сергея Минаева // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности. 2022. № 12. С. 160–165.

4. Исаева М. Г. Кодовые переключения на сицилийский диалект в романе Дж. Куликкья «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль. 2021. № 1 (24). С. 121–127.

5. Кожина И. Ю. Структурные характеристики переключений кодов в произведении Г. Грина «Our Man in Havana» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7 (2). С. 41–51.

6. Куулар А. Т. К истории изучения изобразительно-выразительных средств в зарубежной и отечественной лингвистике // Вестник Тувинского государственного университет. 2021. 1 (72). С. 59–77.

7. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка : учебное пособие. Москва : Флинта, 2013. 144 с.

8. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке. Москва : АСТ, 2006. 346 с.

9. Минаев С. Москва, я не люблю тебя. Москва : Астрель, 2012. 318 с.

10. Минаев С. Духless 21 века. Селфи. Москва : АСТ, 2015. 384 с.

11. Чиршева Г. Н. Возрастная билингвология : учебник и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 166 с.

12. Afful I., Ennin Th. The Structural features of Code-Switches in the Modern British Novels // The English Literature Journal. 2015. V. 2 (4). P. 426–434.

13. Akhtar S., Baig F. Z., Aslam M. Z., Khan T., Tayaba S., Iqbal Z. Code-Switching and Identity: A Sociolinguistic Study of Hanif's Novel Our Lady of Alice Bhatti // International Journal of Engish Linguistics. 2020. V. 10(1). P. 364–371.

14. Ambanilah E., Hidayat A., Rosalinah Y. Applied type and rational-using of code switching in Insecurity novel // Journal of Languages and Education. 2021. V. 1. P. 123–131.

15. Anggraeni D. Types of code Switching Used in The Naked Traveler Novel // Scope Jpurnal of English Language Teching. 2021. V. 5 (2). P. 63.

16. Azuike M. N. Code-switching and code-mixing as stylistic devices in character delineation / ed. Ernest Emenyonu // Critical Theory and African Literature. Ibadan: Heinemann Educational Books Nigerian Ltd, 1987. P. 234–244.

17. Barnett-Woods V. Coded Decolonization: Code-switching in Postcolonial Literature // Language Speaks Us. Puerto-Rico, 2014. URL: https://www.academia.edu/7303531/Coded_Decolonization_Code_switching_in_Postcolonial_Literature (дата обращения: 28.01.2022).

18. Djingga Z., Loebis R. A. A., Perangin-angin A. code Switching in Novel Entitled «China Rich Girlfriend» by Kevin Kwan // Bahas. 2021. V. 32. P. 307.

19. Domokos J., Deganutti M. Four major literary code-switching strategies in Hungarian literature. Decoding monolingualism // Hungarian Studies Yearbook. Walter de Gruyter GmbH, 2021 (III). P. 43–63.

20. Gamalinskaya A. A. Typology of Code Switching Functions in the Space of a Literary text (based on the Novel Shantaram by G.D. Roberts) // KnE Social sciences. 2020. V. 4 (2). P. 471–479.

21. Gumperz J.J. language and Social Identity // Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 55-99.

22. Gunko L. The Structural Features of Code-Switches in the Modern British Novels // Athens Philology Journal. 2021. V. 8 (2). P. 141–156.

23. Hoffman C. An Introduction to bilingualism. New York : Longman, 1991. 368 p.

24. Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass-media // LInCS2013: Proceedings of 2nd International Symposium: Language for International Communication. Latvia : University of Latvia, 2013. P. 62–72.

25. Karjo C., Alyarizky F. Social Relation that Triggers the Use of Code-Switching in the Novel the Architecture of Love by Ika Natassa // Lingua Cultura. 2021. V. 15. P. 215–221.

26. Majedah A. Code-switching between English and Arabic in Vernacular Poetry // World Journal of English Language. 2022. V. 2. P. 113.

27. Myers-Scotton C. Contact linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2002. 356 p.

28. Nur A.J.code Mixing and Code Switching Phenomenon in Ahbabtuka Aksara Min Ma Yanbagi Novel: a Sociolinguistic Study // Jurnal CMES. 2021. V. 14 (2). P. 140.

29. PSDKU Y., Metrianin L. an Analysis on Code Switching in “Dealova” Novel // MATAI: International Journal of Language Education.2023.V. 1 (2). P. 72–81.

30. Schmidt M. The Limitations of Code Switching in Chicano/a Literature // Young Scholars in Writing. 2011. V. 8. P. 40–51.

31. Sultana R., Abalkheek A. A Discourse Analysis of the Use of Code-switching in the Novels: The Alchemist and the Pilgrimage by Paulo Coelho // International Journal on Multicultural Literature. 2021. V. 11 (1). P. 11–18.

32. Wang L. Length, position, and functions of interclausal Chinese-English code-switching in a bilingual novel // Linguistics Vanguard. 2022. V. 8(1). P. 83–94.

33. Yohana F.M. Code Mixing and Code-Switching Analysis in the Novel of Honest of Fault // HORTATORI. 2020. V. 4 (2). P. 116–121.

34. Yusuf Y.Q., Fata I.A. Kasetsart Journal of Social Sciences Types of Indonesian-English code-switching employed in a novel // Kasetsart Journal of Social Sciences.2020.V.41. P. 208–213.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk = Stylistics. Modern English.Moskva : Prosveshhenie, 2002. 384 s.

2. Vishnevskaja G. M. Literaturno-hudozhestvennyj bilingvizm: lingvisticheskaja interpretacija = Literary and artistic bilingualism: a linguistic interpretation : uchebnoe posobie. Ivanovo : IvGU, 2011. 223 s.

3. Gun'ko L. A. Strukturnye osobennosti perekljuchenij kodov v proizvedenii «Moskva, ja tebja ne ljublju» Sergeja Minaeva = Structural features of code switching in the work «Moscow, I Don't Love You» by Sergei Minaev // Problemy fundamental'noj podgotovki v shkole i vuze v kontekste sovremennosti. 2022. № 12. S. 160–165.

4. Isaeva M. G. Kodovye perekljuchenija na sicilijskij dialekt v romane Dzh. Kulikk'ja «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» = Code switches to the Sicilian dialect in G. Culicchia's novel «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl'. 2021. №1 (24). S. 121–127.

5. Kozhina I. Ju. Strukturnye harakteristiki perekljuchenij kodov v proizvedenii G. Grina «Our Man in Havana» = Structural characteristics of code switching in G.Green's «Our Man in Havana» // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. 2021. T. 7 (2). S. 41–51.

6. Kuular A. T. K istorii izuchenija izobrazitel'no-vyrazitel'nyh sredstv v zarubezhnoj i otechestvennoj lingvistike = To the history of studying figurative and expressive means in foreign and Russian linguistics // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universitet. 2021. 1 (72). S. 59–77.

7. Kuharenko V. A. Praktikum po stilistike anglijskogo jazyka = A course in English stylistics : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, 2013. 144 c.

8. Minaev S. DUHLESS: Povest' o nenastojashhem cheloveke = DUHLESS: A tale of an unreal man. Moskva : AST, 2006. 346 s.

9. Minaev S. Moskva, ja ne ljublju tebja = Moscow, I Don't Love You. Moskva : Astrel', 2012. 318 s.

10. Minaev S. Duhless 21 veka. Selfi = Duhless of the 21st Century. Selfie. Moskva : AST, 2015. 384 s.

11. Chirsheva G. N. Vozrastnaja bilingvologija = Age-related bilingualism : uchebnik i praktikum dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2020. 166 s.

12. Afful I., Ennin Th. The Structural features of Code-Switches in the Modern British Novels // The English Literature Journal. 2015. V. 2 (4). P. 426–434.

13. Akhtar S., Baig F. Z., Aslam M. Z., Khan T., Tayaba S., Iqbal Z. Code-Switching and Identity: A Sociolinguistic Study of Hanif's Novel Our Lady of Alice Bhatti // International Journal of Engish Linguistics. 2020. V. 10(1). P. 364–371.

14. Ambanilah E., Hidayat A., Rosalinah Y. Applied type and rational-using of code switching in Insecurity novel // Journal of Languages and Education. 2021. V. 1. P. 123–131.

15. Anggraeni D. Types of code Switching Used in The Naked Traveler Novel // Scope Jpurnal of English Language Teching. 2021. V. 5 (2). P. 63.

16. Azuike M. N. Code-switching and code-mixing as stylistic devices in character delineation / ed. Ernest Emenyonu // Critical Theory and African Literature. Ibadan: Heinemann Educational Books Nigerian Ltd, 1987. P. 234–244.

17. Barnett-Woods V. Coded Decolonization: Code-switching in Postcolonial Literature // Language Speaks Us. Puerto-Rico, 2014. URL: https://www.academia.edu/7303531/Coded_Decolonization_Code_switching_in_Postcolonial_Literature (data obrashhenija: 28.01.2022).

18. Djingga Z., Loebis R.A.A., Perangin-angin A. code Switching in Novel Entitled «China Rich Girlfriend» by Kevin Kwan // Bahas. 2021. V. 32. P. 307.

19. Domokos J., Deganutti M. Four major literary code-switching strategies in Hungarian literature. Decoding monolingualism // Hungarian Studies Yearbook. Walter de Gruyter GmbH, 2021 (III). P. 43–63.

20. Gamalinskaya A. A. Typology of Code Switching Functions in the Space of a Literary text (based on the Novel Shantaram by G.D. Roberts) // KnE Social sciences. 2020. V. 4 (2). P. 471–479.

21. Gumperz J.J. language and Social Identity // Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 55-99.

22. Gunko L. The Structural Features of Code-Switches in the Modern British Novels // Athens Philology Journal. 2021. V. 8 (2). P. 141–156.

23. Hoffman C. An Introduction to bilingualism. New York : Longman, 1991. 368 p.

24. Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass-media // LInCS2013: Proceedings of 2nd International Symposium: Language for International Communication. Latvia : University of Latvia, 2013. P. 62–72.

25. Karjo C., Alyarizky F. Social Relation that Triggers the Use of Code-Switching in the Novel the Architecture of Love by Ika Natassa // Lingua Cultura. 2021. V. 15. P. 215–221.

26. Majedah A. Code-switching between English and Arabic in Vernacular Poetry // World Journal of English Language. 2022. V. 2. P. 113.

27. Myers-Scotton C. Contact linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2002. 356 p.

28. Nur A.J.code Mixing and Code Switching Phenomenon in Ahbabtuka Aksara Min Ma Yanbagi Novel:

a Sociolinguistic Study // Jurnal CMES. 2021. V. 14 (2). P. 140.

29. PSDKU Y., Metrianin L. an Analysis on Code Switching in “Dealova” Novel // MATAI: International Journal of Language Education.2023.V. 1 (2). P. 72-81.

30. Schmidt M. The Limitations of Code Switching in Chicano/a Literature // Young Scholars in Writing. 2011. V. 8. P. 40–51.

31. Sultana R., Abalkheek A. A Discourse Analysis of the Use of Code-switching in the Novels: The Alchemist and the Pilgrimage by Paulo Coelho // International Journal on Multicultural Literature. 2021. V. 11 (1). P. 11–18.

32. Wang L. Length, position, and functions of inter-clausal Chinese-English code-switching in a bilingual novel // Linguistics Vanguard. 2022. V. 8(1). P. 83–94.

33. Yohana F.M. Code Mixing and Code-Switching Analysis in the Novel of Honest of Fault // HORTATORI. 2020. V. 4 (2). P. 116–121.

34. Yusuf Y.Q., Fata I.A. Kasetsart Journal of Social Sciences Types of Indonesian-English code-switching employed in a novel // Kasetsart Journal of Social Sciences.2020.V.41. P. 208–213.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 15.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.1/.8
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_103
EDN: SUWNQR

Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста

Михаил Александрович Кравченко
Кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2
mak@rgups.ru, https://orcid.org/0000-0002-6776-4131

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию семантики рефлексивов, фрагментов текста, содержащих информацию метаязыкового характера, которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Изучение рефлексивов ведется на пересечении двух направлений современного языкознания: теории обыденной лингвистики и лингвистической аксиологии. В ходе исследования удалость построить аксиологическую таксономию рефлексивов, которые в зависимости от ряда формальных показателей делятся на группы. Первая группа – рефлексивы с дескриптивной семантикой, которые фиксируют результаты рефлексии над семиотическими характеристиками единиц языка такими, как их внешняя и внутренняя форма, семантическая структура, этимология, когнитивно-прагматическое содержание, особенности функционирования и др. Вторая группа – рефлексивы с оценочной семантикой, представляющие собой оценочные комментарии к языковым единицам. Также были описаны два основных способа экспликации метаязыковой оценки. Первый способ заключается в объяснении оценки через указание на характеристики внешней формы знаков. Второй способ экспликации оценочной семантики представляет собой вербализацию семантических ассоциаций, опирающихся на особенности внутренней формы слов.

Было доказано, что рефлексивы с семантикой оценки включают в себя два семантических класса метаязыковых комментариев: общеоценочные и частнооценочные рефлексивы. Общеоценочная позитивная семантика рефлексивов может передаваться прилагательными «хороший / плохой», а также с помощью их контекстуальных синонимов. Частнооценочные рефлексивы фиксируют оценку языковых единиц, полученную через призму деятельности чувственных анализаторов, передают виды метаязыковых оценок, являющиеся продуктом психической деятельности субъекта оценки, или манифестируют оценки, связанные с осмыслением практической деятельности носителей языка. Проведенный анализ семантики рефлексивов позволил также определить причины, определяющие результаты метаязыковой оценки.

Ключевые слова теория обыденной лингвистики; лингвистическая аксиология; рефлексив; метаязыковая оценка; семантика рефлексивов; объект рефлексии; метаязыковой комментарий

Для цитирования: Кравченко М. А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 103–111. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_103. https://elibrary.ru/SUWNQR

Original article

Reflexives with evaluation semantics in the space of a literary text

Mikhail A. Kravchenko
Candidate of philological sciences, associate professor, department of mass communications and applied linguistics, Rostov state university of railways. 344038, Southern federal region, Rostov-on-Don, Rostovsky Strelkovy Polk Sq., 2
mak@rgups.ru, https://orcid.org/0000-0002-6776-4131

Abstract. The article studies the semantics of reflexives at the intersection of two areas of modern linguistics: the theory of everyday linguistics and linguistic axiology. The research has resulted in constructing an axiological taxonomy of reflexives. The author shows that reflexives are divided into groups, depending on certain formal criteria. Reflexives with evaluation semantics include two semantic classes of metalanguage comments: general evaluation and private evaluation reflexives. The semantic standard of the former is implemented within the general assessment scale

© Кравченко М. А., 2023

«good / bad». The latter are characterized by semantic diversity, which fits into the following taxonomic framework: 1) sensory-evaluative reflexives; 2) psychological-evaluative reflexives; 3) pragma-evaluative reflexives.

Two main ways of explicating metalanguage evaluation were also described. The first way is to explain the evaluation by pointing out characteristics of the external form of the signs. The second method of explicating evaluative semantics is the verbalization of semantic associations based on the features of the internal form of words. It has also been proved that reflexives with evaluation semantics include two proper semantic classes of metalanguage comments: general evaluation and private evaluation reflexives.

Key words: theory of everyday linguistics; linguistic axiology; reflexive; metalanguage evaluation; semantics of reflexives; object of reflection; metalanguage commentary

For citation: Kravchenko M. A. Reflexives with evaluation semantics in the space of a literary text. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):103–111. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_103. https://elibrary.ru/SUWNQR

Введение

Настоящее исследование выполнено в русле традиций теории обыденной лингвистики. Как известно, в фокусе внимания названного научного направления лежат результаты рефлексивной деятельности обыденного метаязыкового сознания носителей языка, зафиксированные в речи или тексте. Эти результаты проявляются в речи (тексте) в виде так называемых «рефлексивов». В сущности, последние представляют собой отрезки текста, свидетельствующие о переключении референциальной отнесенности семиозиса с внешнего регистра на внутренний. Поэтому имеются основания говорить об автономном положении рефлексивов в структуре текста [Бабенко, Корешкова, 2021, с. 31].

Следует отметить, что термин «рефлексив» в последние годы широко использовался в трудах по теории обыденной лингвистики. Считаем целесообразным уточнить, что в работе под рефлексивом мы понимаем фрагмент текста, содержащий информацию метаязыкового характера, которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно.

Данная работа посвящена исследованию семантики рефлексивов. Если вопросы структуры, типологии формальных маркеров (метаоператоров), функционирования и стилистики рефлексивов получили глубокое и всестороннее обсуждение на страницах многочисленных монографических исследований (см. [Вепрева, 2005; Обыденное метаязыковое сознание… , 2009; Шумарина, 2011 и др.]), то вопросы семантики рефлексивов в целом оставались на периферии исследовательского интереса. Это связано с тем, что семантика рефлексивов, отличаясь почти неисчерпаемым разнообразием, с трудом встраивается в классификационные матрицы. Вместе с тем семантика рефлексивов соответствует базовым категориям языковой семантики. Так, в ней отражается «фундаментальное противопоставление оценочных значений дескриптивным. Если последние фиксируют отношение высказывания к действительному миру, то первые характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью …» [Арутюнова, 1999, с. 182]. Достижения современной когнитивной лингвистики позволяют утверждать, что описанное разграничение имеет под собой онтологический базис: два типа знания (дескриптивное и оценочное) «соотносятся с двумя типами категоризации – естественной и оценочной …» [Столяр, 2019, с. 41]. Поэтому все рефлексивы можно разделить на рефлексивы с дескриптивной семантикой и рефлексивы с оценочной семантикой. Первые фиксируют результаты рефлексии над семиотическими характеристиками единиц языка такими, как их внешняя и внутренняя форма, семантическая структура, этимология, когнитивно-прагматическое содержание, особенности функционирования и др. Вторые представляют собой оценочные комментарии к языковым единицам. Характерным примером рефлексива с оценочной семантикой может служить метаязыковой контекст, в котором выражаются эстетические характеристики слов: *Говорят – грипп. По-дурацки звучит, честное слово. А раньше красиво: инфлюэнца …* (Е. Водолазкин «Музей»).

В нашей статье мы остановимся на изучении оценочной семантики рефлексивов или на изучении метаоценки. Актуальность предпринятого исследования объясняется, с одной стороны, отсутствием исчерпывающего научного описания заявленной предметной области, с другой стороны, тем, что оно ведется на пересечении двух активно развивающихся направлений современного языкознания: теории обыденной лингвистики и лингвистической аксиологии.

Методология и целевые ориентиры исследования

Методологический фундамент исследования формируется трудами по метаязыку и метаязыковой деятельности Э. Бенвениста, Р. Якобсона, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой и др., трудами по теории обыденной лингвистики А. Н. Ростовой, Н. Д. Голева, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, И. Т. Вепревой, М. Р. Шумариной и др., трудами по лингвистической аксиологии Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, С. Ханстон, Г. Томпсона и др.

Объектом исследования в статье являются рефлексивы, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений современных русских писателей.

Предметом исследования выступают рефлексивы с семантикой оценки, то есть отрезки текста, в которых дается оценка языковым единицам или явлениям.

Цель работы заключается в построении таксономии рефлексивов с семантикой оценки. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач: 1) изучить и систематизировать полученные ранее результаты исследований метаязыковых контекстов с оценочной семантикой; 2) установить и описать признаки содержательной дифференциации рефлексивов с семантикой оценки; 3) определить механизм каузации результатов оценки, а также способы их последующей экспликации в тексте.

Теоретический обзор

Изучение семантики оценки в отечественной и зарубежной лингвистике имеет глубокие традиции. С полным основанием можно говорить о том, что лингвистическая (филологическая) аксиология сформировалась как отдельное направление науки о языке. Её главная особенность заключается в том, что феномен оценки не специфичен для лингвистики [Мечковская, 2019, с. 42], и его рассмотрение затруднительно без привлечения данных других наук, в первую очередь – психологии. Именно этим фактом объясняется междисциплинарный характер лингвистической аксиологии.

Теоретические основы лингвистической аксиологии заложены в исследованиях прошлого столетия [Вольф, 1985; Арутюнова, 1999; Золотова, 2003; Thompson, Hunston, 2000 и др.]. Несмотря на значительный «исследовательский возраст» данной научной проблематики, в настоящее время лингвистическая аксиология является одной из самых динамично развивающихся областей филологического знания, о чем свидетельствуют публикации фундаментальных монографических исследований [Общая и русская лингвоаксиология, 2022, Чернышева, 2019], а также проведение крупных специализированных научных конференций по вопросам оценочной семантики [Аксиологические аспекты современных филологических исследований, 2019]. Современные работы по оценочной семантике посвящены исследованию разноуровневых единиц языка: от слова до текста (дискурса). Одним из самых актуальных предметов изучения лексической аксиологии является динамика изменений оценочной семантики слов и фразеологизмов [Чернышева, 2019; Гамзатова, 2021; Булыгина, Трипольская, 2022]. Исследования аксиологического компонента в лексике проводятся также в русле разработки проблематики лингвокультурных концептов [Карасик и др., 2022]. Грамматическая аксиология изучает проявления оценочной семантики в морфологических и синтаксических структурах [Сигал и др., 2022; Дымарский, 2022; Кобозева, 2022]. В русле аксиологии текста (дискурса) исследуются оценочные параметры классического текста, рекламного дискурса, религиозного дискурса, дискурса блогосферы [Боженкова и др., 2022], новостного дискурса [Martin, White, 2005], бытового дискурса межличностной коммуникации [Englebretson, 2007; Боженкова и др., 2022]. Отдельную категорию образуют корпусные исследования оценочной семантики [Hunston, 2008; Hunston, 2011; Добровольский, Зализняк, 2022], традиции которых сформировались в зарубежной лингвистике (подробнее о предмете и методах исследования оценочной семантики в зарубежной лингвистике см. в [Саитова, 2020]).

В последние несколько лет в русле лингвистической аксиологии наметился определенный интерес к проблематике метаязыковых оценок. Наивная аксиология формируется как отдельная ветвь лингвистической аксиологии. Вместе с тем следует отметить, что исследования метаязыковой оценки носят скорее фрагментарный, спорадический характер. Изучение метаязыковой оценки ведется либо на основе привлечения узкоспециализированного языкового материала, либо в целях, не предполагающих получения широких обобщающих результатов в области оценочной семантики рефлексивов. Так, метаязыковая оценка активно изучается на материале

интернет-комментариев, которые рассматриваются в качестве вторичных текстов [Пасечная, Щербина, 2020; Богачанова, 2021]. Исследования метаязыковых оценок осуществлялись на материале данных наивной ортологии [Геккина, 2016], на материале антропонимов [Бондаренко, 2016], а также в рамках изучения функционирования отдельных метаоператоров [Вепрева, 2015].

Результаты исследования

Анализ собранного нами эмпирического материала показал, что в основе содержательной дифференциации рефлексивов с семантикой оценки лежат семантические признаки самого оценочного комментария. На данном основании оценочные рефлексивы разделяются на два обширных семантических класса. К условно первому классу относятся рефлексивы, выражающие общеоценочные значения. Условно второй класс образуют рефлексивы с частнооценочными значениями. Для общеоценочных рефлексивов прототипическими значениями выступают значения, выражаемые прилагательными «хороший / плохой». Прилагательное «хороший» и его семантические эквиваленты употребляются в рефлексивах с позитивной общеоценочной семантикой: *Слово хорошее – трепанги* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»). Общеоценочная позитивная семантика рефлексивов может также передаваться с помощью контекстуальных синонимов слова «хороший»: *Анфиса была хороша! (Имя, кстати, тоже отличное…)* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»).

Негативная общеоценочная семантика рефлексивов формируется употреблением в метаязыковом комментарии прилагательного «плохой» или его семантическими эквивалентами: *И как сейчас, война между теми и другими называлась политикой. Плохое слово!* (С. Залыгин «Уроки правнука Вовки»). Негативная семантика рефлексива опирается также на контекстуальные эквиваленты прилагательного «плохой»: *Есть еще слово «скоммуниздил», но оно неприличное* (Ю. Поляков «Совдетство»).

Частнооценочные рефлексивы в содержательном плане гораздо менее однородны. Они дифференцируются на основании выражаемых ими частных оценочных значений. Корпус собранных языковых примеров свидетельствует о многообразии потенциальных оценок, которыми носители языка могут наделять отдельные языковые явления и факты. Частнооценочные рефлексивы могут быть разделены на три семантические группы: 1) сенсорно-оценочные рефлексивы; 2) психолого-оценочные рефлексивы и 3) прагма-оценочные рефлексивы. Ниже мы определим особенности семантики каждой из выделенных групп.

Сенсорно-оценочные рефлексивы отражают оценки языковых единиц, полученные под влиянием особенностей их восприятия органами чувств. Сенсорная оценка, как правило, передается прилагательными, употребляемыми в тексте в прямом или переносном значении. Виды сенсорных оценок связаны с чувственными анализаторами, с помощью которых происходит восприятие знаков. Необходимо отметить, что слово носителями языка воспринимается, прежде всего, как своеобразный акустический комплекс. Об этом свидетельствует обилие в художественных текстах сенсорно-оценочных рефлексивов, отсылающих к действию слухового анализатора: *Потом комнату заполняет кипящий мотив нашей Родины – страны с ритмичным именем СССР …* (Ю. Поляков «Совдетство»).

Отдельную группу сенсорно-оценочных рефлексивов образуют метаязыковые комментарии, содержащие оценки, сформированные под воздействием тактильного анализатора: *Заскрипит это перо несмазанной осью, заелозит по бумаге, споткнется почуявшем волка конем и предпочтет казенщине теплое слово отец (Е. Водолазкин «Оправдание Острова»).*

Помимо слухового и тактильного анализатора, сенсорная оценка языковых единиц может опираться на другие анализаторы. В частности, рефлексивы способны передавать визуальную оценку: *… уже здесь начинаются сложности… – почему он, Двигубский, позволит себе просто повторить блеклое слово автор …* (А. Макушинский «Город в долине»); а также могут строиться на данных вкусового анализатора: *Вкусное слово «факс». Вкусное слово «Тчк»* (Л. Левинзон «Дождь»).

Следующей обширной семантической группой частнооценочных рефлексивов являются психолого-оценочные рефлексивы. Их оценочные значения опираются на результаты действия механизмов психического восприятия и осмысления действительности языковой личностью. Указанные механизмы, как известно, затрагивают интеллектуальную и эмоциональную сферы личности. По всей видимости этим фактом объясняется наличие таких семантических разновидностей рефлексивов как рефлексивы интел-

лектуальной оценки и рефлексивы эмоциональной оценки. В рефлексивах интеллектуальной оценки фиксируется информация о размерах интеллектуальных усилий, необходимых для осмысления языковой единицы. Значения данной группы рефлексивов варьируются в рамках семантической шкалы «простой / сложный»: *Он рассказал своей собеседнице, как, находясь от Нины Федоровны (до чего просты у тайн имена!) в нескольких десятках метров, он не рискнул подойти к ней …* (Е. Водолазкин «Соловьев и Ларионов»).

Рефлексивы эмоциональной оценки передают информацию об эмоциях, испытываемых носителями языка при восприятии той или иной языковой единицы. При этом слово, выступающее объектом рефлексии, может быть связано как с положительными, так и с отрицательными эмоциями: *… Серафима Николаевна на кухне в маленьком серебряном кувшинчике с деревянной ручкой (у него смешное название «турка») варит себе кофе по-турецки* (Ю. Поляков «Совдетство»); *… оптимизация – страшное слово для рабочих …* (Р. Сенчин «Немужик»).

К семантической группе психолого-оценочных рефлексивов следует также отнести метаязыковые комментарии, передающие эстетические и этические оценки. Данные разновидности оценок характеризуют вкусы субъекта оценки и во многом определяются психологическими особенностями его личности. Рефлексивы эстетической оценки воспринимают и интерпретируют слово в категориях «прекрасного / безобразного»: *… срабатывает то, что Башашкин называет красивым словом «интуиция»* (Ю. Поляков «Совдетство»); *… Кусок торопливо (он улетал на гастроли в Венгрию) рассказывал, как задыхается в этой стране с уродливым названием СССР* (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен»). Рефлексивы этической оценки отражают восприятие языковых знаков с точки зрения морально-нравственных категорий: *Ход ноги. Это словосочетание он повторял, идя по ночной Зверинской. Оно казалось ему пошлым, каким-то даже вульгарным …* (Е. Водолазкин «Русские спешат на помощь «Титанику»»).

Наконец, третью группу частнооценочных рефлексивов составляют рефлексивы с прагма-оценочной семантикой. Данный вид оценок опирается на осмысление практической деятельности носителей языка. Прагма-оценочные рефлексивы подразделяются на рефлексивы с нормативной оценкой и рефлексивы с утилитарной оценкой. Оценка первых строится на восприятии объекта рефлексии с позиций нормы. В метаязыковом комментарии приводится оценка того, насколько объект рефлексии соответствует (не соответствует) нормативным критериям, установленным в языковом коллективе. Необходимо заметить, что аналогично тому, как в фокус внимания личности попадают необычные, неординарные объекты и предметы, так в поле метаязыковой рефлексии оказываются нестандартные (с точки зрения носителей языка) знаки. Этим объясняется тот факт, что подавляющее большинство прагма-оценочных рефлексивов с нормативным значением отражают ситуацию отклонения от нормы: *По-русски название записывалось одним – и странным – словом «ХайТризон»* (В. Пелевин «Ампир В»); *То же действие приписывалось траве с необычным названием воронье сало …* (Е. Водолазкин «Лавр»).

Оценка рефлексивов с утилитарной семантикой связана с осознанием наличия выгоды, пользы или факта достижения определенной цели с помощью объекта рефлексии. В такого рода рефлексивах дается оценка значимости языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации или оценка её практическому использованию: *Он по-французски выписал на шпаргалку три ключевые слова – «бонжур», «пардон» и «мерси»* (М. Веллер «Легенда о стажере»); *Он зачитывался романами финалистов «Большой книги», «Ясной Поляны», а также «НОСа», название которого ему казалось на редкость удачным* (Е. Водолазкин «Далеко-далеко …»).

Описав контуры аксиологической таксономии рефлексивов, перейдем к изучению вопроса о каузации результатов метаязыковой оценки. Иными словами, проанализируем причины, определяющие результаты метаязыковой оценки. Как отмечалось выше, оценка представляет собой процесс и результат сравнения объекта с неким эталоном. Характеристики эталона при этом манифестируются в области дескриптивных значений. Дескриптивные значения языковых единиц содержат информацию об их фонетических, графических, орфографических, фоносемантических, семантических, словообразовательных, функциональных и иных характеристиках. Именно эти характеристики служат основаниями для сравнения и последующей оценки. Дескриптивные значения являются первичными по отношению к оценочным и во многом определяют последние. Данные аргументы позволяют прийти к заключению о том, что механизм каузации результатов оценки связан

с обращением к дескриптивной семантике объекта оценки с целью проведения сравнения и формулирования выводов.

Зависимость оценки объекта рефлексии от его дескриптивных значений демонстрируется посредством экспликации оценок. Целый ряд оценочных рефлексивов включает в себя специальную мотивировочную часть, в которой эксплицируется результат оценки. Такого рода рефлексивы мы называем рефлексивами с открытой оценкой.

В ходе исследования нами были установлены два основных способа экспликации метаязыковой оценки. Первый способ заключается в объяснении оценки через указание на характеристики внешней формы знаков. Указанные характеристики могут определяться фонетическими особенностями слов: *Анастасия. Удивительное имя – полногласное и нежное одновременно, три «а», два «с»* (Е. Водолазкин «Авиатор»). Второй способ экспликации оценочной семантики представляет собой вербализацию семантических ассоциаций, опирающихся на особенности внутренней формы слов: *Был сегодня у Платоновых. Буду их обоих так называть, хотя они пока в браке неофициальном. Хорошее наименование. Все, что включает имя Платон, несет в себе оттенок мудрости* (Е. Водолазкин «Авиатор»).

Далеко не все оценочные рефлексивы имеют мотивировочную часть, выполняющую эксплицирующие функции. В таких случаях мотивы сформулированной оценки могут оказаться скрытыми от реципиента. Соответственно рефлексивы такого рода определяются нами как рефлексивы с закрытой оценкой: *Симпатичные вроде бы слова – земленебо (горизонт), мокроступы (калоши), а ведь не прижились* (Е. Водолазкин «Что мы можем сделать для Пушкина»); *Итак, в Таю влюблен еще один вожатый. Назовем его Станиславом … Стасик … Подловатое такое имя* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»).

Однако даже в рефлексивах с закрытой оценкой результаты метаоценки в отдельных случаях могут быть эксплицированы путем инференции. Продемонстрируем сказанное следующими примерами: *Дирекция по подготовке к затоплению останки взять разрешила, но для этого нужно было присутствие при эксгумации (страшное слово, которое в деревне произносили шепотом) родных покойного* (Р. Сенчин «Зона затопления»); *Тарасюк постеснялся идти в синагогу, уж больно неприличное слово …* (М. Веллер «Оружейник Тарасюк»). В первом примере оценка слова «эксгумация» эксплицируется особенностями его лексического значения. Во втором примере оценка слова «синагога» выводится из прагма-коммуникативного контекста, образованного пресуппозицией отрицательного отношения к иудейской культуре и распространения юдофобии, над которыми с помощью оригинального рефлексива иронизирует автор текста.

Заключение

Перейдем к подведению итогов исследования. Решение поставленных задач позволило достичь цели исследования, заключавшейся в построении аксиологической таксономии рефлексивов.

Рефлексивы с семантикой оценки включают в себя два собственно семантических класса метаязыковых комментариев: общеоценочные и частнооценочные рефлексивы. Семантический стандарт первых реализуется внутри общеоценочной шкалы «хороший / плохой». Вторые характеризуются семантическим разнообразием, которое укладывается в следующие таксономические рамки: 1) сенсорно-оценочные рефлексивы; 2) психолого-оценочные рефлексивы; 3) прагма-оценочные рефлексивы.

Сенсорно-оценочные рефлексивы фиксируют оценку языковых единиц, полученную через призму деятельности чувственных анализаторов (звукового, визуального, тактильного и др.). Психолого-оценочные рефлексивы передают виды метаязыковых оценок, являющиеся продуктом психической деятельности субъекта оценки. Результаты когнитивно-эмоциональной деятельности отражаются в рефлексивах интеллектуальной и эмоциональной оценки. Духовно-нравственные императивы личности фиксируются в рефлексивах эстетической и этической оценки. Прагма-оценочные рефлексивы манифестируют оценки, связанные с осмыслением практической деятельности носителей языка. Рефлексивы данной таксономической группы подразделяются на нормативные и утилитарные.

В ходе исследования было также установлено, что метаязыковая оценка мотивируется дескриптивными значениями языковых единиц. Каузация оценок может быть эксплицирована внутри рефлексива. В зависимости от наличия / отсутствия эксплицирующей (мотивировочной) части оценки рефлексивы делятся на рефлексивы с открытой оценкой и рефлексивы с закрытой оценкой.

Библиографический список

1. Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Междуна-

родной научной конференции. Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. 334 с.

2. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.

3. Бабенко Н. Г., Корешкова Е. К. Функциональный анализ языковой рефлексии в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 4. С. 24–32.

4. Богачанова Т. Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) // Известия ВГПУ. 2021. № 9 (162). С. 122–130.

5. Боженкова Н. А. Аксиологические ориентиры текста/дискурса/ Н.А. Боженкова и др. // Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография. Ярославль : Канцлер, 2022. С. 206–346.

6. Бондаренко Е. Д. Об особенностях наивной дифференциации личных имен: «странное» имя // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 50–58.

7. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30–51.

8. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

9. Вепрева И. Т. Наивная аксиология: метаязыковая оценочная интерпретация лексической семантики // Уральский филологический вестник. Серия «Психолингвистика в образовании». 2015. Вып. 4. С. 35–44.

10. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Наука, 1985.228 с.

11. Гамзатова А. Ф. «Обидное слово» в художественной литературе, обиходной речи и юридической практике // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. № 26-2. С. 61–66.

12. Геккина Е. Н. К типологии метаязыковых оценок в интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 93–97.

13. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Оценка как источник деонтической модальности // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 52–72.

14. Дымарский М. Я. Союз *тогда как*: приглашение к оценке // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 73–89.

15. Золотова Г. А. О категории оценки в русском языке // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : Едиториал УРСС. 2003. С. 274–281.

16. Карасик В. И. Аксиология в лексике: слово и концепт / М. С. Милованова (отв.ред), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова // Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография. Москва – Ярославль : Канцлер, 2022. С. 14–89.

17. Кобозева И. М. Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 90–109.

18. Мечковская Н. Б. Оценки в языке и речевых актах: что спорного в лингвистической аксиологии? // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Екатеринбург : Ажур, 2019. С. 42–44.

19. Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография / М. С. Милованова (отв.ред), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова. Москва – Ярославль : Канцлер, 2022. 390 с.

20. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: Коллективная монография / Н. Д. Голев, В. Б. Кашкин, Н. Б. Лебедева [и др.]; Алтайский государственный университет; Кемеровский государственный университет. Часть 1. Кемерово–Барнаул : Алтайский государственный университет, 2009. 532 с.

21. Пасечная Л. А., Щербина В. Е. Способы выражения оценки в интернет-комментариях // Известия ВГПУ, 2020. №9 (152). С. 87–92.

22. Саитова К. А. Теория оценки в зарубежной лингвистике и методы ее исследования // Вестник Башкир. ун-та. 2020. Т. 25. № 1. С. 137–141.

23. Сигал К. Я. Аксиология в грамматике / М. С. Милованова (отв.ред), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова // Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография. Москва – Ярославль : Канцлер, 2022. С. 91–204.

24. Столяр Е. Д. Формирование смыслов оценочного характера в языке // Вопросы когнитивной лингвистики, 2019. № 2. С. 41–48.

25. Чернышева Е. Б. Динамика и вариативность оценки в сознании носителей русского языка : монография. Борисоглебск, 2017. 295 с.

26. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. Москва : ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.

27. Englebretson R. Stancetaking in discourse: subjectivity, evaluation, interaction / edited by R. Englebretson. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1–26.

28. Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language // Functions of language, 2008, № 15 (1). P. 64–83.

29. Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language. New York : Routledge, 2011. 199 p.

30. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation. Appraisal in English. London-New-York : Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.

31. Thompson G., Hunston S. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford : Oxford Uni. Press, 2000. 225 p.

Reference list

1. Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskih issledovanij: tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = Axiological aspects of modern philological research: abstracts of reports at the International scientific conference. Ekaterinburg : Izdatel'skij dom «Azhur», 2019. 334 s.

2. Arutjunova N. D. Ocenka v mehanizmah zhizni i jazyka = Evaluation in life and language mechanisms // Jazyk i mir cheloveka. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 130–274.

3. Babenko N. G., Koreshkova E. K. Funkcional'nyj analiz jazykovoj refleksii v romane Evgenija Vodolazkina «Opravdanie ostrova» = Functional analysis of linguistic reflection in Evgeny Vodolazkin's novel «Justification of the Island» // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2021. № 4. S. 24–32.

4. Bogachanova T. D. Metajazykovye faktory formirovanija ocenochnosti (na materiale internet-kommentariev politicheskogo haraktera) = Metalanguage factors in forming evaluation (based on Internet political commentary) // Izvestija VGPU. 2021. № 9 (162). S. 122–130.

5. Bozhenkova N. A. Aksiologicheskie orientiry teksta/diskursa/ N.A. Bozhenkova i dr. = Axiological landmarks of text/discourse/ N.A. Bozhenkova et al. // Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija : kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : Kancler, 2022. S. 206–346.

6. Bondarenko E. D. Ob osobennostjah naivnoj differenciacii lichnyh imen: «strannoe» imja = On characteristics of the naive differentiation of personal names: a «strange» name // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2016. № 2. S. 50–58.

7. Bulygina E. Ju., Tripol'skaja T. A. Dinamicheskie processy v russkom jemotivno-ocenochnom slovare = Dynamic processes in Russian emotive-evaluation vocabulary // Kritika i semiotika. 2022. № 1. S. 30–51.

8. Vepreva I. T. Jazykovaja refleksija v postsovetskuju jepohu = Linguistic reflection in the post-Soviet era. Moskva : OLMA-PRESS, 2005. 384 s.

9. Vepreva I. T. Naivnaja aksiologija: metajazykovaja ocenochnaja interpretacija leksicheskoj semantiki = Naïve axiology: a metalanguage evaluation interpretation of lexical semantics // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija «Psiholingvistika v obrazovanii». 2015. Vyp. 4. S. 35–44.

10. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional evaluation semantics.Moskva : Nauka, 1985.228 s.

11. Gamzatova A. F. «Obidnoe slovo» v hudozhestvennoj literature, obihodnoj rechi i juridicheskoj praktike = «Offensive word» in fiction, everyday speech, and legal practice // Lingvoritoricheskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty. 2021. № 26-2. S. 61–66.

12. Gekkina E. N. K tipologii metajazykovyh ocenok v internet-kommunikacii = To the typology of metalanguage evaluations in Internet communication // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 2. S. 93–97.

13. Dobrovol'skij D. O., Zalizniak A. A. Ocenka kak istochnik deonticheskoj modal'nosti = Evaluation as a source of deontic modality // Kritika i semiotika. 2022. № 1. S. 52–72.

14. Dymarskij M. Ja. Sojuz togda kak: priglashenie k ocenke = The conjunction togda kak: an invitation to evaluate // Kritika i semiotika. 2022. № 1. S. 73–89.

15. Zolotova G. A. O kategorii ocenki v russkom jazyke = On the category of evaluation in Russian // Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. Moskva : Editorial URSS. 2003. S. 274–281.

16. Karasik V. I. Aksiologija v leksike: slovo i koncept = Axiology in vocabulary: word and concept / M. S. Milovanova (otv.red), K. Ja. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominyh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova // Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija : kollektivnaja monografija. Moskva – Jaroslavl' : Kancler, 2022. S. 14–89.

17. Kobozeva I. M. Narechija ocenki: korreljacija semanticheskih razlichij s sintaksicheskimi (na primere narechij obshhej i gedonisticheskoj ocenki) = Adverbs of evaluation: correlation between semantic and syntactic differences (adverbs of general and hedonistic evaluation) // Kritika i semiotika. 2022. № 1. S. 90–109.

18. Mechkovskaja N. B. Ocenki v jazyke i rechevyh aktah: chto spornogo v lingvisticheskoj aksiologii? = Evaluations in language and speech acts: What is controversial in linguistic axiology? // Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskih issledovanij. Ekaterinburg : Azhur, 2019. S. 42–44.

19. Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija = General and Russian Linguistic axiology : kollektivnaja monografija / M. S. Milovanova (otv.red), K. Ja. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominyh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova. Moskva – Jaroslavl' : Kancler, 2022. 390 s.

20. Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty = Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects : kollektivnaja monografija / N. D. Golev, V. B. Kashkin, N. B. Lebedeva [i dr.]; Altajskij gosudarstvennyj universitet; Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. Chast' 1. Kemerovo–Barnaul : Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2009. 532 s.

21. Pasechnaja L. A., Shherbina V. E. Sposoby vyrazhenija ocenki v internet-kommentarijah = Ways of expressing evaluation in Internet comments // Izvestija VGPU, 2020. №9 (152). S. 87–92.

22. Saitova K. A. Teorija ocenki v zarubezhnoj lingvistike i metody ee issledovanija = Theory of evalua-

tion in foreign linguistics and its research methods // Vestnik Bashkir. un-ta. 2020. T. 25. № 1. S. 137–141.

23. Sigal K. Ja. Aksiologija v grammatike = Axiology in grammar / M. S. Milovanova (otv.red), K. Ja. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominyh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova // Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija : kollektivnaja monografija. Moskva – Jaroslavl' : Kancler, 2022. S. 91–204.

24. Stoljar E. D. Formirovanie smyslov ocenochnogo haraktera v jazyke = Formation of evaluation meanings in language // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2019. № 2. S. 41–48.

25. Chernysheva E. B. Dinamika i variativnost' ocenki v soznanii nositelej russkogo jazyka = Dynamics and variability of evaluation in the consciousness of native Russian speakers : monografija. Borisoglebsk, 2017. 295 s.

26. Shumarina M. R. Jazyk v zerkale hudozhestvennogo teksta. (Metajazykovaja refleksija v proizvedenijah russkoj prozy) = Language in the mirror of literary text. (Metalanguage reflection inRussian prose): monografija. Moskva : FLINTA: Nauka, 2011. 328 s.

27. Englebretson R. Stancetaking in discourse: subjectivity, evaluation, interaction / edited by R. Englebretson. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1–26.

28. Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language // Functions of language, 2008, № 15 (1). P. 64–83.

29. Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language. New York : Routledge, 2011. 199 p.

30. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation. Appraisal in English. London-New-York : Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.

31. Thompson G., Hunston S. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford : Oxford Uni. Press, 2000. 225 p.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 11.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.111-26
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_112
EDN: SVWYDB

Лингвокультурологический и гендерный анализ зооморфизмов русского и английского языков

Анна Алексеевна Шарова
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
yadvig@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4849-7699

Аннотация. В статье рассматривается лексико-семантическая группа зооморфизмов русского и английского языков с учетом национально-культурной и гендерной специфики входящих в неё единиц. Отмечается широкое распространение зооморфных метафор для образной номинации человека в различных культурах. Рассматривается структура значения зооморфизмов, в том числе денотативный, коннотативный, эмотивный, стилистический, а также национально-культурный и гендерный компоненты (способность выражать типичные для той или иной лингвокультуры представления о мужественности и женственности). Отмечается способность зоонимической лексики отражать черты характера, моральные качества, физические особенности, интеллектуальные способности, эмоциональное состояние, внешность человека. В ходе исследования с привлечением данных лексикографических источников, а также газетных текстов проводится анализ компонентов значения и актуального употребления выборки зооморфизмов, имеющих соответствия в русскоязычной и англоязычной культурах. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что значительная часть рассмотренных зооморфизмов демонстрирует различия по одному или нескольким аспектам: коннотация, гендерная референция или употребительность. Что касается сходства зоонимической лексики двух языков, то отмечается преобладание единиц тематических полей «характер и нравственные качества», «интеллектуальные способности человека», «внешность». В меньшей степени представлена оценка образа жизни, поведенческих особенностей и внешних данных. Самыми рекуррентными зоонимами в русскоязычных текстах стали *скот / скотина, козёл, собака, тигр, львица, тигрица, змея, крыса, свинья*; в англоязычном материале – *hawk, dove, beast, dog, goat, bitch, lion/ lioness, tigress*. Также отмечается большая употребительность отрицательно коннотированных зоонимических единиц (около 75 % случаев употребления в обеих выборках).

Ключевые слова зооморфизм; лингвокультура; гендер; гендерная референция; мужественность; женственность; коннотация

Для цитирования: Шарова А. А. Лингвокультурологический и гендерный анализ зооморфизмов русского и английского языков // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 112–119. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_112. https://elibrary.ru/SVWYDB

Original article

Linguo-cultural and gender analysis of zoomorphisms in the russian and english languages

Anna A. Sharova
Candidate of philological sciences, senior lecturer, the department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
yadvig@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4849-7699

Abstract. The article examines the lexical semantic group of zoomorphisms of the russian and english languages, taking into account the national, cultural and gender specificity of its units. Zoomorphisms are widely used for figurative description of people in different cultures. The semantic structure of zoomorphisms includes a number of components, such as denotative, connotative, emotive, stylistic ones, as well asthe cultural information and the gender component – the ability to represent the typical masculine and feminine features. Zoomorphisms describe such human features as character traits, moral and physical qualities, intellectual abilities and emotional state. The present study is devoted to

© Шарова А. А., 2023

the analysis of the meaning and the usage of the corresponding russian and english zoomorphisms and involves lexicographical data and newspaper texts. The study shows that most of the units demonstrate the difference in one or more of the following aspects – connotative meaning, gender reference or usage frequency. At the same time there is a number of similarities in the usage of the corresponding zoomorphisms in the two languages – wider use of the units representing character traits, moral qualities, intellectual abilities, appearance and the negative connotation of the most frequently used zoomorphisms.

Key words: zoomorphism; linguoculture; gender; gender reference; masculinity; femininity; connotation

For citation: Sharova A. A. Linguo-cultural and gender analysis of zoomorphisms in the russian and english languages. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):112–119. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_112. https://elibrary.ru/SVWYDB

Введение

Анималистическая лексика (зоонимы) во многих лингвокультурах употребляется для образной номинации людей. Такой семантический вариант зоонимов принято называть зооморфными образами (зооморфизмами). Зооморфизмы довольно широко представлены в лексике русского и английского языков и относятся к одним из самых древних и распространенных. Употребительность зоонимов в двух культурах обусловлена давними традициями использования животных в домашнем хозяйстве, что давало человеку возможность постоянно наблюдать за их повадками и внешним обликом [Метельская, 2012]. Это послужило основой для творческого осмысления и формирования переносных значений зоонимов. Важно отметить, что метафорический перенос названий представителей фауны на людей происходит на основе не только общечеловеческих, но и национально специфических представлений о животных.

Выполняя характеризующую функцию и обладая ярко выраженной культурной спецификой, зооморфная лексика все чаще привлекает внимание лингвистов. Разрабатывается методология изучения данной лексико-семантической группы [Гутман, Литвин, Черемисина, 1977], анализируется процесс метафоризации зоонимов [Гулин, 2019], изучается способность данной группы лексики отражать языковую и ценностную картину мира [Баженова, 2017; Куражова, 2007; Кучукова, Беберова, 2019], проводится сравнительно-сопоставительный анализ зооморфизмов в различных лингвокультурах [Галимова; Метельская, 2012; Скитина, 2007; Шарова, 2010], исследуются фразеологические единицы с компонентом-зоонимом [Маркелова, 2005].

В соответствии с моделью унифицированного описания значения лексических единиц В. Н. Телия [Телия, 1996], в семантике зооморфизмов можно выделить ряд компонентов: номинативный (денотативный) – ассоциации с внешним обликом или повадками представителей фауны; коннотативный – положительная или отрицательная оценка; эмотивный – эмоциональная реакция на образ (одобрение-неодобрение); стилистический – метафоричность употребления зоонима. Е. В. Метельская в рамках исследования зооморфизмов в английской и русской субстандартных лингвокультурах [Метельская, 2012] выделяет в значении этого пласта лексики также ярко выраженный национально-культурный компонент, ведь многие аналогичные зооморфизмы в различных лингвокультурах приписывают человеку разные качества: так, в русской лингвокультуре *гусь* ассоциируется с ненадежным, плутоватым человеком, в английской лингвокультуре – с глупцом. Кроме того, в зоонимическом фонде одного языка могут отсутствовать единицы, актуальные для другого (так, в английском языке для номинации человека не используются эквиваленты русскоязычных образов *олень, шакал* и др.).

В структуре значения зооморфной лексики можно выделить также и гендерный компонент, ведь она служит средством выражения представлений о мужественности и женственности, традиционных для той или иной культуры (например, *овца* – глупая, беспомощная женщина; *dog* – неприятный, не вызывающий доверия мужчина). Зооморфная лексика является средством закрепления и выражения эталонных представлений и стереотипов культуры (например, о качествах «настоящего» мужчины, о роли женщины в обществе и т. п.).

Зооморфизмы, презентирующие образ человека (в том числе и с учетом его гендерной принадлежности), могут относиться к различным тематическим полям: внешность и физические данные (*боров / hog* – толстый человек), характер и личностные качества (*агнец / lamb* – кроткий, послушный человек), интеллектуальные способности (*осёл / ass* – глупый человек), манера поведения (*обезьяна / ape* – человек, который много гримасничает, подражает), образ жизни (*сука /*

bitch – распутная, безнравственная женщина), нравственный облик (*крыса / rat* – предатель), эмоциональное состояние (*зверь / beast* – разъярённый человек), возраст (*цыплёнок / chick* – молодой, неопытный человек), профессиональная деятельность (*акула / shark* – человек, опытный в какой-либо сфере деятельности), социальные связи (*карга* – жена, *hen* – невеста). Широко употребляются зоонимы в качестве аппелятивов и инвективов.

Будучи очень емкими по значению, обладая ярко выраженной оценочностью, зооморфные метафоры, как уже было отмечено, крайне употребительны, часто заменяя собой обычные, необразные номинации: *Единственный человек, с которым Ирина не была* ***бизоном****, – это Кямал. С ним она была –* ***голубка*** (В. Токарева. Своя правда // Новый мир, 2002). Зоонимы широко представлены в текстах различных стилей, в том числе в публицистике: *Donald the* ***Dove****, Hillary the* ***Hawk*** *... But Hillary never expected to meet this mix of* ***dove****,* ***hawk*** *and isolationist. She thought she would face Marco Rubio, a more traditional conservative who would* ***out-hawk*** *her. Instead, she's meeting Trump, who is «****a sheep in wolf's clothing****»...* (NY Times, 30.04.2016); в художественной литературе: С деньгами мил, без денег ***крокодил***... А я ***орлом*** перед ней! (В.Вещунов. Перекат // Дальний Восток. № 3. 2019).

Материал и методы исследования

В рамках настоящего исследования нами было отобрано 25 пар аналогичных русскоязычных и англоязычных зооморфизмов с мужскими и женскими соответствиями (при наличии), общее количество единиц – 41 русскоязычных и 33 – англоязычных. Список зооморфных единиц представлен в таблице 1:

Таблица 1

Список зооморфных единиц для исследования

Русскоязычный зооморфизм	Англоязычный зооморфизм
акула	shark
боров	hog
бык, корова	bull, cow
волк, волчица	wolf
голубь, голубка	dove /pigeon
гусь	gander, goose
зверь, скотина / скот	beast
змея, змей	serpent, snake
козёл, коза	goat
крокодил	crocodile
крыса	rat
курица / наседка, петух	hen, cock
лев, львица	lion, lioness
лиса, лис	fox
лошадь, кобыла, конь, жеребец	horse
мышь	mouse
орёл	eagle
осёл, ослица, ишак	ass, donkey
павлин, пава	peacock
попугай	parrot
свинья, поросенок	pig, swine
собака, кобель	dog
сука	bitch
тигр, тигрица	tiger, tigress
ястреб	hawk

С привлечением лексикографических источников (Грамота.ру; Русское культурное пространство; Cambridge Advanced Learner's Dictionary; Oxford Advanced Learner's Dictionary) была изучена гендерная референция отобранных единиц. Так, по данным словарей, следующие единицы имеют маскулинную референцию, то есть репрезентируют лиц мужского пола: *боров, бык, волк, голубь, гусь, змей, козел, петух, лев, лис, конь/жеребец, орёл, осёл, ишак, павлин, тигр, ястреб; bull, cock, dog, lion, tiger* (всего 17 русскоязычных зоонима и 5 англоязычных). К единицам с фемининной отнесенностью, согласно данным лексикографических изданий, относятся: *корова,*

волчица, голубка, змея, коза, курица / наседка, львица, лиса, лошадь/кобыла, мышь,ослица, пава, тигрица; bitch, cow, hen, lioness, tigress (всего 13 единиц русского языка и 5 – английского). Остальные зооморфизмы (11 русскоязычных и 23 англоязычных) имеют метагендерную референцию, то есть в равной степени могут относиться к лицам как мужского, так и женского пола.

В дополнение к анализу лексикографических источников мы также проанализировали актуальное употребление отобранных зооморфных образов с привлечением текстов газетных изданий (Известия, Комсомольская правда, The Guardian, The Times, The New York Times; около 1200 статей, по 600 на каждом языке), всего в проанализированном материале было выделено 142 случая употребления русскоязычных зоонимов и 121 случай использования англоязычных единиц. Особое внимание при анализе уделялось трем аспектам: совпадение / расхождение ассоциаций с тем или иным животным и коннотативного компонента значения зооморфизмов; гендерная референция и употребительность зоонима.

Результаты исследования

По итогам исследования было отмечено, что лишь незначительная часть парных зооморфизмов выборки (20 %) при образной номинации человека представляет собой полные эквиваленты, совпадая по коннотативному и гендерному компонентам значения (в том числе по наличию / отсутствию мужских и женских соответствий), а также употребительности. Это пары *акула / shark; крокодил / crocodile*; *обезьяна / ape, monkey; свинья / pig, swine; ястреб / hawk.*

Значительная часть единиц выборки демонстрирует более или менее существенные различия в рамках проанализированных критериев:

1. Употребительность для номинации лиц мужского и женского пола.

Отметим существенную асимметрию для парных единиц *боров / hog, бык / bull, орёл / eagle*. Для англоязычных аналогов в этих парах не было получено ни одного случая употребления. Это дает возможность предположить, что данные образы не являются типичными для репрезентации маскулинности в английской лингвокультуре. Аналогичные русскоязычные зоонимы *боров, бык* и *орёл* в публицистических текстах демонстрируют разную степень употребительности – 2, 6 и 9 случаев употребления соответственно.

Впарах *попугай / parrot, тигр / tiger* единицы русского языка были более употребительными (5 и 8 контекстов соответственно в русскоязычной выборке, 2 и 3 – в англоязычной). Гораздо более типичными для русскоязычной лингвокультуры, по данным анализа, стали эквиваленты английского зоонима *beast* (9 контекстов) – *зверь (8), скотина / скот (7).* Обратная ситуация наблюдается для соответствий *лев (4) – lion (8), мышь (2) – mouse (6), петух(3) – cock (5).*

2. Гендерная асимметрия, расхождения в гендерной референции.

Для четверти англоязычных единиц в выборке отмечено отсутствие маскулинных / фемининных соответствий для названия одного и того же животного, используемого для метафорической номинации человека. Это образы *ass, donkey, fox, goat, horse, wolf*. При наличии отдельных лексем для обозначения представителей разных полов в русском языке, эти единицы таковых не имеют.

Возможная причина такого рода асимметрии кроется в сложности процесса номинации животных в английском языке [Nilsen, 1996; Zemkova, 2016]. Для различения самцов и самок представителей фауны в языке есть два способа, не представленные в русском языке: использование личных местоимений (*he-wolf / she-wolf*), а также личных имен (*billy goat / nanny goat*). При метафорическом же переносе зоонима на человека акцентируется чаще всего не пол животного, но ассоциации, связанные с ним.

Обратная ситуация наблюдается только для одной пары *гусь – goose / gander*. В русском языке для характеристики человека используется только номинация особи мужского пола – *гусь*. В английском языке кроме названия самца (gander), для метафорической номинации человека используетсяи название самки (goose). Отметим, что, по данным анализа актуального употребления, зооним *goose* ассоциируется и с мужчиной, и с женщиной: *Despite **him** being a right old silly **goose** I like him* (The Guardian, 6.02.2012). *...Dickie longs to go to war and argues with his **«goose» of a sister**...* (The Guardian, 18.08.2008).

Интересное наблюдение было сделано для аналогичных единиц *змея / змей* и *snake / serpent*. В русском языке лексема *змея* соотносится с референтом женского пола, *змей* – с референтом-мужчиной, что подтверждается анализом фактического материала *(«да он кровожадный змей», «не Дед Мороз, а змей», «красавица, а в душе – змея»*). В англоязычной же публицистике, как показало исследование, и *snake* (жен.), и *serpent* (муж.) используются для обозначения представи-

телей обоих полов: *Burgess alleges that* ***Mike Ford*** *was a* ***snake*** (The Times, 3.06.2020); ***She*** *looks like an innocent flower, but is a* ***serpent*** (NY Times, 15.02.2011).

Асимметрия в гендерном аспекте наблюдается для единиц *собака / dog*. Русскоязычный эквивалент имеет метагендерную референцию (хотя и тяготеет к референту мужского пола, соотношение 9:4). Образ *dog* при совпадении коннотативного компонента значения имеет маскулинную отнесенность. Схожая ситуация наблюдается и для пары *сука / bitch*: русскоязычный эквивалент обладает метагендерной референцией, а англоязычный применяется для характеристики исключительно лиц женского пола. Отметим, что последний оказался еще и гораздо более частотным (в выборке встретился 9 раз). Соответствие из русской лингвокультуры было в три раза менее употребительным, что может быть связано с меньшей степенью терпимости по отношению к данному инвективу в русскоязычной прессе.

3. Несовпадение в семантике зооморфизмов.

1) *голубь, голубка / dove, pigeon*

В русском языке для лексемы, обозначающей птицу мужского пола, есть соответствие для обозначения особи женского пола. В английском языке для них есть два лексических эквивалента – *dove* и *pigeon*. При этом значение образа *dove* совпадает с одним из значений зооморфизма *голубь* (человек, поддерживающий мирный курс в политике), хотя последний может употребляться еще и как ласковое обращение к мужчине. Образ *голубка* совпадает по семантике с образом *голубь* именно во втором его значении, но не может характеризовать женщину, поддерживающую мирную политику. По референции и семантике к образу *голубка* в английской лингвокультуре ближе зооморфизм *pigeon*, характеризующий привлекательную женщину. Однако полностью в значении они не совпадают: образ *pigeon* нередко подчеркивает в женщине внешнюю и сексуальную привлекательность, в то время как лексема *голубка* таких ассоциаций не несет (ср., например, «*sexy pigeon of a girl», «English pigeon with doll eyes»* и «*Тесс... нежная голубка»*).

2) *корова / cow*

Англоязычный зооморфизм обладает более широким значением: неприятная, отталкивающая, неинтересная женщина. В русском языке образ *корова* ассоциируется только с внешне неприятной (например, имеющей лишний вес, тучной) женщиной: *Там все девочки красивые, стройные. И я – 24-летняя* ***жирная корова****!* (КП, 15.05.2015).

3) *курица, наседка / hen*

Зооморфизм *курица* в русской лингвокультуре характеризует женщину глупую, бестолковую, образ *наседка* ассоциируется с женщиной, поглощенной хозяйством или же склонной слишком сильно опекать кого-то. В английской же лингвокультуре зооморфизм *hen* используется для номинации молодой женщины или женщины, которая собирается выйти замуж (Cambridge Advanced Learner's Dictionary).

4) *крыса / rat*

Совпадая в значении «подлый человек, предатель» с русскоязычным аналогом, англоязычный зооморфизм имеет и дополнительное значение – «распутная женщина, ведущая аморальный образ жизни». Однако, отметим, что в рамках проанализированных текстов английской публицистики в данном значении этот зооморфизм оказался неупотребительным.

5) *львица / lioness, тигрица / tigress*

Зооморфизм *львица* стал самым употребительным в русскоязычной выборке образом с фемининной референцией (15 контекстов). Во всех случаях этот зооморфизм употреблялся в сочетании «светская львица» для характеристики женщины, ведущей активный светский образ жизни, как правило, привлекательной, но также часто поверхностной, опасной, участницей скандалов («*скандально известная* ***светская львица****»,* «***светская львица****, которая любит шокировать публику*»). В англоязычном материале образ *lioness* оказался не только менее употребительным (8 контекстов), но и, в отличие от русского соответствия, во всех случаях имел положительную коннотацию, характеризуя сильную, смелую, активную женщину: *Remembering Nadine Gordimer, a* ***Lioness*** *of Literary Activism* (NY Times, 15.07.2004). Отметим, чтосхожая по ассоциациям пара *тигрица – tigress* не демонстрирует подобного расхождения: и русскоязычная единица, и англоязычный зооним несут в себе отрицательную коннотацию: *Мой сын, лишь для тебя я буду доброй, а для других –* ***тигрицей***, ***диким зверем*** (КП, 8.03.2013). *To Men, Losing to Judit Polgar Is No Disgrace:* ***Tigress of the Chessboard Purrs Quietly and Pounces*** (NY Times, 31.01.2001).

Заключение

Таким образом, по результатам сопоставления можно сделать вывод о том, что значительная часть зооморфных образов (80 %), представлен-

ных в двух лингвокультурах, демонстрирует ряд расхождений по одному или нескольким из рассмотренных аспектов, что при универсальности самого явления зооморфной метафоры в обеих культурах объясняется творческим, национально-специфическим процессом языковой интерпретации животного мира. Согласно результатам сопоставительного анализа, процесс образной характеристики мужчин и женщин с привлечением зоонимической лексики в английской лингвокультуре обнаруживает меньшую зависимость от пола животного. В то же время, по результатам проведенного анализа употребления англоязычных зоонимических единиц с метагендерной референцией, было обнаружено, что некоторые из них всётаки тяготеют к референту того или иного пола, в том числе *ape, ass, beast, dove, hawk, pig/swine* (в большинстве из полученных для них контекстов они характеризуют референтов-мужчин). Также в двух языках нередки случаи неполного совпадения семантики аналогичных, на первый взгляд, зоонимов, что нельзя не учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

Что касается сходства в функционировании аналогичных единиц зооморфного фонда двух языков, то анализ показал, что и в русскоязычных, и в англоязычных публицистических текстах наибольшей частотой употребления обладают единицы, презентирующие черты характера и моральные качества, интеллектуальные способности человека, эмоциональное состояние. В меньшей степени представлена оценка образа жизни, поведенческих особенностей и внешних данных. По данным контекстного анализа, самыми рекуррентными зоонимами в русскоязычных текстах стали *скот / скотина, козёл, собака, тигр, львица, тигрица, змея, крыса, свинья*; в англоязычном материале – *hawk, dove, beast, dog, goat, bitch, lion / lioness, tigress*.

Кроме того, зооморфизмы и русского, и английского языков обладают ярко выраженной отрицательной коннотацией, о чём свидетельствует преобладание в выборке лексических единиц негативной направленности, а также большая их употребительность в проанализированном фактическом материале (около 75 % случаев номинации). Это соотносится с выводами лингвистов [см., например, Телия, 1996] о том, что человеку в рамках концептуализации действительности свойственно, в первую очередь, выделять отрицательный опыт как отклонение от положительного (являющегося нормой). По данным анализа наиболее частотных зооморфизмов и связанных с ними ассоциаций, в русскоязычных текстах чаще всего выделялись такие отрицательные качества, как *жестокость, коварство, предательство, грубость, глупость, поверхностность*; в англоязычном материале – *жестокость, агрессивность, аморальный образ жизни, предательство*. Положительную оценку в рамках выборкииз русскоязычной публицистики чаще всего получали такие черты, как *смелость, активность, внешняя привлекательность*; в англоязычной – *стремление к миру, смелость, активность*.

В целом, можно говорить об определенной степени сходства в семантике и употреблении единиц зоонимического фонда двух лингвокультур при характеристике человека, что может быть обусловлено, с одной стороны, важной ролью одних и тех же представителей фауны в обеих культурах и универсальностью сложившихся у людей представлений о них, а с другой стороны, универсальностью когнитивных процессов, схожестью морально-этических норм (в том числе, в оценивании представителей мужского и женского пола) в рассмотренных лингвокультурах.

Библиографический список

1. Баженова Е. В. Вариации зооморфизма и антропоморфизма в современной культуре // Цивилизационные парадигмы XXI столетия: культурно-ценностные ориентиры: материалы международной научной конференции, Белгород, 01 января – 31 декабря 2017. Белгород : Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел РФ им. И. Д. Путилина, 2017. С. 145–155.

2. Грамота.ру : справочно-информационный портал. URL: http://www.gramota.ru/ (дата обращения 20.12.2022)

3. Гриценко Е. С. О современныхтенденциях в лингвистическомизучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, ММФ, 28–29 ноября 2019 г. Москва : Московская международная академия, 2019. С. 23–25.

4. Гулик О. О. Национально обусловленные модели гендерной метафоризации зоонимов в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи. Нижний Новгород, 2019. 26 с.

5. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков // НКСРП. Москва, 1977. С. 147–165.

6. Даулет Ф. Н. Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка) // Litera. 2019. № 6. С. 214–229. URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (дата обращения: 10.01.2023)

7. Известия. URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 20.12.2022)

8. Комсомольская правда. URL: https://www.msk.kp.ru/(дата обращения: 20.12.2022)

9. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. Иваново, 2007. 23 с.

10. Кучукова З. А., Беберова Л. Б. Зооморфный образ как персонификатор человеческих пороков // Масс-медиа в социокультурном диалоге гуманитарных наук. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева. 2019. С. 114–119.

11. Маркелова Т. В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом // Филологические науки. 2005. № 5. С. 7–27.

12. Метельская Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков). Пятигорск, 2012. 26 с.

13. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: вып. первый / И. С. Брилева и др. Москва : Гнозис, 2004. 318 с.

14. Скитина Н. А. Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков). Москва, 2007. 20 с.

15. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

16. Шарова А. А. Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков). Ярославль, 2010. 168 с.

17. Alonso García E. Gender Perspectives on National and Nation-State Animal Symbolism // Men and Masculinities. 23(5), 2020. P. 889–907.

18. Cambridge Advanced Learner's Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (дата обращения: 24.12.2022)

19. Cameron D. Gender and Language Ideologies // The Handbook of Language and Gender. Ed. by J. Holmes and M. Meyerhoff.Blackwell Publishing, 2005. P. 447–467.

20. Nilsen A. P. Of Ladybugs and Billy Goats: What Animal Species Names Tell About Human Perseption of Gender // Metaphor and symbolic activity. 1996. Vol. 11. № 4. P. 257–271.

21. Oxford Advanced Learner's Dictionary URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/(дата обращения: 24.12.2022)

22. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international (дата обращения: 24.12.2022)

23. The Times. URL: https://www.thetimes.co.uk/ (дата обращения: 24.12.2022)

24. The New York Times. URL: http:// www.nytimes.com(дата обращения 24.12.2022)

25. Zemkova L. Animals and Gender in Present-day English // XLinguae Journal 9 (1). 2016. P. 110–126.

Reference list

1. Bazhenova E. V. Variacii zoomorfizma i antropomorfizma v sovremennoj kul'ture = Variations of zoomorphism and anthropomorphism in modern culture // Civilizacionnye paradigmy XXI stoletija: kul'turno-cennostnye orientiry: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Belgorod, 01 janvarja – 31 dekabrja 2017. Belgorod : Belgorodskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del RF im. I. D. Putilina, 2017. S. 145–155.

2. Gramota.ru : spravochno-informacionnyj portal = Gramota.ru : a reference and information portal. URL: http://www.gramota.ru/ (data obrashhenija 20.12.2022)

3. Gricenko E. S. O sovremennyhtendencijah v lingvisticheskomizuchenii gendera, ego konceptualizacii i reprezentacii (na materiale anglijskogo jazyka) = On modern trends in gender linguistic studies, its conceptualization and representation (in the English language) // Tezisy Chetvertoj mezhdunarodnoj konferencii «Gender: jazyk, kul'tura, kommunikacija». Moskva, MMF, 28–29 nojabrja 2019 g. Moskva : Moskovskaja mezhdunarodnaja akademija, 2019. S. 23–25.

4. Gulik O. O. Nacional'no obuslovlennye modeli gendernoj metaforizacii zoonimov v russkom jazykovom soznanii i ih jazykovaja ob#ektivacija v sovremennoj russkoj rechi = Nationally conditioned models of zoonym gender metaphorization in Russian linguistic consciousness and their linguistic objectification in modern Russian speech.Nizhnij Novgorod, 2019. 26 s.

5. Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremisina M. I. Sopostavitel'nyj analiz zoomorfnyh harakteristik (na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov = Comparative analysis of zoomorphic characteristics in Russian, English, and French // NKSRP. Moskva, 1977. S. 147–165.

6. Daulet F. N. Lingvokul'turologicheskie i semanticheskie svojstva frazeologicheskih edinic s zoomorfnymi komponentami (na materiale kitajskogo jazyka) = Linguocultural and semantic properties of phraseological units with zoomorphic components (based on the Chinese language) // Litera. 2019. № 6. S. 214–229. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (data obrashhenija: 10.01.2023)

7. Izvestija = The news. URL: https://iz.ru/ (data obrashhenija: 20.12.2022)

8. Komsomol'skaja pravda = Komsomolskaya pravda. URL: https://www.msk.kp.ru/(data obrashhenija: 20.12.2022)

9. Kurazhova I. V. Imena zhivotnyh kak otrazhenie cennostnoj kartiny mira v anglijskoj lingvokul'ture = Animal names as a reflection of the value worldview in English linguistic culture. Ivanovo, 2007. 23 s.

10. Kuchukova Z. A., Beberova L. B. Zoomorfnyj obraz kak personifikator chelovecheskih porokov = The zoomorphic image as a personification of human vices // Mass-media v sociokul'turnom dialoge gumanitarnyh nauk. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Karachaevo-Cherkesskogo gosudarstvennogo universiteta imeni U. D. Alieva. 2019. S. 114–119.

11. Markelova T. V. Metaforicheskaja cennost' frazeologizmov s opornym komponentom zoonimom ili fitonimom = Metaphorical value of phraseological units with the reference component zoonym or phytonym // Filologicheskie nauki. 2005. № 5. S. 17–27.

12. Metel'skaja E. V. Obraz cheloveka v anglijskoj i russkoj substandartnoj lingvokul'turah (na materiale zoonimov anglijskogo i russkogo jazykov) = Human image in English and Russian substandard linguistic cultures (on the material of zoonyms in English and Russian). Pjatigorsk, 2012. 26 s.

13. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar': vyp. Pervyj = Russian cultural space: a linguocultural dictionary: issue One / I. S. Brileva i dr. Moskva : Gnozis, 2004. 318 s.

14. Skitina N. A. Lingvo-kognitivnyj analiz frazeologicheskih edinic s zoonimnym komponentom (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov) = Linguistic-cognitive analysis of phraseological units with a zoonymic component (in Russian, English and German). Moskva, 2007. 20 s.

15. Telija V. N. Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.

16. Sharova A. A. Gendernyj aspekt zoomorfnyh obrazov (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = The gender aspect of zoomorphic images in Russian and English. Jaroslavl', 2010. 168 s.

17. Alonso García E. Gender Perspectives on National and Nation-State Animal Symbolism // Men and Masculinities. 23(5), 2020. P. 889–907.

18. Cambridge Advanced Learner's Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (data obrashhenija: 24.12.2022)

19. Cameron D. Gender and Language Ideologies // The Handbook of Language and Gender. Ed. by J. Holmes and M. Meyerhoff.Blackwell Publishing, 2005. P. 447–467.

20. Nilsen A. P. Of Ladybugs and Billy Goats: What Animal Species Names Tell About Human Perseption of Gender // Metaphor and symbolic activity. 1996. Vol. 11. № 4. P. 257–271.

21. Oxford Advanced Learner's Dictionary URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/(data obrashhenija: 24.12.2022)

22. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international (data obrashhenija: 24.12.2022)

23. The Times. URL: https://www.thetimes.co.uk/ (data obrashhenija: 24.12.2022)

24. The New York Times. URL: http:// www.nytimes.com(data obrashhenija 24.12.2022)

25. Zemkova L. Animals and Gender in Present-day English // XLinguae Journal 9 (1). 2016. P. 110–126.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 14.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья
УДК 37.016:811
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_120
EDN: RWTELQ

Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессы)

Иннара Алиевна Гусейнова[1]✉, Кристина Геннадьевна Никитенкова[2]
[1]Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
[2]Кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и фонетики немецкого языка, Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21
[1]ginnap@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6544-699X
[2]nikitsenkowa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8555-2570

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть возникновение амбисемии на примере способов вербализации гендерного фактора в современной немецкоязычной интернет-прессе. Для анализа был выбран корпус текстов разных жанров, представленный на немецкоязычных интернет-ресурсах и ориентированный на гетерогенную целевую аудиторию. В ходе анализа языковых примеров основной акцент делается на роль контекста, обеспечивающего приращение смыслов к единицам нейтральной лексики. Для приращения дополнительных смыслов в интернет-коммуникации на немецком языке используется аналогия, словосложение и обобщенные понятия. При этом становится очевидным, что любая гендерно нейтральная лексическая единица, а также гендерно коннатированная лексема могут приобретать дополнительно оценочный компонент. Погружение лексемы, маркирующий гендерный аспект, в контекст приводит: а) к возникновению гендерной асимметрии, б) к гендерной симметрии, в) к нейтрализации гендерного фактора. Именно контекст позволяет превратить номинативный аспект в интерпретативный, реализуя тем самым амбисемию. Ключевую роль в процессе приращения смыслов и возникновения амбисемии играет коннотация. Последняя актуализируется в результате столкновения знаниевого компонента, представленного в немецком языке определенным набором лексических единиц и закрепленного нормами и правилами немецкого языка в кодифицированных источниках, с индивидуальными и обобщенными представлениями об объекте реальной действительности у представителей немецкой лингвокультуры. Гендерный фактор, погруженный в контекст, выступает в роли стимула, порождающего цепочку ассоциаций и соответствующую реакцию у массового реципиента

Ключевые слова: гендер; амбисемия; интернет-пресса; приращение смыслов; аналогия; словосложение; обобщенные понятия

Для цитирования: Гусейнова И. А., Никитенкова К. Г. Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессы) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 120–128. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_120. https://elibrary.ru/RWTELQ

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Ambisemy and gender in modern german internet media

Innara A. Guseinova[1]✉, Kristina G. Nikitenkova[2]
[1]Doctor of philological sciences, associate professor of the department of lexicology and stylistics of the german language, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, 38 Ostozhenka st., 1
[2]Candidate of philological sciences, associate professor, german grammar and phonetics department, Minsk state linguistic university, Republic of Belarus, 220034, Minsk, Zakharov st., 21
[1]ginnap@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6544-699X
[2]nikitsenkowa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8555-2570

© Гусейнова И. А., Никитенкова К. Г., 2023

Abstract The present article considers different means of linguistic manifestation of gender in contemporary German Internet media with a view to tracing the origin and development of ambisemy meanings. The undertaken analysis relies on a corpus of german internet texts of various genres intended for different target audiences. The analysis is done with a special emphasis on the immediate context which underlies meaning augmentation in general and provides conditions for neutral words to acquire evaluative meanings, in particular. In german internet communication meaning augmentation is triggered by analogy, word composition and generalization. The analysis has shown that neutral lexical items, as well as gender marked ones, can acquire additional evaluative meanings. Employing a gender marked word in context leads to a) emergence of gender asymmetry; b) gender symmetry; c) gender neutralization. All in all, it is the context that converts nomination into interpretation, thus creating ambisemia. Connotation plays a key role in the process of augmenting meanings and the emergence of ambisemy. The latter is actualized as a result ofcolliding the knowledge component, represented in the german language by a certain set of lexical units and fixed by the norms and rules of the german language in codified sources, with individual and generalized ideas about the object of reality among representatives of german linguistic culture. The gender factor, immersed in the context, acts as a stimulus that generates a chain of associations and a corresponding reaction in the mass recipient.

Key words: gender; ambisemy; internet media; augmentation of meanings; analogy; composition; generalized concepts

For citation: Guseinova I. A., Nikitenkova K. G. Ambisemy and gender in modern german internet media. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):120–128. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_120. https://elibrary.ru/RWTELQ

Введение

В настоящем исследовании мы ставим перед собой цель рассмотреть функционирование гендерного фактора в современной немецкой интернет-прессе. Для изучения способов конструирования и репрезентации гендера в виртуальном пространстве мы полагаем целесообразным обратиться к понятию амбисемии, которую традиционно исследуют на материале славянских языков. Многие зарубежные ученые отмечают это явление как не присущее германским языкам. Данное утверждение стало стимулом для наших совместных изысканий – установить, насколько выдвинутое предположение соответствует сегодняшней немецкоязычной интернет-прессе. В свете вышесказанного остановимся ниже на двух важных для нашего исследования понятиях – **гендера** и **амбисемии**.

Методы исследования

В настоящей работе мы придерживаемся комплексной методики, которая включает дискурс-анализ, контекстуальный анализ, а также элементы контент-анализа. Такая методика позволяет рассматривать гендер в контексте амбисемии с учетом номинативного и интерпретативного аспектов. Любое погружение лексемы в контекст создает условия для множественной интерпретации. Любое, на первый взгляд, нейтральное слово приобретает дополнительные смыслы. Последние позволяют использовать гендерный фактор в качестве механизма регуляции отношений в социуме.

Результаты исследования

В ходе анализа номинативного и интерпретативного аспектов гендерного фактора нами установлена его амбивалентная сущность, которая заключается в возможности применения гендера для формирования как позитивной, так и негативной повестки дня в немецкоязычной интернет-прессе. При этом возможны три способа использования гендерного фактора. Для формирования негативной повестки применяется гендерная асимметрия, в то время как для создания позитивной повестки дня в немецкоязычной интернет-прессе используется гендерная симметрия и нейтрализация гендерного фактора. Специфика гендера позволяет рассматривать его в качестве инструмента регулирования социальными отношениями в электронных немецкоязычных СМИ.

Понятие амбисемии

Многие ученые придерживаются в своих изысканиях определенных взглядов на **слово**, которое представляет собой уникальный феномен, соединяющий в себе два элемента – номинативный и интерпретативный. Принято считать, что номинативный аспект служит выполнению когнитивно обусловленных процедур: дает возможность распознать объект окружающей действительности, причислить его к классу схожих объектов и предметов, наименовать его с учетом характерных признаков и применять в коммуникативной ситуации, предполагая адекватную реакцию со стороны участника общения. Интерпретативный аспект служит порождению и одновременно распознаванию скрытых смыслов –

намерений автора сообщения, заключенных в языковую форму. Многие исследователи отмечают попытки преодоления разрыва между языком и его воплощением в речи через понятие амбисемии [Казак, 2019; Факторович, 2019; Плотникова, 2020; Ефремова, 2021]. При этом амбисемия определяется как «принцип конфигурации двух элементов значения единицы в системе языка: номинативного и интерпретативного» [Киклевич, 2016, с. 92]. Принято считать, что номинативный аспект представлен в языке и по этой причине носит «категорематичный характер» [Киклевич, 2016, с. 90], в то время как интерпретативный аспект поддерживает механизм реализации выводного знания (инференции), возникающего в ходе коммуникации, когда участники общения получают требуемую информацию из глобального контекста, воспринимают и анализируют ее, наполняя одновременно своими чувствами, переживаниями, наблюдениями и жизненным опытом. Ключевую роль в процессе порождения текста играет эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и ее интеллектуальная обработка при помощи разнообразных языковых средств.

Анализ гендерного фактора в текстах разной жанровой направленности свидетельствует о том, что его следует рассматривать в качестве инструмента управления социальной реальностью, представленной сегодня в разных видах пространства и типах среды. Принципиально важно, что гендерный фактор используется в конструктивных и деструктивных целях. Его можно применять для создания гендерно асимметричного, симметричного и нейтрального пространства. Для изучения способов вербализации гендера требуется многоаспектное описание интернет-дискурса, который сегодня является популярным объектом исследований [Мартьянов, Лукьянова, 2021; Доброва, 2022; Юдина, Селиверстова, 2022].

Многие современные ученые в процессе изучения специфики интернет-коммуникации выделяют ряд ее особенностей: 1) ***метафоричность***, реализуемую преимущественно в виде когнитивных метафор, основанных на взаимодействии различных видов дискурса и отраслей знания. Отмечаются случаи взаимопроникновения спортивного и политического дискурса, медицинского и политического, юридического и рекламного и т. п.; 2) ***лексическую контаминацию***, которая возникает в ходе словосложения и словостяжения, что приводит к появлению гибридных лексем; 3) ***устность***, возникающую в результате одновременного использования жаргонизмов, профессионализмов, молодежного сленга, порождающих двойной смысл и комический эффект. В научных изысканиях подчеркиваются на фоне вышеупомянутого также «фонетические и фонематические особенности общения в интернете; семиотические характеристики общения в интернете; язык интернет-медиа и интернет-литературы (сетературы)» [Ахренова, 2013, с. 25].

В этом смысле наше исследование представляется актуальным и востребованным и вносит вклад в теорию институциональной коммуникации, интернет-лингвистики и медиакоммуникации.

Многие современные исследователи справедливо отмечают, что в коммуникативное пространство электронной среды дает возможность производить структурирование на основе ключевого слова, которое позволяет конструировать его в соответствии с намерениями автора, например, в рамках корпусного подхода [Gorozhanov, Guseynova, 2020; Горожанов, Степанова, 2022]. Нередко в качестве такого объединяющего понятия выступает локус, который условно делится на локусы «национальные и интеркультурные; локусы цивилизации и природные топосы; реальные и виртуальные; интертекстуальные» [Кучина, 2016, с. 24]. На наш взгляд такой подход также применим к социально значимым понятиям и может быть экстраполирован на гендерный фактор.

Понятие гендера

Гендер рассматривается нами как один из факторов, который способен поддержать развитие интернет-коммуникации как в конструктивном, так и в деструктивном русле. По этой причине в ряде случаев гендер следует рассматривать в качестве конфликтогенного фактора или как гендерный конфликт [Гусейнова, 2021; Иванов, Козлов, 2021].

Анализ гендерного конфликта проводится нами на материале немецкой интернет-прессы. При этом мы отмечаем, что вектор развития интернет-коммуникации в целом зависит от интенций, практических интересов, индивидуальных предпочтений и социокультурных параметров участников опосредованного общения. Напомним, что в СМИ в качестве конфликтогенных факторов наряду с гендером используются категория оценки и этнические стереотипы. В ряде

случаев возникновению гендерного конфликта способствует одновременное применение оценочной лексики, этнонимов, служащих уточнению по этническому признаку, экспрессивной лексики, служащей выражению эмоций. Сочетание различных конфликтогенных факторов способствует динамическому развитию вектора коммуникации в конструктивном и деструктивном русле соответственно. В этом смысле гендер как амбивалентная сущность во многом определяет характер общения, так как любая ситуация, содержащая гендерную асимметрию, способствует возникновению напряженности в ходе межличностного взаимодействия.

В коммуникативном пространстве интернета гендер присутствует в разных видах институционального дискурса. Нами отмечается интенсивное применение гендерного фактора в сфере маркетинга и рекламы, политики и СМИ [Anderson, 2019; Vessey, 2019; Deriu, Fioredistella Iezzi, 2020]. Основными коммуникационными каналами распространения гендерных отношений и стереотипов в немецкоязычном социуме выступает массовая художественная литература (киберлитература), традиционные (печатные) и новые (электронные) СМИ. Всплеск интенсивного применения гендера приходится на период становления и развития гендерной лингвистики, которая с развитием информационно-коммуникационных технологий получила возможность трансфера не только гендерных отношений, но и гендерных вариативностей.

В интернет-коммуникации, помимо перечисленных выше вербальных средств, существенную роль играют средства визуализации, подчеркивающие гендерную принадлежность участников общения. Нами отмечаются случаи гендерной асимметрии, связанной с преобладанием компонента мужественности или женственности; гендерной симметрии, характеризуемой равной представленностью лиц обоего пола; гендерной нейтрализации, когда акцент делается на предмете или объекте, а гендерный фактор носит фоновый характер или не представлен. Подчеркнем, что при реализации профессионального взаимодействия, независимо от типа среды и специфики институционального дискурса, предпочтение отдается групповым фото или изображениям, демонстрирующих присутствие как мужчин, так и женщин, а при продвижении потребительских товаров и услуг мы отмечаем тенденцию к использованию стереотипов женственности и мужественности в зависимости от специфики и качества продукта. Таким образом, для массовой интернет-коммуникации характерны как стратегия нейтрализации гендерного фактора, так и стратегия применения традиционных гендерных стереотипов и социальных ролей.

В справочной литературе гендер рассматривается преимущественно как «социокультурный пол» [Городникова, 2002; Кирилина, 2000; Томская, 2017], в словаре встречаются также такие сочетания, как *гендерные стереотипы, мужественность и женственность, гендерные роли, гендерный фактор, гендерный конфликт* и т. п. [Словарь гендерных терминов, 2002]. Такая вариативность формирует основание для интерпретации гендера в разных сферах и его применения в роли фактора, усиливающего или ослабляющего социальный, политический или экономический контекст. По этой причине его зачастую определяют как «конвенциональный идеологический конструкт» [Прудникова, 2014, с. 60]. Принято считать, что гендер необходимо изучать в междисциплинарном русле, учитывая его разные аспекты. Ведь гендер включает в себя не только социолингвистические, но и культурный и иные параметры, что позволяет конструировать его с учетом намерений заинтересованных лиц. В рамках нашего исследования нам представляется важным проследить функционирование гендерного фактора в немецкоязычной интернет-прессе, иными словами, установить, как и при помощи каких лингвистических средств осуществляется «языковое конструирование гендера в коммуникации» [Дежина, 2017, с. 78]. Сегодня наблюдается «разнообразие методологических подходов к изучению гендера в различных дисциплинах» [Томская, 2017, с. 151]. Многие исследователи справедливо подчеркивают динамический аспект гендерного фактора, который обусловлен его способностью к реализации в различных типах среды и разных видах институционального дискурса. Существует также «мода на гендер» [Томская, 2017, с. 150], которая во многом определяется социолингвистическими параметрами целевых аудиторий. Например, в мононациональных государствах, сохраняющих традиционное распределение социальных ролей мужчин и женщин в обществе, требует применения гендерных стереотипов и предполагает конвенциональное применение феноменов мужественности и женственности.

Амбисемия и гендер в мировом интернет-пространстве

В немецкоязычной интернет-коммуникации наблюдаются тенденции взаимопроникновения различных видов институционального дискурса. Нередко в политическом дискурсе применяется маркетинговый инструментарий – брендинг, применение имиджеформирующих технологий, рекламных стратегий и т. п. Такое комплексное применение ресурсов институционального дискурса обусловлено стремлением к коммерциализации виртуального пространства, которое в дальнейшем позволяет информировать гетерогенные целевые аудитории о новых продуктах, предметах и объектах рекламы, новых услугах. Наиболее репрезентативно смешанные технологии представлены в ходе брендирования определенных торговых марок. Принято считать, что наиболее эффективно осуществляется продвижение товаров повседневного пользования, включая те товары и услуги, которые ориентированы на три целевые гендерные группы: а) женщины, выступающие в роли матери; б) женщины, которые ведут домашнее хозяйство и поддерживают традиционные семейные устои и ценности; в) деловые женщины, которые смогли сделать профессиональную карьеру и занять руководящие позиции в коммерческих организациях или государственных структурах, ср.: «'mother', 'homemaker', 'ambitious career woman'» [Anderson, 2019, p. 27]. Однако все предлагаемые женские образы строятся с учетом красоты женского тела, ср.: «mass-mediated female body» [Ibidem, p. 26], с учетом желания женщин оставаться привлекательной в рамках тиражируемых и повсеместно предлагаемых социальных ролей. Этот факт присутствует и в анализируемом нами корпусе немецких текстов интернет-прессы.

В связи с тем, что гендерный аспект выступает в немецкоязычной прессе инструментом регулирования социокультурного взаимодействия обоих полов, то он одновременно играет эту же роль на рынке труда. При этом явным становится тот факт, в каких профессиях и отраслях экономики отдается предпочтение женщинам и какие области традиционно остаются «мужскими». Контент анализ текстов немецкоязычных СМИ, включая тексты объявлений о вакансиях и найме на работу, демонстрирует две ключевые тенденции: 1) стремление сохранить стереотипное представление о профессиональных компетенциях женщин; 2) стремление преодолеть гендерные стереотипы и традиционное распределение социальных ролей в немецкоязычном социуме.

В немецкоязычных и иных СМИ для женщин преимущественно публикуются объявления, требующие навыков ведения домашнего хозяйства, ср. англ.: focus on the arena of domestic work [Vessey, 2019, p. 315]. Подчеркнем, что в объявлениях на немецком языке, когда речь идет об объявлениях на высокую должность в коммерческом секторе, указания на гендерный аспект отсутствуют. Нередко гендер «растворяется» в социокультурных и социолингвистических параметрах, что позволяет использовать его в качестве инструмента ограничения в профессиональной, социальной, бытовой и иных сферах человеческой деятельности.

Амбисемия и гендер: способы приращения смысла в немецкой интернет-прессе

Для немецкой социальной сети с 2021 года стало актуально движение *MomToo*, поддерживающее женщин-матерей и разрушение социальных стереотипов о женщине, что привело к появлению «разоблачающих» публикаций, в которых эксплицитно заявлена тема дискриминации женщин.

В подтверждение наших теоретических изысканий приведем конкретные примеры из немецкой интернет-прессы, касающиеся социальных ролей женщин. Так в интернет-прессе встречаются следующие лексемы: *eine Superfrau / arbeitende Mütter / Mütter im Beruf*. Как отдельные лексемы или словосочетания они содержат в себе либо **нейтральную** оценку (*arbeitende Mütter / Mütter im Beruf*), либо **оценочный** компонент (см. *eine Superfrau*) – суперженщина **по аналогии** с суперменом (супермужчина), то есть женщина, способная воплотить одновременно несколько социальных ролей – быть матерью, добиться профессионального успеха и при этом оставаться привлекательной в глазах окружающих. Иная ситуация складывается, если данные понятия представлены в виде перечисления – *eine Superfrau / arbeitende Mütter / Mütter im Beruf*. В данном случае дополнительный смысл порождает ситуацию сравнения, а именно, какая гендерная роль является наиболее успешной – роль суперженщины, работающей женщины или женщины, работающей по профессии. См. контекст ниже: *«Obwohl sie im Grunde* ***eine Superfrau*** *sind, werden viele* ***#arbeitende Mütter*** *unbewusst dafür bestraft, dass sie Mütter sind. Ihre Chancen auf Beförderungen und Gehaltserhöhungen sinken.»*

Таким образом, одним из способов приращения смыслов, то есть реализации интерпретативного компонента, служит **аналогия**.

Обратимся к следующим примерам: *männerdominiert / Führungsetage*. Лексему *männerdominiert*, также как и сложное слово *Führungsetage* вне контекста можно рассматривать как способ реализации номинативного компонента амбисемии. Однако при одновременном употреблении обоих лексем *männerdominierte Führungsetage* возникает интерпретативный элемент, характеризующий гендерную ситуацию в руководстве, например, предприятия, государственной институции и др. Проблема множественной интерпретации преодолевается через контекст: *Die Politik zeigt sich zunehmend bemüht, die männerdominierten Führungsetagen von einer fairen Frauenquote zu überzeugen.*

При анализе интернет-прессы нами установлено, что например, лексема *Arbeitgeber**IN*** не встречается в проанализированных текстах, хотя существует в словарях *„Firma o. Ä., weibliche Person, die Arbeitnehmer im Arbeitsverhältnis beschäftigt“*. Общеупотребительная лексема *Arbeitgeber*, погруженная в контекст, маркирует ситуацию, которая в дальнейшем описывается как *männerdominierte Führungsetage*, становясь при этом гендерно маркированной и одновременно гендерно окрашенной (см. работы: О. Костарнова).

Анализ интернет-прессы свидетельствует о наличии профессий, где женщины представлены в абсолютном меньшинстве: *Ingenieur:in / Programmierer:in / Wirtschaftswissenschaftleri:nnen / Jurist:innen*, см. контекст: «*dass es in manchen Branchen, etwa bei den Ingenieur:innen, weniger weibliche Fachkräfte gibt die gleiche Qualifikationen aufweisen wie die Männer, allerdings muss man weder Ingenieur:in noch Programmierer:in sein, um Entscheidungspositionen auszuüben».* Подчеркнем, что номинативный аспект слова носит нейтральный характер, а погружение в контекст порождает интерпретативный аспект, позволяющий увидеть реальную ситуацию – наличие / отсутствие женщин в управленческой команде. Таким образом, объективации гендерного фактора служит **контекст**.

Не менее значимую роль в репрезентации гендера в немецком языке играет **словосложение**, включая его вариации, которое, как и прежде, остается самым продуктивным способом расширения немецкого словаря. Итак, нейтральный характер лексем *Männer / Karriere / Gesellschaft* и реализация номинативного аспекта очевидны, однако, в результате их стяжения *Männer-Karriere-Gesellschaft* реализуется интерпретативный аспект, порождающий гендерный фактор, транслирующий гендерное неравноправие в немецком социуме, см. контекст: *Wie wäre es, wenn wir die starren Muster der Männer-Karriere-Gesellschaft mehr hinterfragen würden.*

В качестве попытки преодоления интерпретативного аспекта следует рассматривать употребление в немецкой интернет-прессе так называемых **обобщенных понятий**, в которых обобщается собственно пол и гендер: *Fachkraft / Führungskraft*.

В ряде случаев гендер нейтрализуется за счет грамматических средств – через использование множественного числа существительных даже там, где это не требуется: *Delegierte (Pl.) / Befürworter (Pl.) / Gegner (Pl.) / Leser*. В данном случае осуществляется нейтрализация гендерного фактора, что позволяет минимизировать гендерный фактор и избежать избыточного интерпретативного аспекта.

Демонстрацией гендерного фактора, направленной на нейтрализацию интерпретативного аспекта, в ряде случаев служит употребление англо-американизмов, обозначающих движения за равноправие женщин, например: *Women Empowerment*, где *E* – создание условий для полноправного участия в жизни общества; обеспечение возможностей для реализации прав; *Female Leader(ship); Gender Empathy*, см. контекст: ***Gender Empathy** nutzt das komplementäre Potential von Diversität und gilt als Schlüssel für ein modernes und erfolgreiches Unternehmen.*

Заключение

Гендерный фактор носит конфликтогенный характер, что способствует его амбивалентному применению в интернет-прессе. Гендер способствует трансляции традиционных и вариативных социальных ролей мужчин и женщин в обществе, распространению стереотипов, однако, вербализация гендерного фактора во многом обусловлена коммуникативно-прагматическими намерениями автора текста. В текстах немецкой интернет-прессы мы наблюдаем примеры гендерной асимметрии, симметрии, а также нейтрализации гендерного аспекта. Такая вариативная выраженность гендера достигается через амбисемию. Погружение гендерного фактора в контекст реализует интерпретативный аспект амбисемии, что превращает его в социальный ин-

струмент управления поведением массового реципиента и формирования общественного мнения к событию или объекту окружающей действительности.

Библиографический список

1. Ахренова Н. А. Теоретические основы Интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 10 (28). С. 22–26.

2. Городникова М. Д. Гендер в коммуникативной интеракции // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 22-23 ноября 2001. Москва : МГЛУ, 2002. С. 70–76.

3. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208.

4. Гусейнова И. А. Гендер как конфликтогенный фактор институциональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11(853). С. 59–74.

5. Дежина Т. П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 4 (70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 76–79.

6. Доброва М. С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // Русистика. 2022.Т. 20. № 2. С. 233–246.

7. Ефремова, Л. С. Проявление амбисемии и эврисемии в семантической структуре термина (на материале английской IT-терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 2. С. 155–160.

8. Иванов А. В., Козлов В. Е. Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4(147). С. 264–71.

9. Казак Н. А. Амбисемия и многозначность лингвистических терминов // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4(11). С. 45–50.

10. Киклевич А. К. Притяжение языка. Т. 4. Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты. Ольштын: Варминско-Мазурский университет, 2016. 372 с.

11. Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. Москва : Рудомино, 2000. С. 47–80.

12. Комкова О. В. Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных номинаций лица. Владимир : ВГУ, 2011. 186 с.

13. Костарнова О. С. Гендерные аспекты современной бытовой итальянской сказки // В книге: Наука без границ: синергия теорий, методов и практик. материалы Международной научной конференции / отв. ред. О. К. Ирисханова. Москва, 2020. С. 515–518.

14. Кучина С. А. Локативы: жанровая и структурная специфика = Locative narratives: genre and structural specificity // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4/1 (58). С. 23–27.

15. Мартьянов Д. С.,Лукьянова Г. В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 25–48.

16. Плотникова А. М. Амбисемия как когнитивно-семантический феномен // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 122–126.

17. Прудникова Е. С. Категория гендера как объект изучения лингвистики // Вестник Краунц. Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2014. № 1. С. 59–61.

18. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва : Информация XXI век, 2002. 206 с.

19. Томская М. В. Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании // Язык и мода: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Н. Н. Трошина. Москва, 2017. С. 146–163.

20. Факторович А. Л. Общность и различия в лингвокогнитивном представлении амбивалентности // Новые горизонты русистики. 2019. № 7. С. 175–180.

21. Юдина Н. В., Селиверстова О. А. Хештег как единица интернет-дискурса: когнитивно-прагматический подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 3. С. 108–115.

22. Anderson C. Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women. Birmingham : Palgrave Macmillan, 2019. 279 p.

23. Deriu F., Fioredistella Iezzi D. Text Analytics in Gender Studies. Introduction // International Review of Sociology. Vol. 30, No. 1. Rome : Routledge: Taylor & Francis Group, 2020. P. 1–5.

24. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Vol. 13. No 12. Красноярск : СФУ, 2020. P. 2035–2048.

25. Vessey R. Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London // Gender and Language. Vol. 13.3. Birkbeck : Equinox Publishing, 2019. P. 314–338.

Reference list

1. Ahrenova N. A. Teoreticheskie osnovy Internet-lingvistiki = Theoretical foundations of Internet linguistics // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2013. № 10 (28). S. 22–26.

2. Gorodnikova M. D. Gender v kommunikativnoj interakcii = Gender in communicative interaction // Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj konferencii «Gender: jazyk, kul'tura, kommunikacija». Moskva, 22-23 nojabrja 2001. Moskva : MGLU, 2002. S. 70–76.

3. Gorozhanov A. I., Stepanova D. V. Interpretacija hudozhestvennogo proizvedenija: korpusnyj podhod = Interpretation of a work of fiction: the corpus approach // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 1. S. 203–208.

4. Gusejnova I. A. Gender kak konfliktogennyj faktor institucional'noj kommunikacii = Gender as a conflict-generating factor in institutional communication // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 11(853). S. 59–74.

5. Dezhina T. P. Jetapy stanovlenija koncepta «gender» v zarubezhnoj i otechestvennoj lingvistike = Stages of forming the concept of «gender» in foreign and Russian linguistics // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 4 (70): v 2-h ch. Ch. 1. S. 76–79.

6. Dobrova M. S. Realizacija funkcij frazeologicheskih edinic v diskursivnom prostranstve russkojazychnogo interneta = Functions of phraseological units in the discursive space of the Russian-speaking Internet // Rusistika. 2022.T. 20. № 2. S. 233–246.

7. Efremova L. S. Projavlenie ambisemii i jevrisemii v semanticheskoj strukture termina (na materiale anglijskoj IT-terminologii) = Manifestation of ambysemy and eurysemy in the semantic structure of the term (on the material of English IT-terminology) // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2021. T. 21. № 2. S. 155–160.

8. Ivanov A. V., Kozlov V. E. Sociokul'turnye aspekty gendernogo konflikta v radikal'nyh setevyh soobshhestvah Runeta (po materialam polevogo issledovanija) = Sociocultural aspects of gender conflict in radical online communities of Runet (based on field research) // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2021. № 4(147). S. 264–71.

9. Kazak N. A. Ambisemija i mnogoznachnost' lingvisticheskih terminov = Ambysemy and multiple meanings of linguistic terms // Gumanitarnaja paradigma. 2019. № 4(11). S. 45–50.

10. Kiklevich A. K. Pritjazhenie jazyka. T. 4. Jazykovaja dejatel'nost': semanticheskie i pragmaticheskie aspekty = Attraction of language. V. 4. Linguistic activity: semantic and pragmatic aspects. Ol'shtyn : Varminsko-Mazurskij universitet, 2016. 372 s.

11. Kirilina A. V. Gendernye aspekty massovoj kommunikacii = Gender aspects of mass communication // Gender kak intriga poznanija. Moskva : Rudomino, 2000. S. 47–80.

12. Komkova O. V. Atributivnaja sochetaemost' maskulinnyh i feminnyh nominacij lica = Attributive compatibility of masculine and feminine face nominations. Vladimir : VGU, 2011. 186 s.

13. Kostarnova O. S. Gendernye aspekty sovremennoj bytovoj ital'janskoj skazki = Gender aspects of the modern Italian folk tale // V knige: Nauka bez granic: sinergija teorij, metodov i praktik. materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. O. K. Irishanova. Moskva, 2020. S. 515–518.

14. Kuchina S. A. Lokativy: zhanrovaja i strukturnaja specifika = Locative narratives: genre and structural specificity // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 4/1 (58). S. 23–27.

15. Mart'janov D. S., Luk'janova G. V. Jemocional'naja publichnaja sfera: poljarizacija paralingvisticheskogo internet-diskursa = The emotional public sphere: polarization of paralinguistic Internet discourse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika. 2021. № 2. S. 25–48.

16. Plotnikova A. M. Ambisemija kak kognitivno-semanticheskij fenomen = Ambysemy as a cognitive-semantic phenomenon // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2020. № 2(41). S. 122–126.

17. Prudnikova E. S. Kategorija gendera kak ob#ekt izuchenija lingvistiki = The gender category as an object for studying in linguistics // Vestnik Kraunc. Gumanitarnye nauki. Petropavlovsk-Kamchatskij : Kamchatskij gosudarstvennyj universitet im. Vitusa Beringa, 2014. № 1. S. 59–61.

18. Slovar' gendernyh terminov = Dictionary of gender terms / pod red. A. A. Denisovoj; Regional'naja obshhestvennaja organizacija «Vostok – Zapad: Zhenskie Innovacionnye Proekty». Moskva : Informacija XXI vek, 2002. 206 s.

19. Tomskaja M. V. Izuchenie gendera kak projavlenie «issledovatel'skoj mody» v rossijskom jazykoznanii = Studying gender as a manifestation of the «research fashion» in Russian linguistics // Jazyk i moda: Sb. statej / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija; otv. red. N. N. Troshina. Moskva, 2017. S. 146–163.

20. Faktorovich A. L. Obshhnost' i razlichija v lingvokognitivnom predstavlenii ambivalentnosti = Similarities and differences in the linguistic-cognitive representation of ambivalence // Novye gorizonty rusistiki. 2019. № 7. S. 175–180.

21. Judina N. V., Seliverstova O. A. Heshteg kak edinica internet-diskursa: kognitivno-pragmaticheskij podhod = Hashtag as a unit of Internet discourse: a cognitive-pragmatic approach // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2022. № 3. S. 108–115.

22. Anderson C. Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women. Birmingham : Palgrave Macmillan, 2019. 279 p.

23. Deriu F., Fioredistella Iezzi D. Text Analytics in Gender Studies. Introduction // International Review of Sociology. Vol. 30, No. 1. Rome : Routledge: Taylor & Francis Group, 2020. P. 1–5.

24. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Vol. 13. No 12. Krasnojarsk : SFU, 2020. P. 2035–2048.

25. Vessey R. Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London // Gender and Language. Vol. 13.3. Birkbeck : Equinox Publishing, 2019. P. 314–338.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 09.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_129
EDN: SNNFJT

Особенности структурной организации лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» (на материале современных англоязычных текстов)

Анастасия Сергеевна Канеева[1]✉, Елена Владимировна Боднарук[2]
[1]Аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17
[2]Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17
[1]anastasi47644@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0710-6206
[2]e.bodnaruk@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4405-4513

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в определении и подробном описании поля «Ландшафтная архитектура» на материале текстов современного англоязычного профессионального дискурса ландшафтной архитектуры посредством решения таких исследовательских задач как сбор англоязычного языковогоматериала, анализ структурной организации лексико-семантического поля и лексико-семантических объединений, входящих в его состав (лексико-семантических групп, подгрупп и подподгрупп), с последующим выявлением лексических единиц, составляющих ядро поля и ядро его объединений, их околоядерные зоны и все зоны их периферии (зоны ближней периферии, дальней периферии и крайней периферии). Наполнение каждого сегмента лексико-семантического поля производится с учетом семантических отношений парадигматического характера, определяющих связь между лексическими единицами его формирующими (синонимии, антонимии, меронимии и нек. др.). Научная новизна исследования проявляется в использовании полевого подхода при систематизации единиц ландшафтной лексики и обусловлена отсутствием работ, освещающих лексику такой успешно и стремительно развивающейся в настоящее время сферы, как ландшафтная архитектура. Согласно полученным результатам настоящего исследования лексико-семантическое поле «Ландшафтная архитектура» представляет собой поле, локализация лексических единиц которого характеризуется значительной неравномерностью и сосредоточена в большинстве своем в области его дальней периферии. В области крайней периферии лексико-семантического поля присутствуют лексические единицы, коннотативный слой значения которых характеризуется наполненностью, что, как правило, считается нехарактерным для профессионального дискурса.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; лексико-семантическая группа; ядро лексико-семантического поля; околоядерная зона лексико-семантического поля; периферия лексико-семантического поля; лексика сферы ландшафтной архитектуры; английский язык

Для цитирования: Канеева А. С., Боднарук Е. В. Особенности структурной организации лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» (на материале современных англоязычных текстов) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 129–139. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_129. https://elibrary.ru/SNNFJT

Original article

Specific features of the «Landscape architecture» lexical-semantic field structure in modern english texts

Anastasia S. Kaneeva[1]✉, Elena V. Bodnaruk[2]
[1]Postgraduate student, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 163002, Arkhangelsk, Severnaya Dvina emb., 17
[2]Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of german and french philology, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 163002, Arkhangelsk, Severnaya Dvina emb., 17
[1]anastasi47644@yandex.ru ✉, https://orcid.org/0000-0003-0710-6206
[2]e.bodnaruk@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4405-4513

© Канеева А. С., Боднарук Е. В., 2023

Abstract. The aim of the study is to determine and describe in details the structure of the lexical-semantic field «Landscape architecture» on the basis of the landscape architectureprofessional discourse in modern english by solving such tasks as collecting linguistic material in english, analyzing the structural organization of the lexical-semantic field and its lexical-semantic groups, subgroups and subsubgroups with the subsequent identification of the lexical units that make up the core of the field and the core of its lexical-semantic groups, subgroups and subsubgroups, their core zones and all zones of their periphery: the near periphery, the far periphery and the extreme periphery. Each segment of the lexical-semantic field is filled according to the semantic relations of paradigmatic nature that determine the connection between the lexical units forming the field (synonymy, antonymy, meronymy and some others). Scientific novelty of the study is evident in the use of the field approach in systematizing the landscape vocabulary units and can be explained by the lack of works, covering the vocabulary of landscape architecture, such a successful and rapidly developing sphere at the present time. According to the results of the study, the lexical-semantic field «Landscape architecture» is a field whose localization of lexical units is characterized by considerable unevenness and is concentrated mainly in the area of its far periphery. In the area of the extreme periphery of the lexical-semantic field there are lexical units whose connotative semantic layeris characterized by fullness, which is usually considered uncharacteristic for professional discourse.

Key words: lexical-semantic field; lexical-semantic group; core of the lexical-semantic field; core zone of the lexical-semantic field; periphery of the lexical-semantic field; landscape architecture vocabulary; the english language

For citation: Kaneeva A. S., Bodnaruk E. V. Specific features of the «Landscape architecture» lexical-semantic field structurein modern english texts. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):129–139. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_129. https://elibrary.ru/SNNFJT

Введение

В настоящее время полевый подход к изучению лексических и семантических структур различных языков мира является весьма перспективным и распространенным [Romanyuk, 2020, с. 576]. Данный подход основан на представлении о том, что язык является некой системой систем, компоненты которой находятся в непрерывном и тесном взаимодействии друг с другом. В рамках полевого подхода изучаются в том числе лексические системы путем построения полей и их составных частей, что способствует дальнейшему изучению, систематизации и описанию словарного состава различных языков мира. Данное исследование нацелено на построение и описание лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» на материале текстов современного англоязычного профессионального дискурса. Отсутствие работ, посвященных описанию данного типа лексики, обусловливает новизну проведенного исследования, а активное использование достижений полевого подхода – его актуальность. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при подготовке к семинарским и лекционным курсам по общей и английской лексикологии, а также по общему языкознанию.

Методы исследования

Настоящее исследование направленно на решение ряда задач с помощью конкретных исследовательских методов. Оно предполагает отбор методом сплошной выборки лексических единиц поля, а также анализ организации поля, его групп, подгрупп и подподгрупп с последующим распределением всех отобранных лексических единиц с учетом их семантических отношений по соответствующим зонам сконструированного лексико-семантического поля (ЛСП) «Ландшафтная архитектура». Для решения поставленных задач были применены метод концептуального анализа, метод семантического поля, описательный метод, метод контекстуального анализа и метод дедукции.

Языковой материал исследования был отобран из статьи «Landscape of Home, Landscape of Escape. Landscape Architecture Students design and build gardens in health care settings», находящейся в открытом доступе и опубликованной в международном журнале «Landscape Architecture Magazine» [Winterbottom, 2009, с. 42–53]. Д. Уинтерботтом, автор данной статьи, является магистром ландшафтной архитектуры Вашингтонского университета в Сиэтле (кафедра ландшафтной архитектуры). Журнал был найден на официальном сайте [Landscape Architecture Magazine]. Отметим, что данный международный журнал принадлежит Американскому обществу ландшафтных архитекторов (ASLA) и издается с 1910 г. Целевой аудиторией являются профессиональные ландшафтные дизайнеры и ландшафтные архитекторы из Северной Америки. Языковой материал настоящего исследования содержит 122 лексические единицы.

Теоретические основания исследования

Теоретическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых по та-

кой исследовательской тематике как *лексико-семантические поля и лексико-семантические группы в лингвистике* [Глобина, 1995; Денисов, 1980; Еремина, 2003; Караулов, 1976; Куренкова, 2006; Кыркбаева, 2017; Медведева, 2017; Петерс, Филатова, 2015, Романова, Хоменко, 2020; Филин, 1982; Эгамназаров, 2018; Bolshakova, 2020; Changhong, 2010; Harb Mansouri, 1985; Kasymova, 2017; Lehrer, 1985; Sodikova, 2015].

В настоящее время теория семантического поля (СП) понимается, как правило, следующим образом: в языке существуют определенные семантические объединения, которые состоят из различных семантических единиц [Harb Mansouri, 1985, с. 39]. Данные единицы, в свою очередь, входят в состав одной или же более групп, то есть весь словарный состав языка можно рассматривать как совокупность групп, структурные компоненты которых – слова, находящиеся в неких специфических отношениях [Петерс, Филатова, 2015, с. 84; Bolshakova, 2020, с. 15].

В рамках данного исследования центральными понятиями, соотносящимися с теорией СП, являются понятия ЛСП и лексико-семантической группы (ЛСГ).

ЛСГ представляет собой объединение слов, принадлежащих к одной части речи на основании наличия у каждого из них общего смыслового компонента. Также для ЛСГ характерно наличие особых смысловых отношений между компонентами [Филин, 1982, с. 229], иерархическая организация элементов [Медведева, 2017, с. 115], наличие имени группы, ее ядра, периферии и околоядерной зоны [Kasymova, 2017, с. 167]. ЛСП – иерархически организованная группа лексем, объединенных на основании единого значения и отражающих определенную сферу понятий [Boran, 2018, с. 391; Gliozzo, Stapparava, 2009, с. 15; Nordquist, 2017]. Среди характерных черт ЛСП отмечают: его упорядоченность; обширность; отсутствие четких границ; смежность составных элементов; наличие архисемы, целостность [Петерс, Филатова, 2015, с. 85–86], наличие семантических отношений между единицами [Lehrer, 1985, с. 283].

Мнения ученых относительно соотношения понятий ЛСГ и (Л)СП разнятся, однако мы склонны вслед за такими исследователями как Т. В. Романова, А. Ю. Хоменко, П. Н. Денисов, Х. Х. Эгамназаров и Т. Н. Куренкова полагать, что ЛСГ – структурные части (лексико-) семантического поля [Денисов, 1980, с. 127; Куренкова, 2006, с. 177; Эгамназаров, 2018, с. 185–186; Романова, Хоменко, 2020, с. 51]. Таким образом, ЛСП должно отличаться от ЛСГ только бóльшим размером и наличием слов, принадлежащих к разным частям речи (в том случае, если его ЛСГ различаются между собой по частеречному составу).

Нет единства во мнениях и относительно соотношения понятий ЛСП и СП. Некоторые исследователи употребляют данные термины как синонимичные [Полянчук, Моторина, 2022], другие призывают все же их разграничивать [Куренкова, 2017, с. 177] или убеждены в том, что ЛСП представляет собой разновидность СП [Петерс, Филатова, 2015, с. 85–86]. В контексте данной работы ЛСП рассматривается нами как синоним СП.

Рассмотрим более подробно структуру полевых объединений. Ю. Н. Карауловым была предложена следующая модель: название; ядро (ключевые слова) – в том числе, синонимы, антонимы, дериваты, типичная сочетаемость; периферия – лексические единицы, связанные с ядром семантически или менее тесно стилистически [Караулов, 1976, с. 27].

В последнее время наметилась тенденция к выделению еще одного компонента полевого объединения – околоядерной зоны. Причем, границы между ядром, околоядерной зоной и периферией нечеткие и диффузные. Ядро характеризуется максимальной концентрацией полеобразующих свойств, ослабевающих по мере приближения к периферии [Kasymova, 2017, с. 167] и выступает интегральным семантическим компонентом для всех составляющих объединения, а единицы групп поля выделяются на основе определенного аспекта ядерной семантики [Еремина, 2003, с. 48].

Л. В. Глобина отмечает среди черт, присущих ядерным элементам поля, абстрактный характер содержания и широкую сочетаемость, многозначность. Единицы околоядерной зоны характеризуются ею как обладающие невысокой частотностью, но высоким абстрактным значением и широкой системой сочетаемости [Глобина, 1995, с. 8]. С. А. Содикова описывает единицы, составляющие ядро, как стилистически нейтральные и доминирующие [Sodikova, 2015, с. 26]. Схожие идеи находим и у других авторов, например, Г. Н. Кыркбаева убеждена, что центр полевого объединения составляют стилистически нейтральные слова с общим значением. Периферия, напротив, образована элементами с выраженным коннотативным значением [Кыркбаева, 2017, с. 178]. Л. В. Глобина определяет еди-

ницы периферии поля как обладающие конкретным содержанием и членит периферию на 3 части – ближнюю, содержащую высокочастотные единицы с относительно высоким уровнем абстракции; дальнюю, в состав которой входят среднечастотные единицы, дериваты от конституентов ближней периферии и крайнюю, единицы которой обладают низкой частотностью употребления и являются дериватами от конституентов ближней и дальней периферии [Глобина, 1995, с. 8].

Резюмируем вышесказанное: ядро и периферия – компоненты структуры поля, которые единогласно выделяют практически все исследователи. Некоторые склонны дифференцировать в составе поля такой элемент как околоядерная зона и / или членить периферию на три зоны: ближнюю, дальнюю и крайнюю. В рамках данного исследования структура ЛСП представляется как многокомпонентная, в состав которой входят следующие зоны: ядро, околоядерная зона, периферия (ближняя, дальняя и крайняя).

Приведем критерии отнесения единиц лексико-семантического поля к ядру, околоядерной зоне и зонам периферии. Среди критериев, благодаря которым видится целесообразным отнести единицу поля к ядру, выделяются такие как: наличие у нее интегрального семантического компонента для всех составляющих поля, стилистическая нейтральность, абстрактный характер содержания, широкая сочетаемость, возможная многозначность. Критерии отнесения лексической единицы к периферии, следующие: конкретное содержание, возможное наличие коннотативного компонента значения [Кыркбаева, 2017, с. 178–178]. По направлению от ближней периферии к крайней снижается уровень абстрактности лексических единиц и частотность их употребления: единицы ближней периферии – высокочастотные единицы с относительно высоким уровнем абстракции; единицы дальней периферии – среднечастотные единицы, обладающие конкретным содержанием; единицы крайней периферии – единицы с низкой частотностью употребления, характеризующиеся максимально конкретным содержанием [Глобина, 1995, с. 8]. Отнести единицу к околоядерной зоне, на наш взгляд, видится возможным в том случае, если она стилистически нейтральна, содержание ее достаточно абстрактно, однако ее интегральный семантический компонент охватывает не все единицы поля, но все же их значительную часть. Так как ЛСГ – структурные составляющие ЛСП, то критерии отнесения единиц к определенным зонам групп будут практически идентичными, в данном случае изменится только количество анализируемых единиц, их частеречная отнесенность будет одинаковой, а «масштаб» построения объединения будет более детализирован.

Результаты исследования

ЛСП «Ландшафтная архитектура» включает в себя несколько ЛСГ: *Landscape materials (Материалы для ландшафтного строительства); Professions and statuses associated with landscape architecture (Профессии и статусы, связанные с ландшафтной архитектурой); Landscape design-build process (Процесс ландшафтного строительства и дизайна), Zones of landscape object (Зоны ландшафтного объекта), Landscape object's components (Компоненты ландшафтного объекта), Components of landscape constructions (Компоненты ландшафтных конструкций), Recreational facilities (Места отдыха и развлечений), Landscape architecture project (Проект ландшафтной архитектуры), Land forms (Формы рельефа).* Практически каждая ЛСГ содержит подгруппы, которые также делятся на подподгруппы [Kaneeva, Bodnaruk, 2022, с. 3973]. Отметим, что разбить подподгруппы на более мелкие лексические объединения в дальнейшем также представляется возможным.

Рассмотрим ядерно-периферийную семантическую структуру отдельных лексико-семантических групп поля *Landscape architecture (Ландшафтная архитектура)*, а также их подгруппы и подподгруппы соответственно. Представим ЛСГ *Landscape materials*, включающую в себя 3 подгруппы *Organic materials (Органические материалы), Non-organic materials (Неорганические материалы)* и *Slip-resistant materials (Противоскользящие материалы)*. Отобранные лексические единицы *organic materials* и *slip-resistant materials* входят в ядра подгрупп *Organic materials* и *Slip-resistant materials* соответственно, так как обладают интегральными семантическими компонентами для всех членов данных подгрупп, стилистически нейтральны, а характер их содержания довольно абстрактен. Важно отметить, что в то же время названные единицы будут относиться и к единицам ближней периферии самой ЛСГ также благодаря высокому уровню абстракции. Остальные компоненты, называющие ландшафтные материалы, такие как *rubber (каучук / резина), plywood (фанера), glass* (стекло) и т. п. относим к дальней

периферии и ЛСГ, и ее подгрупп соответственно. Однако следует отметить, что единицы *rubber* и *concreate (бетон), wood* (дерево), вероятно, располагаются ближе к границе с ближней периферий благодаря более высокой частотности употребления ввиду того, что представляют собой одни из самых популярных материалов ландшафтного строительства.Более того, единица *rubber*, входя сразу в состав двух подгрупп данной ЛСГ с антонимичными друг другу названиями, *Organic materials* и *Non-organic materials*, характеризуется большей абстрактностью содержания относительно других единиц.

ЛСГ *Professions and statuses associated with landscape architecture* содержит 2 подгруппы с названиями-антонимами – *Non-professionals (Непрофессионалы)* и *Professionals (Профессионалы)*. Лексические единицы *landscape architecture student (студент, обучающийся по направлению «Ландшафтная архитектура»)* и *student designer (студент-дизайнер),* между которыми наблюдаются отношения частичной синонимии, по нашему мнению, относятся к зоне ближней периферии подгруппы *Non-professionals*, так как являются интегральными компонентами для большого количества единиц, однако далеко не для всех (не все непрофессионалы, связанные тем или иным образом со сферой ландшафтной архитектуры – студенты), отметим также присущую данным единицам высокую частность употребления в пределах анализируемой статьи, что характерно для компонентов ближней периферии. Остальные единицы данной ЛСГ, называющие профессии типа *gardener (садовник), structural engineer (инженер-строитель)* и т. п. представляют собой элементы дальней периферии и ЛСГ, и подгруппы *Professionals* соответственно.

ЛСГ *Landscape design-build process* делится на 2 подгруппы *Planning (Проектирование)* и *Realization (Реализация)*. Лексическая единица (*landscape) design process (процесс ландшафтного дизайна)* принадлежит к околоядерной зоне данной ЛСГ, так как содержит интегральный семантический компонент для значительного количества единиц группы. Данная единица также относится к ядру одной из подгрупп группы, а именно – *Planning*. Лексическую единицу *construction (строительство)* относим к околоядерной зоне подгруппы *Realization*, так как данное понятие включает в себя большую часть основных видов работ, выполняемых на этапах реализации ландшафтно-архитектурного проекта. Остальные компоненты ЛСГ – лексические единицы типа *installation (установка), framing (конструирование), assembling (сборка / монтаж / установка)* и т. п. составляют дальнюю периферию ЛСГ ввиду недостаточной абстрактности и средней частотности употребления.

Location (Место расположения) и *Function (Функция)* являются подгруппами ЛСГ *Zones of landscape object*. К области ближней периферии ЛСГ ввиду относительно высокого уровня абстракции относим единицу *lounge area (зона отдыха)*. В данном случае также интересна лексическая единица *the heart of the garden (сердце сада)*, которая представляет собой метафору, а значит, не только содержит помимо прочих еще и коннотативный компонент значения, но и обладает низкой частотностью употребления, так как мы ведем речь о профессиональном дискурсе, что позволяет отнести данную единицу к элементам крайней периферии не только описываемой ЛСГ, но и самого ЛСП. Оставшиеся элементы типа *patio (патио), backyard (задний двор)* относим к компонентам дальней периферии ЛСГ.

Следующая группа, *Landscape object's components*, является самой объемной и содержит пять подгрупп: *Small architectural forms (Малые архитектурные формы), Water objects (Водные объекты), Service zone components (Компоненты сервисной зоны), Vegetation (Растительность), Pathways (Дорожки).* Подгруппа *Small architectural forms*, в свою очередь, содержит подподгруппу *Planters (Емкости для посадки растений),* подгруппа *Service zone components включает в себя* подподгруппу *Machinery (Машины и производственное оборудование)*, а подподгруппа *Vegetation* – подподгруппы *Beds (Клумбы / Цветники), Shrubs (Кустарники), Trees (Деревья) и Lawns (Газоны)*. Лексема *planter* входит в состав ядра подподгруппы *Planters*, как и ее квазисиноним *container (контейнер)*, который, однако, расположен ближе к краю ядерной зоны. Оставшиеся компоненты подгруппы *Small architectural forms* за исключением таких единиц, как *chalkboard (меловая доска) и telescope (телескоп),* относятся к элементам дальней периферии ввиду средней частотности употребления. Компоненты *chalkboard* и *telescope*, вероятно, принадлежат к крайней периферии и подгруппы, и самой ЛСГ ввиду низкой частотности употребления по причине того, что данные предметы в принципе крайне редко используются в качестве малых архитектурных форм ландшафтного объекта.

Одна из самых немногочисленных по своему составу подгрупп – подгруппа *Water objects*. Ее ядро представлено такими единицами, как *water* и *water object*. Единицы вроде *(water) runnel (ручей)* и *lake (озеро)* причисляем к единицам дальней периферии ввиду их более конкретного содержания и средней частотности употребления. Подгруппа *Service zone components* и ее подподгруппа *Machinery* также характеризуются довольно немногочисленным составом и, в нашем случае, представлены только элементами дальней периферии, такими как *(concreate) paver (асфальтоукладчик), backhoe (экскаватор).* Лексемы *path* (дорожка) и *(walking) pathway* (дорожка), представляющие собой пару абсолютных синонимов, входят в ядро подгруппы *Pathways*, а единица *wandering path (тропа странствий),* вероятно, представляет собой элементкрайней периферии и подгруппы, и ЛСГ ввиду наличия выраженного коннотативного компонента значения, нехарактерного для профессионального дискурса, который реализуется благодаря прилагательному «wandering» («блуждающий / странствующий»).

Каждая из подподгрупп подгруппы *Vegetation: Beds, Shrubs, Trees и Lawns* содержит как минимум по одному ядерному компоненту соответственно *bed; shrub; tree; lawn и herbs (травяной покров).* Такую лексическую единицу как *plant (растение)* видится возможным определить как элемент ядра данной ЛСГ. Лексема *vegetables (овощные культуры),* в свою очередь, относится к элементам ближней периферии и подгруппы *Shrubs*, и ЛСГ ввиду своей высокочастотности и достаточно высокого уровня абстракции. Единиц периферии данной подгруппы было определено сравнительно немного, среди них *Japanese maple (японский клен), vine (виноградная лоза)* и т. п.

ЛСГ *Components of landscape constructions* в исследованном материале представлена только элементами дальней периферии, среди которых лексемы *roof(top) (крыша), wall (стена), beam (балка/брус)* располагаются ближе остальных к границе с ближней периферией ввиду довольно высокой частотности их употребления.

Ядро ЛСГ *Recreational facilities* содержит в качестве компонента единицу *recreational facilities, ядро* ее подгруппы *Gardens (Сады)* представлено лексемой *garden* соответственно. И подгруппа, и сама ЛСГ представлены равномерно расположенными элементами дальней периферии, называющими существующие виды садов, например, *rain garden (дождевой сад), urban rooftop garden (городской сад на крыше)* и т.п.

Предпоследняя из проанализированных ЛСГ, *Landscape architecture project,* содержит подгруппу *Documents* (Документы). Лексическая единица (*landscape architecture*) *projec*t относится к области ядра данной группы. Следует отметить, что ввиду наличия большого количества единиц с семантическим компонентом «plan» (план) видится целесообразным выделить внутри подгруппы *Documents* подподгруппу *Plans,* ядро которой содержит высокочастотную абстрактную единицу с высокой сочетаемостью *plan.* В таком случае дальняя периферия данной подгруппы, подподгруппы и данной ЛСГ будет представлена единицами типа *illustrative plan (иллюстрированный план), master plan (генеральный план), planting plan (план посадок)* и т. п. Отметим также, что название существующей подгруппы *Planning* ЛСГ *Landscape design-build process* представляет собой дериват от названия выделенной подподгруппы *Plan,* что свидетельствует о близком расположении данных объединений и, следовательно, их единиц относительно друг друга. Также интересна единица *construction documents (строительная документация),* расположенная и в области ближней периферии данной ЛСГ, и в околоядерной зоне подгруппы *Documents,* и обладающая относительно высоким уровнем абстракции, характеризующаяся высокой частотностью употребления.

Последняя из выделенных ЛСГ, *Land forms,* также немногочисленна по своему составу и не содержит дифференцированных подгрупп и подподгрупп в исследованном нами языковом материале. Ядру ЛСГ принадлежит лексическая единица *landscape (ландшафт),* так как данная лексическая единица является абсолютным синонимом понятия «land form» и также выступает интегральным компонентом для всех составляющих данной ЛСГ. Посредством сплошной выборки были выявлены только две единицы, относящиеся к периферии группы – *water* и *mountain (гора / возвышенность).* Данные единицы, вероятно, составляют дальнюю периферию ЛСГ ввиду средней частотности употребления и недостаточно абстрактного для ядерной зоны характера. Напомним, что единица *water* также входит в ядро подгруппы *Water object* ЛСГ *Landscape object's components,* что свидетельствует о наличии значительной области пересечения данных двух ЛСГ.

Отметим также, что среди отобранных нами единиц только одна – *landscape architecture (ландшафтная архитектура)* принадлежит к ядру исследуемого поля, следовательно, только 0,8 % всех отобранных единиц располагаются в ядерной зоне ЛСП. Все остальные единицы локализуются на его ближней, дальней и крайней зонах периферии. Причем распределение элементов по периферии реализуется крайне неравномерно: только 4 единицы или 3,3 % от общего числа анализируемых единиц находятся в области крайней периферии поля, а дальняя периферия, в свою очередь, насчитывает 177 единиц или 95,9 % от общего числа единиц. Ближняя периферия и околоядерная зона поля остаются абсолютно незаполненными (таблица 1, строка 1).

Таблица 1

Наполненность зон ЛСП «Ландшафтная архитектура» и его ЛСГ в процентном соотношении

Название ЛСП/ЛСГ	**Наполненность зон ЛСП *Landscape architecture* и его ЛСГ в % (процент высчитывается от общего кол-ва единиц в каждом объединении)**				
	Ядро	Околоядерная зона	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Крайняя периферия
1 ЛСП *Landscape architecture*	0,8 %	0 %	0 %	95,9 %	3,3 %
2 ЛСГ *Landscape materials*	0 %	0 %	18,2 %	81,8 %	0 %
3 ЛСГ *Professions and statuses associated with landscape architecture*	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %
4 ЛСГ *Landscape design-build process*	0 %	3,34 %	0 %	96,66 %	0 %
5 ЛСГ *Zones of landscape object*	0 %	0 %	14,3 %	71,4 %	14,3 %
6 ЛСГ *Landscape object's components*	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %
7 ЛСГ *Components of landscape constructions*	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %
8 ЛСГ *Recreational facilities*	11,1 %	0 %	0 %	88,9 %	0 %
9 ЛСГ *Landscape architecture project*	6,25 %	0 %	6,25 %	93,75 %	0 %
10 ЛСГ *Land forms*	50 %	0 %	0 %	50 %	0 %

Интересно то, что подобное неравномерное распределение компонентов по зонам характерно для практически каждой ЛСГ поля. Как правило, на область ядра ЛСГ приходится 0–11,1 % от общего количества единиц ЛСГ, исключение составляет ЛСГ *Land forms*, где данный показатель достигает 50 % (таблица 1, столбец 2). Околоядерная зона групп также в основном остается полностью незаполненной, только у ЛСГ *Landscape design-build process* присутствуют единицы в данной области и их количество составляет 3,34 % от общего числа единиц ЛСГ (таблица 1, столбец 3). Показатели наполненности ближней периферии ЛСГ чуть выше – 0–18,2 % от общего числа единиц каждой ЛСГ (таблица 1, столбец 4). Дальняя периферия представляет собой самый заполненный сегмент практически во всех ЛСГ, показатель ее наполненности колеблется от 50 % до 100 % (таблица 1, столбец 5). Крайняя периферия ЛСГ также в основном остается незаполненной с показателем наполненности 0–14,3 % (таблица 1, столбец 6).

Анализ наполненности зон подгрупп ЛСГ и их подподгрупп также показал высокую концентрацию лексических единиц в области дальней периферии объединений в ущерб наполненности ядра, околоядерной зоны, областей ближней и крайней периферии. В качестве исключения можно отметить подгруппу *Pathways*, принадлежащую ЛСГ *Landscape object's components*, где 40 % всех единиц локализуется в области ядра, еще 40 % – в области крайней периферии, оставшиеся 20 % располагаются в области дальней периферии (таблица 2, строка 6). Подподгруппа *Planters* этой же ЛСГ единственная отличается концентрацией всех единиц в ядерной зоне (таблица 2, строка 2).

Таблица 2

Наполненность подгрупп и подподгрупп ЛСГ *Landscape object's components* в процентном соотношении

Название (под)подгруппы	**Наполненность зон подгрупп и подподгрупп ЛСГ *Landscape object's components* в % (процент высчитывается от общего кол-ва единиц в каждом объединении)**				
	Ядро	Околоядерная зона	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Крайняя периферия
1 Подгруппа *Small architectural forms*	0 %	0 %	0 %	90 %	10 %
2 Подподгруппа *Planters*	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %
3 Подгруппа *Water objects*	50 %	0 %	0 %	50 %	0 %
4 Подгруппа *Service zone components*	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %
5 Подподгруппа *Machinery*	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %
6 Подгруппа *Pathways*	40 %	0 %	0 %	20 %	40 %
7 Подгруппа *Vegetation*	0 %	8,3 %	0 %	92,7 %	0%
8 Подподгруппа *Beds*	50 %	0 %	0 %	50 %	0 %
9 Подподгруппа *Shrubs*	33,33 %	0 %	33,33 %	33,33 %	0 %
10 Подподгруппа *Trees*	50 %	0 %	0 %	50 %	0 %
11 Подподгруппа *Lawns*	66,67 %	0 %	0 %	33,33 %	0 %

Интересная дифференциация наблюдается также в подподгруппах подгруппы *Vegetation* этой же ЛСГ, для которых характерна большая наполненность ядерной зоны: в подподгруппах *Beds* и *Trees* 50 % всех единиц данных групп приходятся на область ядра, остальные 50 % – на область дальней периферии (таблица 2, строки 8 и 10); в подподгруппе *Lawns* 66,67 % всех единиц располагаются в зоне ядра, оставшиеся 33,33 % – в области дальней периферии (таблица 2, строка 11); в подподгруппе *Shrubs* 33,33 % всех единиц – единицы зоны ядра,33,33 % – единицы ближней периферии и33,33 % – единицы дальней периферии (таблица 2, строка 9). Аналогичная ситуация наблюдается в еще одной подгруппе данной ЛСГ, *Water objects*, где 50 % всех единиц расположены в зоне ядра и оставшиеся 50 % располагаются в зоне периферии (таблица 2, строка 3).

Таким образом, в рамках данного исследования был проведен анализ ЛСП «Ландшафтная архитектура», была определена структура данного поля. Проанализированные лексические единицы были распределены по зонам поля, включая принадлежащие ему ЛСГ, а также их подгруппы и подподгруппы.

Заключение

Согласно результатам исследования, структура ЛСП «Ландшафтная архитектура» содержит следующие компоненты: ядро, околоядерную зону и периферию, которая, в свою очередь, делится на ближнюю периферию, дальнюю периферию и крайнюю периферию.

Распределение лексических единиц по данным зонам осуществлялось на основе следующих критериев: наличие / отсутствие интегрального семантического компонента для всех составляющих объединения (поля, группы, подгруппы, подподгруппы), абстрактность / конкретность характера содержания, свободная / ограниченная сочетаемость, наличие / отсутствие коннотативного компонента значения.

Локализация единиц в ЛСП «Ландшафтная архитектура» и практически во всех его структурных подразделениях – группах, подгруппах и подподгруппах – крайне неравномерна и разрозненна. Практически во всех объединениях количество единиц дальней периферии значительно преобладает над количеством единиц других зон. Исключение составляют лексико-семантические объединения, которые входят в ЛСГ *Landscape object's components:* подгруппы *Pathways u Water objects;* подподгруппы *Planters, Beds, Trees, Lawns, Shrubs,* область ядра которых характеризуется большей наполненностью.

Отметим, что единицы, характеризующиеся наличием коннотативного компонента значения, вопреки распространенному мнению, все же не чужды и профессиональному англоязычному дискурсу ландшафтной архитектуры, хотя и встречаются в нем не часто, локализуясь в зоне крайней периферии поля и в зоне крайней периферии его более мелких объединений.

Следует отметить, что существуют перспективы дальнейшего исследования данной темы. Перечень структурных объединений ЛСП «Ландшафтная архитектура» может быть суще-

ственно расширен, так же как и состав ЛСГ поля, его подгрупп и подподгрупп может быть значительно пополнен путем анализа лексических единиц ландшафтной архитектурыиз иных источников, принадлежащих к профессиональному англоязычному дискурсу ландшафтной архитектуры, что повысит информативность и точность результатов.

Библиографический список

1. Глобина Л. В. Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1995. 18 с.

2. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. Москва : Русский язык, 1980. 253 с.

3. Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2003. 253 с.

4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. Москва : Наука, 1976. 355 с.

5. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 4 (11). С. 173–178.

6. Кыркбаева Г. Н. Структурные особенности понятий «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле» // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12. С. 176–178.

7. Медведева Н. А. Анализ лексико-семантической группы слов (композитов) с общим компонентом «фитнес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2017. № 10 (76): в 3-х ч. ч. 2. С. 115–119. URL: http://www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/33.html (дата обращения: 18.07.2021).

8. Петерс Л. П., Филатова Н. И. К вопросу о лексико-семантическом поле «пища» в испанском языке // Университетские чтения – 2015: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет. 2015. С. 77–81.

9. Полянчук О. Б., Моторина Д. С. Структура семантического поля «море» на материале французского языка // Студенческая научная сессия – 2020. Секция: Семантические исследования. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2020. С. 43–54.

10. Романова Т. В., Хоменко А. Ю. Функционирование элементов семантического поля *социальная значимость* в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 49–73.

11. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Москва : Наука, 1982. № 8. С. 227–239.

12. Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (54). С. 185–189. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike (дата обращения: 13.09.2021).

13. Bolshakova V. R. Lexical-semantic groups ‘Mountain’ and ‘Sky’ in Chinese poetry and their English and Russian translations (based on Maozedon’s poetry) // Современные исследования социальных проблем. Языкознание. 2020. Т. 12. № 4. С. 14–26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike (дата обращения: 03.02.2023).

14. Boran G. Semantic fields and EFL/ESL teaching // International Online Journal of Education and Teaching (IOJET). 2018. № 5(2), P. 391–399. http://iojet.org/index.php/IOJET/article/view/359/242 (дата обращения: 03.02.2023).

15. Changhong G. The Application of the Semantic Field Theory in College English Vocabulary Instruction // Chinese Journal of Applied Linguistics Linguistics. 2010. № 33 (3), P. 50–63.

16. Gliozzo A., Strapparava C. Semantic Domains in Computational Linguistics.Dordrecht: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2009. P. 131.

17. Harb Mansouri A.N. Semantic field theory and the teaching of English vocabulary, with special reference to Iraqi secondary schools: Thesis … Ph. D. in Linguistics / Ali Nasser Harb Mansouri. London, Leeds, 1985. 560 p.

18. Kaneeva A. S., Bodnaruk E. V. Organization and semantic relations within the lexico-semantic field “landscape architecture” (by the material of the english language) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. №12. С. 3970–3975. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organization-and-semantic-relations-within-the-lexico-semantic-field-landscape-architecture-by-the-material-of-the-english-language (дата обращения: 16.01.2023).

19. Kasymova O. P. Language models in Russian linguistics // Liberal Arts in Russia. 2017. Vol. 6. № 2. P. 165–173. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/language-models-in-russian-linguistics (дата обращения: 16.11.2021).

20. Landscape Architecture Magazine: official site. New York. URL: https://landscapearchitecturemagazine.org/

21. Lehrer A. The influence of semantic fields on semantic change // Historical Semantics, Historical Word-Formation. Series: Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, New York, Amsterdam. 1985. P. 283–296

22. Nordquist R. What is Semantic Field Analysis // ThoughtCo. 2020. URL:thoughtco.com/semantic-field-analysis-1691935

23. Romanyuk M. Y. Comparative modelling of lexico-semantic fields of fear in Russian and English languages// European Proceeding of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. European Publisher. 2020. Vol. 83. P. 575–582.

24. Sodikova S.A. Lexical-semantic group of ideographical dictionary // Science and World. 2015. № 8–2 (24). P. 24–26. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23926090

25. Winterbottom D. Landscape of Home, Landscape of Escape. Landscape Architecture Students design and build gardens in health care settings // Landscape Architecture Magazine. Illinois: Classic Garden Ornaments. 2009. № 2. P. 42–53.

Reference list

1. Globina L. V. Leksiko-semanticheskoe pole partitivnoj leksiki v sovremennom russkom jazyke = The Lexical-semantic field of partitive vocabulary in the modern Russian language. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1995. 18 s.

2. Denisov P. N. Leksika russkogo jazyka i principy ee opisanija = Vocabulary of the Russian language and the principles of its description.Moskva : Russkij jazyk, 1980. 253 s.

3. Eremina M. A. Leksiko-semanticheskoe pole «Otnoshenie cheloveka k trudu» v russkih narodnyh govorah: jetnolingvisticheskij aspekt = The lexical-semantic field «Man's attitude to work» in Russian folk dialects: ethnolinguistic aspect. Ekaterinburg : Ural'skij federal'nyj universitet, 2003. 253 s.

4. Karaulov Ju. N. Obshhaja i russkaja ideografija = General and Russian ideography. Moskva : Nauka, 1976. 355 s.

5. Kurenkova T. N. Leksiko-semanticheskoe pole i drugie polja v sovremennoj lingvistike = Lexical-semantic field and other fields in modern linguistics // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva. 2006. № 4 (11). S. 173–178.

6. Kyrkbaeva G. N. Strukturnye osobennosti ponjatij «semanticheskoe pole» i «leksiko-semanticheskoe pole» = Structural characteristics of the concepts of «semantic field» and «lexical-semantic field» // Nauka, novye tehnologii i innovacii Kyrgyzstana. 2017. № 12. S. 176–178.

7. Medvedeva N. A. Analiz leksiko-semanticheskoj gruppy slov (kompozitov) s obshhim komponentom «fitnes» = Analysis of lexical-semantic word groups (composites) with a common component «fitness» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota. 2017. № 10 (76): v 3-h ch. ch. 2. C. 115–119. URL: http://www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/33.html (data obrashhenija: 18.07.2021).

8. Peters L. P., Filatova N. I. K voprosu o leksiko-semanticheskom pole «pishha» v ispanskom jazyke = Toward the lexical-semantic field«food» in Spanish // Universitetskie chtenija – 2015: materialy nauchno-metodicheskih chtenij PGLU. Pjatigorsk: Pjatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. 2015. S. 77–81.

9. Poljanchuk O. B., Motorina D. S. Struktura semanticheskogo polja «more» na materiale francuzskogo jazyka = The structure of the semantic field «sea» in French // Studencheskaja nauchnaja sessija – 2020. Sekcija: Semanticheskie issledovanija. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 43–54.

10. Romanova T. V., Homenko A. Ju. Funkcionirovanie jelementov semanticheskogo polja social'naja znachimost' v russkom i anglijskom jazykah po dannym slovarnyh i korpusnyh istochnikov = Functioning of the elements in the semantic field «social significance» in Russian and English according to the data of dictionary and corpus sources // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2020. T. 17. № 1. S. 49–73.

11. Filin F. P. O leksiko-semanticheskih gruppah slov = On lexical-semantic groups of words // Ocherki po teorii jazykoznanija. Moskva : Nauka, 1982. № 8. S. 227–239.

12. Jegamnazarov H. H. O ponjatii leksiko-semanticheskogo polja v lingvistike = On the concept of a lexical-semantic field in linguistics // Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2018. № 1 (54). S. 185–189. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike (data obrashhenija: 13.09.2021).

13. Bolshakova V. R. Lexical-semantic groups ‘Mountain’ and ‘Sky’ in Chinese poetry and their English and Russian translations (based on Maozedon’s poetry) // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. Jazykoznanie. 2020. T. 12. № 4. C. 14–26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike (data obrashhenija: 03.02.2023).

14. Boran G. Semantic fields and EFL/ESL teaching // International Online Journal of Education and Teaching (IOJET). 2018. № 5(2), P. 391–399. http://iojet.org/index.php/IOJET/article/view/359/242 (data obrashhenija: 03.02.2023).

15. Changhong G. The Application of the Semantic Field Theory in College English Vocabulary Instruction // Chinese Journal of Applied Linguistics Linguistics. 2010. № 33 (3), P. 50–63.

16. Gliozzo A., Strapparava C. Semantic Domains in Computational Linguistics.Dordrecht: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2009. P. 131.

17. Harb Mansouri A.N. Semantic field theory and the teaching of English vocabulary, with special reference to Iraqi secondary schools: Thesis … Ph. D. in Linguistics / Ali Nasser Harb Mansouri. London, Leeds, 1985. 560 p.

18. Kaneeva A. S., Bodnaruk E. V. Organization and semantic relations within the lexico-semantic field “landscape architecture” (by the material of the english language) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. №12. S. 3970–3975. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organization-and-semantic-relations-within-the-lexico-semantic-field-

landscape-architecture-by-the-material-of-the-english-language (data obrashhenija: 16.01.2023).

19. Kasymova O. P. Language models in Russian linguistics // Liberal Arts in Russia. 2017. Vol. 6. № 2. P. 165–173. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/language-models-in-russian-linguistics (data obrashhenija: 16.11.2021).

20. Landscape Architecture Magazine: official site. New York. URL: https://landscapearchitecturemagazine.org/

21. Lehrer A. The influence of semantic fields on semantic change // Historical Semantics, Historical Word-Formation. Series: Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, New York, Amsterdam. 1985. P. 283–296

22. Nordquist R. What is Semantic Field Analysis // ThoughtCo. 2020. URL:thoughtco.com/semantic-field-analysis-1691935

23. Romanyuk M. Y. Comparative modelling of lexico-semantic fields of fear in Russian and English languages// European Proceeding of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. European Publisher. 2020. Vol. 83. P. 575–582.

24. Sodikova S.A. Lexical-semantic group of ideographical dictionary // Science and World. 2015. № 8–2 (24). P. 24–26. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23926090

25. Winterbottom D. Landscape of Home, Landscape of Escape. Landscape Architecture Students design and build gardens in health care settings // Landscape Architecture Magazine. Illinois: Classic Garden Ornaments. 2009. № 2. P. 42–53.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 22.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.112.2’373: 616.31
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_140
EDN: SOMTOD

Источники возникновения терминов-антонимов в немецком стоматологическом дискурсе

Юлия Валериевна Плоцкая
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный медицинский университет. 644099, г. Омск, ул. Ленина, д. 12
inconnue1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0583-638X

Аннотация. Стремительное развитие науки и техники в настоящее время влечёт за собой развитие терминологий различных областей. Стоматология представляет собой одну из наиболее быстро обновляющихся областей медицины, соответственно обслуживающая её терминология непрерывно пополняется и обогащается. Терминология представляет собой часть языка, поэтому ей присущи все процессы и явления, происходящие в языке. Явление антонимии – это один из лексико-семантических процессов, показывающих системность исследуемой терминологии. В статье рассматриваются проблемы антонимии в немецкой терминологии стоматологии. Актуальность темы обусловлена наличием открытых дискуссионных вопросов, касающихся правомерности использования терминов-антонимов в терминологии вообще и медицинской терминологии в частности.

Цель статьи состоит в выявлении и подробном анализе источников возникновения антонимии в немецком стоматологическом дискурсе.

В работе проведена классификация терминов-антонимов, функционирующих в исследуемой терминологии. Классификация составлена на основе существующих ранее и адаптирована к немецкой стоматологической терминологии. Исследование показало, что наиболее широко в исследуемой терминологии представлены комплементарные антонимические термины, примерно одинаковую долю составляют контрадикторныеи контрарные термины-антонимы, конверсивные антонимичные термины встречаются достаточно редко.

При проведении исследования были использованы описательный и статистический методы.

В результате тщательного анализа фактического материала автору удалось выявить, что явление антонимии – это один из лексико-семантических процессов, показывающих системность исследуемой терминологии. Антонимия представляет собой один из важных факторов упорядочения и систематизации терминологической системы. Завершая данную работу, автор высказывает предположение, что использование терминов-антонимов расширяет и углубляет профессиональную картину специалиста-стоматолога.

Ключевые слова немецкая стоматологическая терминология; антонимия; терминогенез; подъязык медицины; противопоставление

Для цитирования: Плоцкая Ю. В. Источники возникновения терминов-антонимов в немецком стоматологическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 140–147. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_140. https://elibrary.ru/SOMTOD

Original article

Sources of antonyms in german dentistry discourse

Julia V. Plotskaya
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of foreign languages, Omsk state medical university. 644099, Omsk, Lenin st., 12
inconnue1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0583-638X

Abstract. The rapid development of science and technology nowadays entails the development of terminology in various fields. Dentistry is one of the fastest growing areas of medicine, and the terminology that serves it is constantly updated and enriched. Terminology is part of any language, so it shares all the processes and phenomena that occur in a language. The phenomenon of antonymy is one of the lexical-semantic processes that shows the consistency of the terminology under study. This article examines the problems of antonymy in german dentistry terminology.The relevance of the topic is due to the fact that there are ongoing debates regarding the legitimacy of the use of antonyms in termi-

© Плоцкая Ю. В., 2023

nology in general and in medical terminology in particular.

The purpose of the article is to identify and analyze in detail the sources of antonymy in german dentistry discourse.

This paper classifies the terms-antonyms that function in the terminology under examination. The classification is based on the existing ones and adapted to the german dental terminology. The study shows that the most widely represented in the terminology are complementary antonymous terms; approximately the same proportion is made up of contradictory and counter-antonymous terms, whereas converse antonymous terms are quite rare.

The study uses descriptive and statistical methods.

As a result of a thorough analysis of the factual material, the author was able to reveal that the phenomenon of antonymy is one of the lexical-semantic processes that show the systemic nature of the terminology under study. Antonymy is an important factor in sorting and systematizing the terminological system. In conclusion, the author suggests that the use of terms – antonyms expands and deepens the professional image of the dentist.

Key words: german dentistry terminology; antonymy; terminogenesis; medical sublanguage; opposition

For citation: Plotskaya Yu. V. Sources of antonyms in german dentistry discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):140–147. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_140. https://elibrary.ru/SOMTOD

Введение

Отношения между терминологией и семантикой противоречивы. Дискуссии о роли и месте антонимов в терминологии ведутся и в настоящее время. Однозначности терминов всегда придавалось большое значение, но в последние годы всё чаще обсуждаются различные отношения между терминами, явления синонимии, антонимии, полисемии и так далее. Медицина не является исключением, хотя она прилагает все усилия для соблюдения принципа международной однородности своей терминологии, что подтверждается Международной анатомической номенклатурой, а также правилами формирования терминов этой науки [Плоцкая, 2022, с. 170]. Проблеме антонимии в языке в целом и в терминологии различных отраслей медицины в частности посвящено большое количество исследований: В. Ф. Новодранова проанализировала концепты и антиконцепты в медицинской терминологии [Новодранова, 2007]; Ж. Багана и С. М. Величкова выявили разновидности терминов-антонимов в немецкой медицинской терминосистеме [Багана, 2012]; Я. В. Разводовская рассмотрела антонимичные отношения медицинских терминов в сфере репродуктологии [Разводовская, 2013]; А. Э. Буженинов провёл исследование соотношения концепта и антиконцепта в гомеопатической терминологии [Буженинов, 2017]; Д. М. Вольфберг определил роль аффиксации и словосложения в образовании антонимов в английской медицинской терминологии [Вольфберг, 2018].

Многие учёные придерживаются точки зрения о достаточно широком распространении явления антонимии в терминологии. В. П. Даниленко считает, что данное явление свойственно языку науки в большей степени, чем общелитературному языку [Даниленко, 1977, с. 79]. Такого же мнения придерживается В. Ф. Новодранова, определяя механизм противопоставления как один из механизмов, организующих термины в терминосистему [Новодранова, 1996, с. 50]. Эту точку зрения разделяет Н. З. Котелова, отмечая, что противопоставление понятий представляет собой элемент научного описания объектов. Противоположные понятия, являясь точкой отсчёта, позволяют измерять явления, признаки, качества [Котелова, 2015, с. 25].

Ю. В. Сложеникина утверждает, что «наличие слов с противоположным значением характерно как для общеупотребительной лексики, так и для узкоспециальной», подчёркивая при этом, что «пара терминологических антонимов может не совпадать с терминологической парадигмой в общелитературном языке, так как предел противопоставления терминов задаётся параметрами терминологического поля, в котором они функционируют» [Сложеникина, 2016, с. 54–55]. Сравнивая отношения синонимии, антонимии и гипонимии в терминологии, С. Бербински подчёркивает, что они испытывают разную степень актуализации в специализированном дискурсе, так как они крайне редко встречаются в отношении абсолютного соответствия (эквивалентности, противопоставления, включения). Учёный называет антонимию «настоящей загадкой терминологии», так как, по её мнению, антонимия – наиболее трудно находимое отношение в специализированном дискурсе, учитывая особенность терминологических единиц не следовать простой схеме образования, свойственной естественному языку, и называть объекты дискурса, оппозиции которых устанавливаются не между лексемами языка, а между функциональными понятиями в специализированных дискурсах по конкретным

областям [Berbinski, 2016, p. 60–62] *(здесь и далее перевод автора статьи)*. П. Амсили обращает особое внимание на предосторожности при внесении в терминологию лексического отношения антонимии, обусловленные неоднозначностью этого понятия в лексикологии [Amsili, 2003].

Описывая явление антонимии в языке, Р. Остра отмечает: «Антонимия является одним из проявлений тенденции к дихотомии, то есть тенденции, которая заставляет человека мыслить в противоположных терминах и классифицировать опыт в терминах бинарных контрастов» [Ostra, 1987, p. 11]. По мнению Л. Депекера, «антонимия охватывает в терминологии, по крайней мере, два типа логических отношений: противоположное и противоречащее. Противоположное отношение логически основано на операторе инверсии: одно предложение может противоречить другому. Отношение противоречия основано в логике на том факте, что предложение либо истинно, либо ложно. Таким образом, мы замечаем, что антонимия охватывает в обычном для лингвистики употреблении отношения различной оппозиции» [Depecker, 2000, p. 112]. Л. Депекер подчёркивает важность исследования антонимов в терминографической работе, так как оно способствует структурированию понятий в том виде, в каком они обозначаются в языке, и объединению соответствующих им обозначений в разных языках [Depecker, 2002, p. 137].

С. Бербински выделяет следующие факторы, обусловливающие возникновение антонимии в языке для специальных целей:

– принадлежность к одной области действия противопоставленных терминов;

– уникальность по отношению к обозначенному специализированному понятию;

– принадлежность к одному и тому же гипероними;

– устойчивость в отношениях между лексической единицей и смысловым содержанием;

– неизменность контекста актуализации (фразеология);

– противопоставление хотя бы по одной семе;

– взаимозаменяемость противоположных терминов в одном и том же контексте [Berbinski, 2016, p. 64–65]. По утверждению Н. С. Шарафутдиновой, появление какого-либо понятия в науке влечёт за собой возникновение антонимичного понятия [Шарафутдинова, 2016, с. 119].

Классификация терминов-антонимов

В данном исследовании за основу взята классификация антонимов, предложенная В. А. Татариновым [Татаринов, 2006, с. 16–18]. Учёный выделяет следующие типы антонимов: контрадикторный, контрарный, комплементарный и конверсивный.

Контрадикторные антонимы противопоставляют наличие / отрицание свойства или признака. Например, wurzelkanalbehandelte Zähne – nicht-wurzelkanalbehandelte Zähne (зубы с пролеченным корневым каналом – зубы с непролеченным корневым каналом); Edelmetalllegierung – Nichtedelmetalllegierung (сплав драгоценных металлов – сплав недрагоценных металлов); mit Skalpell – ohne Skalpell (с применением скальпеля – без применения скальпеля).

«Im Fall von Fritz Hieninger setzt die Implantologie *ohne Skalpell* ein hohes technisches Niveau und erhebliche Investitionen voraus» [Gommel, 2015, s. 14]. В случае Фрица Хайнингера имплантология без скальпеля требует высокого уровня технологий и значительных инвестиций.

«Die Inzision erfolgt stets *mit Skalpell,* eventuell mit Stanzen, niemals jedoch mit dem Elektrokauter» [Watzek, 2000, s. 137]. Разрез всегда делается скальпелем, возможно, с помощью давления, но никогда при помощи электрокаутера.

Сущность **контрарных антонимов** заключается в том, что их ряды не ограничиваются крайними членами. Характерная особенность этого типа антонимов заключается в возможности существования терминологических пробелов, которые могут быть заполнены новыми терминами. Например, oberflächliche Läsion – mittlere Läsion – tiefe Läsion (поверхностное поражение – среднее поражение – глубокое поражение); distaler Biss – tiefer Biss – offener Biss (дистальный прикус – глубокий прикус – открытый прикус); abnehmbare Brücke – kombinierte Brücke – feste Brücke (съёмный мостовидный протез – комбинированный мостовидный протез – несъёмный мостовидный протез).

«Wiederherstellung des ganzen Zahnbogens des Oberkiefers durch die kombinierte Anwendung einer *festen und einer abnehmbaren Brücke*» [Bruhn, 2013, s. 756]. Восстановление полного свода верхней челюсти за счёт комбинированного использования несъёмного и съёмного мостовидного протеза.

«Die kombinierten Brücken (nach Riechelmann) in situ» [Bruhn, 2013, s. 752]. Комбинированные мосты (по Рихельману) in situ.

Комплементарные антонимы возникают при наличии так называемого *относительного термина*. В комплементарных терминах одно понятие как бы влечёт за собой другое понятие, но не отрицает его существования. Например, Bukkalseite – Labialseite (щёчная поверхность (зуба) – губная поверхность (зуба)); absolute Kontraindikationen – relative Kontraindikationen (абсолютные противопоказания – относительные противопоказания); invasive Implantation – minimalinvasive Implantation (инвазивная имплантация – минимально инвазивная имплантация).

«Relevante Werte: INR 2,5 = Grenze für einen *invasiven* zahnärztlichen *Eingriff*» [Lipp, 1997, s. 112]. Соответствующие значения: МНО (Международное нормализованное отношение) 2,5 = предел для инвазивной стоматологической процедуры.

«In jedem Fall muss darauf geachtet werden, mit einem möglichst *minimalinvasiven Eingriff* das Maximum an Information zu erhalten» [Mollen, 2016, s. 185]. В любом случае необходимо позаботиться о том, чтобы получить максимальное количество информации с помощью минимально инвазивной процедуры.

Конверсивные антонимы выражают противоположно направленные свойства. Например, Makrogenie – Mikrogenie (макрогения, увеличенные размеры нижней челюсти – микрогения, уменьшенные размеры нижней челюсти); obere Eckzahn – untere Eckzahn (верхний клык – нижний клык); mandibulären Schneidekanal – maxillären Schneidekanal (нижнечелюстной резцовый канал – верхнечелюстной резцовый канал).

«Okklusionstypen: Klasse I: Der *obere Eckzahn* greift zwischen unteren 1. Premolar und *unteren Eckzahn*» [Ricken, 2004, s. 71]. Типы прикуса: Класс I: верхний клык входит в зацепление между нижним 1-м премоляром и нижним клыком.

Исследование фактического материала (1318 терминов-антонимов) позволило получить следующие результаты: контрадикторные антонимы составляют 24 % (304 терминоединиц, далее ТЭ), контрарные термины-антонимы – 28 % (367 ТЕ), комплементарные антонимические термины – 37 % (489 ТЕ) и конверсивные термины – 11 % (158 ТЕ).

Анализ возникновения источников антонимии

Н. С. Шарафутдинова выделяет несколько источников возникновения антонимов в авиационной терминологии [Шарафутдинова, 2016, с. 129–132]. На основании предложенной классификации были выявлены следующие источники появления антонимичных пар в немецкой стоматологической терминологии:

1. Противопоставление с помощью парных противоположных приставок: **Hyper**mineralisation der Zähne – **Hypo**mineralisation der Zähne (гиперминерализация зубов – гипоминерализация зубов); **Auf**bau des Kollagens – **Ab**bau des Kollagens (формирование коллагена – распад коллагена); **ab**steigende Gaumenschlagader – **auf**steigende Gaumenschlagader (нисходящая нёбная артерия – восходящая нёбная артерия).

«Den *Aufbau des Kollagens* möchte ich im folgenden im von der Mikrostruktur ausgehend beschreiben» [Van den Berg, 2003, S. 19]. Ниже я хотел бы описать структуру коллагена, начиная с микроструктуры.

«Der *Abbau des Kollagens* erfolgt deutlich leichter, wenn zuerst die oberflächig liegenden Proteoglykane und Glykosaminoglykane abgebaut wurden» [Van den Berg, 2003, s. 28]. Расщепление коллагена происходит намного легче, если сначала расщепляются поверхностные протеогликаны и гликозаминогликаны.

2. Противопоставление при помощи добавления приставки к одному из терминов: Indikationen – **Kontra**indikationen (показания – противопоказания); normaler Biss – **ab**normaler Biss (правильный прикус – неправильный прикус); direkter Zahnbruch – **in**direkter Zahnbruch (прямой перелом зуба – непрямой перелом зуба).

«Etwas überraschend ist, dass die *indirekten Kompositrestaurationen* nicht besser abschnitten als die *direkten Kompositarbeiten*, während die Keramikrestaurationen mit Amalgam und direkten Kompositen vergleichbar waren» [Schmidseder, 1998, s. 101]. Неожиданно, что непрямые композитные реставрации не показали лучших результатов, чем прямые композитные реставрации, в то время как керамические реставрации были сопоставимы с амальгамой и прямыми композитами.

3. Противопоставление с помощью отрицательного суффикса: kariöser Hohlraum – karies**frei** Hohlraum (кариозная полость – полость без кариеса); zuckerhaltige Produkt – zucker**frei**es Produkt (сахаросодержащий продукт – продукт без содержания сахара); farbige Zahnkrone – farb**los**e Zahnkrone (цветная коронка зуба – бесцветная коронка зуба).

«Hier ist es im Sinne Kariesprophylaxe sinnvoll, zahnschonende, *zuckerfreie Produkte* anzubieten anstatt *zuckerhaltige* Bonbons oder Kaugummis» [Roulet, 2002, s. 248]. С точки зрения профилактики кариеса здесь имеет смысл предлагать полезные для зубов продукты без сахара вместо конфет или жевательной резинки, содержащей сахар.

4. Противопоставление с помощью отрицательной частицы: trennbare Teile – **un**trennbare Teile(отделяемые части – неотделяемые части); invasive Eingriffe – **nicht**-invasive Eingriffe (инвазивное вмешательство – неинвазивное вмешательство); herausnehmbare Prothese – **nicht** abnehmbare Prothese (съёмный зубной протез – несъёмный зубной протез).

«Dr. Müller diagnostizierte einen völlig insuffizienten Zahnersatz auf 15, 12, 11, 21, 23 und 27 (Abb. 1), *nicht abnehmbar* und verschraub, der weder funktionell noch ästhetisch akzeptabel war» [Ernst, 2004, s. 123]. Доктор Мюллер диагностировал полностью недостаточный протез на 15, 12, 11, 21, 23 и 27, несъёмный и с винтовой фиксацией, который не был ни функционально, ни эстетически приемлемым.

5. Противопоставление с помощью предлогов, обозначающих наличие или отсутствие признаков mit и ohne: **mit** Skalpell – **ohne** Skalpell (с помощью скальпеля – без помощи скальпеля); **mit** Imlantate – **ohne** Implantate (с имплантатом – без имплантата); mit Abutment – ohne Abutment (с применением абатмента – без применения абатмента).

«Dieses Rehabilitationskonzept ist in allen Bereichen der Prothetik anwendbar (festsitzend *mit und ohne Implantate*, sowie der Hybrid- und der Totalprothetik)» [Grunert, 2004, s. 11]. Эта концепция реабилитации может быть использована во всех областях протезирования (несъёмное с имплантатами и без них, а также гибридное и тотальное протезирование).

6. Противопоставление пары конституентов в составе сложных терминов и терминологических словосочетаний. Противоположность в таких парах может быть выражена различными частями речи:

– именами существительными: Gelenkbeweglichkeit – Gelenkversteifung (подвижность сустава – неподвижность сустава); Medikamentenverträglichkeit – Medikamentenunverträglichkeit (лекарственная переносимость – лекарственная непереносимость); Hyposalivation – Hypersalivation (пониженное слюнотделение – повышенное слюноотделение).

«Was das Ausmaß der *Gelenkbeweglichkeit* betrifft, so gibt es von der freien Beweglichkeit bis zur vollständigen Einsteifung alle Übergänge. Ankylose: *Gelenkversteifung* durch feste Verbindung (Fusion) der artikulierenden Gelenkflächen» [Krämer, 1998, s. 36]. Что касается степени подвижности суставов, то здесь есть все переходы от свободной подвижности к полной неподвижности. Анкилоз: жёсткость сустава из-за прочного соединения (сращения) сочленяющихся суставных поверхностей.

– именами прилагательными: natürliche Zahn – künstliche Zahn (натуральный зуб – искусственный зуб); festsitzender Zahnersatz – herausnehmbarer Zahnersatz (постоянный зубной протез – съёмный зубной протез); provisorische Füllung – ständige Füllung (временная пломба – постоянная пломба).

«*Festsitzender Zahnersatz* wird im Prinzip wie die eigenen Zähne gereinigt» [Kramer, 2009, s. 94]. Несъёмные протезы в основном чистятся так же, как и свои собственные зубы.

«Art und Umfang des Zahnverlusts bestimmen darüber, ob verloren gegangene Zähne durch eine festsitzende Brückenversorgung oder einen *herausnehmbaren Zahnersatz* ersetzt werden» [Eckelt, 2006, s. 198]. Тип и степень потери зубов определяют, будут ли потерянные зубы заменены несъёмным мостовидным протезом или съёмным протезом.

– числительными: primäre Karies –sekundäre Karies (первичный кариес – вторичный кариес); einarmige Klammer – zweiarmige Klammer (одноплечий кламмер – двуплечий кламмер); einseitige Entzündung – doppelseitige Entzündung (одностороннее воспаление – двустороннее воспаление).

«Die C-Klammer ist eine *einarmige Klammer* aus 0,7 mm starkem, federhartem Draht, die an der Klammerspitze zu einer kleinen Öse geformt wird» [Hohmann, 2012, s. 528]. С-образный кламмер представляет собой кламмер с одним плечом, изготовленный из пружинно-жёсткой проволоки диаметром 0,7 мм, которая образует маленькое ушко на кончике кламмера.

«Die *zweiarmige Klammer*, auch «C – Klammer» genannt , ist der «E – Klammer» schon sehr viel ähnlicher und ist aus einem bukkalen und einem lingualen Klammerarm sowie einem Appendix» [Caesar, 1996, s. 232]. Двуплечий кламмер, также называемый «С-кламмер», гораздо больше по-

хож на «Е-кламмер» и состоит из щёчного и язычного зажимов, а также аппендикса.

Заключение

Явление антонимии – это один из лексико-семантических процессов, показывающих системность исследуемой терминологии. Противопоставление, являясь одним из базовых когнитивных механизмов, позволяет рассмотреть объект с различных точек зрения. Антонимия представляет собой один из важных факторов упорядочения и систематизации терминологической системы. Антонимические пары играют значительную роль в формировании профессиональной языковой картины мира, способствуя её обогащению.

Библиографический список

1. Багана Ж. Антонимия в медицинской терминологии / Ж. Багана, С. М. Величкова // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону : ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2012. № 2 (70). С. 180–182.

2. Буженинов А. Э. Антиконцепт и концепт как структуры различных категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии) // Вестник Кемеровского государственного университета, Кемерово : Издательство Кемеровского государственного университета, 2017. №3 (71). С. 167–171.

3. Вольфберг Д. М. Антонимия в английской медицинской терминологии // Образование в XXI веке: проблемы и перспективы : сборник статей XIII международной научно-практической конференции. Пенза : АННОО «Приволжский Дом знаний», 2018. С. 39–43.

4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. Москва : Наука, 1977. 247 с.

5. Котелова Н.З. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. 276 с.

6. Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Москва, Калуга : Эйдос, 2007. С. 148–155.

7. Новодранова В.Ф. Роль антонимии в организации терминосистемы // Терминоведение / под. ред. В. А. Татаринова. Москва : Московский Лицей, 1996. Вып. 1–3. С. 50–51.

8. Плоцкая Ю. В. Источники возникновения синонимии в немецкой стоматологической терминологии // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2022. №1 (28). С. 169–175.

9. Разводовская Я. В. Антонимия в терминологии языка: на материале лексики репродуктивного здоровья английского, русского и белорусского языков // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. Минск : Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», 2013. № 4 (78). С. 42–45.

10. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Москва : Книжный дом Либроком, 2016. 120 с.

11. Татаринов В. А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. Москва : Московский Лицей, 2006. 528 с.

12. Шарафутдинова Н. С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме. Ульяновск : УлГТУ, 2016. 204 с.

13. Amsili P. L'antonymie en terminologie : quelques remarques / P. Amsili // Terminologie et intelligence artificielle. Strasbourg : Liia-Ensais, 2003. P. 31–41.

14. Berbinski S. Antonymie dans les discours spécialisés / S. Berbinski // Studia universitatis Moldaviae. Seria «stiinte umanistice», 2016. №.4(94). P. 59–72.

15. Bruhn Ch. Die Brückenarbeit / Ch. Bruhn // Zahnärztliche Prothetik. Berlin; Heidelberg : Springer-Verlag, 2013. S. 544–770.

16. Caesar H. H. Die Ausbildung zum Zahntechniker. München : Verlag Neuer Merkur, 1996. 646 S.

17. Depecker L. Entre signe et concept: éléments de terminologie générale. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2002. 198 p.

18. Gommel C. Sei einzigartig – Be different or die // Belächelt. Bekämpft. Beneidet.: Andersdenkende Zahnärzte und ihre Geschichten. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2015. S. 4–32.

19. Grunert I. Synoptische Rehabilitation eines komplexen prothetischen Falles // Implantatprothetik. München : Verlag Neuer Merkur GmbH, 2004.

20. Eckelt U. Grundlagen der zahnärztlich-chirurgischen Diagnostik und Therapie // Einführung in die Zahnmedizin.Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2006. S. 191–202.

21. Ernst K.K. Teamplantalogie // Implantatprothetik. München : Verlag Neuer Merkur GmbH, 2004. S. 123–173.

22. Hohmann A. Lehrbuch der Zahntechnik: Prothetik / A. Hohmann, W. Hielscher. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2012. 424 s.

23. Kramer E. Prophylaxefibel: Grundlagen zur Zahngesundheit. Köln : Deutscher Zahnärzte Verlag, 2009. 175 s.

24. Krämer J. Orthopädie. Berlin : Springer-Verlag, 1998. 534 s.

25. Lipp M. D. W. Notfalltraining für Zahnärzte. Hannover : Schlütersche, 1997. 189 s.

26. Mollen I. Diagnostik / I. Mollen, I. H. Lindenmüller // Die Zunge. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2016. S. 173–197.

27. Ostra R. Structures lexicales et oppositions sémantiques // Etudes romanes de Brno. Brno : Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1987. XVIII/9. P. 9–18.

28. Ricken C. Ganzheitliche Diagnostik des Kiefergelenks und Kieferorthopädie // Therapie von Kiefergelenkschmerzen: ein Behandlungskonzept für Zahnärzte. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2004. 286 s.

29. Roulet J. F. Prophylaxe und Präventivzahnmedizin / J. F. Roulet, S. Zimmer. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2002. 368 s.

30. Schmidseder J. Ästhetische Zahnmedizin. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 1998. 376 s.

31. Van den Berg F. Angewandte Physiologie / F. Van den Berg, J. Cabri. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2003. 311 S.

32. Watzek G. Zahnärztliche Implantate / G. Watzek, G. Mailath-Pokorny // Zahnärztliche Chirurgie. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2000. S. 127–167.

Reference list

1. Bagana Zh. Antonimija v medicinskoj terminologii = Antonymy in medical terminology / Zh. Bagana, S. M. Velichkova // Nauchnaja mysl' Kavkaza. Rostov-na-Donu : FGAOU VO «Juzhnyj federal'nyj universitet», 2012. № 2 (70). S. 180–182.

2. Buzheninov A. Je. Antikoncept i koncept kak struktury razlichnyh kategorij v terminologii (na materiale gomeopaticheskoj terminologii) = Anti-concept and concept as structures of different categories in terminology (on the material of homeopathic terminology) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, Kemerovo : Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. №3 (71). S. 167–171.

3. Vol'fberg D. M. Antonimija v anglijskoj medicinskoj terminologii = Antonymy in English medical terminology // Obrazovanie v XXI veke: problemy i perspektivy : sbornik statej XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza : ANNOO «Privolzhskij Dom znanij», 2018. S. 39–43.

4. Danilenko V. P. Russkaja terminologija: opyt lingvisticheskogo opisanija = Russian terminology: experience of linguistic description.Moskva : Nauka, 1977. 247 s.

5. Kotelova N. Z. Izbrannye raboty = Selected works / Rossijskaja akademija nauk; Institut lingvisticheskih issledovanij. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2015. 276 s.

6. Novodranova V. F. Koncepty i antikoncepty i ih reprezentacija jazykovymi sredstvami = Concepts and anti-concepts and their representation through linguistic means // Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija. Moskva, Kaluga : Jejdos, 2007. S. 148–155.

7. Novodranova V. F. Rol' antonimii v organizacii terminosistemy = The role of antonymy in organizing the term system // Terminovedenie / pod. red. V. A. Tatarinova. Moskva : Moskovskij Licej, 1996. Vyp. 1–3. S. 50–51.

8. Plockaja Ju. V. Istochniki vozniknovenija sinonimii v nemeckoj stomatologicheskoj terminologii = Sources of synonymy in German dental terminology // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2022. №1 (28). S. 169–175.

9. Razvodovskaja Ja. V. Antonimija v terminologii jazyka: na materiale leksiki reproduktivnogo zdorov'ja anglijskogo, russkogo i belorusskogo jazykov = Antonymy in linguistic terminology: on the vocabulary of reproductive health in English, Russian and Belarus // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija 1. Pedagogika. Psihologija. Filologija. Minsk : Uchrezhdenie obrazovanija «Belorusskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Maksima Tanka», 2013. № 4 (78). S. 42–45.

10. Slozhenikina Ju. V. Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina = Basic terminology: Linguistic aspects of the term theory. Moskva : Knizhnyj dom Librokom, 2016. 120 s.

11. Tatarinov V. A. Obshhee terminovedenie. Jenciklopedicheskij slovar' = General terminology. Encyclopedic dictionary. Moskva : Moskovskij Licej, 2006. 528 s.

12. Sharafutdinova N. S. Leksiko-semanticheskie processy v nemeckoj aviacionnoj terminosisteme = Lexical-semantic processes in the German aviation term system.Ul'janovsk : UlGTU, 2016. 204 s.

13. Amsili P. L'antonymie en terminologie : quelques remarques / P. Amsili // Terminologie et intelligence artificielle. Strasbourg : Liia-Ensais, 2003. P. 31–41.

14. Berbinski S. Antonymie dans les discours spécialisés / S. Berbinski // Studia universitatis Moldaviae. Seria «stiinte umanistice», 2016. №.4(94). P. 59–72.

15. Bruhn Ch. Die Brückenarbeit / Ch. Bruhn // Zahnärztliche Prothetik. Berlin; Heidelberg : Springer-Verlag, 2013. S. 544–770.

16. Caesar H. H. Die Ausbildung zum Zahntechniker. München : Verlag Neuer Merkur, 1996. 646 S.

17. Depecker L. Entre signe et concept: éléments de terminologie générale. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2002. 198 p.

18. Gommel C. Sei einzigartig – Be different or die // Belächelt. Bekämpft. Beneidet.: Andersdenkende Zahnärzte und ihre Geschichten. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2015. S. 4–32.

19. Grunert I. Synoptische Rehabilitation eines komplexen prothetischen Falles // Implantatprothetik. München : Verlag Neuer Merkur GmbH, 2004.

20. Eckelt U. Grundlagen der zahnärztlich-chirurgischen Diagnostik und Therapie // Einführung in die Zahnmedizin.Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2006. S. 191–202.

21. Ernst K.K. Teamplantalogie // Implantatprothetik. München : Verlag Neuer Merkur GmbH, 2004. S. 123–173.

22. Hohmann A. Lehrbuch der Zahntechnik: Prothetik / A. Hohmann, W. Hielscher. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2012. 424 s.

23. Kramer E. Prophylaxefibel: Grundlagen zur Zahngesundheit. Köln : Deutscher Zahnärzte Verlag, 2009. 175 s.

24. Krämer J. Orthopädie. Berlin : Springer-Verlag, 1998. 534 s.

25. Lipp M. D. W. Notfalltraining für Zahnärzte. Hannover : Schlütersche, 1997. 189 s.

26. Mollen I. Diagnostik / I. Mollen, I. H. Lindenmüller // Die Zunge. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2016. S. 173–197.

27. Ostra R. Structures lexicales et oppositions sémantiques // Etudes romanes de Brno. Brno : Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1987. XVIII/9. P. 9–18.

28. Ricken C. Ganzheitliche Diagnostik des Kiefergelenks und Kieferorthopädie // Therapie von Kiefergelenkschmerzen: ein Behandlungskonzept für Zahnärzte. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2004. 286 s.

29. Roulet J. F. Prophylaxe und Präventivzahnmedizin / J. F. Roulet, S. Zimmer. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2002. 368 s.

30. Schmidseder J. Ästhetische Zahnmedizin. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 1998. 376 s.

31. Van den Berg F. Angewandte Physiologie / F. Van den Berg, J. Cabri. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2003. 311 s.

32. Watzek G. Zahnärztliche Implantate / G. Watzek, G. Mailath-Pokorny // Zahnärztliche Chirurgie. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2000. S. 127–167.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 18.12.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 81-85
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_148
EDN: ZUZAAH

Лексическая контекстуализация коммуникативных действий врача-онколога в устном медицинском дискурсе (на материале немецкоязычных консультативных бесед)

Татьяна Александровна Осипенко
Ассистент института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова. 123242, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru, https://orcid.org/0000-0003-0619-534X

Аннотация. Статья посвящена изучению контекстуализующего потенциала лексических индикаторов консультативной беседы как части устного медицинского дискурса. Цель статьи заключается в определении лексических единиц, обеспечивающих контекстуализацию вербальной врачебно-консультативной деятельности врача. Лингвистический анализ проведен на материале десяти транскриптов аутентичных немецкоязычных диалогов врачей-онкологов и пациентов. На основании прагмасемантического метода анализа эмпирического материала выделено шесть основных коммуникативных блоков. Наиболее частотными лексическими индикаторами выявленных тематических частей являются типизированные формулы приветствия и прощания; глаголы, выражающие вежливость и гостеприимство, обозначающие мыслительные процессы, готовность обсуждения и получения обратной связи, проверку степени восприятия информации, а также указывающие на динамику распространения опухолевых клеток, перспективу наблюдения за эффективностью терапии. Для большинства коммуникативных блоков типично использование медицинских терминов общеупотребительного характера и узкоспециализированной онкологической терминологии, существительных, указывающих на методы лечения, и временные промежутки, в течение которых необходимо осуществить предлагаемый комплекс лечебных мероприятий. Распространено использование имен, фамилий, специализаций и должностей врачей, проводивших первичную оценку состояния пациента, и круга лиц, принимающих решение относительно рекомендации терапии. Основная задача лексических контекстуализаторов в проанализированных диалогах заключается в предоставлении достоверной и исчерпывающей информации о заболевании, возможных методах терапии и рекомендации наиболее оптимального вида лечения. Кроме этого, использование большинства лексических единиц позволяет погрузить пациента сначала в общую медицинскую, а затем в онкологическую терминологию посредством создания в памяти ретроспективных связей с предыдущими консультациями и обследованиями.

Ключевые слова устная речь; лексическая контекстуализация; коммуникативный блок; медицинская коммуникация; онкологический дискурс; консультативная врачебная беседа; коммуникация «врач – пациент»

Для цитирования: Осипенко Т. А. Лексическая контекстуализация коммуникативных действий врача-онколога в устном медицинском дискурсе (на материале немецкоязычных консультативных бесед) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 148–156. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_148. https://elibrary.ru/ZUZAAH

Original article

Lexical contextualization of an oncologist's communicative actions in oral medical discourse (doctor-patient consultations in german)

Tatiana A. Osipenko
Lecturer, Institute of linguistics and intercultural communication, I. M. Sechenov First Moscow state medical university. 123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 3, bld. 1
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru, https://orcid.org/0000-0003-0619-534X

Abstract. The article studies the contextualizing potential of lexical indicators in the doctor-patient consultations which are considered as a part of oral medical discourse. The article aims to determine the lexical items that provide contextualization of doctors` verbal activity during medical consultations. Ten transcripts of authentic dialogues be-

© Осипенко Т. А., 2023

tween german-speaking oncologists and patients were used for the linguistic analysis. Six main communicative blocks have been identified by means of the pragmasemantic method. The most frequent lexical indicators are typified greeting and farewell formulas; verbs expressing politeness and hospitality, denoting thinking processes, willingness to discuss the information received and to get feedback, checking the degree of its perception, as well as indicating the cancer cell dynamics and the perspective of monitoring the effectiveness of the prescribed therapy. It is typical to use general medical terms as well as field-specific oncological terminology, nouns indicating methods of treatment and time intervals during which the proposed set of therapeutic measures must be implemented. Other common lexical indicators are the names, surnames, specializations and positions of doctors conducting the initial assessment of the patient's condition. The main task of lexical contextualizers in the analyzed dialogues is to provide the meaningful and comprehensive information about the disease and possible methods of therapy as well as to recommend the most optimal treatment option.

Key words: oral speech; lexical contextualization; communicative block; medical communication; oncological discourse; medical consultation; doctor-patient communication

For citation: Osipenko T. A. Lexical contextualization of an oncologist's communicative actions in oral medical discourse (doctor-patient consultations in german). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):148–156. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_148. https://elibrary.ru/ZUZAAH

Введение

Консультирование пациентов с диагностированным раком занимает особое место в медицинском дискурсе. Онколог часто выступает не только в роли специалиста, устанавливающего диагноз и назначающего комплекс терапевтических мероприятий, но и в качестве мастера вербальной коммуникации, способного объяснить, настоять, подбодрить и т. д. Отсутствие доверительных отношений между врачом и пациентом, которые, как правило, устанавливаются посредством коммуникации, может спровоцировать отказ от лечения, тревогу и депрессию [ср. Гнездилов, 2001, с. 5].

Настоящая статья является продолжением ряда исследований на тему вербальной интеракции врача и онкологического пациента на немецком языке с лингвистической точки зрения. Предшествующие работы раскрывают спектр вопросов, связанных в основном с языковыми особенностями вербальных действий врача: преодоление недоверия [Imo, 2016], утешение пациента [Imo, 2017], объявление диагноза [Günthner, 2017], аккомодация [Imo, 2019], использование имен собственных [Günthner, 2019], объяснение причин появления заболевания и распределение сфер ответственности [Imo, 2020]. Часть работ посвящена коммуникативной роли лиц, сопровождающих пациента [Wiemer, 2017], описанию возможностей практического применения транскриптов диалогов для обучения студентов и повышения квалификации медицинских работников [Coussios, Imo, Korte, 2019; Imo, Fedorovskaya, Sekacheva, 2020], выявлению структурных компонентов, включающих языковые средства вербализации пациент-центрированного подхода [Осипенко, Федоровская, Еникеев, 2022].

Целью настоящего исследования является выявление лексических индикаторов и их контекстуализирующего потенциала в рамках основных коммуникативных блоков (далее – КБ) консультативной беседы врача и онкологического пациента. В задачи входит проследить динамику вербализации КБ в целом и определить лексические единицы, способствующие актуализации каждого из них.

По определению Е. М. Крижановской, КБ является результатом языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий. Он представляет собой функционально-смысловую единицу, функционирует в роли структурного элемента содержания и направлен на выражение актуальной для автора и читателя информации [Крижановская, 2006, с. 163–167]. В другой терминологии КБ также называют «коммуникативно-прагматический сегмент» [Чернявская, 2006, с. 70–71], «коммуникативно-смысловой элемент» [Нефедов, 2013, с. 199], «структурный компонент» [Осипенко, Федоровская, Еникеев, 2022]. В рамках настоящей статьи под КБ подразумевается совокупность реплик коммуникантов (врача и пациента), объединенных типовым семантическим содержанием и характерными лексическими и грамматическими маркерами.

Любое использование языка, как отмечает С. Т. Нефедов, носит ярко выраженный селективный характер. Отбор языковых средств часто зависит от ситуации общения и задач коммуникантов. Установлена устойчивая взаимосвязь между коммуникативными практиками и использованием определенных лексических и грамматических единиц. Коммуникативно пред-

почтительные языковые средства отбираются с учетом их функционального потенциала и выступают в качестве контекстуализаторов (вербализаторов) коммуникативной практики [Нефедов, 2022, с. 83]. Выделение лексических контекстуализаторов в транскриптах консультативных бесед связано с выявлением частотных компонентов, которыми в зависимости от «глубины погружения» в текст являются КБ, реплики коммуникантов, характерные лингвистические явления.

Методы исследования

Материалом для представленного в публикации лингвистического анализа послужили десять транскриптов консультативных бесед с онкологическими пациентами на немецком языке. Диалоги были отобраны из корпуса, составленного в рамках проекта «От патологии к пациенту» (подробнее о проекте и корпусе см. [Von der Pathologie zum Patienten, 2016]). В результате к анализу были привлечены транскрипты консультаций, проведенные разными врачами (всего десять специалистов) с пациентами, у которых диагностирован рак разного типа, объемом не менее 900 слов. Общий объем текста составил 18087 слов.

Каждый диалог был проанализирован с точки зрения коммуникативно-тематического содержания и лексического наполнения. Для настоящего исследования особый интерес представляют реплики врачей, поскольку от последовательности их воспроизведения и содержания зависит эффективность консультации. В рамках статьи термин «эффективность» связан с сохранением стабильного психоэмоционального состоянием пациента, проявляющемся на вербальном («видимом») уровне. Иными словами ожидается, что после объявления диагноза о наличии раковой опухоли, пациент останется вербально активен и будет готов обсуждать план дальнейших терапевтических шагов.

На одном из первых этапов анализа были отобраны реплики врача и отсортированы в зависимости от их содержания. При распределении реплик по группам учитывалась последовательность и частотность их появления в диалоге (ср. «языковой контекст» [Нефедов, 2017, с. 188] и «ближайший контекст» [Чернявская, 2021, с. 79]). Здесь применялись в большей степени общенаучные методы работы с лингвистическим материалом: наблюдение, обобщение и классификация. С помощью метода логического сопоставления были выявлены 6 основных КБ: 1) установление контакта (далее – КБ-1), 2) актуализация истории болезни (КБ-2), 3) объявление диагноза (КБ-3), 4) характеристика показателей опухоли (КБ-4), 5) изложение плана терапевтических мероприятий (КБ-5), 6) завершение консультации (КБ-6) [ср. Осипенко, Федоровская, Еникеев, 2022, с. 103–105; Coussios, Imo, Korte, 2019, s. 12–17]. Одновременное применение ручной и автоматизированный выборки, а также принципов описательно-аналитического метода позволило выявить лексические особенности КБ-1–КБ-6.

Результаты исследования

К первому, открывающему консультацию, коммуникативно-смысловому элементу «Установление контакта» относится обмен формулами приветствия, самопрезентация врача, верификация персональных данных пациента, запрос информации о состоянии его здоровья [ср. Travaline, Ruchinskas, D'Alon, 2005]. При этом врач может актуализовать как все перечисленные речевые действия, так и ограничиться только одним.

К лексическим компонентам КБ-1 относятся такие формулы приветствия, как *Hallo Frau / Herr …!* 'Здравствуйте, …', *Guten Morgen!* 'Доброе утро!', *Guten Tag!* 'Добрый день!', *Ich grüße Sie!* 'Приветствую вас!'. Для создания благоприятной атмосферы и демонстрации гостеприимства используется глагол *reinkommen* 'входить' и сочетание *Platz nehmen* 'занимать место, садиться' в форме повелительного наклонения с использованием смягчающей частицы *bitte* 'пожалуйста'. Установление контакта может происходить за счет формального озвучивания персональных данных пациента *Aufklärungsgespräch von Herrn …* 'консультативная беседа господина …', *geboren am …* 'родился …' или самопрезентации врача с озвучиванием имени, фамилии и должности: *Sie kennen mich noch nicht. Mein Name ist … Ich bin hier (Position) …* 'Вы меня еще не знаете. Меня зовут … Я являюсь (должность) … '.

Лексическое наполнение КБ-1, с одной стороны, указывает на официальность обстановки, с другой стороны, служит для создания доверительной атмосферы и подготовки пациента к восприятию плохих новостей («плохими новостями» в медицине называют раковый диагноз [Günthner, 2017; Lutfey, Maynard, 1998; Maynard, 2003].)

Следующий коммуникативно-прагматический сегмент «Актуализация истории болезни» предполагает перечисление врачом *уже известных пациенту из предыдущих консультаций* фактов и параметров, указывающих на наличие в организме дисфункции (ср. retrospektive / prospektive Expansion [Auer, 2006, s. 285]). Введение данного КБ, согласно С. Гюнтнер, позволяет сделать ссылку на предварительный диагноз, косвенно «спроектировать» подтверждение этого диагноза и напомнить пациенту, что присутствие раковых клеток в его организме – не новая информация, не нечто неожиданное, а давно предполагаемое и известное [Günthner, 2017].

В плане лексического наполнения описываемый композиционный элемент характеризуется частым использованием существительных медицинской тематики, служащих для наименования жалоб (*Kopfschmerzen* ‘головные боли’, *Magenbeschwerden* ‘расстройство желудка’), сопутствующих заболеваний (*Hepatitis C* ‘гепатит С’, *Leberzirrhose* ‘цирроз печени’), видов лабораторных, аппаратных и мануальных методов диагностики (*Blutabnahme* ‘забор крови’, *Spiegelung* ‘эндоскопия’, *Tastuntersuchung* ‘пальпация’), обследованных органов или их частей (*Bronchialbaum* ‘бронхиальное дерево’, *Lunge* ‘легкое’, *Lymphknote* ‘лимфоузел’), взятых биологических образцов (*Blut* ‘кровь’, *Gewebe* ‘ткань’), выявленных патологических новообразований (*Polyp* ‘полип’, *Zyste* ‘киста’). Названия пораженных участков могут заменяться именами существительными с обобщенной семантикой (*Bereich* ‘область’, *Fleck* ‘пятно’, *Körper* ‘тело’). Они часто используются с прилагательными или причастиями, конкретизирующими внешние характеристики, положение и параметры распространения опухолевого очага или поврежденного органа: *blau* ‘синий’, *ganz* ‘весь, целый’, *recht / link* ‘правый / левый’, *vergrößert* ‘увеличенный’ (*blauer Fleck* ‘синяк’, *im rechten / linken Bereich* ‘в правой / левой части’, *im ganzen Körper* ‘во всем теле’, *vergrößerte Milz* ‘увеличенная селезенка’).

К характерным лексическим показателям КБ-2 также относятся предикаты, обозначающие мыслительные процессы (*denken* ‘думать’, *sich erinnern* ‘помнить, вспоминать’, *wissen* ‘знать’), озвучивание (*besprechen* ‚обсуждать‘, *erklären, erläutern* ‘объяснять‘, *sagen* ‘говорить, сказать’), повторение (*wiedergeben* ‘воспроизводить (еще раз)’, *wiederholen* ‘повторять’), восприятие (*verstehen* ‘понимать’) или самостоятельный поиск информации (*recherchieren* ‘производить поиски, собирать информацию’). Отсылка к предыдущим консультациям становится более очевидной за счет частого использования наречия *schon* ‘уже’, обозначающего завершенность какого-либо процесса.

Основная функция лексики КБ-2 состоит в воссоздании ассоциативно-ретроспективных связей с предыдущими консультациями за счет напоминания их содержания и «погружения» пациента в медицинскую терминологию. На данном этапе врач имплицитно предоставляет пациенту возможность уточнить, скорректировать или дополнить данные осмотров.

Следующий структурный компонент «Объявление диагноза» является одним из самых напряженных моментов консультации, поскольку здесь речь идет не просто о временной дисфункции организма, а о патологии, которая (с большой вероятностью) может привести к изменению привычного ритма жизни пациента [Lutfey, Maynard, 1998; Maynard, 2003]. Лексическое оформление КБ-3 отличается изобилием слов с отрицательной семантикой. Сюда входят лексемы, обозначающие наличие злокачественного новообразования (*Karzinom* ‘карцинома’, *Krebs* ‘рак’, *Tumor* ‘опухоль’), и узкоспециализированные медицинские термины (*Haarzellleukämie* ‘волосатоклеточный лейкоз’, *Lymphom* ‘лимфома’). Существительные с нейтральной окраской (*Befund* ‘результаты обследования’, *Bereich* ‘область’, *Zelle* ‘клетка’) в сочетании с негативно окрашенными прилагательными (*bösatig, maligne* ‘злокачественный’) обычно указывают на пораженную область.

Глаголы *befürchten*, бояться‘, *erwarten* ‚ожидать‘, *vermuten* ‚предполагать‘ (как и глаголы *besprechen, erklären, erläutern* и *sagen* в сочетании с наречием *schon* в КБ-2) в сочетаниях типа *wie man befüchtet / erwartet / vermutet hat* ‘как и опасались / ожидалось / предполагалось’ выполняют функцию отсылки к предыдущим консультациям. Для смягчения негативного воздействие плохих новостей врачи используют наречие *leider* ‚к сожалению‘.

Лексическое наполнение блока «Объявление диагноза» служит для создания ассоциативных связей с предыдущими консультациями, непосредственного оглашения диагноза, погружения пациента в раковую терминологию, выражения сопереживания и поддержки.

Структурный компонент «Характеристика показателей опухоли» служит для объяснения пациенту степени тяжести заболевания и восста-

новления его психоэмоционального состояния за счет перечисления положительных свойств опухоли. Благоприятными критериями считаются, к примеру, отсутствие метастазов, медленное распространение раковых клеток, хорошая переносимость гормональных препаратов, которые (в отличие от химиотерапии) не вызывают прямого повреждения всех органов и тканей организма. Зачином к перечислению «хорошего» в плохом диагнозе („das Gute im Schlechten“– Strategie [Imo, 2017, s. 21]) можно считать предложения, содержащие определительные словосочетания, в состав которых входят прилагательные *gut* ‘хороший’, *günstig* ‘удачный, благоприятный’ и *positiv* ‘позитивный, положительный’ и существительные *Eigenschaft* ‚свойство, характеристика‘, *‚Kriterium* ‚критерий‘, *Zeichen* ‚знак‘. Для усиления положительного эффекта возможно интонационное выделение наречия *nur* ‘только, исключительно’ (*Ihr Tumor hat NUR positive Eigenschaften* ‘У вашей опухоли ТОЛЬКО положительные характеристики’).

Набор лексических средств этого КБ отличается обилием прилагательных, часто вербализуемых в виде антонимических пар. К основным семантическим категориям относятся лексемы, выражающие оценку (*gut* ‘хороший’ – *schlecht* ‘плохой’); размер опухоли (*klein* ‘маленький’ – *groß* ‘большой’); агрессивность рака (*aggressiv* ‘агрессивный’, *wild* ‘бурный’ – *harmlos* ‘безопасный’); скорость роста вредоносных клеток (*langsam* ‘медленный’ – *schnell* ‘быстрый’).

Для усиления положительного значения слова или высказывания используется наречие *wirklich* ‚по-настоящему, вправду‘: *wirklich gut* ‘на самом деле хорошо’. Хеджирование иллокутивной силы отрицательных оценочных прилагательных и наречий происходит за счет наречий *eher* ‘скорее, вероятнее’, *gar* ‘совсем, совершенно’: *eher langsam wächst* ‘растет скорее медленно’, *gar nicht so schlecht* ‘совсем не так плохо’. Кроме этого, градация по шкале «хорошо – плохо» у прилагательных выражается через сравнительную степень (*aggressiver* ‘агрессивнее’, *größer* ‘больше’, *schlechter* ‘хуже’).

Типичными являются смысловые глаголы, указывающие на скорость роста клеток (*sich entwickeln* ‚развиваться‘, *wachsen* ‚расти‘), обнаружение опухоли (*finden* ‚находить‘, *sich entdecken* ‘обнаруживаться’, *sich zeigen* ‘показываться’, *vorkommen* ‘проявляться’) и перспективу выздоровления (*behandeln* ‘лечить’).

Лексический состав КБ-4 указывает на стремление врача акцентировать внимание на положительных сторонах диагноза, убедить пациента в возможности поддержания стабильного состояния.

Основная цель блока «Изложение плана терапевтических мероприятий» состоит в подробном объяснении пациенту дальнейших терапевтических шагов. В анализируемых транскриптах актуализация пациент-центрированной политики осуществляется посредством глаголов *empfehlen* ‘рекомендовать’, *vorschlagen* ‘предлагать’, их производных *Empfehlung* ‘рекомендация’, *Vorschag* ‘предложение’, а также глаголов, обозначающих личную или совместную мыслительную деятельность *besprechen* ‘обсуждать’, *(nach)denken* ‘(по)думать’, *überlegen* ‘размышлять’. Таким образом, врач дает понять, что пациент может обсудить полученную информацию с семьей, запросить second opinion ‘второе мнение’ и даже отказаться от предложенного варианта лечения (о понятии пациент-центрированности см. [Klemperer, 2003; Olesen, 2004]).

Несмотря на то, что врачи стремятся к пациент-центрированной коммуникации, рекомендация терапии может иметь и патерналистские черты [Белецкий, Куликова, 2011]. Патернализм проявляется в том, что врач представляет пациенту одну единственную стратегию лечения, с которой в большинстве случаев пациент соглашается. Для повышения доверия к предлагаемому варианту лечения врач предоставляет информацию о том, кто принимал решение относительно озвученной стратегии лечения. Обычно ссылка делается на онкологический консилиум (*Tumorboard* ‘онкологический консилиум’). В качестве контекстных синонимов используются существительные *Besprechung* ‘обсуждение’, *Kollegenkreis* ‘группа коллег’, *Sitzung* ‘заседание’, специализации врачей, их должности, имена и фамилии: *Brustkorbchirurg* ‘торакальный хирург’, *Frau Doktor …* ‘доктор … (имя)’, *Oberarzt* ‘заведующий отделением’. При введении в аргументацию существительных, указывающих круг лиц, задействованных в обсуждении вопроса здоровья пациента, врач не только повышает статус предлагаемого метода лечения, но и частично снимает с себя ответственность за предлагаемый вариант.

Данный КБ также содержит информацию о непосредственных методах лечения (*Bauchspritzenkur* ‘лечение уколами в живот’, *Bestrahlung*

‘облучение’, *Chemotherapie* ‘химиотерапия’, *Operation* ‘операция’, *Kombination von Therapien* ‘комбинированная терапия’) и лекарственных формах препаратов (*Infusionen* ‘внутривенные вливания’, *Tabletten* ‘таблетки’). Указание на проведение терапевтических мероприятий осуществляется также посредством использования предикатов, означающих медицинские манипуляции: *einspritzen* ‘вкалывать (препарат)’, *entfernen* ‘удалять’, *operieren* ‘оперировать’, *rausmachen / rausnehmen / rausoperieren* ‘извлекать (опухоль)’. Глаголы *gucken* ‘смотреть’, *kontrollieren* ‘контролировать’, *nachsorgen* ‘осуществлять последующее наблюдение’, *überwachen* ‘следить’ выражают необходимость мониторинга рецидива болезни после терапии или операции.

В КБ-5 можно встретить существительные, обозначающие единицы измерения времени в сочетании с количественными числительными. С их помощью врач озвучивает дату и время следующего приема, период проведения лечебных процедур и восстановления, продолжительность наблюдения после осуществления основных терапевтических мероприятий. Временны́е промежутки измеряются часами (*zwei Stunden* ‘два часа’), днями (*den ganzen Tag* ‘целый день’), неделями (*nächste Woche* ‘на следующей недели’), месяцами (*in drei Monaten* ‘через три месяца’), годами (*nach einem Jahr* ‘через год’) или знаменательными событиями (*nach Ostern* ‘после Пасхи’, *nach dem Urlaub* ‘после отпуска’, *nach Winterferien* ‘после зимних каникул’, *bis die Wundheilung* ‘до заживления раны’).

Основная функция лексики КБ-5 состоит, прежде всего, в озвучивании основного метода лечения и планирования временных рамок терапии. Рекомендательная форма высказываний, используемых при обсуждении возможных лечебных мероприятий, говорит о проявлении черт пациент-центрированной политики.

Текстовый блок «Завершение консультации» включает такие типичные формулы прощания как *alles Gute!* ‘всего хорошего’, *auf Wiedersehen!* ‘до свидания’, *bis gleich!* ‘до скорого!’. Кроме этого, описываемый коммуникативно-смысловой компонент содержит вопросы врача, направленные на получение у пациента обратной связи относительно ясности изложенной им информации *Fällt ihnen noch was ein, was sie wissen wollen?* ‘Приходит ли вам в голову что-то, что вы хотите знать?’, *Haben Sie momentan zu dem Vorgehen noch irgendwelche Fragen?* ‘Имеются ли у вас в настоящий момент какие-нибудь вопросы к порядку (терапевтических) действий?’. Задача предикатов мыслительной деятельности (*einfallen* ‘приходить на ум’, *wissen* ‘знать’) в подобных случаях активизировать у пациента воспоминания о содержании консультации.

Типичными лексемами здесь являются *Arztbrief* ‘медицинское заключение’, *Krankmeldung* ‘больничный лист’, *Zettel* ‘записка, листок (бумаги)’, письменно подтверждающие посещение врача. Первые два медицинских термина предназначены для указания на официальную регистрацию пациента в медицинском учреждении (стандартная больничная отчетность) и для обозначения законных оснований на получение выплат по болезни работодателем. Третий термин, не имеющий отношения к медицинской лексике, врач использует для успокоения пациента. Предполагается, что на этом листочке будет зафиксирована важная информация, например, время, дата, номер кабинета, последовательность сдачи анализов, перечень продуктов, от которых стоит отказаться на время лабораторных исследований и т. д. Чаще всего это существительное используется в глагольно-именном сочетании *Zettel mitkriegen / bekommen* ‘получить листок («напоминалку»)’. Другими словами, врач проявляет всестороннюю заботу о пациенте: как на уровне «врач – пациент», так и на уровне «человек – человек», что является проявлением черт пациент-центрированной политики.

Заключение

На основании проанализированного эмпирического материала можно сделать вывод о том, что идеальная текстотипологическая модель консультативной беседы врача и онкологического пациента должна включать как минимум шесть КБ (КБ-1–КБ-6).

К основным лексическим средствам контекстуализации КБ-1 относятся типизированные формулы приветствия; фамилия, имя, должность врача; глаголы *grüßen* и *reinkommen*; местоимение 3-его л. мн. ч. *Sie*; частица *bitte*. Для верификации данных в некоторых случаях озвучивается фамилия, имя и дата рождения пациента.

Существительные медицинской тематики, указывающие на жалобы, сопутствующие заболевания, обследованные органы, патологические новообразования, взятые биологические образцы характерны преимущественно для КБ-2. Здесь также распространены глаголы, выражающие озвучивание, обсуждение, повтор, поиск, степень понимания информации, которые часто воспро-

изводятся в сочетании с наречием *schon*. Помимо этого, лексическими маркерами КБ-2 являются имена собственные, должности и специализации врачей, проводившие предварительный осмотр.

Для вербализации КБ-3 используется узкоспециализированная медицинская терминология, композиты и словосочетания с компонентами *Karzinom, Krebs, Tumor,* прилагательные *bösartig* и *maligne,* наречие *leider,* а также глаголы, выражающие озабоченность, ожидание и предположение.

Контестуализация КБ-4 происходит за счет существительных *Eigenschaften, Kriterien, Zeichen*; оценочных прилагательных и наречий с положительной и отрицательной семантикой, описывающих характеристики опухоли; усилительных (*nur, wirklic)* и смягчающих (*eher, gar)* наречий; глаголов, описывающих динамику роста опухоли.

Основными лексическими маркерами КБ-5 являются существительные, обозначающие методы лечения и лекарственные формы, специализации и должности врачей, принимающих решение по поводу метода лечения. В данном блоке озвучиваются разные временны́е промежутки и конкретные даты, перечисляются обследования, результаты которых потребуются после прохождения курса терапии. Сюда относятся также глаголы, выражающие рекомендацию, обсуждение и переосмысление.

Лексическими средствами актуализации КБ-6 являются типизированные формулы прощания, существительные *Arztbrief, Krankmeldung, Zettel,* глаголы, передающие мыслительную деятельность и запрос обратной связи.

На последовательность, частотность и длительность воспроизведения одного КБ во многом влияет вербальное поведение пациента: инициативные вопросы, паузы, молчание или беспричинный смех; а также реплики, содержание которых подсказывает врачу, что его подопечный неправильно проинтерпретировал изложенные им ранее объяснения.

В проанализированных диалогах обнаружена повторная вербализация некоторых тематико-смысловых частей. Так, КБ-4 и КБ-5 могут встречаться до пяти раз в одном диалоге. Оба блока отличаются своей эмоциональной и информационной насыщенностью, поэтому требуют многократного воспроизведения. Помимо повтора предметно-денотативного содержания наблюдаются дублирование лексических маркеров внутри разных КБ. К примеру, существительные, указывающие на временны́е отрезки, и сопровождающие их числительные, типичные для КБ-5, врач может ввести в диалог и в завершающей части консультации, чтобы еще раз напомнить пациенту дату и время следующей встречи. Реплики с именами существительными, обозначающие названия обследований и клинических анализов, из КБ-2 практически дословно повторяются в КБ-5. Это обусловлено тем, что для оценки успешности проведенных процедур необходимо сравнение текущих и предыдущих показателей.

Общим для всех КБ является обилие специфической онкологической медицинской терминологии, необходимой для спецификации болезни, обозначения обследований и анализов, указания на круг специалистов, участвующих в принятии решения при разработке плана терапии. Насыщенность отдельных частей диалога оценочными прилагательными с положительной семантикой свидетельствует о намерении врачей поддерживать стабильное эмоциональное состояние пациента и действовать в рамках пациент-центрированной медицины.

Библиографический список

1. Белецкий С. Б., Куликова Л. В. Патернализм в институциональной коммуникации : монография. Москва : Флинта : Наука, 2011. 184 с.

2. Гнездилов А. В. Психические изменения у онкологических больных // Практическая онкология. 2001. № 1 (5). С. 5–13.

3. Крижановская Е. М. Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-ое изд., испр. и доп. Москва : Флинта : Наука, 2006. С. 163–167.

4. Нефедов С. Т. Zur Typologie von ‘Kontext’ // Германистика в современном научном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 184–191.

5. Нефедов С. Т. Лексическая контекстуализация научного дискурса // Материалы XLVI Международной науч. филолог. конф. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2022. С. 83–85.

6. Нефедов С. Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на примере авторского предисловия к научной монографии) // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 9. Вып. 3. С. 198–203.

7. Осипенко Т. А., Федоровская В. О., Еникеев Д. В. Вербализация пациент-центрированного подхода (на материале консультативных бесед с онкологическими пациентами) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 99–117.

8. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие. 3-е изд., стереотипное. Москва : КомКнига, 2006. С. 63–99.

9. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. Москва : Ленинград, 2021. С. 76–87.

10. Auer P. Increments and more. Anmerkungen zur augenblicklichen Diskussion über die Erweiterbarkeit von Turnkonstruktionseinheiten // Grammatik und Interaktion. Radolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2006. S. 279–294.

11. Coussios G., Imo W., Korte L. Sprechen mit Krebspatienten: Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2019. 296 s.

12. Günthner S. Namentliche Anreden in onkologischen Aufklärungsgesprächen: eine interaktional ausgerichtete Studie zu Formen und Funktionen onymischer Anreden. SpIn, 2019. № 82. 30 s.

13. Günthner S. Sprachliche Verfahren bei der Übermittlung schlechter Nachrichten – sedimentierte Praktiken im Kontext onkologischer Aufklärungsgespräche. SpIn, 2017. № 73. 46 s.

14. Imo W., Fedorovskaya V., Sekacheva M.I. Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikationstraining für Medizinstudierende im fachbezogenen DaF-Unterricht // Fachsprache Journal of Professional and Scientifc Communication. 2020. № 42.1–2. S. 46–65.

15. Imo W. Das Problem der zweiten Meinung: Vom Umgang mit Vertrauen und Misstrauen in onkologischen Therapieplanungsgesprächen. SpIn, 2016. № 62. 28 s.

16. Imo W. Krebs und persönliche Kontrolle: Ursachen und Verantwortlichkeiten. SpIn, 2020. № 83. 39 s.

17. Imo W. Sprachliche Akkomodation in onkologischen Therapieplanungsgesprächen // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. №71. S. 269–298.

18. Imo W. Trösten: eine sprachliche Praktik in der Medizin. Aufklärungsgespräch. SpIn, 2017. № 71. 31 S.

19. Klemperer D. Wie Ärzte und Patienten Entscheidungen treffen. Konzepte der Arzt-Patient-Kommunikation. Berlin, 2003. 50 S.

20. Lutfey K., Maynard D.W. Bad news in oncology: How physicians and patients talk about death and dying without using those words // SPQ, 1998. Vol. 61 (4). P. 321–341.

21. Maynard D.W. Bad News, Good News: Conversational Order in Everyday Talk and Clinical Settings. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 327 p.

22. Olesen F. Striking the balance: from patient-centered to dialogue-centered medicine // Scand J Prim Health Care. 2004. № 22. P. 193–94.

23. Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der medizinischen Kommunikation / Bentz M., Binnenhei M., Coussios G., Gruden J., Imo W., Korte L, et al. // SpIn, 2016. № 72. 46 s.

24. Travaline J.M., Ruchinskas R., D'Alonzo G. Patient-physician communication: why and how // JAOA. Clinical Practice. 2005. №1 (105). P. 13–18.

25. Wiemer P. Die kommunikative Rolle dritter Personen und ihre sprachlichen Beteiligungsverfahren im onkologischen Aufklärungsgespräch. SpIn, 2017. № 28. 94 s.

Reference list

1. Beleckij S. B., Kulikova L. V. Paternalizm v institucional'noj kommunikacii = Paternalism in institutional communication: monografija. Moskva : Flinta : Nauka, 2011. 184 s.

2. Gnezdilov A. V. Psihicheskie izmenenija u onkologicheskih bol'nyh = Mental changes in cancer patients // Prakticheskaja onkologija. 2001. № 1 (5). S. 5–13.

3. Krizhanovskaja E. M. Kommunikativnyj blok = Communication block // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M. N. Kozhinoj. 2-oe izd., ispr. i dop. Moskva : Flinta : Nauka, 2006. S. 163–167.

4. Nefedov S. T. Zur Typologie von 'Kontext' // Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnodar : Kubanskij gos. un-t, 2017. S. 184–191.

5. Nefedov S. T. Leksicheskaja kontekstualizacija nauchnogo diskursa = Lexical contextualization in scientific discourse // Materialy XLVI Mezhdunarodnoj nauch. filolog. konf. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU, 2022. S. 83–85.

6. Nefedov S. T. Prototipicheskaja model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znanija (na primere avtorskogo predislovija k nauchnoj monografii) = The prototypical text model as the basis for text-typological knowledge (on the example of an author's preface to a scientific monograph) // Vestnik SPbGU. 2013. Ser. 9. Vyp. 3. S. 198–203.

7. Osipenko T. A., Fedorovskaja V. O., Enikeev D. V. Verbalizacija pacient-centrirovannogo podhoda (na materiale konsul'tativnyh besed s onkologicheskimi pacientami) = Verbalization of the patient-centered approach (based on doctors' consultations with cancer patients) // Nauchnyj dialog. 2022. T. 11, № 7. S. 99–117.

8. Chernjavskaja V. E. Interpretacija nauchnogo teksta = Scientific text interpretation : ucheb. posobie. 3-e izd., stereotipnoe. Moskva : KomKniga, 2006. S. 63–99.

9. Chernjavskaja V. E. Tekst i social'nyj kontekst: sociolingvisticheskij i diskursivnyj analiz smysloporozhdenija = Text and social context: a sociolinguistic and discursive analysis of meaning-making. Moskva : Leningrad, 2021. S. 76–87.

10. Auer P. Increments and more. Anmerkungen zur augenblicklichen Diskussion über die Erweiterbarkeit von Turnkonstruktionseinheiten // Grammatik und Interaktion. Radolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2006. S. 279–294.

11. Coussios G., Imo W., Korte L. Sprechen mit Krebspatienten: Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2019. 296 s.

12. Günthner S. Namentliche Anreden in onkologischen Aufklärungsgesprächen: eine interaktional

ausgerichtete Studie zu Formen und Funktionen onymischer Anreden. SpIn, 2019. № 82. 30 s.

13. Günthner S. Sprachliche Verfahren bei der Übermittlung schlechter Nachrichten – sedimentierte Praktiken im Kontext onkologischer Aufklärungsgespräche. SpIn, 2017. № 73. 46 s.

14. Imo W., Fedorovskaya V., Sekacheva M.I. Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikationstraining für Medizinstudierende im fachbezogenen DaF-Unterricht // Fachsprache Journal of Professional and Scientifc Communication. 2020. № 42.1–2. S. 46–65.

15. Imo W. Das Problem der zweiten Meinung: Vom Umgang mit Vertrauen und Misstrauen in onkologischen Therapieplanungsgesprächen. SpIn, 2016. № 62. 28 s.

16. Imo W. Krebs und persönliche Kontrolle: Ursachen und Verantwortlichkeiten. SpIn, 2020. № 83. 39 s.

17. Imo W. Sprachliche Akkomodation in onkologischen Therapieplanungsgesprächen // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. №71. S. 269–298.

18. Imo W. Trösten: eine sprachliche Praktik in der Medizin. Aufklärungsgespräch. SpIn, 2017. № 71. 31 S.

19. Klemperer D. Wie Ärzte und Patienten Entscheidungen treffen. Konzepte der Arzt-Patient-Kommunikation. Berlin, 2003. 50 s.

20. Lutfey K., Maynard D.W. Bad news in oncology: How physicians and patients talk about death and dying without using those words // SPQ, 1998. Vol. 61 (4). P. 321–341.

21. Maynard D.W. Bad News, Good News: Conversational Order in Everyday Talk and Clinical Settings. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 327 p.

22. Olesen F. Striking the balance: from patient-centered to dialogue-centered medicine // Scand J Prim Health Care. 2004. № 22. P. 193–94.

23. Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der medizinischen Kommunikation / Bentz M., Binnenhei M., Coussios G., Gruden J., Imo W., Korte L, et al. // SpIn, 2016. № 72. 46 s.

24. Travaline J.M., Ruchinskas R., D'Alonzo G. Patient-physician communication: why and how // JAOA. Clinical Practice. 2005. №1 (105). P. 13–18.

25. Wiemer P. Die kommunikative Rolle dritter Personen und ihre sprachlichen Beteiligungsverfahren im onkologischen Aufklärungsgespräch. SpIn, 2017. № 28. 94 s.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 14.12.2022; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 81'342.9
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_157
EDN: YFJXPM

Лексико-грамматическая функция повтора (на материале французского языка)

Елена Игоревна Бойчук
Доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
elena–boychouk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-2971

Аннотация. В статье представлен обзор исследований по вопросам статуса, значимости, функций и специфики повтора не только как одного из средств передачи смысла, идеи текста, формирования его доминанты, но и как грамматически сложного явления, которого следует избегать в языке и речи. Таким образом повтор предстает как противоречивое явление, которое с точки зрения стилистики текста, его образности проявляется в форме различных стилистических средств, содержащих в своей структуре повтор, и нацеленных на более тонкую, точную передачу эмоций, явлений действительности, образов текста, а с точки зрения грамматики предстает как нежелательное явление, которого следует избегать как тавтологии. Целью исследования является определение специфики функционирования повторов с точки зрения реализации их лексико-грамматической функции. Исследование проводилось на материале произведений французской художественной литературы 20 века с опорой на компьютерное приложение Rythmanalyse, позволяющее осуществить лексикометрический анализ текстов, определить частотность употребления слов в тексте и отследить плотность употребления повторов. Проведенный анализ показал, что основными частями речи, которые имеют наибольшую частотность во французском языке, являются местоимения и наречия. Кроме того, для художественной литературы характерно большое количество повторов имен собственных. Основной проблемой в рамках данного анализа является плотность появления повторов. Это относительное понятие, поскольку зависит от таких факторов, как размер предложения, интервал между основным и повторяющимся элементом.

Ключевые слова: повтор; лексико-грамматическая функция; французская художественная литература; размер предложения; исходный элемент; повторяющиеся элементы; лексикометрический анализ

Для цитирования: Бойчук Е. И. Лексико-грамматическая функция повтора (на материале французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 157–165. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_157. https://elibrary.ru/YFJXPM

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Lexical-grammatical function of repetition in the french language

Elena I. Bojchuk
Doctor of philological sciences, associate professor, romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
elena–boychouk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-2971

Abstract. The article presents a review of research on the status, significance, functions and specificity of repetition not only as one of the means of conveying the meaning, the message of the text and forming its dominant, but also as a grammatically complex phenomenon, which should be avoided in language and speech. Thus, repetition appears as a controversial phenomenon, which in terms of stylistics of the text and its imagery is manifested in the form of various stylistic means, containing repetition in their structure, and aiming at a more accurate, precise transmission of emotions, phenomena of reality, text images, and in terms of grammar appears as an undesirable phenomenon, which should be

© Бойчук Е. И., 2023

avoided as a tautology. The study aims to determine the specifics of repetitions functioning from the point of view of realizing their lexical-grammatical function. The study uses the works of french fiction of the 20th century as the basis for the analysis and the Rythmanalyse computer application, which allows to carry out lexicometric analysis of texts, determine the frequency of using words in the text and track the density of using repetitions. The analysis shows that the main parts of speech that have the highest frequency in French are pronouns and adverbs. In addition, fiction is characterized by a large number of repetitions of proper names. The main problem in this analysis is the density ofrepetitions. This is a relative concept, since it depends on such factors as the size of the sentence and the space between the main and the repeating element.

Key words: repetition; lexical-grammatical function; french fiction; sentence size; initial element; repeating elements; lexicometric analysis

For citation: Boychuk E. I. Lexical-grammatical function of repetition in the french language. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):157–165. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_157. https://elibrary.ru/YFJXPM

Статус повтора как единицы анализа текста

Роль художественных повторов как ритмообразующего фактора в строении стиха и прозы наряду с поиском выразительного смысла определенного выбора слов или грамматического строения предложения, с оценкой роли симметрии, а также музыкального начала при анализе стихотворных жанров и лирической прозы неоценима. С точки зрения Ж. Молинье, повтор является одним из самых могущественных средств выразительности текста: «la plus puissante de toutes les figures» [Molinié, 1997].

Основной функцией повтора является акцентирование внимания на определенной мысли, идее, образе, а также с употреблением повторов тесно связано понятие доминанты текста, которая проявляется в повторах, выстраивающих доминирующий образ или идею. С точки зрения Б. Паскаля, не существует четкого правила относительно степени частотности повторов в тексте, которых в некоторых случаях невозможно избежать: «Quand dans un discours se trouvent des mots répétés, et qu'essayant de les corriger, on les trouve si propres qu'on gâterait le discours, il les faut laisser, c'en est la marque ; et c'est là la part de l'envie, qui est aveugle, et qui ne sait pas que cette répétition n'est pas faute en cet endroit, car il n'y a point de règle générale» [Pascal, 1987].

Отечественные исследования демонстрируют непрекращающееся внимание к повторам и совокупности их появлений в тексте – ритму. Основные исследования представлены работами Ю. А. Богатовой [Богатова, 2003], В. В. Потапова [Потапов, 1992], О. Н. Сериковой [Серикова, 2006] в германистике, И. А. Афониной [Афонина, 2006], Ю. В. Степанюк [Степанюк, 2000] в романистике, Г. Н. Ивановой-Лукьяновой [Иванова-Лукьянова, 1968], О. Ф. Кривновой [Кривнова, 1995], Н. Ю. Лозюк [Лозюк, 2008], А. Е. Наговицына [Наговицын, 2005], Г. Ф. Хажиевой [Хажиева, 2005] в русистике. Интерес к проблемам повторов и ритма проявляют многие зарубежные исследователи: А. Мешонник [Meschonnic, 2009], Ж. Дессон [Desson, 1998], Э. Борда [Bordas, 2003], Ф. Жуссе [Jousset, 2003], Б. Корнюлье [Cornulier, 2003], Ж-П. Сан-Жеран [Saint-Gérand, 2003], М. А. Ди Кристо [Di Cristo, 2003], Ш. Жерар [Gérard, 2006], Ж.-П. Гу [Goux, 2009], С. Фрейермут [Freyermuth, 2009], Ж. Рафанель [Raphanel, 1996], Э. Брюне [Brunet, 2015], М. Берман [Bermann, 2015] и другие. Однако большинство работ перечисленных авторов посвящено исследованию ритма, основанного на повторе в поэтических текстах или разговорной речи. Повторам в прозе на материале конкретных художественных прозаических текстов главным образом посвящены работы Ш. Жерара, С. Фрейермут, Ж.-П. Гу.

Из анализа теорий средств ритмизации видно, что в литературоведении нет единой четкой системы и классификации различных типов повторов. Однако обобщив существующие теории, можно сделать вывод о том, что повтор является ключевым средством образования ритма на всех уровнях его реализации. Фонетическому уровню соответствуют звуковые повторы, лексическому и грамматическому – лексические, морфологические и синтаксические, а также фразовые повторы, стилистическому уровню соответствуют повторы фигур речи и тропов, структурно-композиционному – образные повторы мотивов, ситуаций. Повтор мелких структур рождает ощущение единства процесса мелодического развертывания, хотя и подчеркивает их дискретность. Таким образом, повтор, сообщая дискретность структурам на низшем уровне, способствует их объединению на более высоком уровне [Бойчук, 2019].

Обзор научных работ французских и русских лингвистов по вопросу исследования повторов и их специфики

Рассмотрим некоторые последние работы французских и отечественных исследователей в области изучения специфики повторов и способов их проявления в разных типах текстов.

Французский грамматист Элизабет Ришар указывает на то, что повтор имеет не стилистическую (как об этом говорит М. Уилмет [Wilmet 1997]), а синтаксическую природу. Однако в этом есть некоторое противоречие, которое заключается в том, что если исходный элемент повторяется более одного раза (например, в начале предложений или частей предложений), то речь идет об анафорическом повторе [Richard, 2002].

Исследование Ж. Рафанеля посвящено сравнительному анализу французского и корейского языков с точки зрения необходимости повторов в речи. Автор акцентирует внимание на том, что французский язык избегает повторов. Реплика *Ce film nous a beaucoup impressionées. Le sujet de ce film est l'espérance et la liberté. Après avoir vu un film nous sommes allées au café. Il y avait de l'ambiance dans un café* является неестественной и будет воспринята как реплика, произнесенная не франкофоном, поскольку французский язык не приемлет такого рода повторы в речи. Естественным будет выстроить высказывание следующим образом: *Ce film nous a beaucoup impressionées.* ***Son*** *sujet était l'espérance et la liberté. Après* ***l'****avoir vu nous sommes allées au café où il y avait beaucoup d'ambiance.*

Другой пример: *Depuis ma fenêtre je vois un banc sous un arbre. Un arbre et un banc sont au milieu d'une place. Sous un arbre il y a un homme qui parle avec un autre homme. Sur un banc il y a un homme qui parle avec un autre homme. À gauche il y a une route. Sur une route on voit des voitures. Des voitures roulent derrière un camion* (Примеры взяты автором из учебника Le nouveau sans frontières (Unité 2, exercice 9). В нем абсолютно не просматривается смысловая линия, что обусловлено употреблением неопределенного артикля, сопровождающего повторяющиеся существительные.

Основным негласным правилом во французском языке является **неповторяемость существительных, глаголов, прилагательных, некоторых качественных наречий, образованных от прилагательных** и напротив, **повторяемость всех типов местоимений**. В этом заключается неявная логика французского синтаксиса: *Hier soir je suis allée à la discothèque avec mes amis pour l'anniversiare d'Angélique. On a offert des cadeaux à Angélique. Les cadeaux lui ont fait plaisir. – Hier soir je suis allée à la discothèque avec mes amis pour l'anniversiare d'Angélique. On lui a offert des cadeaux qui lui ont fait plaisir.* Повторение личного местоимения *lui* не составляет никакой проблемы, тогда как повторение имени собственного или существительного *cadeaux* звучит неестественно [Raphanel, 1997, p. 324–333].

Автор обращает внимание на то, что для корейского языка напротив, эти повторы составляют специфику грамматической структуры. Так, например, для выражения идеи множественности используется прием редупликации, повтора: чип чип (каждый дом), сэк сэк (каждый цвет, цвета всех сортов, разный), кот кот коккот (все места, всюду), нанал (из нал нал) (каждый день, ежедневно). Также в грамматике корейского языка Г. Рамстедта отмечается особенность употребления глагола малда, который в случае если повторяет форму предшествующего ему глагола, то означает «конечно, о чем же еще может быть разговор»: каго малго (конечно, он пойдет), алго малго (конечно, я знаю [о чем еще может быть разговор]). В обыденной речи такое употребление этого глагола весьма распространено [Рамстедт, 1951].

По мнению Э. Брюне, повторение слова есть частный случай итерации, которая проявляется на уровне звуков в рифме, на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Лексикометрический анализ текста, который автор осуществляет на материале произведений французских писателей, основан на повторении, на частотности слова в тексте. В объемных текстах и корпусах повторение не ощутимо. Однако на уровне микротекста слова выходят на уровень тесного взаимодействия [Brunet, 2015].

Автор рассчитал вероятность повторения слова, которая зависит от длины предложения и частоты употребления слова в предложении. Отмечается также зависимость частотности слов от жанра текста. Так, помимо лексикометрического анализа романа Giraudoux «Églantine», автор исследует частотность слов в поэтических и прозаических текстах французских поэтов и прозаиков и приходит к выводу о том, что в прозаических текстах частность одного и того же слова выше, чем в поэтических: On soupçonne aussi l'influence du genre. Car le taux de répétition pour des poètes (Corneille, Racine, Saint-John Perse) est inférieur à celui de prosateurs [Brunet, 2015]. Автор приводит лексикометрические данные, согласно которым наибольшую частотность повторов имеют такие

французские писатели, как B. Pascal, D. Diderot, V. Hugo, A. Breton, M. Dib, L. Aragon, A. Malraux [Brunet, 2015].

Примечательно, что лексикометрические данные, полученные автором, совпадают с данными ритмического анализа, проведенного нами ранее для писателей прозаиков Г. де Мопассана, О. де Бальзака, Г. Флобера, Стендаля [Бойчук, 2019]. Интенсивность появления повторов в текстах прозаиков выстраивается практически в той же последовательности для данных авторов, как представлено выше. Исключение составляют Г. Флобер и Стендаль. Известно отношение Г. Флобера к повторам. Стиль Г. Флобера точно описан Э. Золя: «Он избегает повторения каких-нибудь слов на расстоянии тридцати-сорока строк и затрачивает бесконечно много труда, чтобы освободиться от досадных созвучий, удвоения слогов, содержащих жесткий звук. Особенно беспощадно преследует он рифмы, повторы окончаний с одним и тем же звуком. Ничто, по его мнению, не портит в такой мере стиль» [Zola, 1881]. Проведенное ранее исследование подтвердило осторожное, более того, отрицательное отношение писателя к повтору. В ритмическом анализе частотность ритмических средств в его произведениях ниже, чем у Стендаля.

Значимость повторов для смысловой, структурно-композиционной, лексико-грамматической целостности текста не следует недооценивать. Именно повторы создают предпосылки для когезии текста.

В качестве основных средств, позволяющих избежать простых повторов, но усиливающих когезию французские лингвисты рассматривают замены существительных следующими элементами: личным, относительным, указательным, притяжательным, наречным местоимением (Таблица 1):

Таблица 1

Замена существительных местоимениями при повторе

Pronom personnel	*Les abeilles sont des insectes. Elles possèdent deux paires d'ailes.*
Pronom relatif	*Ces insectes, qui butinent les fleurs, sont à la merci des pesticides.*
Pronom démonstratif	*Les faux-bourdons sont les mâles de la ruche. Ceux-ci n'assurent qu'un rôle reproducteur.*
Pronom possessif	*L'apiculteur n'est pas propriétaire de ces ruches. Les siennes sont situées en montagne.*
Pronom adverbial	*Il est allé à Paris mercredi et y retournera lundi prochain.*

Кроме того, в качестве средств замены повторов выступают **синонимы** (*Gustave Courbet est un* ***peintre*** *réaliste. Cet* ***artiste*** *a peint Un enterrement à Ornans*.), **деривация** (*Il* ***reprend*** *le travail demain. J'espère que* ***sa reprise*** *se passera bien. Madame* ***se meurt****. Madame* ***est morte****!*), **гиперонимы** (*La* ***chaise*** *était bancale, et ne tenait que sur trois pieds. Il faillit basculer lorsqu'il s'assit sur ce* ***siège*****),** **перифраза** (*Les* ***sapeurs-pompiers*** *ont fait preuve d'un courage à toute épreuve. Ces* ***combattants du feu*** *ont sauvé quatre personnes de l'incendie*) [Цифровой учебник по французскому языку].

В исследовании М. Бермана представлена значимость повторов в произведении Пьера де Мариво «Жизнь Марианны, или Приключения графини де ***». Автор статьи отмечает такие приемы повтора, как **анафора**, **повтор с целью усиления интенсивности высказывания**, **антанаклаза** (повтор лексемы, употребленной в разных смыслах), **полиптотон**, **деривация**. Автор также указывает на частотность повторов в диалогических репликах, объясняя это эмотивностью высказываний. Здесь отмечаются повторы с отрицанием, повторы восклицательных и вопросительных предложений [Bermann, 2015].

Среди отечественных исследований в области специфики повтора следует отметить работу А. В. Плотниковой, посвященную диалогическому повтору как средству организации речевого взаимодействия. Автором решены следующие задачи: определение статуса диалогического повтора как речевой единицы, анализ лексико-грамматические, формальные и функциональные его признаков в сопоставлении с другими единицами речевой коммуникации; разработана коммуникативно-функциональная классификация диалогического повтора на материале устно продуцируемой речи; определена частотность и специфика функционирования конкретных типов диалогического повтора в разговорно-бытовом, про-

фессиональном дискурсе, диалоге «взрослый – ребенок», драматургическом диалоге [Плотникова, 2007].

В работе О. А. Добижа рассматривается специфика лексико-грамматического повтора как средства выражения категорий количества и степени. Автор приходит к выводу о том, что значение лексико-грамматического повтора является комплексным и складывается из лексического и грамматического значения слова, образующего повтор, приращенного значения, полученного в результате операции субъективной интеллектуально-эмоциональной оценки, обусловленной самим фактом повторения, и дополнительных смысловых оттенков, актуализируемых в семантике единиц повтора окружающим контекстом. Тесно взаимодействуя, данные факторы делают возможным анализ лексико-грамматического повтора как средства выражения количественных значений в языке и выделение семантических разновидностей редупликативных конструкций внутри общих категориальных значений дискретного количества, недискретного количества и степени [Добижа, 2001].

Проводятся также исследования на материале текстов различных жанров (например, сказок, мифов, коротких рассказов): Т. Н. Лапчинская в статье «Смыслообразующая функция лексических повторов в тексте немецкого короткого рассказа» проводит анализ повторяющихся существительных и полнозначных глаголов, который позволил проследить их ярко выраженную смыслообразующую функцию и вывести на поверхность имплицитные оттенки смысла. Исследовав 30 немецкоязычных текстов, автор пришел к выводу о том, что все повторяющиеся имена существительные и полнозначные глаголы реализуют свое символическое метафорическое значение в контексте отдельно взятого текста наряду с выражением своих основных, прямых значений; указывают на авторские намеки, не высказанные вербально, и соотносятся с событиями, прямо не обозначенными в тексте; репрезентируют макрособытие как осевое смысловое событие текста и выводят на поверхность оттенки смысла, невидимые на первый взгляд; расширяют возможности восприятия смысла текста, раскрывая его многообразные дополнительные смысловые оттенки, характеризующие отдельных героев, их взаимоотношения, ситуацию в целом. Данные выводы позволяют в некоторой степени судить об основных функциях повторов [Лапчинская, 2015].

На материале мифов Сицилии было проведено исследование, в рамках которого были выявлены тройственные повторы (триады) [Салеева, Бойчук, 2017]. В данной работе повторяемость проявляется на лексическом и структурно-композиционном уровнях. Авторы разграничивают понятия триады, триединства и троичности. Триады в мифах Сицилии представлены следующими типами: 1) триады мифологических божеств и героев, 2) предметные триады, 3) топонимические и этнонимические триады. В качестве триединств выступают в основном единства частей тела чудовищ, но такие примеры немногочисленны. Троичность представлена мифами, где число три проявляется в ритуалах и повторяющихся действиях.

Таким образом, повтор имеет способность проявляться на разных уровнях, в разных формах, иметь различные функции, при этом довольно высокой остается его значимость для смысла текста, в особенности для художественного произведения.

Лексикометрический анализ повторов во французских текстах

С целью подтверждения теории Э. Брюне, а также с целью анализа специфики повторов во французском языке было проведено исследование французских художественных текстов (романов) 20 века. Были исследованы тексты A. Camus, Céline, Collette, M. Duras, A. France, A. Gide, R. Martin du Gard, M. Pagnol, M. Proust, R. Rolland, F. Sagan, B. Vian.

Анализ осуществлялся с опорой на компьютерное приложение Rythmanalyse. Проанализировав произведения французской литературы с точки зрения лексикометрических показателей, мы пришли к подтверждению того факта, что в первую очередь наибольшую частоту в тексте, а значит более высокую плотность повторяемости имеют местоимения, наречия, имена собственные. Существительные имеют низкую частотность употребления относительно других частей речи, при этом естественным является то, что они максимально рассредоточены по тексту.

Приведем несколько примеров частотности различных частей речи. В романе А. Камю «Падение» (A. Camus «La chute») выстраивается следующая последовательность: moi (152), très (121), peu (73), être (63), vie (61), rien (60) и т. д.: *Mais permettez- **moi** de faire appel à notre ami le primate. Hochez la tête pour le remercier et, surtout, buvez avec**moi**, j'ai besoin de votre sympathie. Je vois que cette déclaration vous étonne. N'avez-vous jamais eu*

subitement besoin de sympathie, de secours, d'amitié? Oui, bien sûr. ***Moi****, j'ai appris à me contenter de la sympathie (A. Camus «La chute»)*. В данном примере наблюдается употребление ударного местоимения практически в каждом предложении, при этом наиболее распространенными являются употребление местоимения при глаголе в повелительном наклонении и употребление местоимения с предлогом, что подтверждает также следующий пример: *Non, non, ce goût n'a rien de morbide, croyez-* ***moi****. Au contraire, c'est, chez* ***moi****, un parti pris. (A. Camus «La chute»).*

Троекратный повтор наречия *bien* наблюдается с той же плотностью, что и местоимение *moi* в первом примере: *Il me semblait que je désapprenais en partie ce que je n'avais jamais appris et que je savais pourtant si* ***bien****, je veux dire vivre. Oui, je crois* ***bien*** *que c'est alors que tout commença. Mais ce soir, non plus, je ne me sens pas en forme. J'ai même du mal à tourner mes phrases. Je parle moins* ***bien****, il me semble, et mon discours est moins sûr (A. Camus «La chute»).*

В следующем фрагменте существительное *vie*, употребленное с интервалом в одно предложение, не воспринимается на слух как тавтология и звучит довольно естественно. *Vous admettrez alors que je puisse parler, en toute modestie, d'une* ***vie*** *réussie. Oui, peu d'êtres ont été plus naturels que moi. Mon accord avec la* ***vie*** *était total, j'adhérais à ce qu'elle était, du haut en bas, sans rien refuser de ses ironies, de sa grandeur, ni de ses servitudes (A. Camus «La chute»).*

В романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» (M. Proust «A la recherche du temps perdu») выстраивается следующая последовательность: bien (263), Swann (223), moi (218), être (209), faire (204), on (197), encore (172), père (169) и т.д. Здесь также наблюдается высокая частотность местоимения *moi*, наречия *bien*, глагола *être*, как и в предыдущем произведении: *Vous avez pourtant* ***bien*** *remis ma lettre. C'est* ***bien****, je vais attendre encore (M. Proust «A la recherche du temps perdu»)*. Как видно из последовательности, в нее включены имена собственные, что для художественной литературы является обычным явлением.

Это демонстрирует и роман Ф. Саган «Немного солнца в холодной воде» (F. Sagan «Un peu de soleil dans l'eau froide»), последовательность в котором будет следующей: Gilles (361), tu (336), Nathalie (246), bien (192), Jean (165), peu (116), ça (116), très (101), femme (90), rien (90) и т. д. Здесь имя собственное по частотности употребления стоит на первом месте: *Enfin, il se résigna; une grande bonté montait en lui : il se rappelait la chaleur de* ***Gilles****, sa gentillesse, son attention quand sa propre femme l'avait quitté, il se trouvait brusquement affreusement égoïste. Cela faisait deux mois qu'il sentait* ***Gilles*** *malheureux, deux mois qu'il évitait de lui en parler. C'était beaucoup trop pour un ami. Néanmoins puisque* ***Gilles*** *lui laissait, ou plutôt lui imposait l'attaque, il ne put se retenir d'organiser une légère mise en scène (F. Sagan «Un peu de soelil dans l'eau froide»).*

Следующий пример подтверждает предположение Э. Брюне о беспрепятственном повторении личных местоимений, которые не утяжеляют текст. ***Tu*** *devrais voir un bon médecin, prendre des vitamines, de l'air et dans quinze jours,* ***tu*** *recommenceras à courir le guilledou. Gilles leva les yeux. Il était hors de lui : – Mais ne ramène pas tout à ça. Je m'en fiche,* ***tu*** *comprends, je m'en fiche. Je n'ai envie de rien,* ***tu*** *comprends : pas seulement des femmes. Je n'ai pas envie d'exister.* ***Tu*** *connais des vitamines pour ça? (F. Sagan «Un peu de soelil dans l'eau froide»)*. Однако в данном случае мы можем говорить об анафоре, а также о симплоке (***Je m'en fiche****, tu comprends,* ***je m'en fiche.***), обрамлении фрагмента текста повтором.

Заключение

Безусловно, интенсивность повторов, их восприятие зависит от размера предложения. Начиная с 60-х годов 20 века и по сей день развивается теория размера предложения, заключающаяся в признании зависимости протяженности предложения от его грамматической структуры и стилистической принадлежности. Грамматический аспект данной проблемы был исследован Г. Н. Акимовой, В. Г. Адмони, Г. А. Лесскисом, Г. Ф. Калашниковой и др. Так, проводя стилистические исследования с включением диахронического аспекта, Г. Н. Акимова приходит к общему выводу о сокращении размера предложения в русском языке [Акимова, 1990]. В. Г. Адмони выявляет средний размер цельного предложения (от точки до точки), влияющий на восприятие текста с точки зрения его синтаксической сложности, легкости или громоздкости [Адмони, 1966]. Современные отечественные и зарубежные исследования показывают, что внутренний размер цельных предложений имеет тенденцию к **увеличению** с точки зрения его слогового состава (Калашникова Г. Ф., Вакурова Т. И., Будро М., Лессар Ш.-Э.). Однако относительно предпринятого нами исследования размер предложения играет роль с точки зрения расстояния между повторами. Здесь очень важ-

ным и сложным является вопрос измерения этого «расстояния» между основным и повторяющимся элементами структуры. И соответственно, чем меньше это расстояние, тем более навязчиво звучит повтор, тем более он приближается к тавтологии. На стилистическом уровне речь может идти о редупликации, об анадиплозисе, об эпизевксисе, которые не содержат промежуточных слов между основным и повторяющимися элементами. Либо речь может идти о фиксированной позиции повторяющихся элементов, как в случае с анафорой, эпифорой, симплокой, эпаналепсисом и другими подобными стилистическими фигурами. При этом с грамматической точки зрения основными смысловыми и значимыми элементами перечисленных стилистических фигур, содержащих в своей структуре повтор, как правило являются имена существительные, глаголы, наречия. Местоимения с этой точки зрения являются такими же частотными, но в большинстве случаев менее значимыми для восприятия повтора.

Библиографический список

1. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Ленинград : Наука, 1966. 214 с.
2. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва, 1990. 168 с.
3. Афонина И. А. Возможности применения некоторых статистических параметров для оценки ритмической организации переводного текста // Сопоставительная лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург : УРГПУ, 2006. Т. 6. С. 23–28.
4. Богатова Ю. А. Ритмика художественного текста и стилистическая манера автора. Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.
5. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка) : монография. Ярославль : Канцлер, 2019. 232 с.
6. Добижа О. А. Лексико-грамматический повтор как средство выражения категорий количества и степени (на материале современного русского языка). Таганрог, 2001. 195 с.
7. Иванова-Лукьянова, Г. Н. О ритме прозы // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Москва, 1968. № 292. С. 37–49.
8. Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение в процессе порождения текста // Тезисы международной конференции «Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Т 1. Москва, 1995. С. 272–273.
9. Лапчинская Т. Н. «Смыслообразующая функция лексических повторов в тексте немецкого короткого рассказа» // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 248–260.
10. Лозюк Н. Ю. Композиционный ритм в новелле И. А. Бунина «Генрих» // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2008. №2. С. 63–69.
11. Наговицын А. Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста: Смысловое наполнение фонетических знаков : учебное пособие Москва : МПСИ: Флинта, 2005. 408 с.
12. Плотникова А. В. Дискурсивный диалогический повтор как средство реализации коммуникативных тактик слушающего // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. Вып. 3. Ставрополь-Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. С. 81–88.
13. Потапов В. В. К проблеме ритмической организации английской прозаической речи // Актуальные проблемы англистики / Межвузовский сборник научных трудов. Архангельск, 1992. С. 5–16.
14. Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. Москва : Издательство иностранной литературы, 1951. 232 с.
15. Салеева Д. А., Бойчук Е. И. Концепт тройственности в мифологии и культуре Сицилии. Ярославский педагогический вестник. Серия «Культурология». Ярославль : Издательство ЯГПУ, 2017. № 2. С. 298–303.
16. Серикова О. Н. Синтагматическое и ритмическое членение текстов немецкой художественной прозы // Вестник ВГУ. Вып. 2.Воронеж, 2006. С. 424–430.
17. Степанюк Ю. В. О ритмической структуре прозаического текста // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып.5. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. С. 232–233.
18. Хажиева Г. Ф Ритмический анализ рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека // Актуальные проблемы филологии: материалы Республиканской конференции молодых ученых. УфаРИО БашГУ, 2005. С. 253–257.
19. Цифровой учебник по французскому языку. URL: https://manuelnumeriquemax.belin.education/francais-premiere/topics/francais1-etude-langue-542-a_fiche-14-eviter-les-repetitions (дата обращения: 11.08.2022).
20. Bermann M. «Il faut que je répète les mots»: les fonctions de la répétition dans La Vie de Marianne. 2015. URL: https://cielam.univ-amu.fr/malice/articles/il-faut-que-je-repete-mots-fonctions-repetition-dans-vie-marianne (дата обращения 09.08.2022).
21. Bordas É. Le rythme de la prose // Semen, Rythme de la prose, 2003. № 16. URL: http://semen.revues.org/document2664.html (дата обращения: 12.08.2022).
22. Brunet É. La répétition dans la phrase. Etude statistique // Semen, № 38. 2015. URL: http://journals.openedition.org/semen/10287. (дата обращения: 12.08.2022).
23. Cornulier B. Problèmes d'analyse rythmique du non-métrique // Semen, Rythme de la prose, 2003, 2007.

№ 16. URL : http://semen.revues.org/document2736.html. (дата обращения: 13.08.2022).

24. Dessons G., Meschonnic H. Traité du rythme. Des vers et des proses. P.: Dunod, 1998. 143 p.

25. Di Cristo A. De la métrique et du rythme de la parole ordinaire : l'exemple du français // Semen, Rythme de la prose, 2003. № 16. URL: http://semen.revues.org/2944 (дата обращения: 12.08.2022).

26. Freyermuth S. Poétique de la prose ou prose poétique? Le rythme contre le prosaïsme // Questions de style. 2009. № 6. URL: http://www.unicaen.fr/puc/revues/thl/questionsdestyle/print.php?dossier=dossier6&file=03freyermuth.xml (дата обращения: 12.08.2022).

27. Gérard Ch. Sémantique et linéarité du texte. La place du rythme en sémantique des textes. Toulouse: Université de Toulouse Le Mirail, 2006. Vol. XI, № 1. URL: http://www.revue-texto.net/inedits/gerard/gerard_linearite.html (Дата обращения: 12.08.2022).

28. Goux J.-P. De l'allure // Semen, № 16, Rythme de la prose, 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-stroenie-ritmicheskih-edinits-frantsuzskogo-prozaicheskogo-teksta. (дата обращения: 12.08.2022).

29. Jousset P. La prose sous la prose // Semen № 16, 2003. URL: http://semen.revues.org/document2695.html (дата обращения: 13.08.2022).

30. Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage. Lagrasse, Verdier : coll. «Verdier Poche», 2009. 736 p.

31. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique, op. cit., 1997. 352 p.

32. Pascal B. Pensées. P.: édition Brunschvicg, 1987. URL: http://www.samizdat.qc.ca/arts/lit/Pascal/Pensees_brunschvicg.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

33. Raphanel J. Le français a horreur de la repetition // Actes du IX Congrès mondial des professeurs de français Tokyo, Japon 25-31 août 1996. Le français au XXI siècle. Tracer l'avenir. Cultiver la différence. FIPF: Fédération internatonale des professeurs de français. 1997. P. 324–333.

34. Richard É. La répétition comme relance syntaxique. In: L'Information Grammaticale, N. 92, 2002. pp. 13-18. URL: http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_2002_num_92_1_3273 (дата обращения: 12.08.2022).

35. Saint-Gérand J.-P. Du rhythme: le désir du poète et le dire des dictionnaires (1780–1914) // Semen. 2003. № 16.URL: http://semen.revues.org/document2675.html (дата обращения: 13.08.2022).

36. Wilmet M. Grammaire critique du Français. Hachette Supérieur, Duculot, Louvain-la-Neuve, Belgique. 1997.

37. Zola E. Les romanciers naturalistes. P., 1881. 395 p.

Reference list

1. Admoni V. G. Razvitie struktury predlozhenija v period formirovanija nemeckogo nacional'nogo jazyka = The development of sentence structure in the formation of the German national language. Leningrad : Nauka, 1966. 214 s.

2. Akimova G. N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka = New syntax in modern Russian. Moskva, 1990. 168 s.

3. Afonina I. A. Vozmozhnosti primenenija nekotoryh statisticheskih parametrov dlja ocenki ritmicheskoj organizacii perevodnogo teksta = Possibilities of applying some statistical parameters to assess the rhythmic organization of the translated text // Sopostavitel'naja lingvistika: Bjulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshhestva. Ekaterinburg : URGPU, 2006. T. 6. S. 23–28.

4. Bogatova Ju. A. Ritmika hudozhestvennogo teksta i stilisticheskaja manera avtora = The rhythm of the literary text and the author's stylistic approach. Tula : TGPU im. L. N. Tolstogo, 2003.

5. Bojchuk E. I. Analiz ritma prozy (na materiale francuzskogo jazyka) = Analysis of the rhythm in French prose: monografija. Jaroslavl' : Kancler, 2019. 232 s.

6. Dobizha O. A. Leksiko-grammaticheskij povtor kak sredstvo vyrazhenija kategorij kolichestva i stepeni (na materiale sovremennogo russkogo jazyka) = Lexical-grammatical repetition as a means of expressing the categories of quantity and degree in modern Russian. Taganrog, 2001. 195 s.

7. Ivanova-Luk'janova G. N. O ritme prozy = On the rhythm in prose // Uch. zap. MGPI im. V.I. Lenina. Moskva, 1968. № 292. S. 37–49.

8. Krivnova O. F. Ritmizacija i intonacionnoe chlenenie v processe porozhdenija teksta = Rhythmic and intonation division in the process of generating text // Tezisy mezhdunarodnoj konferencii «Lingvistika na ishode XX veka. Itogi i perspektivy. T 1. Moskva, 1995. S. 272–273.

9. Lapchinskaja T. N. «Smysloobrazujushhaja funkcija leksicheskih povtorov v tekste nemeckogo korotkogo rasskaza» = «The semantic function of lexical repetition in German short stories» // Kul'tura i civilizacija. 2015. № 6. S. 248–260.

10. Lozjuk N. Ju. Kompozicionnyj ritm v novelle I. A. Bunina «Genrih» = Structural rhythm in Bunin's short story «Henry» // Vestnik VGU. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2008. №2. S. 63–69.

11. Nagovicyn A. E. Osobennosti ritmo-foneticheskoj struktury teksta: Smyslovoe napolnenie foneticheskih znakov = Characteristics of the rhythmic-phonetic textual structure: The semantic content of the phonetic signs : uchebnoe posobie Moskva : MPSI: Flinta, 2005. 408 s.

12. Plotnikova A. V. Diskursivnyj dialogicheskij povtor kak sredstvo realizacii kommunikativnyh taktik slushajushhego = Discursive dialogic repetition as a means of implementing the listener's communicative tactics // Jazyk. Tekst. Diskurs. Mezhvuzovskij nauchnyj al'manah. Vyp. 3. Stavropol'-Pjatigorsk: Izdatel'stvo Pjatigorskogo

gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2005. S. 81–88.

13. Potapov V. V. K probleme ritmicheskoj organizacii anglijskoj prozaicheskoj rechi = Toward the problem of rhythmic organization of English prose speech // Aktual'nye problemy anglistiki / Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Arhangel'sk, 1992. S. 5–16.

14. Ramstedt G. Grammatika korejskogo jazyka = Grammar of the Korean language. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1951. 232 s.

15. Saleeva D. A., Bojchuk E. I. Koncept trojstvennosti v mifologii i kul'ture Sicilii = The concept of triplicity in Sicilian mythology and culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Serija «Kul'turologija». Jaroslavl' : Izdatel'stvo JaGPU, 2017. № 2. S. 298–303.

16. Serikova O. N. Sintagmaticheskoe i ritmicheskoe chlenenie tekstov nemeckoj hudozhestvennoj prozy = Syntagmatic and rhythmic division of German prose texts // Vestnik VGU. Vyp. 2.Voronezh, 2006. S. 424–430.

17. Stepanjuk Ju. V. O ritmicheskoj strukture prozaicheskogo teksta = About the rhythmic structure of a prose text // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii studentov i aspirantov po fundamental'nym naukam «Lomonosov». Vyp.5. Moskva : MGU im. M. V. Lomonosova, 2000. S. 232–233.

18. Hazhieva G. F Ritmicheskij analiz rasskaza F. M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka = A rhythmic analysis of F. M. Dostoyevsky's story «A Funny Man's Dream» // Aktual'nye problemy filologii: materialy Respublikanskoj konferencii molodyh uchenyh. UfaRIO BashGU, 2005. S. 253–257.

19. Cifrovoj uchebnik po francuzskomu jazyku = The French language digital textbook. URL: https://manuelnumeriquemax.belin.education/francais-premiere/topics/francais1-etude-langue-542-a_fiche-14-eviter-les-repetitions (data obrashhenija: 11.08.2022).

20. Bermann M. «Il faut que je répète les mots»: les fonctions de la répétition dans La Vie de Marianne. 2015. URL: https://cielam.univ-amu.fr/malice/articles/il-faut-que-je-repete-mots-fonctions-repetition-dans-vie-marianne (data obrashhenija 09.08.2022).

21. Bordas É. Le rythme de la prose// Semen, Rythme de la prose, 2003. № 16. URL: http://semen.revues.org/document2664.html (data obrashhenija: 12.08.2022).

22. Brunet É. La répétition dans la phrase. Etude statistique // Semen, № 38. 2015. URL: http://journals.openedition.org/semen/10287. (data obrashhenija: 12.08.2022).

23. Cornulier B. Problèmes d'analyse rythmique du non-métrique // Semen, Rythme de la prose, 2003, 2007. № 16. URL : http://semen.revues.org/document2736.html. (data obrashhenija: 13.08.2022).

24. Dessons G., Meschonnic H. Traité du rythme. Des vers et des proses. P.: Dunod, 1998. 143 p.

25. Di Cristo A. De la métrique et du rythme de la parole ordinaire : l'exemple du français // Semen, Rythme de la prose, 2003. № 16. URL: http://semen.revues.org/2944 (data obrashhenija: 12.08.2022).

26. Freyermuth S. Poétique de la prose ou prose poétique? Le rythme contre le prosaïsme // Questions de style. 2009. № 6. URL: http://www.unicaen.fr/puc/revues/thl/questionsdestyle/print.php?dossier=dossier6&file=03freyermuth.xml (data obrashhenija: 12.08.2022).

27. Gérard Sh. Sémantique et linéarité du texte. La place du rythme en sémantique des textes. Toulouse: Université de Toulouse Le Mirail, 2006. Vol. XI, № 1. URL: http://www.revue-texto.net/inedits/gerard/gerard_linearite.html (Data obrashhenija: 12.08.2022).

28. Goux J.-P.De l'allure // Semen, № 16, Rythme de la prose, 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-stroenie-ritmicheskih-edinits-frantsuzskogo-prozaicheskogo-teksta. (data obrashhenija: 12.08.2022).

29. Jousset P.La prose sous la prose // Semen № 16, 2003. URL: http://semen.revues.org/document2695.html (data obrashhenija: 13.08.2022).

30. Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage. Lagrasse, Verdier : coll. «Verdier Poche», 2009. 736 p.

31. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique, op. cit., 1997. 352 p.

32. Pascal B. Pensées. P.: édition Brunschvicg, 1987. URL: http://www.samizdat.qc.ca/arts/lit/Pascal/Pensees_brunschvicg.pdf (data obrashhenija: 15.08.2022).

33. Raphanel J. Le français a horreur de la repetition // Actes du IX Congrès mondial des professeurs de français Tokyo, Japon 25-31 août 1996. Le français au XXI siècle. Tracer l'avenir. Cultiver la différence. FIPF: Fédération internatonale des professeurs de français. 1997. P. 324–333.

34. Richard É. La répétition comme relance syntaxique. In: L'Information Grammaticale, N. 92, 2002. pp. 13-18. URL: http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_2002_num_92_1_3273 (data obrashhenija: 12.08.2022).

35. Saint-Gérand J.-P. Du rhythme: le désir du poète et le dire des dictionnaires (1780–1914) // Semen. 2003. № 16.URL: http://semen.revues.org/document2675.html (data obrashhenija: 13.08.2022).

36. Wilmet M. Grammaire critique du Français. Hachette Supérieur, Duculot, Louvain-la-Neuve, Belgique. 1997.

37. Zola E. Les romanciers naturalistes. P., 1881. 395 p.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 14.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 801.804
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_166
EDN: ZELFXR

К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке

Валентина Ивановна Корж[1], Игорь Владимирович Скуратов[2]✉
[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Московский государственный областной педагогический университет. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
[2]Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии, Московский государственный областной педагогический университет. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
[1]6693503@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2231-0387
[2]iv.skuratov@mgou.ru✉, https:// orcid.org/ 0000-0003-0578-4855

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос суффиксального образования феминитивов в современном французском языке. Основное внимание уделяется существительным, созданным на базе наиболее употребляемых суффиксов, каковыми являются – ée, trice, eure, ère и др. Особый интерес для авторов статьи представляют случаи образования существительных женского рода в связи с восприятием современных лингвистических тенденций, а также при реализации количественного фактора в употреблении новообразованных феминитивов. Научная новизна поставленной проблематики заключается в том, что некоторые новые феминитивы проходят довольно сложный путь, прежде чем укорениться в языке. Поэтому не удивительно, что мы слышим все чаще такие образования: министерка (la ministre), сенаторка (la sénatrice), президентка (la présidente), прокурорка (la procureure). Актуальность исследуемой проблематики обусловлена тем, что частотность употребления рассматриваемых существительных женского рода охватывает все сферы социально-политической, культурологической и религиозно-просветительской жизни Франции и франкоговорящих стран. Авторами статьи подчеркивается заслуга официальных рекомендаций в пользу феминизации на современном этапе, поскольку они с новой силой узаконили общепринятую языковую практику, которая напрямую увязана со структурой языка. Отказаться от названий мужского рода в пользу женских гораздо целесообразнее, нежели протестовать против грамматических исключений. Это означает, что необходимо считать нормальным явлением, что женщины все более интегрированы в мир занятости, включая престижные и властные профессии. Не теряя при этом важную составляющую своей идентичности, женщины используют все ресурсы лингвистической системы, чтобы данную идентичность обозначить. Авторы данной статьи подчеркивают, что все языки находятся в постоянном развитии, подвергаясь различным влияниям, в том числе текущей моды. Выводы, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что все языки без исключения подвергаются постоянной эволюции. Они в процессе своего развития подвержены пересечению географических, социальных и других вариаций. Поскольку окружающий нас мир постоянно меняется, язык непременно будет и в дальнейшем испытывать социальные изменения и потрясения.

Ключевые слова: французский язык; русский язык; феминитивы; неологизмы; эволюция; социально-политическое устройство общества; языковая идентичность; суффиксальная деривация; факторы укоренения форм женского рода

Для цитирования: Корж В. И., Скуратов И. В. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 166–173. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_166. https://elibrary.ru/ZELFXR

Original article

On suffixal formation of feminitives in modern french

Valentina I. Korzh[1], Igor V. Skuratov[2]✉
[1]Candidate of philological sciences, associate professor, the department of indo-european and oriental languages, Moscow state regional pedagogical university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
[2]Doctor of philological sciences, associate professor, head of the romance philology department, Moscow state regional pedagogical university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
[1]6693503@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2231-0387
[2]iv.skuratov@mgou.ru✉, https:// orcid.org/ 0000-0003-0578-4855

© Корж В. И., Скуратов И. В., 2023

Abstract. This article looks at the matter of suffixal formation of feminitives in modern french. The emphasis is on the nouns formed with the most frequently used suffixes, such as ée, trice, eure, ère, etc. Of particular interest to the authors of this article are the cases of forming feminine nouns according to the perception of modern linguistic trends, as well as in the realization of the quantitative factor in the use of newly formed feminitives. The scientific novelty of the problem raised lies in the fact that some new feminitives go through a rather complicated process before they take root in the language. Therefore, it is not surprising that we hear such formations as «la ministre», «la sénatrice», «la présidente», «la procureure» more and more often. The relevance of the problem under study is due to the fact that the feminine nouns in question are frequently used in all spheres of the social-political, cultural, religious and educational life of France and french-speaking countries. The authors of the article emphasize that official recommendations are in favor of feminization at the present stage, because they have legitimized again the generally accepted linguistic practices that are directly linked to the structure of language. Abandoning masculine names in favor of feminine ones is much more expedient than protesting against grammatical exceptions. This means that it must be considered normal that women are increasingly integrated into the world of employment, including prestigious and powerful professions. Without losing an important component of their identity, women use all the resources of the linguistic system to designate this identity. The authors of this article emphasize that all languages are in constant development, being subjected to various influences, including the current fashion. The findings of the study indicate that all languages, without exception, undergo constant evolution. They are subject to the influence of geographic, social and other variations in the course of their development. Since the world around us is constantly changing, language is bound to continually experience social change and disruption.

Key words: the french language; the russian language; feminitives; neologisms; evolution; social-political structure of society; linguistic identity; suffixal derivation; rooting factors of feminine forms

For citation: Korzh V. I., Skuratov I. V. On suffixal formation of feminitives in modern french. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):166–173. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_166. https://elibrary.ru/ZELFXR

Введение

Как известно, вопрос трактовки феминитивов в языковом ракурсе остается предметом дискуссий, далеких от завершения. В настоящее время не все авторы склонны безоговорочно принять существующие условия и обстоятельства феминизации.

Тем не менее, исследователями констатируется определенная позитивная эволюция в продвижении феминитивов не только в умах теоретиков языка, но и в повседневной языковой практике, в том числе активно в языке интернета [Баданина, 2017, с. 89–94].

Это восходит к эпохе Петра Великого, который немало сделал именно для женской эмансипации: императорскую корону после его смерти унаследовала его жена, Екатерина I, благополучно правившая с опорой на Тайный Совет. Еще недавно предположить такое было просто невозможно.

С этого момента началась эпоха женского царствования в России – весь восемнадцатый век страной (за исключением нескольких лет) управляли императрицы. Именно при Петре женщин впервые стали награждать, наряду с мужчинами, орденами – для этого был специально учрежден орден Святой Екатерины. А самое главное, они впервые начали принимать участие в общественной жизни России, в работе различного рода ассамблей, а также посещая балы и маскарады [Филиппова, 2021, с. 29].

И мы не сильно погрешим, если оптимистически предскажем исчезновение в ближайшем будущем во французской культурологии форм *Madame le ministre (госпожа министр)* или *Madame l'administrateur (госпожа администратор)* [Dister, 2009, p. 81].

Мнения респондентов в оценке процесса феминизации во франкоязычных регионах мира

Так, в Квебеке, в 1985 году, среди 79 опрошенных респондентов по поводу их отношений к феминитивам подавляющее большинство (3/4) высказались благосклонно к использованию обозначений женского рода.

Предпочтение при этом отдавалось ими в полученных ответах мало маркированным формам (типа *auteure)* по отношению к формам, более маркированным (типа *autrice)* [Bouchard et al., 1999, p. 6–29].

Mais *la narratrice* a beau promettre : «J'interrogerai tes proches, je remâcherai le bétel du souvenir»… (Marianne, 23 au 29 juin 2007, p. 83) / Рассказчица напрасно обещает: «Задавая вопросы твоим близким, я буду пережевывать воспоминания, как бетель».

Что касается франкофонной части Бельгии, то там было проведено три анкетирования, в ре-

зультате чего во всех трех случаях противники феминизации оказались в меньшинстве, а её сторонники с течением времени набирают все большее количество голосов.

Два года спустя, в анкетировании, проведенном по телефону, представлены следующие данные: 52 % из 1200 опрошенных высказывают положительное мнение относительно реформы, против 13 %, которые ей противятся.

Остальные мнения распределились по двум категориям: без какого-либо мнения «sans avis» (28 %) и колеблющиеся «position mitigée» (7 %) [Moreau, Godenir et Dupal, 1997, p. 5–10].

Среди 579 бельгийских студентов 1 курса университета, опрошенных Дельфоржем (Delforge 2002), подавляющее большинство (87 %) высказываются в пользу феминизации названий профессий.

Из 30 человек, отобранных для анкетирования Броткорном и Гиссенсом [Brotcorne, Ghyssens, 2007–2008], 29 высказались положительно по поводу употребления терминов женского рода, а тридцатый оказался ни «за», ни «против».

В январе 2009 года, в газете *Les Quotidiennes*, на сайте интернет-газеты *La Tribune de Genève*и в швейцарской франкоязычной ежедневной газете *24 heures* ставится следующий вопрос: проходит ли равенство полов через равенство языковых форм?

Другими словами, тождественны ли формы Madame la Ministre и Madame le Ministre?

Нужно ли менять язык, чтобы изменить процессы ментальности людей?

Среди 1028 проголосовавших результаты распределились следующим образом: 59 % «против», 38 % «за» и 3 % «я не знаю» [Dister, Moreau, 2009, p. 82].

Концепции укоренения форм женского рода в повседневной языковедческой практике

В процессе изучения феминитивов возникает один из остро дискуссионных вопросов: в какой мере формы женского рода укореняются в употреблении?

Ответ на этот вопрос может быть двояким: или исследователи полагаются на индивидуальное восприятие лингвистических тенденций, или используют чисто количественный подход.

Интересен тот факт, что появление в языке феминитивов напрямую связано с идеологией женщин, представительниц феминистского движения, политических активисток и защитниц прав женщин.

Современный феминизм в своем развитии соприкасается не только с проблемами получения и соблюдения прав женщин, но требует безотлагательного решения вопросов классового неравенства, расизма, элитарности, защиты прав детей, интегрирования в активную социальную жизнь людей, имеющих инвалидность, свободы прессы, политических свобод.

Таким образом, мы приходим к выводу, что движение феминизма на сегодняшний день представляют люди, целью которых является добиваться гармоничного сосуществования людей в социуме и создания равноправной и, главным образом, безопасной зоны для реализации интеллектуального, профессионального, творческого и личностного потенциала всех его участников [Ульяницкая, 2020, с. 141].

Исходя из перспективы первого подхода, можно констатировать, что некоторые новые формы женского рода прекрасно уживаются в языке.

Так, например, никто не удивится формам *la députée (депутатка), la juge (женщина-судья), la ministre (женщина-министр), la présidente (женщина-президент), la secrétaire fédérale (женщина-федеральный секретарь), la sénatrice (сенаторка)* и т. д. [Корж, Скуратов, 2021, с. 140].

La *sénatrice* centriste Valérie Létard (Nord), *ancienne* secrétaire d'Etat du gouvernement Fillon, sera *candidate* samedi et défendra les couleurs de son groupe. (L'Humanité, 17.11.2011) / Сенаторка центристов Северного округа Валери Летар, бывшая государственная секретарша в правительстве Фийона, будет избрана в субботу кандидаткой и будет защищать интересы своей фракции.

Les deux équipes gagnantes pourront ensuite avoir accès aux locaux de la startup Speespace à Genève, *coorganisatrice* de l'événement, pendant six mois pour réaliser leur projet. (Le Soir, 19.10.2016) / Обе команды победительницы смогут затем иметь доступ к свободным помещениям Списпейс в Женеве, являющейся координатором настоящего события, в течение полугода с целью реализации их проекта.

Не прибегая к широкой дискуссии, отметим, что существует вместе с тем ряд форм, которые противятся процессу феминизации: *l'agente, la docteur(e), l'experte, la médecin, la procureur(e), la substitute, la témoin, etc.*

Une Experte dans «Section de recherche» – le titre de l'article dans («Le Républicain Lorrain»,

26.11.2011) / Эксперт в газете «Исследовательский отдел». – заголовок статьи в газете «Лотарингский республиканец».

Как показывают приведенные примеры, наибольшие трудности встречаются, прежде всего, в образовании феминитивов имен существительных с суффиксом – eur, производные с которым обозначают действующее лицо как в конкретном значении (профессия, специальность, занятие), так и в абстрактном (типа penseur / penseuse, flatteur / flatteuse и др.) [Катагощина, 2006, с. 51].

Особый интерес представляют феминитивы, часто встречающиеся в интернете или на форумах, которые образованы вопреки академическим нормам.

Такова, например, судьба английских имен на – er, обозначающих профессиональную или какую-либо другую занятость женщин.

В английском языке *dealer, player, speaker etc.* отсылают нас к индивидам как мужского, так и женского рода: *He is a good player. She is a good player*. Что делают франкофоны, когда они заимствуют эти имена?

Они интерпретируют английское окончание – er как эквивалент французскому суффиксу – eur (и можно, впрочем, найти наличие последнего в следующих графических образованиях *dealeur, playeur, speakeur…),* а женский род логически строится с суффиксом – euse: *blogueuse, casteuse, coblogueuse, dealeuse, driveuse,* (откуда говорят *taxi-driveuse = такси-малолитражка),* marketeuse, planneuse, playeuse, relookeuse, rippeuse, scrapbookeuse, serial killeuse, skateboardeuse, skateuse, sniffeuse, snipeuse, speakeuse, surfeuse, taggeuse (ou taggueuse ou tagueuse), tchatcheuse, tradeuse, webdesigneuse, stitcheuse, zappeuse)и много других [Lenoble-Pinson, 2006, p. 637–652].

Après dix années de travail auprès de jeunes Américains, danah boyd, *blogueuse* sans majuscule, *chercheuse* chez Microsoft Research et *professeure* associée à l'université de New York, publie un livre pour éclairer l'usage que les adolescents ont des réseaux sociaux (Tribune de Genève, 10. 03.2014). / Спустя десять лет работы рядом с молодыми американцами Дана Бойд, блогерша с маленкой буквы, профессор-исследователь в Микрософт, прикрепленная к университету Нью-Йорка, публикует книгу, чтобы осветить обиходное употребление языка, которое подростки черпают в социальных сетях («Женевская Трибуна»).

A l'image d'une Patti Smith, l'ancienne muse de Keith Richards n'entend paslaisser un pouce de terrain aux *rockeuses* en herbe… (La Province, 19.05.2013). / По образу некой Патти Смит, прежняя муза Кейт Ричардс не задумывается о том, чтобы уступить хоть дюйм земли начинающим рокершам.

Большинство этих новых форм женского рода еще не получили академического подтверждения, хотя некоторые из них, как, например, *surfeuse et sapeuse,* уже включены в словарь *le Trésor de la langue française informatisé* [Le Trésor de la langue française informatisé, 2002].

Отсутствие легитимации ряда существительных не означает, однако, что они являются лексическими «монстрами».

Напротив, в их употреблении можно видеть признаки того, что вопреки всякому нормативному предписанию, носители языка включают в него новые названия.

В частности, они подчиняют их фундаментальному правилу французского языка, цель которого состоит в том, чтобы женщины обозначались по гендерному признаку [Толстокорова, 2005], элементами, свойственными леди (étiquettes féminines).

Emily Dickinson, elle est culte. Mlle Bruni la présente comme «un des plus grands poètes américains». *Poétesse* aurait été bien aussi. (Ibidem) / Эмили Диксон – культовая фигура. Мадемуазель Брюни представляет её как одного из самых великих американских поэтов. А термин поэтесса подошел бы тоже.

Carla Bruni, une *poétriste* [Корж 2018, p. 122] / Карла Брюни – поэтесса.

Malgré son jeune âge, *la poivrote* en herbe est inculpée d'excès de vitesse, de conduire en état d'ivresse et de délit de fuite (Le Soir, 16.07.2012) / Несмотря на свой юный возраст, пьянчужка обвиняется в превышении скорости, будучи в состоянии опьянения, и попытке бегства («Лe Суар»).

При этом, впрочем, нужно учитывать наличие недвусмысленного показателя преобладающей тенденции, когда наблюдаем случаи конверсии: если можно констатировать, что многие женщины заменяют женским родом мужские названия профессий (вместо secrétaire fédéral употребляют форму secrétaire fédérale), то спустя некоторое время, например, conseillère (советница), переходит в разряд существительного мужского рода conseiller.

Между тем, не так редко можно встретить на сайтах женщин, ведущих активную политическую жизнь (к примеру, и волки сыты, и овцы целы; многоручное письмо; копировать-вставить

и др.), наблюдения над колебаниями между двумя названиями профессий, с одной стороны, женского рода, с другой – мужского.

Различные исследования увенчались принятием количественного подхода к решению проблемы. В этой связи предлагается синтезировать результаты проведенных исследований, которые безоговорочно указывают на то, что формы женского рода закрепляются в употреблении в сторону своего расширения [Gervais, 2001, p. 153–156].

Женские лейблы, отражающие специфику феминизации

Рассмотрим специфику феминизации на примере *Première ministre.* Как видим, указанная форма, с точки зрения феминизации, не представляет грамматических трудностей.

Однако существуют случаи, в которых происходит нарушение правил или отступление от них [Шемчук, Андреева, 2013].

Например, когда Беназир Бхутто была убита в Пакистане в декабре 2007 года, бельгийская и французская пресса, смешивая различные тенденции, заговорили об этой политической фигуре, называя её *la présidente* de son parti, *la dirigente, l'opposante* идаже болееноваторским способом: *la chef de l'opposition* и *la sauveuse du Pakistan* [Le Figaro, La libre Belgique, Le Monde, Le soir et Libération, du 19 octobre 2007 au 2 janvier 2008].

Удивителен тот факт, что нет единого мнения среди обозревателей газет, журналистов, редакторов в выражении рода указанного существительного.

Так, наряду с мужским родом (premier ministre) в газетах Le Monde и La Libération активно соседствует женский род (première ministre) в газетах Le Figaro и La Libre Belgique.

Анализ этих различных данных говорит сам за себя: если даже новые феминитивы не являются лингвистическим рефлексом всех франкофонов, они все более утверждаются и расширяются на практике таким образом, что многие удивляются сегодня, когда слышат названия по мужскому роду должности бургомистр, хранитель музея, судья или сенатор вместо привычного им une bourgmestre, une conservatrice de musée, une juge, une sénatrice.

К удивлению некоторых, уже несколько десятилетий становится нормой новое название таких должностей, как ambassadrice, pharmacienne или préfète, чтобы обозначить носителей этих профессий, а не только их супруг.

С лингвистической точки зрения [Ерохина, 2013], вне всякого социологического рассмотрения считается ошибочным, когда название профессий мужского рода употребляется по отношению к женщинам.

Например:

Le sénateur libéral est revenue dans sa circonscription.

L'ancien premier ministre assassinée (предписаны официальным циркуляром!).

Одним из положительных моментов в пользу феминизации профессиональных терминов является то, что вновь узаконили обычную лингвистическую практику, увязанную со структурой языка.

Считается более важным отказаться от наименований мужского рода в пользу женских, нежели выступать против грамматических исключений.

Это означает рассматривать как естественный факт, что женщины в современных условиях интегрированы в мир труда, включающий престижные и авторитетные позиции, и не теряют при этом важную составляющую их идентичности, а, напротив, используют ресурсы лингвистической системы для её обозначения.

Если бы предложенные реформы ограничились косметическими коррекциями лингвистических употреблений лишь в пользу когерентности системы, они не имели бы такого неопровержимого и быстрого успеха, свидетелями которого мы все являемся.

Принятие новых названий становится более значимым вследствие того, что они созвучны факторам социального корпуса языка, способствуют соблюдению индивидуальной идентичности и заботе о равенстве полов и родовых отношений.

Если судить по изобилию протестов, которые окружили официальные рекомендации, касающиеся феминизации во Франции, Швейцарии и Бельгии, то, по мнению некоторых специалистов, причину их нельзя было предугадать.

Однако, в действительности, оппозиция не удивила наблюдателей за социолингвистическими ситуациями, поскольку они воспринимаются поначалу как деструктивные по отношению к тому, что в языке уже сложилось и было старательно построено. Иначе говоря, лингвистические реформы зачастую являются предметом всеобщего возмущения.

Многочисленные комментарии могут быть интерпретированы как сводящиеся к «Я не признаю за вами право расценивать как отсталые и не соответствующие действительности мои языковые привычки, а также навязывать мне обращение к новым стандартам», «Не заставляйте меня менять ту орфографию, на изучение которой я потратил столько времени и которая стала для меня теперь родной», «На каком основании и почему вы, когда речь идет о женщинах, осуждаете произнесение существительного recteur в мужском роде, которое внедрено в употребление всеми членами языкового сообщества, и обязываете, напротив, использовать новое слово rectrice, о котором никто и никогда не слыхал?»

Эти враждебные позиции относительно предложенных лингвистических реформ должны нас в меньшей степени удивлять, нежели предлагать модификации языковой практики.

Она касается гораздо в большей степени показателя представлений равенства между мужчинами и женщинами.

В то самое время, как показатели равенства вызывали волны критики [Таннен, 1996], приведенные рекомендации провоцировали огромный интерес к этой проблематике.

Как первый показатель, можно видеть поток соответствующих комментариев в колонках прессы; а вторым показателем успеха феминизации [Лошакова, 2014] являются разного рода гиды-справочники, поступившие в общенародное употребление.

Бельгийское издание «Mettre au féminin» было раскуплено за несколько недель после его выхода в свет; переиздававшееся много раз, оно явилось предметом второго капитального издания в поисках актуализированного ответа на все возрастающие требования.

Краткое руководство на французском языке «Femme, j'écris ton nom» также подверглось переизданию практически сразу после своего выхода в свет.

Тот же маршрут проделал «le Dictionnaire des fonctions luxembourgeois» [Guide de rédaction des métiers, titres et fonctions, 2006], также переизданный после того, как тираж в 10 тысяч экземпляров увидел свет. Равным успехом характеризуется швейцарский справочник.

С другой стороны, отвечая на запросы аудитории, в каждой из пяти франкофонных стран Северного полушария, различные институты, например, «Service de la langue française», «Ministère de l'égalité des chances», имеющие очень официальный статус, размещают на своих сайтах перечень форм женского рода, к которым люди обращаются чаще всего.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что все языки на земле постоянно развиваются.

Поскольку они находятся под различным влиянием, подчинены проявлениям моды, далеки от того, чтобы застыть в своем однообразии, они подвергаются беспрерывно процессу «кипения» географических, социальных и индивидуальных вариантов.

И все это именно потому, что мир меняется. Мы не употребляем больше такие слова «pourpointière» (портниха) или cotiresse (торговка овощами на передвижной повозке), так как больше не существует изготовительниц кафтанов или торговок с передвижными повозками.

В предыдущие века говорилось о послах, генералах, должностных лицах, префектах и т. д., которые все мужского рода. Эти социальные роли выполняются, как известно, в настоящее время и женщинами, а именно, мы назовем их « ambassadrices, générales, magistrates, préfètes » и т. д.

Таким образом, с нашей точки зрения, язык продолжит свою социальную эволюцию, что является вполне нормальным и естественным фактом.

Библиографический список

1. Баданина И. В. Функционирование феминитивов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. 1 Междунар. науч.-практ. конф., Москва, РУДН / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. 2017. С. 89–94.

2. Григорян А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX-начале XXI веков. Иваново : Иванов. гос.ун-т, 2004. 292 с.

3. Ерохина Л. Д. Гендерология и феминология : учеб. пособие. Москва : ФЛИНТА, 2013. 384 с.

4. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Изд. 2-е, стереотипное. Москва : КомКнига, 2006. 112 с.

5. Корж В. И. Le problème de la féminisation des noms de profession, grade, fonction, titres en français moderne et dans ses variantes régionales : монография. Москва : «ИИУ МГОУ», 2018. 160 с.

6. Корж В. И., Скуратов И. В. Феминитивы в русском и французском языках: к вопросу гендерной окраски // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3(26). С. 138–145.

7. Кронгауз М. «Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, – мудрее нас» // Культура. № 2. 2021. С. 13.

8. Лошакова Ю. П. Гендерный анализ российского трудового законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 3. С. 194–201.

9. Таннен Д. Ты меня не понимаешь. (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга). Москва : «Вече Персей АСТ». 1996. 283 с.

10. Толстокорова А.В. гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 87–110.

11. Ульяницкая Л. А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 137–154.

12. Шемчук Ю. М., Андреева А. В. Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. 2013. С. 86–92.

13. Филиппова Т. Петр I и феминизм: «Новый человек» в Новом Манеже // Культура. № 9 (8206). 29 сентября 2022.

14. Фокина К. «Мы живем не в стране, а в языке» // Культура. № 2. 25 февраля 2021. С. 17.

15. Becquer A. et al. Femme, j'écris ton nom… Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. Paris : CNRS-INALF, La Documentation française. 1999. 124 p.

16. Brotcorne Elodie et Ghyssens Oriane, «La féminisation des noms de métier dans le secteur ouvrier (secteur du bâtiment)», 2007–2008. URL: http://uv.ulb.ac.be.

17. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire de la langue française. Hardcover. 1 Jan. 1956. Masson et Cie. 641 p.

18. Delforge Muriel, Alma lingua, Impact de la maîtrise de la langue d'enseignement sur la réussite en première candidature. Université de Mons – Hainaut, Thèse de doctorat en sciences psychologiques, 2002.

19. Dister Anne et Moreau Marine-Louise, «Dis-moi comment tu féminises, je te dirai pour qui tu votes», les dénominations des candidates dans les élections européennes de 1989 et de 2004 en Belgique et en France, Langage et société, 2006. № 116. P. 5–46.

20. Gervais Marie-Marthe, «Le Monde et la féminisation des titres, Etude comparative 1997–98», in ARMSTRONG Nigel, BAUVOIS Cécile., BEECHING Kate & BRUYNINCKX Marielle (éds), La langue française au féminin, Le sexe et le genre affectent-ils la variation linguistique? Paris : L'Harmattan, 2001. P. 153–166.

21. Guide de rédaction des métiers, titres et fonctions, Luxembourg, Ministère de l'Egalité des Chances, 2006, 3e édition. URL: http://www.mega.public.lu/publications/recherche/dictionnaire /index.php

22. Houdebine-Gravaud Anne-Marie «Des femmes et de leur nom», Présence francophone. 1994. № 45. P. 23–48.

23. Femmes et hommes, l'égalité en question. Edition 2017 Institut national de la statistique et des études économiques. URL: https://www. insee.fr/fr/statistiques/2586548 (дата обращения 25.05.2020)

24. Lenoble-Pinson Michèle, «Chercheuse? chercheur? chercheure? Mettre au féminin les noms de métier et les titres de fonction», in Lenoble–Pinson Michèle et Delcourt Christian (éds), Le Point sur la langue française, Mélanges André Goosse, Bruxelles, Revue belge de philologie et d'histoire et Le Livre Timperman, 2006. P. 637–652.

25. Marion Joseph «Madame la présidente» ou «le président»: quelle est la règle? Le Figaro, 7 octobre 2014.

26. La Province, 19.05. 2013.

27. La Tribune de Genève, 10. 03.2014

28. L'Humanité, 17. 11. 2011.

29. Le Républicain Lorrain », 26.11.2011.

30. Le Soir, 16.07.2012

31. Le Soir, 19.10.2016.

32. Marianne, 23 au 29 juin 2007, p. 83.

33. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance? L'imprimerie France Quercy à Cahors, 2005. 231 p.

Reference list

1. Badanina I. V. Funkcionirovanie feminitivov v jazyke interneta = Functioning of feminatives in the Internet language // Russkij jazyk v internete: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura: sb. st. 1 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, RUDN / pod obshh. red. A. V. Dolzhikovoj, V. V. Barabasha. 2017. S. 89–94.

2. Grigorjan A. A. Sostojanie i perspektivy gendernoj lingvistiki na Zapade v konce XX-nachale XXI vekov = The state and prospects of gender linguistics in the West in the late XX-early XXI centuries. Ivanovo : Ivanov. gos.un-t, 2004. 292 s.

3. Erohina L. D. Genderologija i feminologija = Genderology and Feminology : ucheb. posobie. Moskva : FLINTA, 2013. 384 s.

4. Katagoshhina N. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How words are formed in the French language. Izd. 2-e, stereotipnoe. Moskva : KomKniga, 2006. 112 s.

5. Korzh V. I. Le problème de la féminisation des noms de profession, grade, fonction, titres en français moderne et dans ses variantes régionales : monografija. Moskva : «IIU MGOU», 2018. 160 s.

6. Korzh V. I., Skuratov I. V. Feminitivy v russkom i francuzskom jazykah: k voprosu gendernoj okraski = Feminitives in Russian and French: toward the question of gender coloring // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 3(26). S. 138–145.

7. Krongauz M. «Jazyk, kogda my ne reglamentiruem ego, ne vmeshivaemsja, – mudree nas» = «Language, when we do not regulate it and do not interfere with it, is wiser than we are» // Kul'tura. № 2. 2021. S. 13.

8. Loshakova Ju. P. Gendernyj analiz rossijskogo trudovogo zakonodatel'stva = Gender analysis of Russian labor legislation // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12: Psihologija. Sociologija. Pedagogika. 2014. Vyp. 3. S. 194–201.

9. Tannen D. Ty menja ne ponimaesh'. (Pochemu muzhchiny i zhenshhiny ne ponimajut drug druga) = You don't understand me. (Why men and women do not understand each other).Moskva : «Veche Persej AST». 1996. 283 s.

10. Tolstokorova A. V. Genderno-chuvstvitel'naja reforma jazyka kak jelement global'noj social'noj politiki: opyt mezhdunarodnogo zhenskogo dvizhenija = Gender-sensitive language reform as an element of global social policy: the case of the international women's movement // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2005. T. 3, № 1. S. 87–110.

11. Ul'janickaja L. A. Feminizacija jazyka v social'no-politicheskom prostranstve Rossii i Francii = Feminization of language in the social-political space of Russia and France // DISKURS. 2020. T. 6, № 3. S. 137–154.

12. Shemchuk Ju. M., Andreeva A. V. Feminizacija leksicheskih izmenenij kak problema gendernoj lingvistiki = Feminization of lexical change as an issue in gender linguistics// Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Vyp. 2. 2013. S. 86–92.

13. Filippova T. Petr I i feminizm: «Novyj chelovek» v Novom Manezhe = Peter the Great and feminism: The «New man» at the New Manege // Kul'tura. № 9 (8206). 29 sentjabrja 2022.

14. Fokina K. «My zhivem ne v strane, a v jazyke» = «We don't live in a country, we live in a language» // Kul'tura. № 2. 25 fevralja 2021. S. 17.

15. Becquer A. et al. Femme, j'écris ton nom… Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. Paris : CNRS-INALF, La Documentation française. 1999. 124 p.

16. Brotcorne Elodie et Ghyssens Oriane, «La féminisation des noms de métier dans le secteur ouvrier (secteur du bâtiment)», 2007–2008. URL: http://uv.ulb.ac.be.

17. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire de la langue française. Hardcover. 1 Jan. 1956. Masson et Cie. 641 p.

18. Delforge Muriel, Alma lingua, Impact de la maîtrise de la langue d'enseignement sur la réussite en première candidature. Université de Mons – Hainaut, Thèse de doctorat en sciences psychologiques, 2002.

19. Dister Anne et Moreau Marine-Louise, «Dis-moi comment tu féminises, je te dirai pour qui tu votes», les dénominations des candidates dans les élections européennes de 1989 et de 2004 en Belgique et en France, Langage et société, 2006. № 116. R. 5–46.

20. Gervais Marie-Marthe, «Le Monde et la féminisation des titres, Etude comparative 1997–98», in ARMSTRONG Nigel, BAUVOIS Cécile., BEECHING Kate & BRUYNINCKX Marielle (éds), La langue française au féminin, Le sexe et le genre affectent-ils la variation linguistique? Paris : L'Harmattan, 2001. R. 153–166.

21. Guide de rédaction des métiers, titres et fonctions, Luxembourg, Ministère de l'Egalité des Chances, 2006, 3e édition. URL: http://www.mega.public.lu/publications/recherche/dictionnaire /index.php

22. Houdebine-Gravaud Anne-Marie «Des femmes et de leur nom», Présence francophone. 1994. № 45. R. 23–48.

23. Femmes et hommes, l'égalité en question. Edition 2017 Institut national de la statistique et des études économiques. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2586548 (data obrashhenija 25.05.2020)

24. Lenoble-Pinson Michèle, «Chercheuse? chercheur? chercheure? Mettre au féminin les noms de métier et les titres de fonction», in Lenoble–Pinson Michèle et Delcourt Christian (éds), Le Point sur la langue française, Mélanges André Goosse, Bruxelles, Revue belge de philologie et d'histoire et Le Livre Timperman, 2006. P. 637–652.

25. Marion Joseph «Madame la présidente» ou «le président»: quelle est la règle? Le Figaro, 7 octobre 2014.

26. La Province, 19.05. 2013.

27. La Tribune de Genève, 10. 03.2014

28. L'Humanité, 17. 11. 2011.

29. Le Républicain Lorrain », 26.11.2011.

30. Le Soir, 16.07.2012

31. Le Soir, 19.10.2016.

32. Marianne, 23 au 29 juin 2007, p. 83.

33. Nectoux Ph.Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance? L'imprimerie France Quercy à Cahors, 2005. 231 p.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 11.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_174
EDN: ZHPDQR

Лингвистические особенности языка электронных средств коммуникации (на материале французского и английского языков)

Анна Владимировна Солнцева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Московский государственный областной педагогический университет. 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
av.solntseva@mgou.ru, https://orcid.org/0000-0003-1219-9160

Аннотация. Целью настоящей статьи является проведение анализа языка электронных средств коммуникации, для которых характерен быстрый набор текста пользователем – SMS-сообщений и мессенджеров, во французском и английском языках.

Процедура и методы. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из открытых интернет-форумов, словарей SMS-языка и специальной литературы. Проведены структурный и семантический анализ текстов электронных средств коммуникации.

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что SMS-язык представляет собой крайне нестабильную, продолжающую развиваться разновидность языка, которая все чаще применяется не с первоначальной целью (сокращение объема текста для экономии), а для создания определенного эффекта, причем собственно сокращение текста может не происходить. Обнаружено неоднозначное отношение лингвистов к данному явлению. Выявлены основные способы изменения графического облика слов: различные виды сокращений (важным свойством SMS-общения является опора на фонетический принцип письма): опущение непроизносимых букв, игнорирование диакритических знаков, компрессия, апокопа, апереза, инициальные сокращения, преднамеренные орфографические ошибки, создание графических ребусов, а также заимствования и верлан. Поскольку данному виду письменной коммуникации свойственна безэмоциональность на фоне жесткой ограниченности объема и ярко выраженной приоритетной информационно-коммуникативной функции, коммуниканты активно используют дополнительные средства (эмотиконы, дублирование пунктуационных знаков, многократный повтор восклицательного или вопросительного знаков, использование междометий в сочетании с эмотиконами, дублирование букв в слове).

Исследование выполнено на материале английского и французского языков.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что полученные результаты дополняют имеющиеся знания о текстах электронных средств коммуникации и могут быть использованы в образовательном процессе при изучении французского и английского языков на различных уровнях.

Ключевые слова: sms; сокращения; аббревиация; компрессия; усечение; апокопа; апереза; верлан; эрратив

Для цитирования: Солнцева А. В. Лингвистические особенности языка электронных средств коммуникации (на материале французского и английского языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 174–182. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_174. https://elibrary.ru/ZHPDQR

Original article

Linguistic features of the language for electronic communication in french and english

Anna V. Solntseva
Candidate of philological sciences, associate professor, romance philology department, Moscow state regional pedagogical university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
av.solntseva@mgou.ru, https://orcid.org/0000-0003-1219-9160

Abstract. The purpose of this article is to analyze the language of electronic communication means, which are characterized by the user's rapid typing of text – texts and messengers, in french and in english.

Procedure and methods. The material for the study was selected by random sampling from open internet forums, SMS language dictionaries and specialized literature. The author has conducted a structural and semantic analysis of electronic communication means.

Солнцева А. В., 2023

Results. The study reveals that the SMS language is a highly unstable, constantly evolving variety of language, which is more often used not for its original purpose (reducing the text volume to save space), but to create a certain effect even without reducing the text volume. The linguists' attitude to this phenomenon is quite contradictory. The author has identified the main ways of changing the graphic appearance of words: various types of abbreviations (an important feature of SMS-communication is using the phonetic principle of writing): omitting silent letters, ignoring diacritical marks, compression, apocope, aphaeresis, acronyms, deliberate spelling errors, creating graphic rebuses, as well as borrowings and verlan. As this type of written communication is characterized by lack of emotionality against the background of a highly limited space and a pronounced priority of the information and communication function, communicators actively use additional means (emoticons, duplication of punctuation marks, repetition of exclamation or question marks, interjections in combination with emoticons, duplication of letters in a word).

The study is based on examples from english and french.

Theoretical and practical significance of the work lies in the fact that its results add to the existing knowledge of electronic communication texts and can be used in teaching and learning french and english at different levels.

Key words: SMS; abbreviations; abbreviation techniques; compression; truncation; apocope; aphaeresis; verlan; cacography

For citation: Solntseva A. V. Linguistic features of the language for electronic communication in french and english. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):174–182. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_174. https://elibrary.ru/ZHPDQR

Введение

В настоящее время виртуальная коммуникация становится не только новым каналом связи, но и является специфической культурной и языковой средой. В связи с этим в современной лингвистике появляется множество подходов к исследованию данного феномена [Венедиктова, 2010; Ионина, 2018; Коновалова, 2009; Лутовинова, 2018; Сидорова, 2004; Шангаева, 2012; Шилоносов; Albasheer, 2006; Fairon, 2006; Grinter, 2001; Kaplan;Klein, 2005; Marso, 2005; Pierozak, 2003; Poussevy, 2010; Proulx, 1998].

Сегодня миллиарды людей во всем мире пользуются SMS и различными системами мгновенного обмена сообщениями (мессенджерами). SMS-сообщения появились в 1990-е годы и быстро приобрели популярность, причем владельцы мобильных телефонов стали стремиться передавать свои мысли с использованием как можно меньшего количества символов: это было связано с ограниченным количеством знаков и неудобством набора текста на физической клавиатуре мобильных телефонов. В 2000-е (и особенно в 2010-е) годы благодаря появлению смартфонов широкое распространение получили мессенджеры, с приходом которых набор текста упростился, однако к этому времени уже успела сложиться определенная подростково-молодежная культура самовыражения, связанная с использованием сокращений и буквенно-цифровых ребусов. Принципы, используемые при написании SMS-сообщений и сообщений в мессенджерах, стали проникать за пределы собственно мобильной коммуникации – во многие сферы жизни, в том числе в прессу, рекламу, в том числе социальную, предвыборные рекламные кампании, образовательную среду.

SMS-язык как явление в современной лингвистике

Отношение лингвистов к новой тенденции весьма неоднозначное, в частности потому, что неоднозначно воспринимается в обществе сам язык SMS. Некоторые авторы отмечают, что он служит средством социальной самоидентификации молодежи [Kaplan]. Среди положительных характеристик такого языка выделяют гибкость использования, экономию пространства (объема сообщения), времени, зачастую финансовых средств при передаче значительного объема информации, возможности относительно конфиденциальной переписки, создание чувства принадлежности к определенной социальной общности. При этом сторонники SMS-языка отмечают, что он фактически не создал новых языковых средств и приемов, а лишь использовал уже существующие в языке (восходящие, например, к телеграфному языку, во французском языке – к творчеству Р. Кено), а также присутствующие в стандартном языке приемы компрессии и сокращения.

Большинство авторов выражают беспокойство по поводу того, что чрезмерное употребление сокращений может отрицательно повлиять на языковую культуру подростков и молодежи [Proulx, 1998]: для языка мессенджеров характерно полное пренебрежение правилами орфографии и пунктуации. Лингвисты, критикующие язык SMS как явление, воспринимают его как изуродованный, разрушающий существующие языковые нормы и негативно влияющий на дру-

гие разновидности письменного языка. Во Франции в 2000-е годы даже был создан Комитет по борьбе с языком SMS и преднамеренным использованием эрративов в интернете (Comité de lutte contre le langage SMS et les fautes volontaires sur Internet), в программных заявлениях которого резко критикуется недоступность смысла сокращений и ребусов для большинства пользователей.

Серьезное исследование было предпринято в Лувенском университете (Бельгия) [Klein, 2005]. Его авторы показали, что SMS-язык использует приемы, уже существующие в различных стилистических регистрах языка, а широкое использование такого количества «орфографических неправильностей» способно серьезно помешать молодым людям в освоении родного языка, создавая, в частности, путаницу в регистрах и провоцируя общее снижение грамотности. Многие авторы говорят о неуважении авторов текстов на языке SMS к адресату, который вынужден расшифровывать написанный текст, особенно если текст обращен к неопределенному кругу пользователей.

Наиболее решительные критики языка SMS утверждают, что он ведет к фактическому уничтожению грамматической и орфографической системы языка, которые сначала воспринимаются молодым поколением, полностью погруженным в современные цифровые технологии, как «неинтересные», а впоследствии – как «ненужные».

Напротив, исследователи-оптимисты полагают, что «игры с языком» приучают подростков и молодых людей к использованию письменных средств коммуникации, расширяют использование вербальных средств коммуникации в противовес серьезно потеснившим их в последнее время визуальным, предоставляют новые средства выражения мысли и расширяют каналы коммуникации между людьми.

Основные характеристики SMS-языка

В эпоху доминирования SMS-сообщений в лингвистике успел закрепиться термин «язык SMS» («SMS-язык»), который мы будем в дальнейшем употреблять в настоящей работе, несмотря на то, что сегодня, видимо, корректнее было бы говорить о языке SMS и мессенджеров. В статье используются примеры языка SMS, используемого англо- и франкоязычными пользователями сотовой связи. Язык SMS может рассматриваться как письменный социолект, в котором написание существенно отличается от правил традиционной орфографии: авторы SMS-сообщений (известных во франкоязычных странах как textos, messages SMS) действуют в соответствии с принципом экономии времени и усилий.

Действительно, язык SMS и мессенджеров отличается рядом особенностей. Рассмотрим его основные характеристики. Орфографической особенностью SMS-текстов являются **нарушения правил орфографии.** Зачастую орфография искажается из-за быстрого набора текста, нежелания исправлять сообщение (особенно у подростков), осознанного поиска способов сжатия текста, а нередко просто из-за отсутствия грамотности, использования фонетического принципа письма, то есть принципа «пишем, как слышим».

I. Важным свойством SMS-общения на французском и английскомязыках является опора на ***фонетический принцип письма***, вызванная экономией и стремлением создать эффект неформального общения (*ptit = petite*). Письменная речь становится такой же быстрой и эмоциональной, как и устная речь [Аминова, 2011]. Известно, что для французской орфографии характерно наличие большого количества непроизносимых букв (в частности, конечная буква e и ряд непроизносимых согласных на конце слова). Коммуницирующие с помощью языка SMS идут по линии наименьшего сопротивления, оставляя на письме только те буквы, которые читаются.

1. Опущение непроизносимых согласных и гласных букв, а также отдельных букв в устойчивых буквосочетаниях, например, *écol = école, envi = envie, mil = mille, vil = ville, abit = habite, pa = pas, kom = comme, azar = hasard, je peu = je peux, tuva = tu vas, foi = fois, je voulai = je voulais* (в английском языке примером могут служить следующие слова: wen = *when, bin = been, u/U = you, gud = good).*

2. Нередко в SMS-сообщениях на французском языке игнорируются диакритические знаки (например, *tu prefere = tu préfères, mere = mère, garcon = garçon*).

3. Во французской графике существует четыре способа передачи на письме звука [o]: *o, au, eau, ô.* В чатах и SMS-сообщениях наблюдается их конвергенция: пользователи интернета предпочитают передавать этот звук буквой o, применяя в данном случае фонетический принцип орфографии, а также производить следующие за-

мены буквосочетаний*: qu →k; ai→é; eau (au) →o; ai→é, oi→wa* и т. п. Например:

– bo = beaux, nouvo = nouveau, cho-chaud, jamé = jamais, je sé = je sais, fo = faux, bocou = beaucoup

– ki = qui, eske = est-ce que, kwa = quoi, kan = quand, keske C? = qu'est-ce que c'est? Kdo = cadeau

– sa = ça, sava ça va

Зачастую (вслед за небрежной устной речью) замены буквосочетаний сопровождаются выпадением целых слогов: *sépa = je ne sais pas.* Встречается также свободное использование графических средств для передачи форм глагола *être, например: cé = c'est, té = tu es, cété = c'était.*

II. Следствием использования фонетического принципа в SMS-языке является частое использование ***компрессии***, которая может осуществляться при помощи средств различных языковых уровней, причем одно и то же сокращение может заменять, например, разные формы глагола и разные слова.

1) ***графический*** уровень: замена слов цифрами и буквами по причине одинакового или схожего произношения [Солнцева, 2021].

Так, во французском SMS-языке цифра «1» может заменить неопределенный артикль *un, une*, цифра «2» – предлог *de*, цифра «7» – указательные прилагательные *cet, cette*. Кроме того, цифры и буквы могут комбинироваться: *a2m1 = à demain, a12c4 à un de ces quatre, koa29 = quoi de neuf, j'te 10 = je te dis, cb1 = c'est bien, D100 = descends, mr6 = merci, p2k = pas de quoi, G pa réu'6 à dormir 7 n'8 = j'ai pas réussi à dormir cette nuit, GT au 6né = j'étais au cinéma.*

В английском SMS-языке цифра «2» используется вместо предлога *to* или наречия *too*, цифра «4» заменяет предлог *for*, цифра «8» – прошедшую форму глагола *eat – ate.*

Цифры могут заменять как целое слово, так и слог: в английском SMS-языке *m8 = mate, b4 = before, 2day = today; во французском языке выражение A2m1 = à demain, b1 = bien, r1 = rien, D100 = descends, koi29 = quoi de neuf.*

Помимо цифр, для SMS-языка характерно использование **заглавных букв**, имеющих аналогичное звучание. Так, прописная буква *G* во французских SMS может заменять конструкцию *J'ai*, буква *C* – форму *C'est (C cho = C'est chaud, Cpa5pa = C'est pas sympa, Cb = C'est bien), Je t'M = je t'aime, [ky] → Q (OQP = occupé)* и т. п.

Широко используются в SMS-языке и **графические знаки**. Например, во французском языке знак «+» может заменять союз et и наречие plus (*à+* означает *à plus tard*), в английском языке знак @ заменяет предлог *at*.

Возможно, именно широкое использование написания *à+* привело к широкому распространению в последние годы в устной речи формулы прощания *«à plus!»* вместо *«à plus tard!»*

2) ***лексический*** уровень: при наличии синонимичных конструкций отдаётся предпочтение тем, в которых насчитывается меньшее количество знаков (например, *bye* вместо *good-bye, hi* вместо *hello*), наблюдается опущение ряда служебных слов (так называемый «телеграфный стиль»: *Arrive Paris soir*);

3) ***словообразовательный*** уровень: в SMS-языке широко используется **усечение**, например опускаются гласные и сохраняются произносимые согласные, так называемое **консонантное письмо,** например:

bjr = bonjour; bsr = bonsoir; dc = donc; msg = message; pr = pour; rdv = rendez-vous; tjr = toujours; tt = toute.

Во французском SMS-сообщении можно встретить также такие примеры усечений, в которых сохранены все согласные (даже непроизносимые конечные), при опущении всех гласных, например: *avt = avant; bcp = beaucoup; ds = dans; grd = grand; jms = jamais; jvx = je veux; slt = salut; qd = quand; tmps, tps = temps; tjs = toujours; vs = vous*. В английском SMS-языке примерами усечения являются: *pls = please; thx = thanks; mdnt = midnight*. Подобные написания опираются на графический облик слова, а не на его произношение: в противном случае опознать слово было бы затруднительно.

В языке SMS и чатах используются также **апокопа** (усечение конечных слогов): англ. *ok* вместо *okay; doc* вместо *doctor;* франц. *dac = d'accord, apart = appartement, mat = matin, av = avant, oj = aujourd'hui, cata=catastrophe*; **афереза** (усечение начальных слогов) [Солнцева, 2021]: так, в английском SMS-языке употребляется *net* вместо *Internet, phone* вместо *telephone, во французском – blème* вместо *problème, zine* вместо *fanzine* и т. д.

Важной особенностью SMS-языка является широкое использование **инициальных сокращений** [Dictionnaire SMS; Texting Dictionary]. Во французском SMS-языке наиболее употребительны следующие сокращения: *ama = à mon avis, amhaà mon humble avis, cad = c'est-à-dire, cpg = c'est pas grave, h = heure; MDR = mort de rire, pt = pour toi, rad = rien à dire, rstp = réponds*

s'il vous plaît, TLM = tout le monde, gt = j'étais, svp = s'il vous plaît.

Наиболее популярными аббревиатурами в английском SMS-языке являются следующие: *BTW (by the way), FYI (for your information), IMHO (in my humble opinion), WRUD (what are you doing?), LMK (let me know), HAND (have a nice day), ASAP (as soon as possible), LOL (laugh out loud).* Последние две формы всё чаще употребляются как слова-акронимы даже вне SMS-сообщений, в устной речи.

Во французских SMS-сообщениях и в устной речи можно нередко встретить такое явление, как **верлан**, одну из форм французского арго, проявляющуюся в перемене мест слогов или букв (слово *faim* приобретает вид *ainf*, а слово *chaud* становится *auch*). При этом среди примеров встречаются как единицы, широко использовавшиеся в устном языке до эпохи SMS, так и новые, то есть SMS-язык дал новый толчок развитию верлана, а также проникновения его в устную коммуникацию.

Образцы верлана, наиболее употребительные в SMS-сообщениях: *cimèr = merci; meuf = femme, ouf = fou, keum = mec, teuf = fête, relou = lourd, keuf = flic, beur = arabe, géman = manger, tromé = métro, béton = tomber, remps = parents***.**

Интересные случаи написания наблюдаются в случае обильного использования в рамках одного предложения молодежных жаргонизмов: *ct meuf, jla kif grav = cette meuf, j'la kiffe grave.*

Во французских SMS-сообщениях иногда употребляются **англицизмы и аббревиатуры на основе английских слов** [Солнцева, 2019] *(C2L8 = C'est too late).*

Так**,** например: *2day il é ariV b4 ma seur et a lC 1 Kdo 4me = Aujourd'hui il est arrivé avant ma sœur et a laissé un cadeau pour moi*). В этом примере французские слова и выражения aujourd'hui, avant и pour moi заменены английскими *today, before, for me*, которые имеют сходное семантическое значение.

SMS-язык отличает **отсутствие знаков препинания** (в тексте сообщения *Hi where are you* отсутствует запятая после *hi* и вопросительный знак в конце предложения; в сообщении *Love you Steve* – запятая после слова *you),* **опущение пробелов**, при этом все слова могут начинаться с заглавной буквы *(ElVientPa = Elle vient pas).*

Среди **грамматических особенностей** SMS-текстов и чатов можно выделить нередкое отсутствие сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов, что обусловлено отсутствием достаточного времени для их построения. Коммуниканты обычно обмениваются высказываниями, составленными из коротких простых предложений. Высказывания, которые содержат более одного предложения, обычно являются бессоюзными, а границы придаточного предложения отмечены знаками препинания (например, двоеточием), эмотиконами или не маркированы вовсе. Например, в английском языке переписка из простых предложений может выглядеть следующим образом:

– Are you OK?
– Yes and you?
– OK. See you today?
– No tomorrow where?
– At John's. See you later.

Если использовать в данной переписке язык сокращений, что и сделали бы многие англоговорящие тинейджеры, данное сообщение выглядело бы так:

– RU OK?
– YNY?
– OK CU2DAY?
– NO 2MORO WER?
– @J'S. CUL8TR.

Зачастую в SMS сообщениях наблюдается неправильное построение предложений, пропускаются союзы, предлоги и местоимения. Наиболее часто в SMS-сообщениях можно видеть элиминацию местоимений. Так, во фразах *Talk to you later. Want to see you.* опущено местоимение *I* в начале каждой фразы.

В последнее время SMS-язык стал использоваться в произведениях художественной литературы. Впервые в мире начал писать на SMS-языке и переводить известные произведения на язык SMS французский писатель Фил Марсо [Marso, 2005б]: автору захотелось наглядно показать, что язык SMS – это не просто отклонение от нормы, а красивый живой язык со своей орфографией и грамматическими правилами; а также мотивировать молодежь к чтению и изучению французского языка [Солнцева, 2019б]. Его книга «Pa SAge a TaBa» [Marso, 2004] тиражом в 2000 экземпляров была распродана за несколько недель.

Ниже приведен отрывок, взятый из романа Фила Марсо (текст в скобках – перевод на стандартный французский язык):

– John Wilson Bred, j vs chRch part. (John Wilson Bred, je vous cherche partout)
– Moa pa! (Moi, pas)
– G bes'1 2 vs (J'ai besoin de vous)

– PRméT, j tRmine c eke G à fR. (Permettez, je termine ce que j'ai à faire)

– Ok! 5 mn', pa +. (OK! Cinq minutes, pas plus)

В мае 2005 года Фил Марсо [Marso, 2005a] выпустил книгу «CP SMS» (Cours préparatoire = подготовительные курсы), в которой в 29 уроках сформулировал основные правила «правописания» этого еще молодого языка. На материале текстов Фила Марсо можно наблюдать такие особенности языка SMS-сообщений, как замена букв и слогов цифрами, опущение гласных, замена слогов заглавными буквами и др.

Средства компенсации отсутствия эмоциональности в SMS-сообщениях

Поскольку данному виду письменной коммуникации свойственна безэмоциональность на фоне жесткой ограниченности объема и ярко выраженной приоритетной информационно-коммуникативной функции, пользователи активно используют дополнительные средства [Коновалова, 2009]. Так, зачастую отдельные слова и выражения в языке SMS заменяются так называемыми **эмотиконами** – графическими значками, выражающими определенные эмоции и состоящими из знаков препинания и иных графических символов:

:-) или :) «sourire» / «smile»

:-(или :(«tristesse, déception» / «sadness»

:-D или :D «rire» / «laugh» и т. д.

Появление мессенджеров позволило использовать готовые эмотиконы-картинки, не связанные со знаками препинания и, таким образом, выходящие за пределы собственно языковых средств.

Кроме того, с развитием языка SMS в нем проявились явления, не вполне объяснимые требованием краткости, в частности:

– дублирование пунктуационных знаков: активное использование многоточия *(Bye… write me soon…),* многократный повтор восклицательного или вопросительного знаков, например: *je te manquais????; ta di koi?????*

– **использование междометий в сочетании с эмотиконами***: o:-) o:-)*

– дублирование букв в слове: *moua* (moi), *bizzzzou, viiite, yesss, fiestaaaa, cooool*. Таким образом, графическая форма, используемая в языке SMS, оказывается длиннее, чем стандартная графическая форма, что вызвано попыткой передать некий звуковой эффект, характерный для устной речи в определенном стиле, либо создать некий графический эффект, противоречащий требованию краткости. Ряд допускаемых авторами текстов на языке SMS орфографических ошибок также удлиняют слова: например, добавление t или s на конце слов в форме единственного числа будущего времени (*il finiras, elle irat* вместо *il finira, elle ira*), удвоение согласных, употребление инфинитива вместо participe passé (*il est aller* вместо *il est allé*). Относительно последнего примера следует отметить, что одной из наиболее распространенных грубых орфографических ошибок во французском языке (возникающих в том числе без какой-либо связи с языком SMS) является обратное явление: употребление формы participe passé вместо инфинитива (*il faut y allé* вместо *il faut y aller*).

Зачастую в языке SMS используются эрративы – единицы, подверженные умышленному искажению (не обязательно связанному с сокращением количества знаков) для создания особого эффекта (*cheeze* вместо *cheese, thicc* вместо *thick, boi* вместо *boy, ces quoi leu réspait?* вместо *c'est quoi le respect?*)

В последнее время предпринимаются попытки лексикографической обработки языка SMS, составления словарей и корпусов (размещаемых главным образом в интернете) [Albasheer, 2016; Texting Dictionary]. Резко выраженная вариативность написания, отсутствие какой-либо нормализации приводят к высокой степени нестабильности графического облика слов. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих, как сильно может различаться написание одного слова в языке SMS по данным различных источников:

Перспективным направлением исследований представлялась бы, на наш взгляд, попытка описания и классификации способов и механизмов видоизменения графической формы слова в языке SMS, сочетаний таких способов и механизмов в пределах одного слова. Это, в свою очередь, позволит прогнозировать, какие графические трансформации могут стать наиболее продуктивными в будущем.

В качестве примера приведем различные графические формы отдельных французских слов, зафиксированные современными лексикографическими источниками [Fairon, 2006]:

aujourd'hui	0jourd8; ajd; ajd'hui; ajdi; ajdui; ajord; auj; aujo; aujourd hui; aujourdhui; aujourdui; oj; ojd; ojdui; ojoud8; ojourd ui; ojourd'8; ojourd'hui; ojourd8; ojourdhui; ojourdui; ojrd8
besoin	besw1, bzw1, bes1, bzoin, bsoin, bso1, beswin
j'espère	g-sper; gsper; gspere; gspr; gspèr; gspère; j esper; jesp; jesper; jespere; jespr; jespèr; jespère; jespér; jpr; jsp; jspr; jspre; jèesp; jèspèr; jèspér; jésper; jéspèr;jéspér
merci	cimèr; mci; meci; mer6; merchi; merciii; mici; mirci; mrci; mèr6
j'étais	g t; g tai; g't; gt; gtais; gto; gtè; jetai; jetè; jt; jtè; jétai; jétais; jétè; jété
je suis	I'm; ch'ui; chui; chuis; chwi; gsuis; ik ben; js8; jss; jsui; jsuis; jswi
je t'aime	I t'm; chtaym; chtm; g t m; gtm; i lov u; jet'aime; jetaim; jetaime; jetm; jt; jt aime; jta; jtaim; jtaime; jtem; jtm; jtmm; jtèm; taim; ze tem; ztèm
peut-être	pTr, p e, ptet, ptèt, ptétr, pt-etre, peut etr, ptetre, p-e
quelque chose	kek chose, kelke chos, kkc, qqchose, quelquechoz, qqchos, kkchoz

Заключение

Анализ языка SMS-сообщений и мессенджеров позволяет нам сделать следующие основные выводы:

1. Главный принцип SMS-языка – передача большего количества информации посредством меньшего количества символов. Основные причины использования сокращений – экономия времени, усилий, денежных средств.

2. Использование большого количества сокращений зачастую делает сообщение непонятным, неудобочитаемым, поверхностным, а иногда даже не поддающимся расшифровке.

3. SMS-язык –это средство самовыражения, некий сознательный протест против нормы.

4. SMS-язык влияет на нормативную речь, так как участники коммуникации в силу постоянного использования различных усечений и аббревиатур забывают правильное написание слов. Нередко используемые в SMS-переписке сокращения переходят в устную речь.

5. С началом распространения мессенджеров на смартфонах, в частности, мессенджеров социальных сетей, позволяющих осуществлять набор текста в более комфортном формате, язык SMS не исчез и продолжает активно использоваться в подростково-молодежной среде, в частности, в англоязычных и франкоязычных странах. Язык SMS и мессенджеров, ставший очень популярным у англоязычной и франкоязычной молодёжи, является креативным средством самовыражения. Онпредставляет собой весьма неустойчивую разновидность письменного языка, до сих пор не нашедшую своего места в стилистической системе. В этой связи перспективным направлением научных исследований представляется динамическое описание изменений в данной разновидности языка на фоне ускоряющихся изменений программного обеспечения и моделей речевого поведения в рамках электронной коммуникации.

Библиографический список

1. Аминова Л. В. Особенности устной и письменной речи французской молодежи // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского университета. 2011. С. 122–125.

2. Венедиктова Ю. Е. Характерные особенности СМС-коммуникации: (на материале английского и русского языков) // Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации. Москва : Издательство МГОУ, 2010. С. 25–28.

3. Ионина А. А. Лингвистика электронного текста – перспективное направление современной науки о языке // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. Москва : Диона, 2018. С. 37–41.

4. Коновалова Ю. Е. Средства компенсации отсутствия эмоциональности в СМС-сообщениях // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. 2009. № 1. С. 64–69.

5. Лутовинова О. В. Интернет как новая устно-письменная система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 71. С. 58.

6. Сидорова М. Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых интернет-дневников) // Сибирский филологический журнал. 2004. № 1. С. 117–129.

7. Солнцева А. В. Англицизмы в современном французском языке (на примере спортивной терминологии) // Европейское литературное наследие в кросскультурном пространстве. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Ярославль, 2019. С. 172–176.

8. Солнцева А. В. Графические, лексические и грамматические особенности языка sms и мессенджеров // Язык и общество. Диалог культур и традиций. Сборник материалов научной конференции и материалы 6-го межрегионального научно-практического семинара. Ярославль, 2021. С. 159–166.

9. Солнцева А. В. Французский язык как иностранный: как повысить мотивацию обучающихся? // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 2019. С. 176–179.

10. Шангаева Н. К. Языковые средства организации чата во французской интернет-коммуникации // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2012. № 11. С. 124–128.

11. Шилоносов А. И. Графические особенности SMS-текста. URL: http: www.jurnal.org/article (дата обращения: 02.12.22)

12. Albasheer N. A., Alfaki I. M. The Effect of Text Messaging on the English Language Aspects and Communication // International Journal of Language and Linguistics. 2016. Vol. 3. № 2. URL: https://ijllnet.com/journals/Vol_3_No_2_June_2016/3.pdf (дата обращения: 02.02.23)

13. Dictionnaire SMS. URL: https://www.dictionnaire-sms.com (дата обращения: 02.02.23)

14. Fairon C., Klein J.-R., Paumier S. Le langage SMS. Étude d'un corpus informatisé à partir de l'enquête «Faites don de vos sms à la science». Louvain-la-Neuve : Presses universitaires de Louvain, 2006. 136 p.

15. Grinter R. E., Eldridge M. Y do tngrs luv 2 txt msg? // 7th European Conference on Computer-Supported Cooperative Work (ECSCW). Bonn, 2001. P. 219–238.

16. Kaplan D. Le «langage SMS» contamine-t-il la langue écrite? URL: www.InternetActu.net (дата обращения: 02.02.23)

17. Klein J., Fairon C. «Jesp ketou vas bn pr ti = J'espère que tout va bien pour toi» ou les mystères du langage SMS // Journal des lettres de Louvain-la Neuve. 2005. № 2. P. 17–19.

18. Marso Ph. CP SMS. Paris : Megacom-Ik, 2005. 170 p.

19. Marso Ph. La font'N j'M. Paris : Megacom-Ik, 2005. 160 p.

20. Marso Ph. Pa SAge a TaBa. Vo SMS. Paris : Megacom – Ik, 2004. 32 p.

21. Pierozak I. Le «français tchaté»: un objet à géométrie variable // Ecrits électroniques, échanges, usages et valeurs, langage et société. Paris : PUF, 2003. P. 104.

22. Poussevy E. Parlez-vous le SMS? Paris : Express Roularta Editions, 2010. 120 p.

23. Proulx S. Les ados et Internet : le règne du bavardage // Le familier. 1998. №23(3). Montréal, 1998. C. 1183.

24. Texting Dictionary. URL: https://www.internetmatters.org/resources/text-dictionary (дата обращения: 02.02.23)

Reference list

1. Aminova L. V. Osobennosti ustnoj i pis'mennoj rechi francuzskoj molodezhi = Characteristics of the spoken and written language of French youth // Filologija i iskusstvovedenie. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. S. 122–125.

2. Venediktova Ju. E. Harakternye osobennosti SMS-kommunikacii: (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) = Characteristic features of SMS communication in English and Russian // Lingvisticheskie aspekty mezhkul'turnoj kommunikacii. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2010. S. 25–28.

3. Ionina A. A. Lingvistika jelektronnogo teksta – perspektivnoe napravlenie sovremennoj nauki o jazyke = E-text linguistics as a promising area of modern linguistic science // Tri «L» v paradigme sovremennogo gumanitarnogo znanija: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika.Moskva : Diona, 2018. S. 37–41.

4. Konovalova Ju. E. Sredstva kompensacii otsutstvija jemocional'nosti v SMS-soobshhenijah = Means to make up for the lack of emotion in text messages // Vestnik MGOU. Serija Lingvistika. 2009. № 1. S. 64–69.

5. Lutovinova O. V. Internet kak novaja ustno-pis'mennaja sistema kommunikacii = The Internet as a new oral-written communication system // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2018. № 71. S. 58.

6. Sidorova M. Ju. Refleksija «naivnogo» govorjashhego nad jazykom i kommunikaciej (po materialam otkrytyh internet-dnevnikov) = Reflection of the «naive» speaker over language and communication (based on open internet diaries) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2004. № 1. S. 117–129.

7. Solnceva A. V. Anglicizmy v sovremennom francuzskom jazyke (na primere sportivnoj terminologii) = Anglicisms in modern French sports terminology // Evropejskoe literaturnoe nasledie v krosskul'turnom prostranstve. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Jaroslavl', 2019. S. 172–176.

8. Solnceva A. V. Graficheskie, leksicheskie i grammaticheskie osobennosti jazyka sms i messendzherov = Graphic, lexical and grammatical features of sms and messenger language // Jazyk i obshhestvo. Dialog kul'tur i tradicij. Sbornik materialov nauchnoj konferencii i materialy 6-go mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara. Jaroslavl', 2021. S. 159–166.

9. Solnceva A. V. Francuzskij jazyk kak inostrannyj: kak povysit' motivaciju obuchajushhihsja? = French as a foreign language: how to increase students' motivation? // Jetapy razvitija romanskih jazykov: ot jazyka zhivogo obshhenija k nacional'nomu jazyku. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 2019. S. 176–179.

10. Shangaeva N. K. Jazykovye sredstva organizacii chata vo francuzskoj internet-kommunikacii = Linguistic means of organizing chat in French Internet communication // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura. 2012. № 11. S. 124–128.

11. Shilonosov A. I. Graficheskie osobennosti SMS-teksta = Graphic features of SMS text. URL: http: www.jurnal.org/article (data obrashhenija: 02.12.22)

12. Albasheer N. A., Alfaki I. M. The Effect of Text Messaging on the English Language Aspects and Communication // International Journal of Language and Linguistics. 2016. Vol. 3. № 2. URL: https://ijllnet.com/journals/Vol_3_No_2_June_2016/3.pdf (data obrashhenija: 02.02.23)

13. Dictionnaire SMS. URL: https://www.dictionnaire-sms.com (data obrashhenija: 02.02.23)

14. Fairon C., Klein J.-R., Paumier S. Le langage SMS. Étude d'un corpus informatisé à partir de l'enquête

«Faites don de vos sms à la science». Louvain-la-Neuve : Presses universitaires de Louvain, 2006. 136 p.

15. Grinter R. E., Eldridge M. Y do tngrs luv 2 txt msg? // 7th European Conference on Computer-Supported Cooperative Work (ECSCW). Bonn, 2001. R. 219–238.

16. Kaplan D. Le «langage SMS» contamine-t-il la langue écrite? URL: www.InternetActu.net (data obrashhenija: 02.02.23)

17. Klein J., Fairon C. «Jesp ketou vas bn pr ti = J'espère que tout va bien pour toi» ou les mystères du langage SMS // Journal des lettres de Louvain-la Neuve. 2005. № 2. P. 17–19.

18. Marso Ph. CP SMS. Paris : Megacom-Ik, 2005. 170 p.

19. Marso Ph. La font'N j'M. Paris : Megacom-Ik, 2005. 160 p.

20. Marso Ph. Pa SAge a TaBa. Vo SMS. Paris : Megacom – Ik, 2004. 32 p.

21. Pierozak I. Le «français tchaté»: un objet à géométrie variable // Ecrits électroniques, échanges, usages et valeurs, langage et société. Paris : PUF, 2003. P. 104.

22. Poussevy E. Parlez-vous le SMS? Paris : Express Roularta Editions, 2010. 120 r.

23. Proulx S. Les ados et Internet : le règne du bavardage // Le familier. 1998. №23(3). Montréal, 1998. S. 1183.

24. Texting Dictionary. URL: https://www.internetmatters.org/resources/text-dictionary (data obrashhenija: 02.02.23)

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 23.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.13
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_183
EDN: ZIBOCW

Лингвистический аспект исследования духовного и земного начал в «Книге Благой Любви» Х. Руиса

Михаил Сергеевич Бурак
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А
bertran4442000@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8204-8213

Аннотация. Данное исследование посвящено трактовке термина «Благая любовь» в «Книге Благой Любви» Хуана Руиса. Рассматриваемое произведение, написанное во второй половине XIV века, является в определённой мере новаторским. Это проявилось в особом соединении в нём разных стилей и жанров. Необыкновенный юмор, ирония, пронизывающая всю книгу, порой позволяют представить жизнь, полную драматических событий, как анекдот. Здесь есть место и мягкой иронии, и едкому и горькому сарказму. Они подчас призваны скрыть глубокое страдание и душевную боль автора, намного опередившего своё время. Новаторство данного сочинения проявляется также в своего рода психологизме, не характерном для многих произведений средневековой литературы. Благой Любовью по замыслу автора мы считаем именно любовь к Богу, которая помогает выдержать испытания и перенести страдания. Это подтверждается большинством контекстуальных употреблений сочетания buen amor («благая любовь») в тексте рассматриваемого произведения, что также соответствует наблюдению ряда авторитетных исследователей. Необходимо отметить значительный вклад Х. Руиса в последующее развитие и становление испанской литературы. Также необходимо отметить его вклад в развитие и становление кастильского (впоследствии испанского) языка. Язык Х. Руиса, богатый тропами, создаёт неповторимый колорит. Употребление ряда глаголов с более обобщённым значением по сравнению с их употреблением в современном языке (dar, prestar, usar, etc.), с одной стороны, органично вписывается в религиозно-философский контекст данного произведения, а с другой – способствует усилению индивидуального начала в этом выдающемся памятнике средневековой литературы.

Ключевые слова: благая любовь; юмор; ирония; психологизм; троп; индивидуальное начало; новаторство

Для цитирования: Бурак М. С. Лингвистический аспект исследования духовного и земного начал в «Книге Благой Любви» Х. Руиса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 183–191. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_183. https://elibrary.ru/ZIBOCW

Original article

Linguistic aspects of studying the spiritual and worldly principles in the «Book of Good Love» by J. Ruiz

Mikhail S. Burak
Candidate of philological sciences, associate professor of the department of romance-germanic philology and translation, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Griboedov canal embankment, 30–32, lit. A
bertran4442000@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8204-8213

Abstract. The present work examines *Good love* in the «Book of Good love» by Juan Ruiz. This text was written in the 14-th century, and is first of its kind. It shaped up as a combination of styles and forms. Extraordinary humor and irony permeating the entire book, allowto represent life full of dramatic events, as an anecdote. Both soft irony and bitter sarcasm are appropriate here. Both are meant to disguise deep suffering of the author who was ahead of his time. The book's conceptual leap also manifests itself through the psychologism that is not characteristic of most medieval literary works. Good Love, according to the author, is the love of God that helps us to endure trials and sufferings. This idea is proved by the majority of contextual uses of the phrase buen amor («good love») in the text, which is also consistent with the opinion of a number of respectable scholars. It is necessary to note the significant contribution of J. Ruiz to the further development of spanish literature. The writer’s contribution to theevolution of the Castilian (later Spanish)

© Бурак М. С., 2023

language is also noteworthy. J. Ruiz's language is rich in literary tropes, which creates a unique colouring. He uses a number of verbs (dar, prestar, usar, etc.) in a broader meaning as compared to their modern usage. This fact naturally fits into the religious-philosophical context of this book. On the other hand, it enhances the author's individual character of this prominent monument of medieval literature.

Key words: Good love; humor; irony; psychologism; trope; individual character; conceptual leap

For citation: Burak M. S. Linguistic aspects of studying the spiritual and worldly principles in the «Book of Good Love» by J. Ruiz. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):183–191. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_183. https://elibrary.ru/ZIBOCW

Введение

Данная статья посвящена трактовке термина «благая любовь» в «Книге Благой Любви» Хуана Руиса, архипресвитера из города Ита. С точки зрения более ранних литературных традиций, бытовавших на Пиренейском полуострове, рассматриваемое произведение, написанное во второй половине XIV века, является в определённой мере новаторским. Это проявилось в особом соединении в нём разных стилей и жанров. Два основных направления испанской литературы того времени: mester de juglaría (народное творчество) и mester de clerecía («учёное искусство») у Хуана Руиса органично сочетаются.

Необыкновенный юмор, ирония, пронизывающая всю книгу, порой позволяет представить жизнь, полную драматических событий, как анекдот. Здесь есть место и мягкой иронии, и едкому и горькому сарказму. Гимны во славу Деве Марии перемежаются нравоучительными баснями. А наставления о необходимости нравственного и богобоязненного отношения к мирской суете весьма контрастируют с советами Дона Амура. Любовные похождения героя при этом столь разнообразны, что предоставляют читателю широкий диапазон контекстов. Наконец, сам термин «Благая Любовь» у автора не всегда однозначен. Это вызывает жаркие споры среди исследователей.

Некоторые учёные настаивают на том, что Благую Любовь следует понимать именно как Любовь к Богу, основываясь, как на Прологе к произведению, так и на большинстве контекстуальных употреблений.

По справедливому наблюдению авторитетного исследователя испанской литературы Ж. Жозе из 15 примеров использования сочетания Благая Любовь в LBA (зд. и далее «Libro de Buen Amor» – «Книга Благой Любви») б**о**льшая часть не оставляют в этом сомнений [Joset, 2004, с. 105].

Мы склонны в основном придерживаться этой точки зрения с определёнными оговорками, о которых пойдёт речь ниже. Для нас очевидно и то, что вышеупомянутая ирония и сарказм подчас призваны скрыть глубокое страдание и душевную боль автора, намного опередившего своё время, боль о которой открыто говорится как в стихотворном прологе, так и в других частях книги.

Новаторство данного сочинения мы видим также в своего рода психологизме, не характерном для многих произведений средневековой литературы.

Постоянно развивающееся действие, сюжетная нить, прерываемая умными притчами и разноплановыми диалогами и монологами дают читателю возможность увидеть жизнь с разных углов зрения и сформировать своё отношение к тому, что есть Благая Любовь.

Любовь Благая и Любовь Безрассудная (Buen Amor y Loco Amor). История вопроса

Как известно, термин Благая Любовь (*Buen Amor*) не был придуман Хуаном Руисом, кастильским клириком XIV века. Первым источником был для него в этом св. Амвросий Медиоланский (IV в.). В его трактовке Благая Любовь мыслится как милосердие. «Vulnus boni amoris, sunt vulnera caritatis», [Ambrosius, 1845, col. 289; Joset, 2004, с. 108]. «Рана благой любви суть раны милосердия» (перевод автора статьи).

Далее Св. Августин в своём произведении «О Граде Божьем» (V в.) говорит о Благой Воле следующее: «Recta itaque voluntas est bonus amor, et voluntas perversa malus amor», [Augustinus, 1845, col. 410; Joset, 2004, с. 108]. «Итак, благая воля есть любовь добрая, а воля превратная – любовь дурная» (перевод автора статьи). У Св. Августина имеют место противопоставления как Любви Божией по отношению к Любви мирской (Amor Dei – Amor Mundi), так и Милосердия Жизнелюбию (Caritas – Cupiditas) [Joset, 2004, с. 108].

С появлением куртуазной традиции картина усложняется. Французская и провансальская любовная лирика используют сочетания *bon amors* и *bone amor*, придавая им различные оттенки. Вот некоторые примеры.

Маркабрюн (XII в.) противопоставляет куртуазную любовь (*bon amors*) губительной страсти (*amars de perdicio*) [Joset, 2004, с. 109].

У Матфре Эрменгау в его «Бревиарии Любви» (конец XIII в.), термин *bon amor* представляет широкий диапазон значений. От любви к Богу,

проходя через любовь святых к людям, и до любви куртуазной [Joset, 2004, с. 109].

В «Романе о Розе» Жана де Мена (XIII в.) *bone amor* отождествляется с любовью к ближнему как естественное продолжение любви к Богу [Joset, 2004, с. 109].

В литературе Пиренейского полуострова также, безусловно, отражена тема Благой Любви.

В частности, в произведениях Рамона Льюля (Раймунда Луллия), написанных на каталанском языке (XIII–XIV вв.), *bona amors* противопоставляется *mala amors*.

Все приведённые выше примеры, в основном, следуют двум линиям. 1) Любовь к Богу. 2) Различные аспекты близости между людьми (любовь между мужчиной и женщиной, уважение, милосердие, добросердечие). Хуан Руис попытался объединить эти две линии в своём индивидуальном стиле, о чём пойдёт речь в следующих разделах нашей статьи.

Рассуждения автора о том, как нужно понимать его Книгу

Одной из наиболее значимых частей рассматриваемого произведения служит Пролог. В первой части пролога Х. Руис, следуя учению неоплатоников, говорит о сопричастности человека Высшему Благу. Он говорит о возможности духовного развития, несмотря на греховность человеческой природы, при условии наличия у человека благого разумения (buen entendimiento) и благой воли (buena voluntad). При этом память становится благой (buena memoria), тогда, когда служит своего рода «проводником» между высшим божественным началом и человеческой душой.

«И, поскольку душа, побуждаемая благим разумением, благою волей и благою памятью, избирает и почитает благую любовь, каковая есть любовь к Богу, она помещает её в памяти, дабы руководиться ею и направлять тело к благим деяниям, коими человек спасётся» [Руис, 1991, с. 10]. «Et desque el alma con el buen entendimiento e la buena voluntad con buena remembranza escoge, e toma el buen amor, que es el de Dios, et pónelo en la çela de la memoria porque se acuerde d`ello, e deterrmine al cuerpo a faser buenas obras, por las cuales se salva el ome» [Ruiz, 1963, с. 8]. Интересно, что слово çela (современная célula – «клетка, ячейка») употребляется клириком XIV в. в сочетании la çela de la memoria (букв. «клетка памяти») за много столетий до появления нейробиологии как причудливая метафора, характерная для его неповторимого стиля.

Затем автор утверждает. «И сверх того, душа отвергает безрассудную мирскую любовь (букв. «грех мирской любви») и питает к ней отвращение» [Руис, 1991, с. 10]. «Et otrosí desecha, et aborresçe el alma el pecado del amor loco d'este mundo» [Ruiz, 1963, с. 7–8].

Вторая часть пролога в основном говорит как раз о грешной мирской любви (loco amor del mundo – букв. «безрассудная мирская любовь»), «о её уловках, ухищрениях и хитростях, применяемых для грехотворства» (перевод автора статьи) («de sus maneras e maestrías e sotilezas engañosas del loco amor del mundo, que usan algunos para pecar») [Ruiz, 1963, с. 11].

В оригинальной фразе обращает на себя внимание специфическое употребление во множественном числе лексем *maestría* и *sotileza*. Их условные эквиваленты «хитрости» и «уловки» присутствуют также в переводе М. А. Донского [Руис, 1991, с. 13]. Тем не менее, они не отражают всех оттенков, используемых автором. С одной стороны, в современном испанском языке слово *maestría* означает «мастерство», а *sutileza* в нём имеет широкий диапазон значений от «проницательности» до «утончённости» через «хитрость», «изворотливость» и «изощрённость» [Moliner, 1998, с. 1160]. С другой, лексемы *maestrías* и *sotilezas*, особенно во множественном числе, в современном испанском языке не употребляются в сочетании с глаголом *usar* («использовать, употреблять»). Интересным представляется также выражение «las maneras engañosas (букв. «обманные методы») del loco amor del mundo», которое у М. А. Донского переведено как «лукавые подходы безрассудной мирской любви» [Руис, 1991, с. 13]. Примечательно, что в современном испанском языке подобное выражение могло бы оказаться непонятным для многих носителей языка. Такие обороты маркируют индивидуальный стиль автора, вписанный в контекст средневековой ментальности. С точки зрения христианской доктрины, все уловки, хитрости и любое мастерство человека, если оно направлено во зло, – от лукавого. При этом специфическое «овеществление» абстрактных понятий используется автором в назидательных целях.

Х. Руис, будучи священником, намеренно делает акцент на греховности человеческой натуры. «Человеку свойственно грешить» [Руис, 1991, с. 14], «Es humanal cosa el pecar» [Ruiz, 1963, с. 12]. При этом автор всячески подчёркивает чистоту своих помыслов, говоря: «Но Господу ведомо, что замысел мой был не в том, чтобы наставлять в грехотворстве…» [Руис, 1991, с. 14]

(Et Dios sabe que la mi intençión no fuer de lo faser por dar manera de pecar) [Ruiz, 1963, с. 12]. Представляется интересным тот факт, что глагол *dar* (*«давать»*) охватывает широкий диапазон сочетаемости в испанском языке уже много столетий. И как видно из текста, в средние века он мог употребляться ещё шире, чем в современном языке, где он является наиболее частотным, и мог сочетаться с такого рода абстрактными существительными как «способ», «образ действия» (*dar manera de pecar – букв. «дать способ грешить»*), что в целом не свойственно ему ныне.

Х. Руис настаивает на своей приверженности Благой Любви. Но как истинный талант и высочайший эрудит он не может воспринимать жизнь однозначно. Его в то же время неудержимо влечёт земная, страстная любовь, которую он также умеет описать с должной выразительностью. И это внутреннее противоречие заставляет его самого страдать, что не раз воплощается в его книге.

Нужно отметить, что подобный «конфликт страстей» был характерен для интеллектуалов этого времени. В частности, это отразилось в полемике между адептами неоплатонизма и сторонниками аверроизма или радикального аристотелизма. Не останавливаясь подробно на этих доктринах, отметим, что сторонники аверроизма опирались на разум, которому противостоит животная душа [Шевкина, 1972; Averroès et les averroïsmes…, 2007]. Последователи же неоплатонизма утверждали незыблемость триады «Единое – Ум – Душа», подчёркивая тем самым их естественное взаимопроникновение, эманацию каждой из этих субстанций в нижестоящую [Dillon, 2004]. И «Книга Благой Любви» во многом явилась пространством полемики между этими двумя течениями.

В частности, рассуждения Х. Руиса о благой памяти, в которой навсегда запечатлеваются дела, если душа избирает любовь к богу [Руис, 1991, с. 10], исследователь Индураин связывает с произведением «De natura et dignitatis amoris» («О сущности и достоинстве любви» – перевод названия дан автором статьи), написанным Гильомом из Сен-Тьери и проникнутом духом неоплатонизма [Ynduraín, 2001, с. 69–94]. В то же время Ф. Рико усматривает в рассуждениях Х. Руиса о том, что «если разумение, воля и память не ущербны, то они удлиняют жизнь телу» [Руис, 1991, с. 10], влияние латинского аверроизма. Ибо разум в этом случае побеждает «животную» часть души [Rico, 1985, с. 188].

В строках 13 cd автор взывает к Богу:

que pueda fazer libro de buen amor aqueste,
que los cuerpos alegre e a las almas preste.

Благая Любовь – ей свой труд посвятит он всецело,
Любви, что нам дух возвышает и радует тело [Руис, 1991, с. 16].

Интересным представляется тот факт, что в современном языке глагол prestar («одалживать») является переходным. Здесь же, как и в случае с глаголом dar, он обладает более обобщённым значением «благоприятствовать» и к тому же употребляется как непереходный.

Что касается соответствия между автором и героем-рассказчиком, в независимости от того насколько оно реально, мы видим ситуацию следующим образом. Будучи высоко просвещённым человеком, но в то же время натурой глубоко чувствующей и полной страстей и противоречий, Х. Руис не мог однозначно принять какую-либо из точек зрения, видя в этом непризнание многогранности жизни. На наш взгляд подобная глубина восприятия и богатейшая палитра ощущений позволяют распознать в нём предтечу Ренессанса с его интересом к человеку во всей многозначности. И это, несомненно, повышает ценность данной книги и обуславливает широкую панораму женских образов в ней.

Женские образы в LBA

Говоря о женских образах в LBA, нам представляется важным ещё раз подчеркнуть их разноплановость и разное отношение к ним автора: от религиозно-возвышенного (Богоматерь) до гротескно-фольклорного (крестьянки-горянки). Необыкновенный талант автора порой заключается в сочетании первого и второго (например, битва доньи Четыредесятницы с Доном Карнавалом). При этом возвышенное сливается с повседневным, а народные традиции оказываются органично вплетены в канву повествования, исполненную высокого религиозного стиля.

Говоря о земных женщинах, полагаем уместным выделить особо двух героинь: донью Эндрину (Тернину) и донью Гаросу. Отталкиваясь изначально от куртуазной традиции, автор в итоге выходит далеко за её пределы, наделяя обеих героинь яркой индивидуальностью.

Донья Эндрина

Любовные приключения главного героя и доньи Эндрины (Доньи Тернины в переводе М. А. Донского) являются одним из центральных

эпизодов в книге. Будучи переложением средневековой латинской комедии XII в. «Книга о Панфиле», эта история по справедливому наблюдению выдающегося литературоведа З. И. Плавскина превзошла первоисточник по силе воздействия на читателя. Хуан Руис «…добивается создания не только реального бытового, но в какой-то мере и психологического и даже социального фона событий» [Руис, 1991, с. 346].

Донья Эндрина – благородная дама, исполненная всяческих достоинств. «La más noble figura de quantas yo aver pud» – 582 a [Ruiz, 1963, с. 211]. (букв. «Самая благородная из дам, которая только могла у меня быть» – перевод автора статьи). Она в числе прочего весьма учтива и приветлива. К тому же обладает чувством меры («es cortés y mesurada» – 581 c) [Ruiz, 1963, с. 211], качеством, очень важным с точки зрения соответствия идеалу куртуазной любви. Однако этот идеал в данном случае уступает место новым реалиям, характерным для испанской городской жизни XIV века. Донья Эндрина – богатая вдова, и по социальному статусу намного выше своего поклонника. Это может явиться препятствием к их союзу. Кроме того, со смерти её мужа не прошло и года. В этой связи для обоих героев важно мнение окружающих. Молодая вдова в описываемую эпоху легко могла стать объектом нападок и дурной молвы, если она подавала к тому малейший повод [Mirrer, 1992, с. 9–15]. А ухаживание и новый брак в подобной ситуации чреваты оспариванием прав на имущество родственниками покойного мужа.

События, однако, развиваются стремительно, и не без помощи сводни Урраки. Дон Мелон (Дон Арбузиль де Бахчиньо в переводе М. А. Донского) – рассказчик-герой соблазняет Эндрину и тут же бросает её на произвол судьбы. Как отмечает З. И. Плавскин, «С нечастой в те времена психологической тонкостью Хуан Руис прослеживает эволюцию чувств и настроений доньи Эндрины» [Руис, 1991, с. 347]. Однако история заканчивается самым неожиданным образом. Уррака всё улаживает и устраивает брак Эндрины и Арбузиля. При этом автор заявляет, что именно в этой истории речь не о нём (строфа 909), хотя до сих пор повествование шло от первого лица. Католический священник жениться не может. Он представляет весь эпизод как назидание легковерным женщинам. Авторская ирония заключается здесь в своеобразном «разрыве шаблона». События принимают анекдотический оборот: циничная и корыстолюбивая сводня на миг становится положительной героиней: доброй свахой (строфа 890–891). Хуан Руис ссылается здесь на «Искусство любви» знаменитого древнеримского поэта Публия Овидия Назона и на средневековую комедию «Панфил», которые послужили для него источниками вдохновения. Интересно, что в оригинальном тексте «КБЛ» Уррака ясно даёт понять: «Коль я – как Вы говорите – нанесла Вам урон, я же ситуацию и исправлю».

Pues que por mí, desides, que el daño es venido,
por mí quiero que sea el vuestro bien habido:
vos sed muger suya, e él vuestro marido,
todo vuestro deseo es bien por mí complido.
Doña Endrina e don Melón en uno casados son,
alégranse las compañas en las bodas con raçón,
si villanías he dicho, haya de vos perdón,
que lo feo del estoria dis' Pánfilo e Nasón [Ruiz, 1963, с. 299–300].

Безмерно растрогана вашим я горестным видом,
не надо печалиться, счет не ведите обидам;
за вас постою, за обидчика замуж вас выдам:
звучать скоро свадебным песням, а не панихидам.
На донью Тернину подействовал этот резон,
и тут же был дон Арбузиль женихом наречен,
а вскоре – и свадьба. Кто повестью не восхищен,
простите: ведь в этом повинны Панфил и Назон [Руис, 1991, с. 157–158].

Удивительный психологизм заключается здесь в том, что сквозь осуждение автором мирской любви проглядывает его сострадание к обычным человеческим слабостям. И это делает описанный эпизод одним из центральных и наиболее интересных во всём произведении.

Донья Гароса

Рассматриваемая в данной рубрике героиня кардинально отличается от прочих женщин, изображённых в «К.Б.Л». Донья Гароса – монашенка. Её взаимоотношения с главным героем, пожалуй, единственный подлинный образец Благой Любви во всём произведении.

Любовь монашенки и священника была изначально основана на их любви к Богу, на чистоте душ, которую они увидели друг в друге. Хотя, на этот вопрос существуют и другие точки зрения. В частности, Ж. Коромина [Corominas, 1967, с. 560–562] и Дж. Гиббон-Монипенни [Gybbon-Monypenny, 1988, с. 421] предполагают, что речь здесь может идти не только о платонических взаимоотношениях.

Мы считаем справедливым мнение Ж. Жозе о том, что эта любовь двух человеческих существ была благой именно потому, что прежде всего была любовью в Боге [Joset, 2004, с. 107].

Это, между тем, не отменяет того факта, что влюбленные были людьми из плоти и крови. Смерть Гаросы, какими бы причинами она ни была вызвана, явилась плодом конфликта между её естеством женщины и её монашеским служением.

Данный эпизод резко контрастирует с другими любовными историями в этой книге, часть которых носят откровенно анекдотический характер, а другие отдают дань куртуазной традиции. И если отношения героя с Эндриной при всём их своеобразии всё же имеют косвенную связь с одним (культивирование физической и духовной красоты) и с другим (финал, «ломающий шаблон»), то история с Доньей Гаросой намного глубже и сложнее и исполнена глубокого трагизма. В этой связи Р. Эдвардс обращает внимание на мастерство автора в завязывании интриги, в динамичности сюжета, в психологизме, опередившем своё время [Edwards, 1974; Руис, 1991, с. 349].

О глубине и силе описываемого здесь чувства, а также о его чистоте можно судить, в частности, по строфе 1507, которая завершает эту историю. Как это явствует из следующих строк, смерть Гаросы явилась настоящим горем для архипресвитера.

Con el mucho quebranto fis' aquesta endecha,
con pesar e tristesa non fue tan sotil fecha,
emiéndela todo omen, e quien ***buen amor*** *pecha,*
que yerro et mal fecho emienda non desecha
[Ruiz, 1967, с. 225].

С истерзанным горестью сердцем, объятый тоской,
почтил я любимую гимнами за упокой;
заблудший и грешный, к ***любви*** *прикоснувшись* ***благой****,*
не может не стать благородней и чище душой [Руис, 1991, с. 260].

По справедливому наблюдению З. И. Плавскина, «весь эпизод, изложенный в строфах 1332–1507, принадлежит к числу наиболее поэтичных не только в произведении Хуана Руиса, но и во всей испанской средневековой литературе» [Руис, 1991, с. 349].

Заключение

Как видно из вышеизложенного, LBA – произведение многоплановое и внутренне глубоко противоречивое. Здесь присутствует постоянный конфликт, постоянный диалог автора с самим собой, автора с героем-рассказчиком, автора с читателем.

По справедливому наблюдению Л. Ракель Миранды дуализм является одним из главных принципов данного произведения. Это находит воплощение в многоуровневой антитезе: «высокое» – «низкое», «земное – божественное», любовь благая – любовь безрассудная. При этом особое место автор уделяет соотношению двух концептуальных полей: пространство личной жизни и пространство социума. В ту эпоху важное значение для понятия женской чести имело общественное мнение [Miranda, 1997, с. 124]. И это заметно на примерах историй с благородными дамами (строфы 882–885; 1422).

В сословном обществе позднего средневековья, в атмосфере общего падения нравов, наверное, редко можно было встретить истинно высокое отношение к любви. XIV век в западной Европе – это эпоха ломки устоев. Конфликт социальный, конфликт идеологий, дух сомнения и скепсиса неизбежно приводил к глубокому внутреннему конфликту в среде интеллектуалов.

У Хуана Руиса по-настоящему достойна благой любви только монашенка Гароса. Образ Эндрины неоднозначен. Крестьянки-горянки и булочница Крус похотливы. Поэтому и история о неудавшемся приключении с булочницей Крус, и истории с крестьянками поданы в ироническом ключе.

Особенно разителен контраст отношений героя с благородными дамами и с дюжими крестьянками из Сьерры Морены. Последним неведом стыд, а дурная молва мало их заботит. Они таскают рассказчика на себе, спасая от голода и холода. А платой за ужин и ночлег для него служит акт вынужденной физической близости с ними. Подобный гротеск вкупе с чисто физиологическими подробностями выводит читателя на уровень фольклорных архетипов, к которым апеллируют многие произведения мировой литературы.

Что касается благородных дам, они изображаются исполненными высоких достоинств. Однако, за исключением Эндрины и Гаросы, это – не реальные женщины, а полуабстрактные образы. Настоящее чувство католического священника к женщине обречено на неудачу. Бо**л**ьшая часть этих дам отвергают героя. Брак Доньи Эндрины (на которой женится другой) – «плата» за сохранение её высокого статуса. А смерть доньи Гаросы – неизбежная «плата» за конфликт её духовных устремлений и её земного чувства к герою.

На протяжении всей книги Х. Руис тяжко страдает, и не только от неудач и потерь в любви. Он находится в тюремном заключении (слово «тюрьма» – «presión» повторяется в книге несколько раз, в частности в строфах 1–4), где терпит суровые лишения. Даже если правы Лео Шпитцер [Spitzer, 1955, с. 134–138] и М. Р. Лида де Малькьель [Lida de Malkiel, 1959, с. 17–82], утверждающие, что этим словом автор аллегорически называет свою жизнь, то последняя оказывается для него тягостной сверх меры.

Характерными в этом отношении представляются 4 последних рубрики в произведении: 1) моления Деве Марии, 2) Песня, укоряющая судьбу, 3) Песня про талаверских клириков, 4) Песня про слепцов.

Сначала Х. Руис молит Богоматерь избавить его от страданий и защитить от врагов (строфы 1668–1684). Затем укоряет судьбу в жестокосердии (строфы 1685–1689), грозя ей скорой кончиной, если она не станет к нему более милостивой. Далее, с большим прискорбием сообщает о папском указе, запрещавшем священникам иметь физическую близость с женщиной (строфы 1690–1708). И опять сквозь едкую сатиру на нравы духовенства, сквозь явную самоиронию (в числе прочего здесь пародийно обыгрывается первая фраза из «Поэмы о Сиде», где Сид «обливается горючими слезами»), ощущается, тем не менее, жгучая боль. В обоих случаях используется особый троп, свойственный средневековой кастильской поэзии, являющий собой плеоназм: «плача из своих глаз». Отдельной заслугой Х. Руиса является в данном случае перенос этого типично народно-эпического приёма в русло лирической поэзии и придание ей оттенка психологизма (строфа 1693).

Llorando de sus ojos començó esta raçón:
Diz': «El papa nos enbía esta constituçión.
Hévoslo á desir, que quiera ó que non:
Maguer que vos lo digo con ravia de coraçón» [Ruiz, 1967, с. 280].

В слезах начал архипресвитер свой скорбный рассказ
«Сам папа издать соизволил строжайший указ,
О коем обязан в известность поставить я вас,
Хоть сердце сжимается, катятся слёзы из глаз» [Руис, 1991, с. 298].

В этом фрагменте для эмоциональной выразительности автор использует ещё один троп, дословно переводимый «с неистовством сердца» (*con ravia de coraçón*). Подобные тропы весьма характерны для средневековой кастильской поэзии. Однако здесь они приобретают особую индивидуальность именно благодаря горькой иронии автора.

Кульминацией всего этого явился финальный эпизод книги: «Песня слепцов». Слепцы взывают к людскому милосердию и просят у зрячих подаяния (строфы 1710–1728). На наш взгляд, этот эпизод глубоко символичен. Мы склонны предполагать здесь отождествление автором всего человечества (и себя самого) с убогими слепцами, которым неведом промысел Божий.

Строфа 1728:

Tú resçibe esta canción e oye nuestra oración
que nos, pobres, te rogamos por quien nos dio que comamos,
e por el que dar lo quiso, Dios por nos muerte priso,
vos dé santo Parayso, Amén [Ruiz, 1967, с. 293].

Дай им, Господи, светлый удел –
тем, кто бедных слепцов пожалел,
подал милостыньку свою честную;
Бог, принявший за нас муку крестную,
да введет их в обитель небесную.
Аминь! [Руис, 1991, с. 290].

Стихотворный перевод, к сожалению, недостаточно полно отражает мысль оригинального фрагмента текста. Автор говорят здесь буквально следующее: «Прими эту песнь и услышь нашу молитву. Мы, несчастные, молим тебя о тех, кто дал нам милостыню именем твоим, именем того, чья на то была воля. Ты, кто принял за нас смерть, и ныне пребываешь в райской обители».

Никто не избавлен от страдания в этом мире, полном несовершенства, о чём не раз говорится на протяжении всей книги. Юмор и самоирония скрашивают, но не снимают боль. Таким образом, Благой Любовью по замыслу автора мы считаем именно любовь к Богу, которая помогает выдержать испытания и перенести страдания.

Талант, интеллект и эрудиция автора позволяют ему на каждый случай из жизни найти назидательную притчу, порассуждать о высоких материях и отдельно упомянуть искусство стихосложения, в котором он весьма преуспел.

Особой заслугой автора является также использование им многочисленных источников, относящихся к разным культурам, эпохам и жанрам, а с другой стороны, обогащение кастильского

языка и литературы современной ему эпохи и последующих эпох. Этому немало способствовало жанрово-стилистическое разнообразие LBA. Разноплановость тематики получила непосредственное воплощение в языке. Вобрав в себя опыт Гонсало де Берсео, первого кастильского поэта и, возможно, Альфонса X Мудрого с его гимнами Богоматери, он упрочил традицию религиозной поэзии на своей родине. Всё это впоследствии повлияло на творчество испанских мистиков.

С другой стороны, образ сводни Селестины из одноимённого и широко известного произведения Фернандо Рохаса имел в качестве прямого прототипа сводню Урраку из LBA. Образ Урраки, как и отношение к ней героя и автора являют собой запутанный клубок противоречивых чувств и заслуживают отдельного исследования, которое, к сожалению, не вмещается в рамки данной статьи. Заметим лишь, что при всём осуждении её ремесла автором, герой-рассказчик проявляет к ней весь спектр человеческих чувств: от пренебрежения до почти сыновней привязанности. Он в гневе называет её бранными словами, а затем, в знак примирения по её просьбе (строфа 932) называет её «благою любовью», что выглядит как очередное проявление самоиронии или как анекдот [Paredes, 2012, с. 274].

Нельзя исключить прямого или косвенного влияния LBA и на другие произведения испанской литературы последующих эпох, включая самого «Дон Кихота» Сервантеса. Наконец, знаменитый жанр плутовского романа уходит корнями в том числе в LBA. Полагаем достаточным сказанное выше для причисления рассматриваемого нами произведения к одному из наиболее выдающихся в европейской литературе.

Даже если Х. Руис не преуспел в своей попытке примирить разум, душу и природное начало в человеке, его книга явилась и продолжает оставаться выдающимся произведением. Как справедливо замечает по этому поводу Мария Роса Лида де Малькьель, авторитетнейший исследователь испанской литературы, уже не одно десятилетие учёные единодушны в высокой оценке таланта автора «Книги Благой Любви», хотя расходятся во мнениях по поводу деталей [Lida de Malkiel, 1966, с. 11]. Недаром эта книга и сегодня является предметом безусловного интереса и горячей полемики в различных направлениях гуманитарной мысли.

В заключении необходимо еще раз отметить особый вклад автора в развитие литературного кастильского языка, который позднее стал именоваться испанским. Язык Х. Руиса, богатый тропами, создаёт неповторимый колорит. Употребление ряда глаголов с более обобщённым значением по сравнению с их употреблением в современном языке (dar, prestar, usar, etc.), с одной стороны, органично вписывается в религиозно-философский контекст данного произведения, а с другой – способствует усилению индивидуального начала в этом выдающимся памятнике средневековой литературы.

Библиографический список

1. Руис Х. Книга благой любви / перевод с испанского М. А. Донского. Ленинград : Наука, 1991. 415 с.

2. Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. Москва : Наука, 1972. 104 с.

3. Ambrosius Mediolanensis. De Virginitate // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.P. Migne. Paris, 1845. T. 16. Col. 265–302.

4. Augustinus. De civitate Dei // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J. P. Migne. Paris, 1845. T. 41. 872 col.

5. Averroès et les averroïsmes juif et latin. Actes du colloque international (Paris, 16-18 juin 2005) / ed. J.-B. Brenet. Turnhout : Brepols, 2007. 367 p.

6. Corominas J. Libro de buen amor / ed. crítica de J. Corominas. Madrid : Gredos, 1967. 670 p.

7. Dillon J. Neoplatonic Philosophy / John Dillon, Lloyd P. Gerson. Indianapolis and Camridge : Hackett Publishing Company, Inc., 2004. 400 p.

8. Edwards R. Narrative Technique in Juan Ruiz's History of Doña Garoza // Modern Language Notes. 1974. Vol. 89. № 2. P. 265–273.

9. Gybbon-Monypenny G.B. Arcipreste de Hita, «Libro de buen amor». Madrid : Castalia, 1988. 571 p.

10. Joset J. El pensamiento de Juan Ruiz // Juan Ruiz, Arcipreste de Hita, y el «Libro de Buen Amor» : actas del Congreso Internacional para la Edición de los Clásicos Españoles, del 9 al 11 de mayo de 2003/ eds. Francisco Toro Ceballos y Bienvenido Morros Mestres. Alcalá la Real : Ayuntamiento Alcalá la Real, 2004. P. 105–128.

11. Lida de Malkiel M.R. Dos obras maestras españolas: «El Libro de buen amor» y «La Celestina». Buenos Aires : Editorial Universitaria de Buenos Aires, 1966. 118 p.

12. Lida de Malkiel M.R. Nuevas notas para la interpretación del «Libro de buen amor» // Nueva Revista de Filología Hispánica. 1959. T. XIII. P. 17–82.

13. Miranda L. R. Los espacios femeninos en el Libro de Buen Amor. Universidad de la Pampa // Anclajes. Revista del Instituto del análisis semiótico del discurso. 1997. Vol. 1. № 1. P. 123–136.

14. Mirrer L. Observaciones sobre la viuda medieval en la literatura (Libro de buen amor) y en la historia // Actas del XI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Irvine, 24-29 de agosto de 1992. Irvine : Universidad de California, 1994. P. 9–15.

15. Moliner M. Diccionario de uso del español. 2 vols. Vol. 2. Madrid : Gredos, 1998. 1597 p.

16. Paredes J. «Que los cuerpos alegre e a las almas preste»: teoría y praxis en el «Libro de Buen Amor» // Juan Ruiz, Arcipreste de Hita, y el «Libro de Buen Amor»: actas del Congreso Internacional para la Edición de los Clásicos Españoles, del 9 al 11 de mayo de 2003 / eds. Francisco Toro Ceballos y Bienvenido Morros Mestres. Alcalá la Real : Ayuntamiento Alcalá la Real, 2004. P. 273–280.

17. Rico F. «Por aver mantenencia». El aristotelismo heterodoxo en el Libro de buen amor. //El Crotalón, Anuario de filología española. Madrid, 1985. Vol. 2. P. 169–198.

18. Ruiz J. Libro de Buen Amor. Tomo 1 / ed. J. Cejador y Frauca. Madrid : Espasa-Calpe, 1963. 340 p.

19. Ruiz J. Libro de Buen Amor. Tomo 2. / ed. J. Cejador y Frauca. Madrid : Espasa-Caple, 1967. 340 p.

20. Spitzer L. Lingüística e historia literaria. Madrid : Gredos, 1955. 367 p.

21. Ynduráin D. Las querellas del buen amor: lectura de Juan Ruiz. Salamanca : Seminario de estudios medievales y renacentistas, 2001. 164 p.

Reference list

1. Ruis H. Kniga blagoj ljubvi = The Book of Good Love / perevod s ispanskogo M. A. Donskogo. Leningrad : Nauka, 1991. 415 s.

2. Shevkina G. V. Siger Brabantskij i parizhskie averroisty XIII v. = Seeger of Brabant and the XIII century Averroists of Paris. Moskva : Nauka, 1972. 104 s.

3. Ambrosius Mediolanensis. De Virginitate // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.P. Migne. Paris, 1845. T. 16. Col. 265–302.

4. Augustinus. De civitate Dei // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J. P. Migne. Paris, 1845. T. 41. 872 col.

5. Averroès et les averroïsmes juif et latin. Actes du colloque international (Paris, 16-18 juin 2005) / ed. J.-B. Brenet. Turnhout : Brepols, 2007. 367 p.

6. Corominas J. Libro de buen amor / ed. crítica de J. Corominas. Madrid : Gredos, 1967. 670 p.

7. Dillon J. Neoplatonic Philosophy / John Dillon, Lloyd P. Gerson. Indianapolis and Camridge : Hackett Publishing Company, Inc., 2004. 400 p.

8. Edwards R. Narrative Technique in Juan Ruiz's History of Doña Garoza // Modern Language Notes. 1974. Vol. 89. № 2. P. 265–273.

9. Gybbon-Monypenny G.B. Arcipreste de Hita, «Libro de buen amor». Madrid : Castalia, 1988. 571 p.

10. Joset J. El pensamiento de Juan Ruiz // Juan Ruiz, Arcipreste de Hita, y el «Libro de Buen Amor» : actas del Congreso Internacional para la Edición de los Clásicos Españoles, del 9 al 11 de mayo de 2003/ eds. Francisco Toro Ceballos y Bienvenido Morros Mestres. Alcalá la Real : Ayuntamiento Alcalá la Real, 2004. P. 105–128.

11. Lida de Malkiel M.R. Dos obras maestras españolas: «El Libro de buen amor» y «La Celestina». Buenos Aires : Editorial Universitaria de Buenos Aires, 1966. 118 p.

12. Lida de Malkiel M.R. Nuevas notas para la interpretación del «Libro de buen amor» // Nueva Revista de Filología Hispánica. 1959. T. XIII. P. 17–82.

13. Miranda L. R. Los espacios femeninos en el Libro de Buen Amor. Universidad de la Pampa // Anclajes. Revista del Instituto del análisis semiótico del discurso. 1997. Vol. 1. № 1. P. 123–136.

14. Mirrer L. Observaciones sobre la viuda medieval en la literatura (Libro de buen amor) y en la historia // Actas del XI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Irvine, 24-29 de agosto de 1992. Irvine : Universidad de California, 1994. P. 9–15.

15. Moliner M. Diccionario de uso del español. 2 vols. Vol. 2. Madrid : Gredos, 1998. 1597 p.

16. Paredes J. «Que los cuerpos alegre e a las almas preste»: teoría y praxis en el «Libro de Buen Amor» // Juan Ruiz, Arcipreste de Hita, y el «Libro de Buen Amor»: actas del Congreso Internacional para la Edición de los Clásicos Españoles, del 9 al 11 de mayo de 2003 / eds. Francisco Toro Ceballos y Bienvenido Morros Mestres. Alcalá la Real : Ayuntamiento Alcalá la Real, 2004. P. 273–280.

17. Rico F. «Por aver mantenencia». El aristotelismo heterodoxo en el Libro de buen amor. //El Crotalón, Anuario de filología española. Madrid, 1985. Vol. 2. P. 169–198.

18. Ruiz J. Libro de Buen Amor. Tomo 1 / ed. J. Cejador y Frauca. Madrid : Espasa-Calpe, 1963. 340 p.

19. Ruiz J. Libro de Buen Amor. Tomo 2. / ed. J. Cejador y Frauca. Madrid : Espasa-Caple, 1967. 340 p.

20. Spitzer L. Lingüística e historia literaria. Madrid : Gredos, 1955. 367 p.

21. Ynduráin D. Las querellas del buen amor: lectura de Juan Ruiz. Salamanca : Seminario de estudios medievales y renacentistas, 2001. 164 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 13.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_192
EDN: ZLBIKC

Репрезентация концепта permis de conduire в текстах авторских французских песен конца XX – начала XXI века

Юлия Валерьевна Бутько
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150014 г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1
juliebutko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7108-0878

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта водительские права (*permis de conduire)* и его реализации в текстах французских песен. Рассмотрен песенный дискурс как уникальное языковое и коммуникативное явление, важная составляющая коммуникативной и национальной культуры народа, где воплощаются феномены, волнующие носителей языка и культуры и нуждающиеся в творческом переосмыслении. Проанализированы 20 песен из двух радиопередач Franceinfo, содержащих упоминание о водительских правах. Отражены этапы и признаки концептуализации: нахождение в ценностном поле, вербализованность, культурно-историческое значение для носителей языка, постоянство, универсальность, неоднородность, динамичность, способность к развитию. Выявлены ключевые слова-репрезентанты концепта в песенном дискурсе, проанализированы контексты произведений, репрезентирующих исследуемый концепт; выявлены и индивидуально-авторские особенности экспликации, приращенные значения концепта; описана структура концепта (ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия). Концептуальный анализ позволил выделить следующие компоненты концептаpermis de conduire, репрезентированные в песенном дискурсе: necessité / indépendence / âge adulte / prestige – неотъемлемый элемент статуса, независимость; inutilité – можно не иметь прав, но обладать навыками вождения, или иметь права и плохо водить; auto-école / code de la route / formation / examen – обучение необходимо, но научиться хорошо водить автомобиль в автошколе сложно; – peur / stress – сдача экзамена пугает и вызывает стресс; illégalité / ébriété – стремление нарушать правила и управлять транспортным средством без прав или в состоянии опьянения, бросая вызов мироустройству. Динамика репрезентаций от радости обладания и необходимости до фрустрации и осознания бесполезности «розовой бумаги» свидетельствует о возможных изменениях в структуре концепта, заслуживающих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; песенный дискурс; языковая картина мира; концепт; репрезентация концепта; лингвоконцептосфера

Для цитирования: Бутько Ю. В. Репрезентация концепта permis de conduire в текстах авторских французских песен конца XX – начала XXI века // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 192–201. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_192. https://elibrary.ru/ZLBIKC

Original article

The concept *permis de conduire* in the texts of french songs of the late XX – early XXI century

Yulia V. Butko
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1
juliebutko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7108-0878

Abstract. The article analyzes the concept «driving license» (permis de conduire) and its realization in the texts of french songs. The author considers the song discourse as a unique linguistic and communicative phenomenon, an important component of the people's language and national culture, which represents the phenomena that worry native speakersand need a creative rethinking. 20 songs have been analyzed from two radio programs of Franceinfo which contain a reference to driving license. The stages and signs of conceptualization are as follows: being in the value field, verbalization, cultural and historical significance for native speakers, constancy, universality, heterogeneity, dynamism, ability to develop. The author identifies the key words-representatives of the concept in the song discourse, analyzes the

© Бутько Ю. В., 2023

contexts of the songs representing the concept under study, defines authors' individual features of expression and additional concept meanings; describes the concept structure (core, nuclear zone, near and far periphery). The conceptual analysis helps to highlight the following components of the permis de conduire concept, represented in the song discourse: necessité / independence / âge adulte / prestige – an essential element of the status, independence; inutilité – one can have no license, but possess driving skills, or have a license and drive badly; auto-école/code de la route / formation / examen – training is necessary, but it is difficult to learn how to drive a car well in a driving school; peur/stress – taking the exam is scary and stressful; illégalité / ébriété – the desire to break the rules and drive a vehicle without a license or in a state of intoxication, challenging the world order. The dynamics of representations from joy of possession and necessity to frustration and understanding the uselessness of «pink paper» indicates possible changes in the concept's structure which deserve further study.

Key words: cognitive linguistics; song discourse; llinguistic picture of the world; concept; concept representation; linguistic concept sphere

For citation: Butko Yu. V. The concept *permis de conduire* in the texts of french songs of the late XX – early XXI century. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):192–201. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_192. https://elibrary.ru/ZLBIKC

Песенный дискурс и концептосфера

Песня – сочетание поэтического текста и музыкального звукоряда – один из древнейших способов выражения человеческих эмоций: страдания, счастья, надежды… Это уникальное языковое и коммуникативное явление, важная составляющая коммуникативной и национальной культуры народа. Важной особенностью авторской песни является неразрывное единство слов и музыки. В текст современных песен попадают явления окружающей действительности самого широкого круга: от бытовых мелочей в виде ненаточеных ножей или тюбика зубной пасты до высших проявлений долга, любви или воинской доблести. Это означает, что эти явления волнуют современного человека и нуждаются в творческом воплощении в поэтическом тексте в сочетании с мелодией, имеющей большое эмоциональное воздействие на человека любой эпохи.

Таким явлением, по нашему мнению, стали водительские права (permis de conduire), нашедшие отражение и переосмысление в творчестве современных французских поэтов и композиторов, что дает право говорить о формировании концепта в языковой картине мира франкофонов. До сих пор объектом внимания исследователей концептов становились общечеловеческие эмоциональные категории (любовь, женщина, совесть, учитель, цвет и т. п. [Воркачев, 2007; Мензаирова, 2010; Маркевич, 2020; Юнгина, 2019; Еремина, 2019]), экзистенциально важные для человека в его онтогенезе с древности до наших дней, в то время как водительские права представляют собой относительно новое явление и до сих пор не изучалось в лингвистических исследованиях как концепт. Многие ученые считают ценностную составляющую одним из основных компонентов концептуальной культуры. Если носители культуры могут осмыслить в ценностном поле, сказать «это хорошо» о каком-либо феномене (плохо, интересно, грустно и т. д.), этот феномен может сформировать в данной культуре концепт [Тер-Минасова, 2000, с. 262]. Обладатель водительского удостоверения – это субъект правовых отношений и сферы государственного регулирования, которого до настоящего момента не рассматривали в антропоцентрической лингвистической парадигме на материале французского языка, поэтому мы посчитали необходимым рассмотреть реализацию концепта permis de conduire на материале песенного текста.

Песенный текст может рассматриваться одновременно как устный и письменный вид дискурса, так как может быть написан и прочтен адресатом, а также воспринят через исполнителя (адресанта) посредством слуха [Смоленцева, 2008, с. 175].

Песенный текст можно считать одним из видов дискурса ввиду наличия в нем следующих характерных черт: коммуникативная ситуация, присущая тексту; структура текста, которая определяет его особенности в каждом отдельном случае; устная и письменная реализация текста; его эмоциональная составляющая. Это креолизованный продукт, представляющий собой комбинацию вербального и музыкального компонентов, находящийся под влиянием экстралингвистических параметров ситуации его порождения [Шевченко, 2009, с. 242]. Песенный текст – это всегда связный текст, цель которого – воплотить идею автора или исполнителя. Все представленные характеристики песенного дискурса обосновывают идею содержания в нем особых образований, отражающих языковую картину мира адресанта и адресата – концептов.

Термин «концептосфера» впервые ввел Д. С. Лихачев. Это система взглядов и знаний о мире, отражающая познавательный опыт на долингвистическом и лингвистическом уровнях [Лихачев, 1993, с. 4]. Лингвокультурные концепты являются составными единицами этнического менталитета, его опорными точками, которые формируют лингвоконцептосферу как языковой образ мира.

Лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Целостность языковых концептов представляет собой языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности [Воробьев, 1999, с. 77]. По определению С. А. Аскольдова, концепт есть мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997, с. 270].

Его активное развитие началось лишь в конце XX века, когда научная парадигма в лингвистике сместилась в сторону антропоцентризма. В настоящее время существует несколько подходов к изучению термина «концепт»: логический, психолингвистический, антропоцентрический и лингвокультурологический [Воркачев, 2007, с. 12].

Приверженцы лингвокульторологического подхода [Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 1997; Карасик, 2009; Степанов, 2001] считают лингвокультурный концепт посредником между человеком и культурой. Языковая единица, с помощью которой актуализируется «центральная точка» концепта, служит именем концепта [Попова, 2002, с. 12].

Изучение любого лингвокультурного концепта как фрагмента языковой картины мира является ценным для отражения культурной специфики мировидения конкретной лингвокультурной общности [Попова, 2002, с. 51]. Чтобы правильно понимать другую культуру, необходимо научиться правильно интерпретировать значение концептов [Еремина, 2019, с. 114].

Концепты представляют мир в сознании человека, образуют концептуальную систему (концептосферу), а языковые символы кодируют содержание этой системы. Концепты возникают в сознании человека в результате его жизнедеятельности, опыта, социализации [Попова, 2002, с. 26]. Изучение содержания концепта в сознании носителей языка путем анализа языковых средств его репрезентации является одним из центральных вопросов когнитивной лингвистики [Абрамова, 2019, с. 6]. К основным чертам и характеристикам концепта, описанными рядом ученых, можно отнести: вербализованность (выраженность средствами языка), культурно-историческое значение для носителей языка, понимающих его в зависимости от особенностей менталитета и уровня культурного развития, постоянство, универсальность [Степанов, 2001, с. 162–163], многомерность [Маслова, 2001, с. 35]; неоднородность, динамичность и способность концепта к развитию, которая объясняется его существованием в истории народа [Степанов, 2001, с. 171]. В. И. Карасик рассматривает это свойство как эволюцию (смысловое расширение) и инволюцию (смысловое сжатие) концепта [Карасик, 2009, с. 87].

Структура концепта и концептуальный анализ

В современном языкознании существует несколько методов исследования концептов, к тому же следует отличать концептуальный анализ от семантического: лексическая семантика идет от единицы языковой формы к семантическому содержанию, а концептуальный анализ – от единицы смысла к языковым формам их выражения. Семантический анализ разъясняет слова, а концептуальный исходит от знаний о мире [Чернейко, 1998, с. 26].

В ходе концептуального анализа следует учитывать, что «концепты многокомпонентны и представляют собой поле знаний, представлений, понятий, ассоциаций, имеющих ядро и периферию» [Бабенко, 2004, с. 396].

В. А. Маслова представляет в структуре концепта три составляющих:

1) ядро – основное понятие, когнитивно-пропозициональная структура важного концепта, словарные значения той или иной лексемы; 2) приядерная зона – иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т. д; 3) периферия – ассоциативно-образные репрезентации, заключающиеся в субъективном опыте, коннотациях и ассоциациях [Маслова, 2001, с. 35].

Чтобы определить содержание концепта в индивидуально-авторской картине мира, необходимо: 1) выявить ключевые слова-репрезентанты данного концепта в языке писателя или поэта; 2) выбрать и проанализировать контексты произведений, репрезентирующих исследуемый концепт; 3) выявить и проанализировать индивидуально-авторские особенности экспликации, приращенные значения концепта; 4) описать структуру концепта (ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия [Попова, 2002, с. 51].

Для данного исследования было отобрано две радиопередачи (1. Les chanteurs veulent le permis [Franceinfo, 2020a]. 2. La chanson ne veut pas passer l'examen du permis [Franceinfo, 2020b]), в которых содержатся 20 отрывков песен, упоминающих водительское удостоверение, с сайта https://www.francetvinfo.fr/ в рубрике «Ces chansons qui font l'actu».

Дефиниционный анализ концепта permis de conduire

В разные эпохи к понятию «водительское удостоверение» отношение было различным. Потребность в водительских правах как документе появилась вместе с появлением первых автомобилей, поскольку они начали представлять опасность для окружающих. У истории появления водительских прав имеется две версии, одна из которых принадлежит Германии, а вторая – Франции. Согласно французской версии первые водительские права выданы по распоряжению префекта полиции Парижа Луи Лапина в августе 1893 года, однако водительское удостоверение тогда называлось «Справкой о способности управлять транспортным средством с механическим мотором» [Зайцев, 2016, с. 183].

Современные исследователи концептов считают актуальным на первом этапе изучить понятийно-дефиниционные характеристики концепта, которые нашли отражение во французском языке [Юнгина, 2019, с. 120]. В словарях лексическая единица permis de conduire представлена следующими значениями:

1) autorisation préalable délivrée par l'Administration et nécessaire pour la conduite des véhicules à moteur (automobiles, bateaux, etc.) dont la cylindrée dépasse un certain seuil; cet examen [Larousse.fr].

2) Permis de conduire OU permis: certificat de capacité, nécessaire pour la conduite des automobiles, camions, motos. Permis probatoire. – Examen du permis de conduire. Passer son permis [Le petit Robert, 2006, 1908].

3) Permis de conduire: «certificat de capacité… nécessaire pour la conduite d'un véhicule automobile… ou d'un motocycle a deux roues… et délivré par le préfet sur avis favorable d'un expert accrédité par le ministre des Travaux publics, qui fait subir un examen spécial aux postulants» (Capitant). | *Permis de conduire et carte grise.* | *Retrait, suspension du permis de conduire pour infraction au code de la route.* **Ellipt.** | *Permis «tourisme, poids lourds, transports en commun».* | *Permis moto.* | *Avoir son permis.* **Par ext.** Examen du permis de conduire. | *Préparer le permis de conduire,* et, ellipt, *le permis* **(Auto-école).** | *Passer son permis.* | *Etre reçu au permis.* | *Le code et la pratique au permis* **(Code, conduite)** [Le Grand Robert].

Согласно методу дефиниционного анализа по И. А. Стернину, значение слова условно приравнивается к его словарному истолкованию, а каждая значимая часть словарной дефиниции считается компонентом значения, или семантическим компонентом. Семантическая структура слова при компонентном анализе рассматривается в виде двупланового образования: материального – лексемы, и идеального – семемы. Семема в свою очередь имеет свою структуру и содержит элементарные единицы смысла – семы, или семантические компоненты [Стернин, 2000, с. 10]. Семема permis (de conduire) – это сумма входящих в нее семантических компонентов: droit + autorisation + conduite + object (automobile).

В компонентный анализ были вовлечены синонимические ряды и дериваты лексической единицы permis (de conduire). Источником лексических единиц при этом послужил словарь Le Robert. В результате компонентного анализа было выявлено, какие лексические единицы относятся к ядерной, приядерной и периферийной зоне. Лексические единицы, имеющие наибольшее количество интегральных компонентов по отношению к лексической единице permis (de conduire), составляют ядро одноименного концепта. Соответственно, чем больше та или иная лексическая единица имеет дифференциальных компонентов по отношению к лексической единице permis (de conduire), тем дальше от ядра она располагается.

В число лексических единиц, имеющих компоненты droit, autorisation, conduit, objectкак интегральные по отношению к лексической единице permis (de conduire), вошли следующие: permission, carte d'identité, véhicule, examen, conduite. Эти лексические единицы и составили ядро концепта permis de conduire.

В число лексических единиц, имеющих компоненты droit, autorisation, conduit, objectкак интегральные по отношению к лексической единице permis (de conduire), однако имеющих меньшую степень выраженности permission (moins de degré), вошла лексическая единица licence.

Obtention, pièce d'identité, formation составили приядерный слой концепта permis de conduire.

В периферию концепта вошли следующие лексические единицы: illégalité, conducteur, auto-école, code de la route, voiture, ébriété, voiturette, bleu,

émergence, moto-école.

В дальнюю периферию концепта permis de conduire вошли лексические единицы autorisé, admis, légal, licite, toléré, légitime, possible, triste, поскольку среди прочих они имеют наибольшее количество коннотативных компонентов и наименьшее число интегральных по отношению клексической единице permis (de conduire).

Анализ лексической единицы permis de conduire по данным нескольких словарей позволил выявить понятийные и ценностные слои анализируемого концепта, который можно охарактеризовать как универсальный, так как он присущ многим языкам и культурам; эмоциональный, поскольку выражает состояние человека, и социальный, потому что передает ценности определенного общества [Петрущенкова, 2022, с. 99]. Представленный ниже анализ текстов песен позволяет уточнить и дополнить содержание и структуру концепта, воплощенного в песенном дискурсе.

Реализация концепта в текстах песен

(1) Boris Vian, Le Code de la route, 1955

Lorsque tu vas quitter / La route sur ta droite /Il te faudra serrer

Le bord droit / Le bord droit / D'la chaussée / Tsoin Tsoin

Boris Vian погружает слушателя в процесс обучения правилам дорожного движения и вождению, обнаруживая компоненты концепта *code de la route, formation.*

(2) Philippe Clay, Le Permis de conduire, 1973

J'ai mon permis, monsieur l'agent / Ma petite auto c'est l'Amérique

Et les grands safaris d'Afrique

(3) Angle Mort et Clignotant, Le Permis, 2017

J'ai le papier rose enfin, (enfin) / Je boirais du jus d'raisin.

Un maximum de confiance / Reculer bien plus fort que tu le penses.

В песнях Philippe Clay и Angle Mort et Clignotant чувствуется радость авторов от получения водительского удостоверения *(enfin)* и подчеркивается важность «розовой бумаги» для получения работы, стажировки илипоездки в отпуск (*indépendence)*. Количество желающих получить официальное разрешение управлять автомобилем и открывающиеся возможности для его обладателя сравнимы, по мнению Бертрана Дикаля, с экзистенциальной революцией [Dicale, 2020]. Словосочетание le papier roserепрезентирует здесь концепт *permis de conduire* по цвету бумаги для изготовления карточки водительского удостоверения. При этом автор шутит, не только используя концептуальную сферу розового цвета [Цвенгер, 2022] (девичий, сказочный, нежный – оннесовместим с идеей силы человека за рулем), но и намекая на запрет употребления водителями алкоголя: отныне ему предстоит пить только виноградный сок *(jus de raisin)*. Обращение к инспектору (*monsieur l'agent)* репрезентирует компонент *légalité.*

Не все авторы описывают получение водительских прав и обучение в автошколе, как приятное событие: (4) *Le Flegmatic* в песне *A l'auto-école, 2016* сожалеет, что не прошел и половины курса и не научился хорошо управлять автомобилем.

(5) Serge Christophe et Henri Debs, T'as calé le moteur ma fille, 1971

Tu as calé le moteur ma fille / Remets le contact / Celui qui t'as donné

Ce bout de carton rose / Il t'a mal enseigné.

В приведенном выше отрывке раскрывается приядерный слой исследуемого концепта, поскольку подчеркнутые выше лексические единицы имеют компоненты *formation, obtention, pièce d'identité.* Как и в примере (4) идет речь о неудовлетворительной подготовке. Исполнитель обращается к лицу женского пола (ma fille), дает ей совет, как обращаться с автомобилем, так как в 1971 году за рулем было больше мужчин, чем женщин. И. Демоли приводит следующую статистику: в 1967 и 1974 году водительским удостоверением обладалисоответственно 65 % и 70 % мужчин, 22 % и 32 % женщин. В 2007 – 91 % мужчин и 76 % женщин [Demoli, 2014, с. 123].

Среди лирических героев есть и те, кто ездит незаконно без водительского удостоверения (permis de conduire / illégalité). В песнях (6), (7), (8) чувствуется гордость за незаконное вождение, что отражает компонент illégalité, входящий в периферию концепта «permis de conduire».

(6) Georgio, Le Poing levé, 2014

J'conduis sans permis une Fé-fé rouge qui suit des drapeaux blancs

Le poing levé, les yeux bandés…

(7) Chanson Plus Bifluorée, Au volant de l'Espace, 2012

T'entends, l'moteur se met à rugir / J'ai pas le permis mais je sais conduire

Et ça continue encore et encore / Tu crois que j'ai bu, d'accord, d'accord...

Словосочетания *sans permis* и *j'ai bu* отражает компонент *illégalité*, входящий в периферию концепта «permis de conduire».

(8) Sefyu, Suis-je le gardien de mon frère, 2008

O-K, j'ai fait un rêve, devenir comme mon grand frère / Sortir la nuit, sans prévenir, comme mon grand frère / Conduire sans permis, comme mon grand frère

К компоненту *illégalité* (*sans permis)* добавляется идея подражания старшему брату, которая подчеркивает ассоциативный ряд permis de conduire – *âge adulte –indépendence.*

(9) Jo Bouillon et son orchestre, Permis de conduire, 1936

Merci Monsieur, vous êtes bien gentil / Vous ne l'aimez pas / on roulera sans permis

Автор высмеивает долгий и формальный процесс обучения, который не приводит к формированию нужных умений и навыков и получению прав.

Правосудие торжествует, когда Suzanne Gabriello лишается водительских прав после пересечения сплошной линии разметки.

(10) Suzanne Gabriello, Mon permis au mois d'août, 1966

Et je me suis fait prendre / Mon permis au mois d'août

Таким образом, компонент концепта *indépendence* имеет обратную сторону: независимость и свобода при перемещении ограничена зависимостью от правил (code de la route) или даже заканчивается там, где начинается свобода других водителей.

(11) Renaud, La Tire à Dédé, 1980

Quand Dédé en tenait un coup dans les naseaux / Bien qu'j'aie pas mon permis c'est moi qui conduisais / J'prenais qu'les sens uniques pour semer les perdreaux / Mais j'bouclais ma ceinture parc' que j'suis pas givré.

Вождение без прав и в нетрезвом состоянии – это гордость, это некий вызов общественному порядку (permis de conduire / illégalité). При этом он считает необходимым пристегиваться, так как пренебрегают безопасностью только *givrés.* Штрафы и усилия национальных программ достигли цели, хотя французы после введения обязательного пункта о ремне безопасности в 1973 году еще продолжают спорить о том, не является ли необходимость пристегиваться ограничением их личной свободы [www.sécurité-routière.gouv.fr].

(12) Zebda, Oualalaradime, 1998

À 10 ans, j'étais dur à cuire / Je voulais passer mon permis de conduire /

À l'instructeur de l'auto-école / J'ai dit «signe, je veux une bagnole»/

Tu me crois, tu vaux pas un centime / Je te le jure, oualalaradime

Исполнитель заявляет о своем нетерпении получить водительские права в возрасте 10 лет, что подчеркивает ценностный компонент концепта: даже дети понимают необходимость и удобство перемещения в собственном автомобиле (*utilité*). В отрывке также раскрывается компонент l'auto-école, водящий в периферию анализируемого концепта.

(13) Gaston Gabaroche, Le dire c'est bien, 1932

Pour passer son permis de conduire / Un examinateur a eu jeune femme morte du peur / Carrefour de Châteaudun ne sait ce que dire / Parfait! Stoppez! Prenez! Faites marche arrière et puis tourner!

Gaston Gabaroche в своей песне выражает жалость к молодой женщине за рулем, которая пытается сдать экзамен в Париже (permis de conduire / formation). Среди компонентов концепта появляется *peur*, так как на экзамене многие испытывают страх и стресс.Для большинства французов экзамен по вождению – не самое лучшее воспоминание [France info, 2020b]

(14) Jean Yanne et Lawrence Riesner, Le Permis de conduire, 1966

- Bon, maintenant vous êtes sur une route départementale!

- Bah, ça m'étonnerait !

- Qu'est ce que vous dites ?

- J'ai dit ça m'étonnerait que je suis sur une route départementale. J'y vais jamais sur les routes départementales j'ai plein de boue et ça sent mauvais.

- J'entends bien Monsieur, mais c'est une supposition vous êtes sur une route départementale…

- Non, je suis pas sur une route départementale ! Je viens de vous dire que j'ai mis jamais les pieds sur les routes départementales!

Получение водительских прав нашло отражение у французских комиков, где ситуации экзаменов по вождению представлены в ироничном ключе. В тематической группе permis de conduire / formation лексические единицы passer son permis de conduire, examinateur находящиеся в контексте со словосочетанием permis de conduire и ее дериватами, также входят в интерпретационный слой концепта *permis de conduire*.

(15) Jo Bouillon et son orchestre, Permis de conduire, 1936

Monsieur Fresolard sur une route nationale à 30 à l'heure / vous filez comme le vent lorsque débouche d'un sens vicinal un troupeau de vaches / que faites-vous / répondez / allons ne vous troublez pas / voyons!

Mais c'est à dire que bon voilà, j'accélère,

j'attends les para ou plutôt je traîne environ / je coupe les gages / je mets en prise / je ferme les yeux j'ouvre le pare-brise! / J'appuiesur les feux de position.

По набору действий на экзамене можно судить о стрессе и страхе, которые способны перечеркнуть даже хорошую подготовку кандидата.

(16) Bach & Laverne, Ah, ce permis de conduire, 1932

Recalez! Il ya plus de justice! / Recalez! Quand je pense qu'il ya plus de six ans

que je fais le taxi moi! Recalez!

В сельской местности получить водительские права – это войти в некоем роде аристократию, что делает сам экзамен для получения удостоверения более напряженным [Dicale, 2020]. Название Ah, ce permis de conduire показывает отношение исполнителя к получению водительских прав, как к мечте, что раскрывает компонент *obtention*, входящий в приядерную зону концепта «permis de conduire». *Il n'y a plus de justice* говорит о компоненте *legalité/droit (*и о произволе как его обратной стороне).

(17) Sexion d'Assaut, Itinéraire d'un chômeur, 2010

25 piges, même pas foutu d'passer l'permis d'conduire / Branleur de première, gros, j'te l'confirme / Le genre de type, qui s'lève en trompe, qui mate les clips sur MTV.

Для Sexion d'Assaut получить водительские права – это стать взрослым, зрелым, получить другой статус (*obtention/âge adulte/prestige*).

(18) Svinkels, Anarchie en Chiraquie, 2002

Un mec qui drive le pays comme les bagnoles ça m'fait peur

Donc j'ai ni le permis de conduire ni ma carte d'électeur

Группа Svinkels поет о власти и выборах: они сравнивают власть с парнем, который управляет страной так же, как водит машину, что пугает автора. Поэтому у лирического героя нет ни водительских прав, ни карточки избирателя (*peur/inutilité*). Человеку 21 века свойственно переосмысливать достижения цивилизации, отказываться от них. Возможно, таким путем и будет развиваться анализируемый концепт в связи с глобальными вызовами: загрязнением окружающей среды, разочарованием в государственной системе, изобретением автопилотируемых машин. Водительские права станут редким документом для увлеченных автомобилями или профессионалов.

В песне (19) Pas besoin de permis, 2014, Vanessa Paradis et Benjamin Biolay сравнивают жизнь с трактором, для управления которым не требуется водительского удостоверения (компонент *nécessité / inutilité*):

La vie, la vie, la vie c'est comme / Un tractopelle / Pas besoin de permis /

Pas besoin de permis

(20) Anne Sylvestre, La Reine du créneau, 1998

Quand j'ai eu mon permis tout neuf / Du premier coup c'est pas du bluff / J'ai compris qu'j'avais intérêt / À rester aux aguets / Que simplement on m'imagine / Dans ma deux-chevaux d'origine / Affrontant mon premier trottoir

Le coeur rempli d'espoir / Je voulais que ma manoeuvre /Fût un vrai petit chef d'oeuvre / Mais je n'entendais que trop / Tous les clients d'un bistrot / Me beuglaientleurs commentaires / Mais passe-la ta marche arrière / Ah j'vous jure ah les nanas / Heureus'ment qu'on est là/

В тексте Anne Sylvestre подчеркивается, что наличие водительских прав не означает высокий уровень умения управлять транспортным средством. В силу распространенности автомобилей и водителей в обществе многие считают себя экспертами и дают советы начинающим водителям, реализованы компоненты *formation, necessité*.

Таким образом, в ходеизучения концптосферы permis de conduire в текстах песен о водительском удостоверении, звучащих в передачах «Ces chansons qui font l'actu. Les chanteurs veulent le permis» и«Ces chansons qui font l'actu. La chanson ne veut pas passer l'examen du permis» и концептуального анализа стало возможным выделить следующие компоненты концептapermis de conduire, репрезентированные в песенном дискурсе:

– necessité / indépendence / âge adulte / prestige – неотъемлемый элемент статуса человека, независимость; necessité со знаком «минус» -inutilité – можно не иметь прав, но обладать навыками вождения, или иметь права и плохо водить.

– auto-école / code de la route / formation / examen – обучение необходимо, но научиться хорошо водить автомобиль в автошколе сложно;

– peur / stress – сдача экзамена пугает и вызывает стресс;

– illégalité / ébriété – стремление нарушать правила и управлять транспортным средством без прав или в состоянии опьянения, подражая старшим или бросая вызов мироустройству.

Из ядра концепта «permis de conduire» в проанализированные песни вошли словосочетания mon permis, le papier rose и bout de carton rose, так

как они имеют наибольшее количество интегральных компонентов по отношению к лексической единице permis (de conduire). В периферию рассматриваемого концепта вошли лексические единицы, раскрывающие такие компоненты, как l'auto-école, illégalité, code de la route, véhicule, ébriété.

Подводя итоги, следует отметить:

– песенный текст можно считать одним из видов дискурса ввиду наличия в нем следующих характерных черт: коммуникативная ситуация, структура текста, устная и письменная реализация текста; эмоциональная составляющая;

– при помощи компонентного анализа, этапом которого послужил дефиниционный анализ, стало возможным выявить, какие лексические единицы относятся к ядерной, приядерной и периферийной зоне концепта permis de conduire;

– исследование текстов песен французских исполнителей позволило дополнить поле концепта permis de conduire, присущего франкоязычной картине мира. Концептуализацию можно считать состоявшейся, поскольку permis de conduire затрагивает ценностные ориентиры (necéssité / inutilité/) и эмоции (peur / joie). Он вербализован, имеет культурно-историческое значение для носителей языка, понимающих его в зависимости от особенностей менталитета и уровня культурного развития, постоянен, универсален, неоднороден, способенк развитию. Все проявления концепта в совокупности отражают не только авторское видение водительского удостоверения, но и его комплексную репрезентациюв языковой картине мира современных франкофонов.

Библиографический список

1. Абрамова Е. К. Репрезентация концепта «судьба» во французском языке // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: III международная научно-практическая конференция. сборник статей. Оренбург : Издательство: Оренбургский государственный педагогический университет, 2019. С. 6–11.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / общ. ред. В. П. Нерознак. Москва, 1997. С. 267–279.

4. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для филологических специальностей вузов. Москва : Академический проспект, 2004. 464 с.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 412 с.

6. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. Москва : Гнозис, 2007. 285 с.

7. Воробьев В. В. Лингвокультурология в кругу других гуманитарных наук // Русский язык за рубежом. 1999. № 2. С. 76–82.

8. Еремина Е. П. Концепт «цвет» как средство характеристики человека во французском и русском языках // Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании. Сборник статей и методических разработок / под редакцией Ф. Я. Хабибуллиной. Йошкар-Ола, 2019. С. 114–121.

9. Зайцев Г. Н. История техники и технологий: учебник / Г. Н. Зайцев, В. К. Федюкин, С. А. Атрошенко. Санкт-Петербург : Политехника, 2016. 417 с.

10. Карасик В. И. Языковые ключи. Москва : Гнозис, 2009. 406 с.

11. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

12. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

13. Маркевич Ю. В. Исследование синонимического ряда имени концепта «совесть» во французском языке// Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация: эл. сб. материалов участников международной науч. конф. «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация» / сост. Д. Ю. Гулинов, Н. В. Титаренко, А. А. Штеба. Волгоград : РИЦ ГАУ ДПО «ВГАПО», 2020. С. 113–117.

14. Мензаирова Е. А. Эмоциональный концепт «любовь» во французской лингвокультуре // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-11: сб.науч. ст. / Пятигорский государственный лингвистический университет. Москва-Пятигорск, 2010. С. 306–311.

15. Петрущенкова Л. Ю. Концепт «смех» во французском языке // Вокруг смеха за шесть языков : коллективная монография / О. А. Быкова, О. А. Гусева, Д. А. Демина. Москва : Изд-во ТРИУМФ, 2022. 211 с.

16. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. 189 с.

17. Смоленцева М. В. Связь эмоции любви с другими чувствами и состояниями в песенном дискурсе на материале разносистемных языков (русского, немецкого и марийского) // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве. Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Тобольск : ТГПИ им. Менделеева. 2008. С. 175–180.

18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Москва : Академический проспект, 2001. 990 с.

19. Стернин И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара

по когнитивной лингвистике: в 2 ч. Тамбов, 2000. Ч. 2. С. 3–17.

20. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация : учебное пособие. Москва : Слово, 2000. 624 с.

21. Цвенгер Л. В. Концептуализация цвета розовый в русскоязычном газетном дискурсе // Когнитивные исследования языка. № 3 (50). 2022. С. 433–436.

22. Чернейко Л. О. «Языковое сознание» и концептуальный анализ слова // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. Москва : МГУ, 1998. С. 19–50.

23. Шевченко О. В. Тематическое разнообразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 115. 2009. С. 242–249.

24. Юнгина А. Н. К определению понятийно-дефиниционных характеристик концепта учитель во французском языке // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Материалы V Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). Могилев : Изд-во Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. 2019. С. 119–124.

25. Demoli Y. Les femmes prennent le volant // Travail, genre et sociétés. 2014/2, № 32. P. 119–140.

26. Dicale B. Ces chansons qui font l'actu. Les chanteurs veulent le permis // France info. URL: https://www.francetvinfo.fr/replay-radio/ces-chansons-qui-font-l-actu/ces-chansons-qui-font-l-actu-les-chanteurs-veulent-le-permis_3987837.html

27. Dicale B. Ces chansons qui font l'actu. La chanson ne veut pas passer l'examen de permis // France info. URL: https://www.francetvinfo.fr/replay-radio/ces-chansons-qui-font-l-actu/ces-chansons-qui-font-l-actu-la-chanson-ne-veut-pas-passer-l-examen-du-permis_3988937.html

28. Larousse. fr. Dictionnaire de la langue française. URL:https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/permis/59695#164105

29. Le grand Robert de la langue française. Version électronique 2.0 en CD-Rom. 2005.

30. Le petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris : Dictionnaires le Robert, 2006. 2950 p.

31. Securite-routiere. gouv.fr URL: https://www.securite-routiere.gouv.fr/chacun-son-mode-de-deplacement/dangers-de-la-route-en-voiture/equipement-de-la-voiture/port-de-la-ceinture/25.01.2023

Reference list

1. Abramova E. K. Reprezentacija koncepta «sud'ba» vo francuzskom jazyke = Representation of the concept «fate» in French // Voprosy sovremennoj filologii v kontekste vzaimodejstvija jazykov i kul'tur: III mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. sbornik statej. Orenburg : Izdatel'stvo: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2019. S. 6–11.

2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the world of man. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.

3. Askol'dov S. A. Koncept i slovo = The concept and the word // Russkaja slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija / obshh. red. V. P. Neroznak. Moskva, 1997. S. 267–279.

4. Babenko L. G. Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: uchebnik dlja filologicheskih special'nostej vuzov = Text philological analysis. Basic theory, principles and aspects of the analysis: textbook for philological departments of universities. Moskva : Akademicheskij prospekt, 2004. 464 s.

5. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moskva : Russkie slovari, 1996. 412 s.

6. Vorkachev S. G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept = Love as a linguocultural concept. Moskva : Gnozis, 2007. 285 s.

7. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologija v krugu drugih gumanitarnyh nauk = Linguocultural studies among other humanities // Russkij jazyk za rubezhom. 1999. № 2. S. 76–82.

8. Eremina E. P. Koncept «cvet» kak sredstvo harakteristiki cheloveka vo francuzskom i russkom jazykah = The concept «color» as a means of characterizing a person in French and Russian // Aktual'nye voprosy formirovanija mezhkul'turnyh kompetencij v sovremennom obrazovanii. Sbornik statej i metodicheskih razrabotok / pod redakciej F. Ja. Habibullinoj. Joshkar-Ola, 2019. S. 114–121.

9. Zajcev G. N. Istorija tehniki i tehnologij = History of engineering and technology : uchebnik / G. N. Zajcev, V. K. Fedjukin, S. A. Atroshenko. Sankt-Peterburg : Politehnika, 2016. 417 c.

10. Karasik V. I. Jazykovye kljuchi = Language clues. Moskva : Gnozis, 2009. 406 s.

11. Lihachev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka = Concept sphere of the Russian language // Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1993. T. 52, № 1. S. 3–9.

12. Maslova V. A. Lingvokul'turologija : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij = Linguoculturology: textbook for students of universities. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. 208 s.

13. Markevich Ju. V. Issledovanie sinonimicheskogo rjada imeni koncepta «sovest'» vo francuzskom jazyke = A study of the synonymic seriesof the concept «conscience» in French // Romanskie jazyki v jepohu globalizacii: sovremennye vyzovy i samoidentifikacija: jel. sb. materialov uchastnikov mezhdunarodnoj nauch. konf. «Romanskie jazyki v jepohu globalizacii: sovremennye vyzovy i samoidentifikacija» / sost. D. Ju. Gulinov, N. V. Titarenko, A. A. Shteba. Volgograd : RIC GAU DPO «VGAPO», 2020. S. 113–117.

14. Menzairova E. A. Jemocional'nyj koncept «ljubov'» vo francuzskoj lingvokul'ture = The emotional concept of «love» in French linguistic culture // Aktual'nye problemy kommunikacii i kul'tury-11: sb.nauch.

st. / Pjatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. Moskva-Pjatigorsk, 2010. S. 306–311.

15. Petrushhenkova L. Ju. Koncept «smeh» vo francuzskom jazyke // Vokrug smeha za shest' jazykov = The concept «laughter» in French // Around laughter in six languages : kollektivnaja monografija / O. A. Bykova, O. A. Guseva, D. A. Demina. Moskva : Izd-vo TRIUMF, 2022. 211 s.

16. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike = Essays in cognitive linguistics. Voronezh, 2002. 189 s.

17. Smolenceva M. V. Svjaz' jemocii ljubvi s drugimi chuvstvami i sostojanijami v pesennom diskurse na materiale raznosistemnyh jazykov (russkogo, nemeckogo i marijskogo) = Relation of love emotion with other feelings and states in song discourse in languages with different systems (Russian, German, and Mari) // Problemy mezhkul'turnoj kommunikacii v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tobol'sk : TGPI im. Mendeleeva. 2008. S. 175–180.

18. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury = Constants: Dictionary of Russian culture. Moskva : Akademicheskij prospekt, 2001. 990 s.

19. Sternin I. A. Mozhet li lingvist modelirovat' strukturu koncepta? = Can a linguist model the structure of a concept? // Kognitivnaja semantika: Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike: v 2 ch. Tambov, 2000. Ch. 2. S. 3–17.

20. Ter-Minasova S. G. Jazyki i mezhkul'turnaja kommunikacija = Languages and intercultural communication : uchebnoe posobie. Moskva : Slovo, 2000. 624 s.

21. Cvenger L. V. Konceptualizacija cveta rozovyj v russkojazychnom gazetnom diskurse = Conceptualization of the pink color in Russian newspaper discourse // Kognitivnye issledovanija jazyka. № 3 (50). 2022. S. 433–436.

22. Chernejko L. O. «Jazykovoe soznanie» i konceptual'nyj analiz slova = «Linguistic consciousness» and conceptual word analysis // Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU. Vyp. 2. Moskva : MGU, 1998. S. 19–50.

23. Shevchenko O. V. Tematicheskoe raznoobrazie pesennyh tekstov kak sposob realizacii funkcij zhanrov pesennogo diskursa = Thematic diversity of song lyrics as a way to realize the functions of song discourse genres // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. № 115. 2009. S. 242–249.

24. Jungina A. N. K opredeleniju ponjatijno-definicionnyh harakteristik koncepta uchitel' vo francuzskom jazyke = On determining the conceptual-definitional characteristics of the concept «teacher» in French // Teoreticheskie i prakticheskie predposylki podgotovki polilingval'nyh specialistov v UVO. Materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo onlajn-seminara (vebinara). Mogilev : Izd-vo Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. A. Kuleshova. 2019. S. 119–124.

25. Demoli Y. Les femmes prennent le volant // Travail, genre et sociétés. 2014/2, № 32. P. 119–140.

26. Dicale B. Ces chansons qui font l'actu. Les chanteurs veulent le permis // France info. URL: https://www.francetvinfo.fr/replay-radio/ces-chansons-qui-font-l-actu/ces-chansons-qui-font-l-actu-les-chanteurs-veulent-le-permis_3987837.html

27. Dicale B. Ces chansons qui font l'actu. La chanson ne veut pas passer l'examen de permis // France info. URL: https://www.francetvinfo.fr/replay-radio/ces-chansons-qui-font-l-actu/ces-chansons-qui-font-l-actu-la-chanson-ne-veut-pas-passer-l-examen-du-permis_3988937.html

28. Larousse. fr. Dictionnaire de la langue française. URL:https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/permis/59695#164105

29. Le grand Robert de la langue française. Version électronique 2.0 en CD-Rom. 2005.

30. Le petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris : Dictionnaires le Robert, 2006. 2950 p.

31. Securite-routiere. gouv.fr URL: https://www.securite-routiere.gouv.fr/chacun-son-mode-de-deplacement/dangers-de-la-route-en-voiture/equipement-de-la-voiture/port-de-la-ceinture/25.01.2023

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 22.12.2022; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья
УДК 930.85
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_202
EDN: WVLQTC

150-летию со дня рождения С. П. Дягилева

Ценностно-эстетическое влияние русской культуры на европейскую художественную традицию в начале XX века (на материале деятельности С. Дягилева)

Владимир Николаевич Липский
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Академия государственной противопожарной службы МЧС России. 129366, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 4
vlazamos@mail.ru, https://orcid.org/0000-002-1483-0705

Аннотация. В статье анализируются художественно-эстетические стороны отдельных знаковых произведений русского искусства, которые С. Дягилев в начале XX века показал европейскому зрителю. Смысл подвижничества С. Дягилева, взявшегося за организацию «Русских сезонов» в Европе, состоял, во-первых, в том, чтобы познакомить европейского зрителя с достижениями русского национального искусства и вызвать к нему интерес у европейцев; во-вторых, попытаться разрушить стереотип о вторичности русского искусства по отношению к западному. Для реализации своей идеи Дягилеву удалось привлечь в труппу известных мастеров, и талантливых молодых художников, сыгравших ведущую роль в оформлении спектаклей (Л. Бакст, А. Бенуа, Н. Рерих). На оформительском опыте Л. Бакста показывается, что его новаторские приёмы при оформлении спектаклей оказались настолько оригинальными, что повлияли на развитие европейской сценографии, моды, дизайна.

В статье обращено внимание на то, что в произведениях искусства, показанных европейскому зрителю, значительную роль играли оперы, посвящённые событиям русской истории (опера М. Мусоргского «Князь Игорь»), фольклору (творчество И. Стравинского) и оказалось, что благодаря мастерству и таланту русских композиторов и исполнителей произведения на национальную тему пользовались наибольшим интересом у европейского зрителя. В статье рассматриваются некоторые факторы, способствующие достижению Дягилевым своей цели, показано, что идея познакомить европейского зрителя с русским национальным искусством достигла не только этой цели, но и способствовала возрождению балета как вида искусства во многих европейских странах; показывается, что благодаря гениальным русским сценографам, было сформировано новое течение, получившее название «а-ля-рюс», распространившее своё воздействие на дизайн, моду и другие стороны мирового искусства, а продемонстрированные труппой Дягилева достижения в оперном и балетном искусстве, сформированные на национальных традициях, не только вошли в золотой фонд мирового искусства, но и превратились в цели, на которые стали ориентироваться европейские мастера.

Ключевые слова: Дягилев; «Русские сезоны»; национальная культура; художник; европейское искусство; эстетический; балет

Для цитирования: Липский В. Н. Ценностно-эстетическое влияние русской культуры на европейскую художественную традицию в начале XX века (на материале деятельности С. Дягилева) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 202–209. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_202. https://elibrary.ru/WVLQTC

© Липский В. Н., 2023

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Axiological-aesthetic influence of russian culture on the european artistic tradition in the early XX century (on S. Diaghilev's work)

Vladimir N. Lipsky
Doctor of philosophical sciences, professor, head of the philosophy department, Academy of national firefighting service, MES of Russia. 129366, Moscow, Boris Galushkin st., 4
vlazamos@mail.ru, https://orcid.org/0000-002-1483-0705

Abstract. The article analyzes artistic and aesthetic aspects of certain iconic works of russian art which Sergei Diaghilev showed to the european audience in the early XX century. The point of Diaghilev's exploits in organizing «Russian seasons» in Europe was, firstly, to introduce the european public to the achievements of russian national art and to arouse europeans' interest in it, and secondly, to try breaking the stereotype that russian art is secondary to western art. To realize his idea, Diaghilev managed to attract to the troupe some famous masters and talented young artists who played a leading role in decorative design of the performances (L. Bakst, A. Benois, N. Roerich). L. Bakst's experience as a decorator shows that his innovative techniques in the stage design of performances were so original that they influenced the development of european scenography, fashion and design. The author draws attention to the fact that operas devoted to events in russian history (Mussorgsky's opera Prince Igor) and folklore (I. Stravinsky's work) played a significant role in the works of art shown to european audiences, and it turned out that, thanks to the skill and talent of russian composers and performers, the national thematic works were of the greatest interest to European audiences. The article examines certain factors contributing to Diaghilev's goal and shows that the idea of introducing the european public to russian national art not only achieved its goal, but also contributed to the revival of ballet as an art form in many european countries. Thanks to ingenious russian scenographers, a new trend called «a la rues» was formed, which spread its influence on design, fashion, and other aspects of world art. The achievements of Diaghilev's troupe in opera and ballet, shaped by national traditions, not only entered the golden fund of world art, but also turned into goals to which european masters began to be guided.

Key words: Diaghilev; «Russian seasons»; national culture; artist; european art; aesthetic; ballet

For citation: Lipsky V. N. Axiological-aesthetic influence of russian culture on the european artistic tradition in the early XX century (on S. Diaghilev's work). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):202–209. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_202. https://elibrary.ru/WVLQTC

Введение. Сергей Дягилев был разносторонней личностью, проявлявшей себя в различных ипостасях: критик, редактор, антрепренер и мн. др. Деятельности С. Дягилева посвящено немало трудов, в которых всесторонне исследуются различные виды его активности, а также воспоминаний знавших его людей. Во всех источниках, посвящённых С. Дягилеву, обращает на себя внимание одно его качество, которое особенно выделяется как исследователями, так и знавшими его лично: «Он обожал Россию и всё русское до какого-то фанатизма; редко кто вмещал в себе столько национальной гордости», – напишет о нём близко знавший его соратник по «Русским сезонам» А. Бенуа. Отдавая должное европейской культуре прошлого (в первую очередь европейскому искусству периода эпохи Возрождения), Дягилев глубоко любил всё русское, а «западничество Дягилева было «петровского привкуса», – пишет тот же А. Бенуа.

С петровских времён, когда в России стали набирать силу процессы европеизации (англофранко и других заимствований), в дворянской среде России стал утверждаться стереотип преклонения перед Западом: «Я провёл глубокие исследования русского искусства XVI, XVII и XVIII веков, – пишет Дягилев. – В то время всякое искусство поощрялось и развивалось при дворе, если только оно было иностранным» [Дягилев, 1982, с. 238]. Тезис преклонения перед западной культурой вызвал к жизни антитезис, что впоследствии трансформировалось на русской почве в два альтернативных течения: славянофильство-западничество, проявлявших себя достаточно длительный период времени в различных сторонах жизни российского бытия в том

числе и в отношении к искусству. Дягилев не примыкал ни к одному из этих течений, однако, учитывая его «обожание России», у него не могло не вызывать недоумение к примеру то, что европейские педагоги монополизировали подготовку русских балерин и танцоров, не говоря уже о широчайшем распространении в русской опере традиций итальянского исполнительства. С. Дягилев прекрасно осознавал роль и значение европейского искусства, но полагал, во-первых, что период тотального доминирования западного искусства в России миновал, а, кроме того, считал, что в ценностном и эстетическомсмысле русское искусство конца XIX – начала XX века не только не уступало, но во многом и превосходило европейское.

В самом конце XIX в. С. Дягилев вместе с единомышленниками организовал объединение «Мир искусства», впоследствии преобразованное в одноимённый журнал, вокруг которого объединилась группа его единомышленников. На рубеже веков журнал стал рупором всего нового в искусстве, а сам Дягилев стал его главным редактором. Он основательно погрузился в процессы развития русского искусства того периода: писал статьи по искусству, в журнале вёл активную полемику с критиками, пропагандировал искусство молодых русских художников. Эта его деятельность, а также свойственное ему стремление к новому, а, главное, желание разрушить существовавший стереотип в отношении к русскому искусству как к чему-то вторичному по отношению к западному, мотивировали его к тому, чтобы познакомить европейскую публику с творчеством русских художников и артистов. В одном из своих интервью Дягилев скажет, что бывая за границей, его национальное чувство всегда «оскорбляло незнакомство» иностранцев с представителями русского искусства. Темой данной статьи не является рассмотрение вопроса о том, каких усилий стоило С. Дягилеву, на протяжении многих лет добывать средства для реализации столь затратных мероприятий, лишь отметим, что свою благородную миссию в этом отношении С. Дягилев с честью выполнил.

Методы: структурно-функциональный, типологический, сравнительный, синхронистический.

Результаты исследования. В 1906 г. Дягилев вывозит в Париж выставку под названием «Два века русской живописи и скульптуры», которая стала первым шагом на пути к главной цели «Русских сезонов» – познакомить Европу с русским балетным и оперным искусством. С. Дягилев полагал, что Европе, которая очень мало знакома с современной русской художественной культурой будет полезно познакомиться с национальными и эстетическими традициями России, а погружение европейских деятелей художественной культуры в ткань русского искусства способно оказать благотворное воздействие на западную культуру. Он стремился тем самым преодолеть устоявшийся в европейском (отчасти и в русском) сознании взгляд на русское искусство как на феномен, лишь копирующий темы и приемы европейского искусства. Большая ретроспективная выставка, на которой были представлены полотна маститых художников и нового поколения мастеров, среди которых были А. Н. Бенуа, Л. П. Бакст, Н. К. Рерих и др. оказала существенное влияние на восприятие русского изобразительного искусства французскими интеллектуалами, и, в частности, в значительной мере способствовала формированию нового стиля «а-ля рюс», который «был широко распространён на Западе уже к началу 20-х годов – ведущие парижские дома моды „Шанель", „Поль Пуаре", „Агнесс" и „Люсиль" создавали целые коллекции в русском стиле» [Семёнова, 2010, с. 67].

Нужно отдать должное С. Дягилеву: движимый идеей познакомить парижскую публику с богатой национальной культурой русского народа, он сам целенаправленно изучал народный быт и традиции, чтобы впоследствии использовать наработанный материал в спектаклях «Русских сезонов». Так, для постановки оперы «Борис Годунов» он ездил по деревням и сёлам, собирая коллекцию сарафанов, кокошников и украшений. Традиции русского костюма, заимствованные французскими художниками-модельерами, увлёкшимися русскими фольклорными мотивами, использовались ими впоследствии при создании своих коллекций: «Как будто гениальный импресарио Сергей Дягилев определял не только оформление „Русских сезонов", но и моду, косметику, да и весь стиль жизни декадентского парижского общества» [Зелиг, 2000, с. 6]. Правила народной жизни, выработанные многовековым укладом в соответствии с нормами и принципами ведения хозяйства, сформировавшиеся требования к взаимоотношениям, организации праздников и других форм жизни русских не только вызвали большой интерес, но и оказались привлекательными в ценностно-эстетическом смысле. В то самое время, когда в Европе вовсю процветал западный модернизм,

Дягилев «превратился в неистового собирателя русского прошлого, русской старины» [Михеева, Гущина, 2021, с. 60]. Как раз проявление национального духа представляется в большой мере и способствовало тому, что после знакомства с русским искусством французская критика стала писать о начале «новой эры во французском и общезападном театральном искусстве».

Цель Дягилева состояла не только в том, чтобы познакомить европейцев с русской культурой, но и в том, чтобы с помощью искусства как формы отражения бытия раскрыть европейскому зрителю богатый духовный мир русского человека, непростую историю русского народа. Когда в 1908 году Дягилев привёз во Францию русские оперные спектакли, несколько адаптированные к особенностям парижской публики, то центральным событием этих гастролей стала опера М. Мусоргского «Борис Годунов». Главную партию в ней исполнил Ф. Шаляпин и парижская публика, практически незнакомая с русской музыкой, была настолько очарована гением М. Мусоргского и исполнительским мастерством Ф. Шаляпина, что «постановка Бориса Годунова была куплена Grandopera, а опера стала частью репертуара Национальной Академии музыки, что свидетельствовало о признании Европой русской школы» [Варакина, 2019, с. 252]. Прекрасная опера, посвящённая драматическим событиям истории России, написанная великим русским композитором, и спустя сто с лишним лет продолжает оставаться жемчужиной на европейской сцене: в декабре 2022 года сезон в миланской оперной столице «Ла Скала» был открыт оперой «Борис Годунов», несмотря на все «запреты» русской культуры. Замысел Дягилева, который в начале XX века решил познакомить европейцев с русской национальной культурой, был блистательно продолжен в Европе уже самими европейцами, которые и спустя многие десятилетия продолжают по достоинству оценивать нашу национальную культуру.

Успеху оперы, обозначенной М. Мусоргским как «народная музыкальная драма», способствовали и музыка, и костюмы, и неведомая парижской публике музыкальная эстетика, и, что особенно примечательно, интерес у публики вызвала музыкальная драма, посвящённая событиям русской **народной** (выделено автором статьи) жизни. Нужно сказать, что подход к театральному действу, в котором органически сочетались различные виды искусств, составляющие произведение, был в целом свойственен оперным и балетным спектаклям Дягилева, причём, в его спектаклях была установка на то, что все виды искусств в них пользовались равными правами: «Дягилев сознательно следовал концепции органического синтеза, – пишет С. Лифарь в «Мемуарах Икара», – уделяя внимание равноправию всех слагаемых, будь то музыка, живопись, пластика или драматическое действие» [Павлова, 2022, с. 260].

Культурные процессы являются отражением общей социальной динамики, однако, их связь с ней не является прямолинейной, а, кроме того, связи внутри самих культурных процессов также не являются прямолинейными, что в полной мере относится и к искусству. В частности Серебряный век русского искусства впрямую не мог быть порождением во многом архаичного социального устройства России того периода. С другой стороны, русское искусство, долгие годы развивавшееся вне полноценной связи с европейским, опиравшееся в основном на русскую самобытность и приверженность национальным традициям, достигло таких художественных и нравственных высот, что когда «Русские сезоны», организованные С. Дягилевым, «открыли Европе и Америке удивительный мир высокого искусства национальной культуры… и создали образ нового искусства, определив вектор его развития на столетие вперёд» [Токарева, Челнокова, 2021, с. 53], то это стало потрясением для европейцев. Дело в том, что ко времени дягилевских «Русских сезонов» Европа уже несколько десятилетий как вкусила «прелести золотого тельца», распространившего своё влияние на все стороны социальной жизни и в том числе искусство (эти процессы хорошо описаны уже в романах Бальзака, Стендаля, Золя и др.), а для русского искусства «золотое» время таких проявлений ещё не наступило, поэтому, когда на «Русских сезонах» обуржуазившаяся европейская публика столкнулась со свежими идеями, помноженными на национальные традиции и русский колорит, это произвело на неё громадное впечатление.

Поскольку русское общество к началу XX века, как отмечалось, оставалось по преимуществу традиционным, в отличие от западного, вступившего на путь цивилизационного развития, то этот процесс вызвал в европейском обществе усиление тенденций рационализации во всех сторонах социального бытия. Активная индустриализация западного мира способствовала вытеснению традиционной западноевропейской культуры и в дальнейшем привела к разрушению

её ценностных оснований. С. Дягилев, будучи знатоком культуры и талантливым антрепренёром, организовывая «экспансию» русской культуры за рубеж, руководствовался, как представляется, двумя равнозначными факторами: во-первых, познакомить западную публику с художественно-эстетическими ценностями русской культуры; во-вторых, он понял, что в тот конкретный момент эти ценности в западном обществе будут востребованы. Не случайно, «к началу XX века балетное искусство в странах-законодательницах классического танца слыло пережитком XIX века и было, казалось, обречено. Дягилевская антреприза… способствовала не только возрождению, но и зарождению балетного искусства в ряде стран мира» [Крюкова, 2018, с. 257]. Идея С. Дягилева познакомить европейскую публику с русским балетным искусством решала не только эту генеральную задачу, но и вызвала, так сказать, «побочный» эффект: вернула Европе некоторые «забытые» произведения европейской классики – «Жизель» А. Адана, «Видение розы» К. фон Вебера и др., которые теперь неразрывно связаны с представлением о русском балете и искусстве» [Филичева, 2020, с. 117]. Русская интерпретация ряда балетных спектаклей, представленных Дягилевым европейским деятелям искусства, критикам и публике, оказалась в художественном и эстетическом смысле привлекательнее европейской.

Очевидно, что успеху «Русских сезонов» способствовали ряд факторов: любовь Дягилева к Отечеству, помноженная на глубокие познания в области художественной культуры, талант Дягилева-антрепренера, а также и то, что он привлёк к работе в «Русских сезонах» гениальных композиторов и художников, танцоров и балерин, воспитанных классической балетной русской школой, которая была сформирована на основе Императорских театров и которая, если когда-то и была в европейских театрах, то к концу XIX – началу XX века уже давно была разрушена. Уже несколько позднее К. С. Станиславский в связи с положением дел в западноевропейском театре писал: «Я считаю, что европейский театр, несмотря на наличие отдельных крупных актёрских дарований, не идёт вперёд. Взгляд на театр с коммерческой точки зрения, как на приносящее прибыль предприятие, катастрофически сказался на общем положении театров. Нет возможности глубоко работать над пьесой» [Станиславский, 1953, с. 307]. Традиция Императорских театров держалась на основательной подготовке балерин и танцовщиков, привлечению в театр талантливых композиторов, глубокой проработке либретто, многочисленных репетициях и пр.

Эту традицию использовал талантливый антрепренер и она во многом способствовала успеху. Дягилев привёз в Париж, Лондон и другие страны Европы школу классического русского балета с утвердившимися эстетическими принципами красоты, которых на европейской сцене уже (или ещё) не было. Русская народная жизнь, облечённая в формы красоты гениальными композиторами, художниками и другими мастерами «открыла Западной Европе и остальному миру русский балет… Дягилев сделал балет повсеместно популярным…» [Илларионов, 2017, с. 121], что в значительной мере способствовало распространению этого вида искусства во всём мире.

В спектаклях Дягилева большую роль играл художник, можно сказать, что замечательные костюмы, которые создавали гениальные Л. Бакст, А. Бенуа, Н. Рерих и другие художники, подняли художественное оформление спектаклей на небывалую высоту: в балете и опере, наряду с певцами, балеринами и музыкой, теперь царил художник. Принимавшие участие в дягилевских спектаклях мастера изобразительного искусства, по существу совершили художественное переформатирование принятой парадигмы, «они создали совершенно новый подход к оформлению театрального, балетного спектакля» [Нетупская, 2015, с. 130]. В формировании эстетики «Русских сезонов» видную роль играл Л. Бакст – яркий художник и сценограф, блистательный дизайнер интерьеров, создатель художественных костюмов, который «благодаря своим костюмам заставил переодеться весь Париж» [Лебедева, 2021, с. 118]. Леон Бакст по праву считается новатором в области оформления дягилевских балетных спектаклей. Декорации и костюмы, созданные им в начале XX века на долгие годы стали оформительским эталоном. Знаток и историк моды Александр Васильев пишет, например, о том, что Л. Баксту «первому пришла идея смешать на сцене в декорациях и костюмах цвета, которые в эпоху модерна (югендстиля) не использовали вместе… Потом такие сочетания взяли на вооружение многое декораторы» [Васильев, 2016, с. 84]. Смелая и оригинальная сценография дягилевских балетов, оформленных Л. Бакстом, использовалась многими известными художниками-модельерами, а, к примеру, мотивы костюмов из «Шехерезады»

увлекли не только парижских дизайнеров одежды, но и модельеров из других европейских стран: после премьеры балета витрины магазинов модной одежды Парижа и Лондона представляли собой «ожившие декорации и костюмы дягилевской постановки». Бакст в «Шехерезаде» произвёл реформу балетной одежды и сценографии, изобрёл оригинальный стиль: «„Балетный кутюрье" Бакст освободил танцовщиков от привычной пачки, трико и хитона, одев своих моделей в кимоно, шаровары, туники, чалмы тюрбаны, вуали. Женские платья были избавлены от некомфортного корсета» [Любимов, 2021, с. 33],

За время нескольких гастролей труппы Дягилева в Англии Л. Бакст сумел оставить заметный след в искусстве этой страны: это и оформленные им балетные спектакли, оказавшие влияние на английских дизайнеров, и организованные им выставки эскизов его театральных костюмов, и созданное им панно в одном из домов Ротшильдов, которое он оформил в сказочном стиле. На панно под названием «Спящая Принцесса» по мотивам сказки Ш. Перро «Спящая красавица» в мифологических образах запечатлено большое семейство Ротшильдов. Сегодня в этом доме разместился музей. «Творческие идеи Л. Бакста, его неповторимое наследие навсегда раздвинули рамки английской национальной культуры, стали одним из источников развития ар-деко и повлияли на становление эстетики раннего английского модернизма в целом» [Шагивалиева, 2016, с. 99].

В вопросе понимания ценностно-эстетического влияния русской культуры на европейскую художественную культуру важное место, на наш взгляд, занимают те художники, творчество которых строится на русской теме, так как положительная оценка со стороны публики, представлявшей иную национальную культуру с иной системой ценностей, особенно значима. Своеобразную апробацию европейской публикой тема русской национальной культуры прошла, когда в Париже была осуществлена постановка оперы М. Мусоргского «Борис Годунов. Этот опыт оказался успешным. Дополнить картину такого восприятия попытаемся обратившись теперь к балетному искусству и в частности к балетам И. Стравинского, в основе которых лежат глубинные свойства русского фольклора, хорошо знакомого Стравинскому, которые он усвоил благодаря знанию творчества Афанасьева и Киреевского, являвшихся собирателями русского фольклора. Эти знания детерминировали появление балетов Стравинского «Байка», «Свадебка» и некоторых других, основанных на фольклорных мотивах. Сказочные сюжеты позволили придать красочную обрядовость, определившую интерес европейской публики к музыке Стравинского, способствовали тому, что «русская самобытная культура, перейдя границы национальной идентичности, стала частью мирового художественного процесса» [Полисадова, 2020, с. 25]. Кроме того, Стравинский-композитор сумел органично соединить фольклорные и современные интонации, что привело к формированию неповторимого стиля Стравинского, его востребованности в европейском художественном процессе.

Заключение. Деятельность Сергея Дягилева, связанная с его стремлением познакомить европейскую публику срусским искусством получила блестящую реализацию: в 1906 году он привёз в Париж художественную выставку (Брюллов, Врубель, Левитан, Репин, Бакст, Бенуа и др.), в 1907 состоялись 5 концертов русской музыки, на которых прозвучали произведения Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова и др. русских композиторов, затем в течении нескольких лет продолжались «Русские сезоны» и «Русские балеты» и эту свою миссию С. Дягилев продолжал много лет. Мало знакомая с русской культурой и искусством, в основном снисходительно относящаяся ко всему русскому Европа, познакомившись с творчеством лучших русских художников, с удивлением увидела, что и в ценностном и в эстетическом смысле у России есть чему учиться. Будучи глубоко впечатлённым увиденным на спектаклях «Русских сезонов», Клод Дебюсси, очевидно, осознававший декадентство «старой» европейской культуры, с надеждой произнёс: «Русские дадут нам новые импульсы для освобождения от нелепой скованности. Они помогут нам лучше узнать самих себя и более свободно к себе прислушиваться» [Дебюсси, 1964, с. 193]. Эти импульсы европейцам были необходимы, ибо ещё Гегель обратил внимание на то, что уже то время, в которое он жил «по своему общему состоянию неблагоприятно для искусства», а ко времени дягилевских сезонов с тех пор прошло почти сто лет, и оставалось каких-то десяток лет до выхода труда О. Шпенглера «Закат Европы», в котором автор указал на европейскую духовную деградацию, поэтому идея Дягилева показать Европе русское национальное искусство выглядела вполне плодотворной. Те свежие идеи, которые привезли в Европу талантливые художники, композиторы, сцено-

графы и танцовщики на долгие годы определили критерии в оформлении оперных и балетных спектаклей, породили подражание русскому стилю в дизайне одежды и интерьеров: «Русские сезоны балета С. Дягилева… оказали большое влияние на развитие не только русского балета, но и мирового хореографического искусства в целом… способствовали популяризации русской культуры в Европе и установлению моды на всё русское» [Буторов, Стрельцов, 2015]. С помощью средств художественной культуры Дягилеву и его художникам удалось не только дать европейцам представление о национальных традициях, быте и переживаниях русского человека, но и настолько повлиять, к примеру, на английского зрителя, что поэт Роберт Брук в письме секретарю Черчиля по поводу «Русских сезонов» в Англии написал: «Они, как никто иной, способны спасти нашу цивилизацию» [Красавченко, 2019, с. 34]. В самом начале XX века С. Дягилев и его труппа сумели показать такой уровень художественного мастерства, которого в Европе на тот момент не существовало.

Библиографический список

1. Васильев А. Театральные художники русской эмиграции // Культурология. 2016. № 4 (79). С. 82–91.

2. Варакина Г. В. Феномен синтеза искусств в эстетике Серебряного века (на примере антрепризы Сергея Дягилева) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 243–256.

3. Буторов С. А., Стрельцов В. В. Роль культуры и искусства в формировании международного имиджа России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 18–26.

4. Дебюсси К. Статьи, рецензии, беседы. Москва – Ленинград : Музыка, 1964. 300 с.

5. Зелиг Ш. Мода. Век модельеров 1900–1999. Москва : Конеманн, 2000. 457 с.

6. Илларионов Б. А. 1910 год: Петипа и Дягилев // Вестник академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 3 (50). С. 116–122.

7. Крюкова О. А. Па де де Франции и России: диалог культур в балете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 11(804). С. 250–260.

8. Красавченко Т. Н. Русские сезоны Дягилева в Великобритании. Парадоксы культурного взаимодействия // Весник культурологи. 2019. № 1 (88). С. 34–57.

9. Лебедева М. С. Роль культуры как «мягкой» силы государства: международный фестиваль «Русские сезоны» // Вестник культуры и искусств. 2021. № 1 (65). С. 115–127.

10. Любимов Д. В. «Шехерезада» Н. Римского-Корсакова – Л. Бакста: hautecouture на балетной сцене // Учёные записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2021. № 3 (38). С. 32–39.

11. Михеева Л. Н., Гущина Ю. Р. С. П. Дягилев и эпоха Серебряного века : учебное пособие. Москва : МПГУ, 2021. 164 с.

12. Нетупская О. М. Художник в антрепризе «Русские сезоны»: новые пути визуальной эстетики в театре // Театр, Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 1. С. 117–134.

13. Полисадова О. Н. Театрально-хореографические новации первых сезонов «Русского балета» // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2020. № 1. С. 22–29.

14. Павлова Д. В. Единение искусств в «Русских сезонах С. Дягилева // Оригинальные исследования. Том 12. № 4. С. 259–263.

15. Семёнова О. С. Русские дома моды в европейской культуре начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). С. 66–69.

16. Станиславский К. С. Статьи, речи, беседы, письма. Москва : Госиздат «Искусство», 1953. 782 с.

17. Сергей Дягилев и русское искусство [в 2 томах : Т. 1] / состав., авторы вступит. статьи и комментариев И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. Москва : Изобразительное искусство, 1982. 496 с.

18. Токарева Е. А., Челнокова А. Ю. Европейский контекст Серебряного века русской культуры // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4(44). С. 44–59.

19. Филичева Н. В. Влияние «Русских сезонов» и «Русских балетов» на мировое искусство XX века и развитие стиля ар-деко» // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства». 2020. № 2. С. 116–127.

20. Шагивалиева Д. И. Наследие Льва Бакста в художественной культуре Англии // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2016. № 5 (46). С. 93–100.

Reference list

1. Vasil'ev A. Teatral'nye hudozhniki russkoj jemigracii = Theater artists of the Russian emigration // Kul'turologija. 2016. № 4 (79). S. 82–91.

2. Varakina G. V. Fenomen sinteza iskusstv v jestetike Serebrjanogo veka (na primere antreprizy Sergeja Djagileva) = The phenomenon of arts synthesis in the Silver Age aesthetics (the case of Sergei Diaghilev's theatrical entreprise) // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2019. T. 51. S. 243–256.

3. Butorov S. A., Strel'cov V. V. Rol' kul'tury i iskusstva v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Rossii = The role of culture and arts in promoting Russia's international image // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 2 (64). S. 18–26.

4. Debjussi K. Stat'i, recenzii, besedy = Articles. Reviews. Conversations.Moskva – Leningrad : Muzyka, 1964. 300 s.

5. Zelig Sh. Moda. Vek model'erov 1900–1999 = Fashion. The age of fashion designers 1900-1999. Moskva : Konemann, 2000. 457 s.

6. Illarionov B. A. 1910 god: Petipa i Djagilev =1910: Petipa and Diaghilev // Vestnik akademii russkogo baleta im. A. Ja. Vaganovoj. 2017. № 3 (50). S. 116–122.

7. Krjukova O. A. Pa de de Francii i Rossii: dialog kul'tur v balete = France and Russia's Pas de de: dialogue of cultures in ballet // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2018. № 11(804). S. 250–260.

8. Krasavchenko T. N. Russkie sezony Djagileva v Velikobritanii. Paradoksy kul'turnogo vzaimodejstvija = Diaghilev's Russian Seasons in Britain. Paradoxes of cultural interaction // Vesnik kul'turologi. 2019. № 1 (88). S. 34–57.

9. Lebedeva M. S. Rol' kul'tury kak «mjagkoj» sily gosudarstva: mezhdunarodnyj fectival' «Russkie sezony» = The role of culture as a «soft» force of the state: the international festival «Russian Seasons» // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2021. № 1 (65). S. 115–127.

10. Ljubimov D. V. «Sheherezada» N. Rimskogo-Korsakova – L. Baksta: hautecouture na baletnoj scene = «Scheherazade» by N. Rimsky-Korsakov and L. Bakst: hautecouture on the ballet stage // Uchjonye zapiski Rossijskoj akademii muzyki im. Gnesinyh. 2021. № 3 (38). S. 32–39.

11. Miheeva L. N., Gushhina Ju. R. S. P. Djagilev i jepoha Serebrjanogo veka = S. P. Diaghilev and the Silver Age : uchebnoe posobie. Moskva : MPGU, 2021. 164 s.

12. Netupskaja O. M. Hudozhnik v antreprize «Russkie sezony»: novye puti vizual'noj jestetiki v teatre = Artist in the «Russian Seasons» theatrical enterprise: new ways of visual aesthetics in theater // Teatr, Zhivopis'. Kino. Muzyka. 2015. № 1. S. 117–134.

13. Polisadova O. N. Teatral'no-horeograficheskie novacii pervyh sezonov «Russkogo baleta» = Theatrical-choreographic innovations of the first Russian Ballet seasons // Novoe iskusstvoznanie. Istorija, teorija i filosofija iskusstva. 2020. № 1. S. 22–29.

14. Pavlova D. V. Edinenie iskusstv v «Russkih sezonah S. Djagileva = Unity of the arts in Diaghilev's Russian Seasons // Original'nye issledovanija. Tom 12. № 4. S. 259–263.

15. Semjonova O. S. Russkie doma mody v evropejskoj kul'ture nachala HH veka = Russian fashion houses in European culture of the early XX century // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 20 (201). S. 66–69.

16. Stanislavskij K. S. Stat'i, rechi, besedy, pis'ma = Articles, speeches, conversations, letters.Moskva : Gosizdat «Iskusstvo», 1953. 782 s.

17. Sergej Djagilev i russkoe iskusstvo = Sergei Diaghilev and Russian arts [v 2 tomah : T. 1] / sostav., avtory vstupit. stat'i i kommentariev I. S. Zil'bershtejn i V. A. Samkov. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1982. 496 s.

18. Tokareva E. A., Chelnokova A. Ju. Evropejskij kontekst Serebrjanogo veka russkoj kul'tury = The European context of the Russian Silver Age // Vestnik MGPU. Serija: Istoricheskie nauki. 2021. № 4(44). S. 44–59.

19. Filicheva N. V. Vlijanie «Russkih sezonov» i «Russkih baletov» na mirovoe iskusstvo HH veka i razvitie stilja ar-deko» = Influence of «Russian Seasons» and «Russian Ballets» on the world arts of the XX century and the development of Art Deco style // Novoe iskusstvoznanie. Istorija, teorija i filosofija iskusstva». 2020. № 2. S. 116–127.

20. Shagivalieva D. I. Nasledie L'va Baksta v hudozhestvennoj kul'ture Anglii = Leo Bakst's legacy in the English artistic culture // Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ja. Vaganovoj. 2016. № 5 (46). S. 93–100.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 14.12.2022; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 008 + 316.722
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_210
EDN: WWNWTZ

Неоэгалитарный тип культуры: универсальные черты и особенности скандинавского опыта

Ирина Викторовна Малыгина[1]✉, Тимур Орифджанович Рафиев[2]
[1]Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38
[2]Аспирант кафедры мировой культуры института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38
[1]irinamalygina@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2145-7953
[2]slanchevb@mail.ru, https:// orcid.org/0009-0001-4787-9740

Аннотация. В статье предлагается новый подход к типологии культуры на основе критерия социального равенства как ценности, стратегии социокультурного развития, принципа социальной солидарности и основания идентичности. В рамках предлагаемого подхода выделяются иерархический, ацефальный, эгалитарный и неоэгалитарный типы культуры, дается их краткая характеристика. Основное внимание уделяется анализу неоэгалитарного типа культуры, предлагается его авторская интерпретация. Неоэгалитаризм обосновывается как актуальная типологическая характеристика скандинавского культурного ареала. Анализируются особенности «скандинавского кейса» как наиболее репрезентативного опыта становления неоэгалитарного типа культуры. В качестве предпосылок формирования неоэгалитарного типа культуры в рассматриваемом регионе выделяются особенности социальной и политической истории скандинавских стран, социально-экономические и религиозные факторы, повлиявшие на культурную гомогенность и специфику региона. Анализируются обычаи, традиции, социальные и политические практики, ориентированные на: ограничение власти лидера; утверждение гендерного и поколенчекого равенства; легитимацию индивидуализма и экономической автономии; социальное неприятие статусного высокомерия. Акцентируется общая для современных скандинавских народов тенденция к манифестации ценности всеобщего равенства, как на уровне политической и идеологической культуры, так и в формате повседневных практик при сохраняющейся политической, экономической и других формах социальной иерархии. Данный тип культуры определяется как неоэгалитарный в сопоставлении с эгалитарными традиционными культурами. Делается вывод, что в отличие от эгалитарных традиционных культур, в которых ограничение различных форм социального неравенства и эксклюзии имеет прагматический характер, в неоэгалитарной культуре скандинавских стран манифестации ценности равенства приобретает символическое значение.

Ключевые слова: типология культуры; равенство; иерархия; эгалитаризм; неоэгалитарный тип культуры; культурные ценности; культурные практики; скандинавские культуры; «народный дом»; «общество всеобщего благосостояния»

Для цитирования: Малыгина И. В., Рафиев Т. О. Неоэгалитарный тип культуры: универсальные черты и особенности скандинавского опыта // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 210–217. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_210. https://elibrary.ru/WWNWTZ

Original article

Neo-egalitarian type of culture: universal features and peculiarities of scandinavian experience

Irina V. Malygina[1]✉, Timur O. Rafiev[2]
[1]Doctor of philosophical sciences, professor, head of the world culture department, the institute of humanities and applied sciences, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38
[2]Postgraduate student, the world culture department, the institute of humanities and applied sciences, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38
[1]irinamalygina@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2145-7953
[2]slanchevb@mail.ru, https:// orcid.org/0009-0001-4787-9740

© Малыгина И. В., Рафиев Т. О., 2023

Abstract. The article proposes a new approach to the typology of culture based on the criterion of social equality as a value, the strategy of social-cultural development, the principle of social solidarity and the basis of identity. The proposed approach distinguishes hierarchical, acephalous, egalitarian and neo-egalitarian types of culture and briefly characterizes them. The main attention is paid to the analysis of neo-egalitarian type of culture, and its authorial interpretation is offered. Neo-egalitarianism is substantiated as a relevant typological characteristic of scandinavian cultural area. The authors analyze the characteristics of the «Scandinavian case» as the most representative experience of forming a neo-egalitarian cultural type. The prerequisites for shaping a neo-egalitarian type of culture in the region concerned include the social and political history of scandinavian countries, social-economic and religious factors which influenced the cultural homogeneity and specificity of the region. The authors analyze customs, traditions, social and political practices oriented toward: limiting the power of the leader; asserting gender and generational equality; legitimizing individualism and economic autonomy; and social rejection of status arrogance. The focus is on the tendency common to modern nordic peoples to manifest the value of universal equality, both at the level of political and ideological culture and in the format of everyday practices, while maintaining political, economic and other forms of social hierarchy. This type of culture is defined as neo-egalitarian in comparison with egalitarian traditional cultures. The article concludes that, unlike egalitarian traditional cultures where restrictions on various forms of social inequality and exclusions are of pragmatic nature, in the nordic neo-egalitarian culture the manifestation of equality acquires a symbolic meaning.

Key words: cultural typology; equality; hierarchy; egalitarianism; neo-egalitarian type of culture; cultural values; cultural practices; nordic cultures; «Folkhemmet»; «welfare society»

For citation: Malygina I. V., Rafiev T. O. Neo-egalitarian type of culture: universal features and peculiarities of scandinavian experience. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):210–217. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_210. https://elibrary.ru/WWNWTZ

Введение

Систематизация знаний о культуре во всем многообразии ее форм и способов функционирования – одна из устойчивых проблем теоретической культурологии в целом и морфологии культуры, в частности. Вместе с тем, сложившиеся в науке представления о морфологии культуры не снимают вопроса о ее типологическом разнообразии, который до сих пор носит открытый характер. При том, что типологии культуры как с точки зрения ее внутренней структуры, так и в контексте культурных различий широко представлены зарубежными и российскими исследователями [Костина, Флиер, 2009; Флиер, 2022; Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov, 2010], до сих пор можно встретить мнение, согласно которому «проблема типологии не только не решена, но и не поставлена в культурологии» [Балакшин, Владимиров, 2022, с. 197]. Не разделяя данной позиции, отметим, что рассчитывать на создание исчерпывающей типологии едва ли возможно с учетом внутренней сложности и динамичности такого феномена как культура. Тем не менее метод типологизации, которая осуществляется по различным основаниям в соответствии с научным интересом конкретного исследователя, представляется продуктивным с точки зрения достраивания знаний и стремлением к созданию объяснительной модели функционирования культуры через взаимодополнительность ее форм и типов. Российский культуролог А. Я. Флиер, предложивший несколько различных подходов к типологизации культуры, пишет по этому поводу: «Построение морфологии и социальной типологии культуры дает возможность осмыслить культуру как целостную систему» [Флиер, 2022].

В известных нам типологиях до сих пор не учитывался эгалитаризм как базовая ценность равенства, формирующая систему конвенциональных кодов и норм, манифестируемая и поддерживаемая системой культурных практик и текстов; как принцип функционирования и стратегия развития культуры; как основополагающее основание социальной солидарности и культурной идентичности. Между тем существующие в современном мире социокультурные сообщества в большей или в меньшей степени демонстрируют социальное равенство или его отсутствие. Народы, выбравшие путь эгалитаризма, придерживаются системы взаимообусловленных ценностей, которые образуют эгалитарный культурный комплекс [Рафиев, 2021] и формируют согласованную модель культуры. Поскольку выбор равенства является одной из нетипичных и даже экзотических стратегий развития культуры, реализация эгалитарных ценностей на практике отличается вариативностью и представлена в диапазоне от безусловно эгалитарных обществ до таких, в которых доминируют ценности социальной иерархии. В этой связи можно выделить четыре типа культуры:

1. Иерархический тип культуры представлен большинством культур мира независимо от формы политического устройства (от республики до монархии, от демократии до автократии). Иерархия – самый распространенный в истории культу-

ры и, вероятно, древнейший способ упорядочивания социальной жизни и достижения социального порядка [Artemova, 2020, p. 64–65, 67].

2. Ацефальный тип культуры (от греческого «κέφαλος», то есть «без головы»). К этому типу относится значительное количество культур, локализованных преимущественно в Меланезии, Амазонии, в Сибири и Канаде и ряде других мест, представленных небольшими сообществами уровня отдельных деревень. Ацефальные культуры допускают неравенство внутри группы, в том числе гендерную асимметрию. Однако наличие социальных практик ограничения власти лидера в таких культурах не позволяет создать устойчивую социальную иерархию и рождает феномен «обратной иерархии доминирования», описанный в работах Кристофера Боэма [Boehm, 1993].

3. Эгалитарный тип культуры. К условно эгалитарным с уверенностью можно отнести всего несколько культур охотников-собирателей в Африке (хадза, мбути, дзу / хоанси, г / ви, г // ана, нхаро), в Южной и Юго-Восточной Азии (палияр, бирхор, батек). По выражению О. Ю. Артемовой, «это общества, в которых все люди имеют равный доступ ко всем материальным и духовным ценностям своей культуры» [Artemova, 2020, p. 64]. Если исключить возрастную дифференциацию, статусы двух основных социальных групп – мужчин и женщин – в этих культурах характеризуются устойчивым динамическим равновесием. Выражая согласие с тезисом О. Ю. Артемовой, о том, что частичное равенство является оксюмороном, позволим себе усомниться в справедливости ее мнения о том, что нельзя «говорить о более или менее эгалитарных обществах или социальных системах, поскольку у эгалитаризма нет степеней сравнения; они есть у неравенства» [Artemova, 2020, p. 64]. Все же равенство имеет несколько измерений, для его достижения задействуется целый набор стратегий, а сам эгалитаризм предстает как комплексная задача. Например, существует равенство изначальных возможностей и равенство результирующее, и достижение положительных результатов в одном не гарантирует их в другом.

4. В связи с вышесказанным, нами предлагается включить в типологию неоэгалитарный тип культуры, при котором стратифицированное общество, имеющее сложную структуру, в то же время манифестирует эгалитарные ценности и реализует эти интенции в повседневных культурных практиках.

Под культурными практиками мы понимаем устойчиво воспроизводимые культурообусловленные модели поведения людей, обладающих определенным комплексом социальных и ментальных характеристик, или, в лексике Пьера Бурдье «хабитусом»: «Хабитус как система предрасположенностей к практике, является объективным фундаментом упорядоченного поведения < … >. И возможность прогнозировать практики < ... > обеспечивается тем, что под действием хабитуса агенты, которые им обладают, ведут себя определенным образом в определенных обстоятельствах» [цит. по Волков, Хархордин, 2008, с. 145].

Начиная со второй половины XX века по настоящее время в целом ряде стран Северной Европы функционирует тип культуры, который мы определяем как неоэгалитарный. Между эгалитарными культурами охотников-собирателей и скандинавскими кейсами существует принципиальная разница. У первых механизмы социального выравнивания – раздача, запрет на накопление, мобильность и текучесть состава групп – приводят к фактическому равенству. Для вторых равенство – это моральный императив, допускающий, помимо существования относительно равного большинства, наличие как по-настоящему бедных, так и богатых. Равенство исходных возможностей не предполагает равенства результатов. Здесь работает правило «немедленного / отсроченного возврата» Джеймса Вудберна [Woodburn, 1982]. В обществах немедленного возврата накопление невозможно по определению. (Что, впрочем, не гарантирует им свободы от неравенства, о котором писал М. Фуко – обладающие сакральным знанием как эксклюзивным ресурсом, также наделены и властью над остальными). Однако, верно и обратное: в обществах отложенного возврата богатство может быть результатом накопления, а следовательно, источником неравенства. Поэтому в культурах неоэгалитарного типа равенство носит в значительной степени символический характер. Противоречие между эгалитарными ценностями и иерархическим устройством в них снимается за счет табуирования публичной демонстрации высокого статуса или любых его маркеров (знаменитый шведский лозунг «Lagom är bäst» (швед.) – «В меру лучше всего!»). Представленный ниже анализ имеет целью выявить детерминанты и условия, стимулирующие эгалитаристские тенденции в динамике изначально иерархических культур и становление культур неоэгалитарного типа.

Историко-культурные предпосылки и характерные черты скандинавского неоэгалитаризма

К скандинавским странам относят Норвегию, Швецию, Данию, а также Финляндию и Исландию, на рубеже IX–X вв. заселенную норвежскими колонистами. Финляндия была частью Швеции с 1104 по 1809 гг., Исландия потеряла независимость и попала под власть Норвегии в 1262 году, Норвегия была частью Дании с 1536 по 1814 год (датско-норвежская уния), затем частью Шведского королевства с 1814 по 1905 год (шведско-норвежская уния). Еще раньше существовала Ка́льмарская уния (дат., норв. и швед. Kalmarunionen) – личная уния королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей (1397–1523). В результате общие черты политических систем в скандинавских странах привели к сходству социальных институтов и культурных норм, обусловив в итоге высокую степень культурной гомогенности всего региона.

Схожесть материальной культуры северогерманских племен, населявших данный ареал, прослеживается как минимум с бронзового века (скандинавский бронзовый век, 1700–500 гг. до н. э.) [Kaliff, Anders, 2001]. Ключевым событием для истории региона стало Великое переселение народов, продолжавшееся в течение II–V вв. н. э. Интенсивные миграционные процессы и военные походы привели к проникновению в Скандинавию провинциальной римской культуры и снижению уровня разнообразия местных традиций. Знаменитые археологические находки в местечках Вендель и Вальсгард в Швеции, давшие название Вендельской эпохе (вторая половина VI–VIII вв.), подтверждают близость в этот период художественных традиций от Скандинавии до Восточной Англии [Хлевов, 2002]. Последовавшая затем эпоха викингов только усилила гомогенизацию культуры скандинавских стран.

Известно, что раннесредневековые скандинавские общества функционировали как военные демократии. Каждый свободный мужчина имел право носить меч и принимать участие в народном собрании – тинге. Королевская власть имела выборный характер – конунги избирались (низлагались) из представителей знати на тинге прямым голосованием всех свободных людей, а их функции были ограничены сбором налогов и военным руководством. Со временем партиципативная демократия ушла в прошлое, но устойчивость демократических институтов народных собраний (датский Фолькетинг (Folketinget), норвежский Стортинг (Stortinget), исландский Альтинг (Alþingi)) оказала влияние на представления о справедливости и законе [Iversen, Frode, 2020] и формирование иных социальных и культурных практик ограничения власти лидера.

В частности, власть скандинавских королей в Средневековье эффективно ограничивалась знатью за счет принятия так называемых «Северных хартий» – письменных обещаний и клятв, принесенных монархом представителям аристократии под присягой. Первой из них была хартия Нюборга, изданная королем Эриком Клиппингом 29 июля 1282 года на заседании аристократического собрания Данехоф (датский двор). В Швеции древнее собрание в пятнадцатом веке обрело сословное представительство, оформленное в парламент – риксдаг, состоявший из четырех палат: дворян, священнослужителей, бюргеров и фермеров. Без одобрения риксдага короли не могли, например, добиться повышения налогов [Sørensen, Stråth, 1997].

Начавшаяся в 1520-е годы в скандинавских странах Реформация изменила расстановку сил. К концу XVI века лютеранская церковь приняла доктрину о короле как о главном священном правителе [Løgstrup, 1984]. Однако тенденция к абсолютизму, спровоцированная данным актом, не разрушила традиционных связей между королем и крестьянством, что стало основой для развития демократических идей, привело к распространению в обществе духа корпоративности [Ka Lin, 2005, p. 728]. Как результат, уже в позднем Средневековье оформился своеобразный скандинавский политический феномен: смесь демократических традиций и глубоко укоренившегося этатизма [Ka Lin, 2005].

Лютеранская церковь выступала как контрагент государства. Местные общины в силу бедности и дефицита ресурсов были достаточно слабы, и организацию сбора налогов, как в пользу короны, так и на местные общественные нужды брал на себя церковный приход [Sørensen, Stråth, 1997, p. 13]. С точки зрения лютеранской этики, ежедневный труд, а не индивидуальный успех, являлся залогом спасения души. Наличие такого морального императива благочестивого поведения как повседневный труд, в том числе на благо ближнего, способствовало секуляризации культуры. Именно из лютеранского секуляризма впоследствии выросла идея «народного дома» – концепция, принятая в 1932 году шведским правительством и предполагавшая сотрудничество вме-

сто классовой борьбы *(Karmodi O. Взлёт и падение шведского социализма, 2005, https://novynovgorod.substack.com/p/swedish-model)* и позднее оформленная в проект welfare state – «государство всеобщего благосостояния».

Своеобразной чертой скандинавских культур было отсутствие крепостной зависимости. После отказа от института рабства как от пережитка эпохи викингов, основную массу населения северных стран составляли свободные фермеры, повлиявшие на закрепление в менталитете скандинавских народов идеалов свободы и равенства. К XVI институт фермерства был представлен тремя разновидностями: 1) фригольдеры, владевшие землей и платившие с нее налог в казну; 2) арендаторы, отрабатывавшие барщины в качестве аренды; 3) «дачники» – безземельные фермеры, владевшие собственными коттеджами и «воспитанники» или, по сути, наемные работники [Runblom, 1991].

Важно отметить, что такая категория как «воспитанники» или наемные работники носила не сословный, а, скорее, возрастной характер. Молодежь обоих полов, как правило с 14 лет и до вступления в брак, нанималась на работу в другие семьи за кров, еду и платье, но в процессе такой социализации приобретали необходимые навыки, нарабатывали важные социальные связи. После вступления в брак воспитанники становились либо фригольдерами (в случае получения наследства), либо арендаторами [Sundin, 1993]. Подобные обычаи способствовали тому, что иерархические отношения «слуга – хозяин» не получили распространения в скандинавских культурах.

Хозяйственная деятельность, как крестьян, так и рыбаков или лесорубов, была саморегулируемой, то есть не регламентировалась извне. Это способствовало формированию ценностей индивидуализма и экономической автономии. Фермерство было низкоэффективным, что не позволяло знати сколько-нибудь значительно обогащаться за счет эксплуатации крестьян [Runblom, 1991].

Согласно опросу, проведенному в Норвегии в конце XVIII века, средняя семья фригольдеров состояла из шести – восьми человек, а семья «дачников» – из четырех человек. Это, в целом, соразмерно численности крестьянских семей в других скандинавских странах и резко контрастирует с большими семьями, характерными для крестьянства, например, в соседней России или в восточной Финляндии [Sogner, 1984].

Одной из возможных причин такого положения дел являлся шведский закон, восходящий к древней традиции первородства, согласно которому, крестьянская ферма, относящаяся к землям короны, не подлежала разделу, и у владельца юридически мог быть лишь один наследник. Остальные, по достижении им возраста наследования, переходили в категорию арендаторов или дачников. Таким образом, совместное проживание всей семьи не несло дополнительных преимуществ и редко практиковалось [Ka Lin, 2005, p. 730].

Относительно слабые семейные связи, в свою очередь, не стимулировали восприятие чистоты родословной как безусловной ценности и добрачные связи стали вариантом культурной нормы. Это нашло отражение в норвежских брачных регистрах XVIII века, согласно которым почти половина невест родили первенца или до вступления в брак или, чаще, в течение первых восьми месяцев после свадьбы. Следствием этой нормы стало отсутствие авторитарных проявлений власти старших по отношению к младшему поколению, отцов к дочерям, выраженных в отношениях доминирования – подчинения.

Не менее важное условия эгалитаризма – гендерное равенство – в случае скандинавских стран также обусловлено культурным опытом народов Северной Европы. Традиционно высокий статус женщины здесь был обеспечен, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, в малолюдной, испытывавшей дефицит рабочих рук скандинавской деревне никогда не существовало запрета на выполнение женщинами работ вне домашнего хозяйства [Ka Lin, 2005, p. 733]. А во-вторых, длительное отсутствие мужчин-викингов в военных походах обеспечивало женщинам статус полноправных участников социальных отношений.

При том, что общество викингов было патриархальным, скандинавские женщины обладали политической субъектностью, нетипичной для европейского раннего средневековья. Судя по сообщениям в сагах и на «рунических» камнях, культурные практики, касающиеся института брака, наследования имущества, судебных разбирательств предполагали статус женщины как самостоятельного актора, способного влиять на результат. Так, «Сага о Греттире» повествует о том, как заступничество знатной женщины по имени Торбьёрг позволило сохранить жизнь плененному врагу [Будур, 2007, с. 50].

Традиционное право собственности предполагало, что так называемый «женский дар», то есть регламентируемый обычаем обязательный подарок жениха невесте в дальнейшем является ее не-

отчуждаемым имуществом, что, впрочем, не отменяло культурных практик противоположного свойства – приданного и выкупа за невесту [Будур, 2007, с. 45]. В вопросах брака окончательное решение оставалось за отцом как главой семьи, однако случаи принуждения к замужеству были редки. Ранние браки были нехарактерны – в большинстве случаев девушки выходили замуж по достижении двадцати лет (юноши – двадцати пяти лет) [Будур, 2007, с. 48]. Если двадцатилетняя девушка дважды получала отказ отца или опекуна на просьбу о разрешении на брак, то в третий раз, согласно обычаю, она имела право выйти замуж вопреки отцовской воле. Вдовы и девушки-сироты принимали решение о браке самостоятельно. После брачной ночи жена становилась обладательницей ключей от всех хозяйственных построек и решала большинство вопросов домашней экономики (включая труд рабов). Угроза вернуть мужу ключи означала перспективу развода, инициаторами которого женщины могли выступать наравне с мужчинами [Будур, 2007, с. 52].

Таким образом, скандинавские женщины в эпоху викингов обладали достаточно высоким статусом, что способствовало позитивной символизации «женского» в культуре скандинавских народов и закреплению гендерного равенства. При переходе к современному индустриальному обществу экономическая автономия женщин не только сохранилась, но и усилилась. И хотя в североевропейских культурах, как и везде, существовали негласные ограничения для женщин на традиционно «мужские» виды деятельности и социальные роли, именно стремление к «государству всеобщего благосостояния» выдвинуло требование гендерного равенства на первое место, а скандинавские страны оказались в числе государств-пионеров в сфере эмансипации женщин. Так, финские женщины в 1906 году первыми в Европе добились избирательных прав при выборах в парламент. В Норвегии женщины получили право голоса в 1913 году, в Швеции – в 1919. В Швеции и Финляндии раньше, чем в других странах мира произошла либерализация законодательства в области планирования семьи [Степанова, 2003, с. 206]. Вместе с тем сохранялось ограничение доступа женщин к престижному образованию и карьере и, следовательно, к равным с мужчинами доходам. Только в 70–80 гг. женщины впервые получают доступ к управлению политическими процессами. В это же время широкую популярность обретает идея позитивной дискриминации, принимаются законы, проводящие политику квот, в частности, во внутрипартийных и парламентских выборах. Наиболее ярким можно признать шведский закон, предписывающий, что ни один пол не может быть представлен в парламенте менее чем на 40 % [Степанова, 2003, с. 212]. За последние 30 с лишним лет в скандинавских странах оформилась институциональная система, ориентированная на преодоление гендерной асимметрии: Министерство равенства и семейной политики и антидискриминационное законодательство [Степанова, 2003, с. 222].

Завершая анализ «скандинавского кейса», обратим внимание на показательную культурную особенность, сформировавшуюся под влиянием идеи равенства. Речь идет о традиции символического устранение дистанции власти, которая реализуется посредством различных культурных практик, например, иронического дискурса в отношении высокопоставленных особ, включая короля. Об одном из первых случаев такого рода упоминает генерал Жан-Батист Бернадотт в 1809 году, сам оказавшийся в подобной ситуации. Когда он принял приглашение шведского риксдага и был избран кронпринцем, Бернадотт обратился к подданным с речью по-шведски и был обижен смехом в парламенте, отреагировавшем так на его французский акцент [Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov, 2010]. Потомок Бернадотта, нынешний король Швеции Карл XVI Густав, напротив, лояльно относится к тому, что может стать объектом публичных насмешек и даже провоцирует подобные действия. Так, появление короля в 2012 году на акции в защиту животных в плюшевых оленьих рогах стало триггером флешмоба в социальных сетях, в процессе которого шведы с помощью программы photoshop «украшали» своего монарха нелепыми головными уборами *(https://izismile.com/tags/silly+hats/)*. Важно отметить, что эта акция не столько носит характер критики или выражает негативное отношение к монарху, сколько воспроизводит практику сокращения «дистанции власти» и демонстрирует одну из устойчивых традиций скандинавских культур – коллективное табу на манифестацию социального неравенства (в данном случае высокого социального статуса) или любых его маркеров – материальных, символических или поведенческих.

Заключение

Резюмируя, можно сказать, что особенности воплощения ценности равенства, позволяющие охарактеризовать культуру скандинавских наро-

дов сегодня как неоэгалитарную, обусловлены спецификой политической истории, схожими культурными традициями и обычаями, социально-экономическими причинами, особенностями законодательства. С одной стороны, этот выбор нельзя назвать спонтанным, поскольку многие тенденции, отразившиеся в ценностной картине мира современных скандинавов, были заложены еще в прошлом. С другой стороны, культурогенез не представляет собой жестко детерминированный процесс и практики повседневности в сочетании со свободной волей участников культурного процесса раз за разом формировали пространство выбора и, в итоге, создали очень специфический скандинавский неоэгалитарный тип культуры. В 30-е гг. XX века возникает и артикулируется в публичном пространстве ценностный дрейф в символическую сферу эгалитаризма. Он воплотился вначале в идее «Народного дома» (Folkhemmet), а затем – «государства всеобщего благосостояния» (walfare state). Эгалитарные ценности, распространившиеся в скандинавских культурах, позволили добиться значительных успехов в области дистрибутивного равенства, гендерной политики, символического выравнивания статусов всех участников культурного процесса.

Библиографический список

1. Балакшин А. С. Типология культуры / А. С. Балакшин, А. А. Владимиров // Актуальные вопросы истории, философии и права, Петрозаводск, 10 февраля 2022 года // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 197–201.

2. Будур Н. Повседневная жизнь викингов IX–XI века. Москва : «Молодая гвардия», 2007. 235 с.

3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

4. Костина А. В., Флиер А. Я. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2009. № 2 (18). С. 23–36.

5. Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в скандинавских странах. Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург : ИСПГ-Алетея, 2003. С. 204–224.

6. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. Санкт-Петербург : «Евразия», 2002. 336 с.

7. Рафиев Т. О. Эгалитарные ценности в культурах хадза и шведов. Сравнительный анализ // Журнал Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2021. Вып. 853. С. 246–264.

8. Флиер А. Я. Еще одна модель типологии культуры // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 51–59.

9. Флиер А. Я. Структурирование культуры по основным сферам жизнедеятельности людей (морфология культуры) // Культура культуры, 2022. № 1.

10. Artemova O. Yu. Equality as a human categorial imperative // Prehisoric Archeology. Jornal of interdisciplinary studies / Учредители : Институт истории материальной культуры РАН, 2020. P. 64–91.

11. Boehm Ch. Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy [and Comments and Reply] / Harold B. Barclay, Robert Knox Dentan, Marie-Claude Dupre, Jonathan D. Hill, Susan Kent, Bruce M. Knauft, Keith F. Otterbein, Steve Rayner // Current Anthropology, 1993. Vol. 34. No. 3. P. 227–254.

12. Iversen F. Law-territories in Scandinavia: reflections of tribal coalitions / In Ehlers, Caspar & Grewe, Holger (eds.) // «Rechtsräume» Historische und archäologische Annäherungen. Vittorio Klostermann Verlag, 2020. P. 301–317.

13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: McGraw Hill Professional, 2010. P. 576.

14. Ka Lin. Cultural Traditions and the Scandinavian Social Policy Model // Social Policy & Administration. Nov. 2005. P. 723–739.

15. Kaliff A. Gothic Connections. Contacts between eastern Scandinavia and the southern Baltic coast 1000 BC – 500 AD // Occational Papers in Archaeology № 26. Uppsala, 2001. P. 70.

16. Løgstrup B. The landowner as public administrator: the Danish model // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9. Ch. 4. P. 284–312.

17. Runblom H. et al. The Baltic Region in History // Uppsala: Uppsala University, 1991.

18. Sørensen Ø., Stråth B. Introduction. In Ø. Sørensen and B. Stråth (eds) // The Cultural Construction of Norden / Scandinavian University Press. Oslo, 1997. P. 1–24.

19. Sogner S. «A prudent wife is from the Lord»: the married peasant woman of the eighteenth century in a demographic perspective // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9, Ch. 2. P. 113–133.

20. Sundin J. Worlds we have lost and worlds we may regain: two centuries of changes in the life course in Sweden, History of the Family. 1993. No. 4, Ch. 1. P. 93–112.

21. Woodburn J. Egalitarian Societies // Man, New Series. Vol. 17, No. 3. 1982. P. 431–451.

Reference list

1. Balakshin A. S. Tipologija kul'tury = Typology of culture / A. S. Balakshin, A. A. Vladimirov // Aktual'nye voprosy istorii, filosofii i prava, Petrozavodsk, 10 fevralja 2022 goda // Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Petrozavodsk : Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaja Nauka», 2022. S. 197–201.

2. Budur N. Povsednevnaja zhizn' vikingov IX–XI veka = Everyday life of the Vikings of the IX-XI centuries. Moskva : «Molodaja gvardija», 2007. 235 s.

3. Volkov V. V., Harhordin O. V. Teorija praktik = Practice Theory. Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 s.

4. Kostina A. V., Flier A. Ja. Tri tipa kul'tury – tri funkcional'nye strategii zhiznedejatel'nosti = Three types of culture – three functional life strategies // Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv, 2009. № 2 (18). S. 23–36.

5. Stepanova N. M. Politika gendernogo ravenstva v skandinavskih stranah. Gendernaja rekonstrukcija politicheskih sistem = Gender equality policy in Scandinavian countries. Gender reconstruction of political systems. Sankt-Peterburg : ISPG- Aleteja, 2003. S. 204–224.

6. Hlevov A. A. Predvestniki vikingov. Severnaja Evropa v I–VIII vekah = Forerunners of the Vikings. Northern Europe in the I-VIII centuries. Sankt-Peterburg : «Evrazija», 2002. 336 s.

7. Rafiev T. O. Jegalitarnye cennosti v kul'turah hadza i shvedov. Sravnitel'nyj analiz = Egalitarian values in Hadza and Swedish cultures. A comparative analysis // Zhurnal Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, 2021. Vyp. 853. S. 246–264.

8. Flier A. Ja. Eshhe odna model' tipologii kul'tury = Another model of cultural typology // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2017. № 1 (49). S. 51–59.

9. Flier A. Ja. Strukturirovanie kul'tury po osnovnym sferam zhiznedejatel'nosti ljudej (morfologija kul'tury) = Structuring culture by the main spheres of human activity (morphology of culture) // Kul'tura kul'tury, 2022. № 1.

10. Artemova O. Yu. Equality as a human categorial imperative // Prehisoric Archeology. Jornal of interdisciplinary studies / Uchrediteli : Institut istorii material'noj kul'tury RAN, 2020. R. 64–91.

11. Boehm Ch. Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy [and Comments and Reply] / Harold B. Barclay, Robert Knox Dentan, Marie-Claude Dupre, Jonathan D. Hill, Susan Kent, Bruce M. Knauft, Keith F. Otterbein, Steve Rayner // Current Anthropology, 1993. Vol. 34. No. 3. P. 227–254.

12. Iversen F. Law-territories in Scandinavia: reflections of tribal coalitions / In Ehlers, Caspar & Grewe, Holger (eds.) // «Rechtsräume» Historische und archäologische Annäherungen. Vittorio Klostermann Verlag, 2020. P. 301–317.

13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: McGraw Hill Professional, 2010. P. 576.

14. Ka Lin. Cultural Traditions and the Scandinavian Social Policy Model // Social Policy & Administration. Nov. 2005. P. 723–739.

15. Kaliff A. Gothic Connections. Contacts between eastern Scandinavia and the southern Baltic coast 1000 BC – 500 AD // Occational Papers in Archaeology № 26. Uppsala, 2001. P. 70.

16. Løgstrup B. The landowner as public administrator: the Danish model // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9. Ch. 4. P. 284–312.

17. Runblom H. et al. The Baltic Region in History // Uppsala: Uppsala University, 1991.

18. Sørensen Ø., Stråth B. Introduction. In Ø. Sørensen and B. Stråth (eds) // The Cultural Construction of Norden / Scandinavian University Press. Oslo, 1997. P. 1–24.

19. Sogner S. «A prudent wife is from the Lord»: the married peasant woman of the eighteenth century in a demographic perspective // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9, Ch. 2. P. 113–133.

20. Sundin J. Worlds we have lost and worlds we may regain: two centuries of changes in the life course in Sweden, History of the Family. 1993. No. 4, Ch. 1. P. 93–112.

21. Woodburn J. Egalitarian Societies // Man, New Series. Vol. 17, No. 3. 1982. P. 431–451.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 15.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 7.01:316
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_218
EDN: XJOIUL

Реконструкция гражданской идентичности в современном театре: документальный спектакль «Голоса цеха»

Татьяна Иосифовна Ерохина
Доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе, Ярославский государственный театральный институт. 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 43
tatyaner@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Аннотация. В статье представлен анализ реконструкции и формирования гражданской идентичности посредством современного театра. Автор обозначает специфику феномена «гражданская идентичность», отмечая его дискуссионный и интегративный характер. Выделены традиционные компоненты структуры гражданской идентичности, к которым относятся когнитивный, ценностный, эмоциональный и деятельностный компоненты, отмечена значимость формирования гражданской идентичности в современном российском обществе. Обозначая генетическую связь театра с проблемами формирования гражданской идентичности, автор статьи обращается к современным театральным проектам, которые демонстрируют успешный опыт участия театра в формировании гражданской идентичности. Материалом исследования стал театральный проект «Голоса цеха», реализованный в культурном пространства Textil г. Ярославль в 2022 г. Выделена документальная составляющая спектакля, которая представлена на уровне текста, особого театрального пространства, специфической формы коммуникации зрителя с театральным пространством и актерами. Отмечено, что выбор жанра документального спектакля в контексте реконструкции гражданской идентичности является онтологически значимым. Проанализированы особенности реконструкции гражданской идентичности в спектакле «Голоса цеха» на уровне реконструкции периода отечественной истории через частную жизнь людей. Отмечена специфика хронотопа спектакля, а также уникальность творческого коллектива, реализовавшего проект. Внимание акцентировано на преемственности поколений, а также на выстраивании связи между историей страны, региона, малой родины, частной жизнью людей. Автор отмечает, что спектакль «Голоса цеха», реконструируя гражданскую идентичность советской эпохи, способствует формированию гражданской идентичности современного зрителя.

Ключевые слова: гражданская идентичность; реконструкция; современный театр; документальный спектакль; «Голоса цеха»; преемственность поколений

Для цитирования: Ерохина Т. И. Реконструкция гражданской идентичности в современном театре: документальный спектакль «Голоса цеха» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 218–225. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_218. https://elibrary.ru/XJOIUL

Original article

Civic identity reconstruction in modern theater: the documentary play «The Workers' Voices»

Tatiyana I. Erokhina
Doctor of culturology, professor, vice-rector for academic work, Yaroslavl state theater institute. 150000, Yaroslavl, Pervomaiskaya st., 43
tatyaner@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Abstract. The article presents an analysis of the reconstruction and the formation of civic identity through modern theater and defines the specific phenomenon of «civic identity», noting its controversial and integrative nature. The author identifies the traditional components of the civic identity structure, which include cognitive, value, emotional and activity components, emphasizes the importance of civic identity formation in modern russian society. Outlining the genetic connection between the theater and the problems of civic identity formation, the author of the article turns to contemporary theatrical projects that demonstrate some successful experiences of theater participation in shaping civic identity. The material for the study was the theatrical project «The Workers' Voices», realized in the cultural space Textil in Yaroslavl in 2022. The documentary component of the performance is presented at the level of the text, a special the-

© Ерохина Т. И., 2023

atrical space, a specific form of communication between the viewer and the theatrical space and actors. It is noted that the choice of the documentary genre in the context of civic identity reconstruction is ontologically significant. The author analyzes the specifics of the civic identity reconstruction in the play «The Workers' Voices» at the level of reenactment of the national history through the people's private lives. The article points out the specificity of the play's chronotope, as well as the uniqueness of the creative team that realized the project. The focus is on inter-generational continuity, as well as linking the history of the country, the region, the small motherland, and people's private lives. The author states that the play «The Workers' Voices», reconstructing the civic identity of the soviet era, contributes to shaping the civic identity of the modern audience.

Key words: civic identity; reconstruction; modern theater; documentary performance; «The Workers' Voices»; intergenerational continuity

For citation Erohina T. I. Civic identity reconstruction in modern theater: the documentary play «The Workers' Voices». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):218–225. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_218. https://elibrary.ru/XJOIUL

Введение

Функционирование театра изначально связано с вопросами гражданской идентичности. Театр в античности играл консолидирующую роль, способствовал формированию и сплочению полисной культуры, воплощал идеалы гражданственности [Каллистов, 1970]. История мирового театра свидетельствует о том, что социальные функции театр реализовывал на каждом этапе своего развития, и эти социальные функции были разнообразны: формирование общественного сознания и воспитательная функция, репрезентация гражданской идентичности и регулятивная функция, передача социального опыта и социализация, коммуникативная функция и репрезентация (а зачастую и формирование) социальных ценностей. Вместе с тем исследователи справедливо отмечают, что социальные функции театра и искусства в целом в контексте современной культуры не часто становятся предметом специального рассмотрения [Канукова, Туаева, Плиева, 2017]. Подобная ситуация, с одной стороны, обусловлена вниманием исследователей к этнокультурной и национальной идентичности, репрезентированной в современном театре (например, исследования Л. А. Шаевой, Т. И. Ерохиной и др.) [Шаева, 2012; Ерохина, 2022] (обратим внимание на то, что в 2022 году в России была создана Ассоциация национальных театров). С другой стороны, недостаточное внимание к социальным функциям театра в современной культуре обусловлено, по мнению исследователей, «советским наследием», для которого было характерно увлечение социологическими трактовками текстов художественной культуры [Новоженова, 2014]. Но именно театр на сегодняшний день обладает практически безграничным потенциалом формирования гражданской идентичности в силу синтетического характера этого вида искусства и сложившихся в современной культуре тенденций к театрализации и выходу театра за пределы театральной сцены.

Актуальность и научная значимость постановки проблемы исследования обусловлена несколькими факторами: осмыслением феномена гражданской идентичности, необходимой для бытования консолидированного и стабильного общества; анализом форм репрезентации гражданской идентичности, представленных на современной театральной сцене; актуальностью эмпирического материала, отличающегося новаторским характером и жанровой спецификой.

Целью исследования стало выявление особенностей реконструкции гражданской идентичности посредством театральных проектов, представленных в современном художественном пространстве. Эмпирическим материалом исследования стал документальный спектакль (театральный проект) «Голоса цеха» (г. Ярославль) (реж. С. Карпов, 2022).

Методология исследования

Методология исследования базируется на социокультурном подходе к феноменам современной культуры и включает в себя социокультурный и искусствоведческий методы, аксиологический и герменевтический методы. Теоретико-методологической основой стали исследования, посвященные осмыслению феноменов гражданская, социальная, государственная идентичность, которые представлены в современном гуманитарном знании: В. С. Агеев, А. Г. Асмолов, Н. Л. Балич, П. Бергер, П. Бурдье, Э. Гидденс, И. Гоффман, Б. А. Вяткин, И. В. Кожанов, И. С. Кон, Ч. Кули, И. В. Малыгина, Дж. Мид, О. Полухин, С. Хантингтон, В. Ю. Хотинец, В. А. Ядов и др.

Содержание и структура «гражданской идентичности»

Гражданская идентичность – сложный и многогранный феномен, не имеющий в современной науке однозначного истолкования. Содержание данной дефиниции и специфика её осмысления представлены, прежде всего, в философии и психологии, социологии и политологии, педагогике и культурологии. В задачи данного исследования не входит разработка универсального определения понятия «гражданская идентичность», тем не менее, необходимо обозначить те аспекты гражданской идентичности, которые будут рассмотрены в статье в контексте заданной тематики – реконструкции гражданской идентичности на сцене современного театра. Опираясь на исследования И. В. Малыгиной, отметим, что понимание идентичности в гуманитарном знании связано с выделением двух уровней данного феномена: первый связан с проблемой «целостности и самотождественности личности на индивидуально-психологическом уровне», второй – осмысление «человеком себя в контексте социальных процессов и взаимоотношений» [Малыгина, 2018, с. 23]. Второй (социальный) уровень понимания идентичности имеет онтологически значимый характер для существования общества и культуры, поскольку он является основой «возникновения устойчивых социальных интересов, что является механизмами формирования гражданского общества» [Балич, 2012].

Гражданская идентичность является компонентом идентичности социальной, которая понимается как «осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом…» [Ядов, 1995, с. 159]. Гражданская идентичность в наиболее традиционном понимании включает в себя «осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, основанное на признаке (качестве) гражданской общности, характеризующей её как коллективного субъекта» [Водолажская, 2010]. Кроме того, гражданская идентичность включает в себя три основных компонента: когнитивный, определяющий знание о принадлежности индивидуума к определенной социальной общности; ценностный, обусловленный позитивным или негативным отношением к факту указанной выше принадлежности; эмоциональный, представленный в принятии или непринятии гражданской общности в качестве группы, к которой личность себя идентифицирует [Водолажская, 2010].

Указанные компоненты, дополненные практическим, которому уделяет особое внимание педагогическая наука [Рожков, Байбородова., Сапожникова, 2011], составляют модель структуры гражданской идентичности и характеризуют её специфику: гражданская идентичность включает в себя не только и не столько осознание гражданской принадлежности, сколько отношение к данному факту (его принятие или отрицание, признание ценностью или вытеснение из системы ценностей). Все компоненты гражданской идентичности находятся во взаимосвязи и предполагают наличие определенных представлений. Так, когнитивный компонент формирует образ гражданина посредством знаний об особенностях гражданской принадлежности, которая, как правило, изначально задается извне и включает в себя «образ государства, занимающего ту или иную территорию, определяющего характер социальных отношений, систему ценностей, а также народ (или народы), населяющий эту территорию, со своей культурой, языком и традициями» [Сулима, 2017].

Самосознание гражданской идентичности предполагает дифференциацию «свой / чужой», которая позволяет различить свою гражданскую общность от чужой. Дифференцирующие признаки гражданской идентичности были обоснованы в исследованиях Б. А. Вяткина и В. Ю. Хотинец, которые выделяли «происхождение и историческое прошлое членов гражданской группы, государственную территорию, занимаемую данной группой, осознание индивидом особенностей гражданской культуры во многих ее измерениях, а также осознание психологических особенностей граждан, проживающих на территории данной страны: государственный язык, особенности традиций, экономические, научные и достижения культуры, психологические особенности (моральные убеждения, ценностные ориентации, взгляды, идеалы, способности, гражданские настроения, чувства, интересы, межгосударственные установки, стереотипы и т. д.), особенности внешности, поведения и др.» [Вяткин, Хотинец, 1996, с. 71]. Также самосознание гражданской идентичности предполагает и консолидирующие признаки, позволяющие определить общность членов группы: осознание

тождественности и однородности, гражданской социализации и др.

Функции гражданской идентичности многообразны и значимы, поскольку они играют важную роль не только в процессе становления личности, но и в процессе становления и функционирования общества: гражданская идентичность регулирует поведение, является механизмом культурной преемственности, консолидации граждан, обеспечивает защитную функцию [Безгина]. Не случайно задачи формирования гражданской идентичности являются ведущими как в отечественной [Рожков, Байбородова., Сапожникова, 2011], так и в зарубежной образовательной практиках [Bennett C. I., 1990; Ford D. Y., 2014].

Формирование гражданской идентичности, таким образом, является важнейшей задачей государства и реализуется на уровне культурной политики и законодательства: проблема формирования гражданской идентичности представлена в стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [О стратегии государственной…, 2012].

Документальная основа спектакля «Голоса цеха»

Гражданская общность имеет символическое пространство, которое складывается из ряда символических элементов: «из официальной государственной символики, фигур исторических (национальных) героев, наиболее значимых исторических и современных знаменательных для страны событий, фиксирующих этапы развития общности, а также бытовых или природных символов, отражающих особенности жизнедеятельности общности» [Водолажская, 2010].

Особую роль в формировании гражданской идентичности играет театр, поскольку именно театр обладает средствами конструирования гражданской идентичности (обращение к отечественной и советской классике, русский язык, история русской государственности), а также – символическим пространством, репрезентирующим, в том числе, символы гражданской идентичности. В своем исследовании мы обратились к театральному проекту 2022 года, который изначально связан, по нашему мнению, с вопросами репрезентации гражданской идентичности. Спектакль «Голоса цеха» имеет несколько особенностей.

Первая – он был поставлен по пьесе Н. Ключаревой, которая написала текст на документальной основе: В основе спектакля – истории рабочих фабрики «Красный Перекоп», которые были записаны Ю. Кривцовой и Л. Непочатовой, а также истории работниц Рыбинска, записанные Д. Ротенберг. Этот спектакль возник как театральный проект: он был создан с использованием гранта Президента Российской Федерации (Президентский фонд культурных инициатив).

Спектакль обозначен на сайте театрального проекта и в афишах как документальный спектакль. Смысловое наполнение дефиниции «документальный спектакль» в современном театроведении остается дискуссионным вопросом. Как правило, под жанром документального спектакля поднимается техника создания спектакля, близкая к вербатим, а также документальная основа постановки [Ерохина, 2021]. Также исследователи отмечают, что документальный спектакль направлен на создание особой формы коммуникации со зрителем: «перенос „реципиента” или зрителя внутрь спектакля, возникновение новых форм представления: акция, читка, проект, текст действия без последующей сценической интерпретации, свидетельский театр» [Школина]. В отечественном театральном пространстве документальный спектакль представлен достаточно разнообразно и широко: в репертуаре многих столичных и провинциальных театров присутствуют спектакли, позиционирующие себя как документальные. Российский государственный академический театр драмы имени Федора Волкова имеет опыт обращения к спектаклям, которые, так или иначе связаны с документальными текстами: иммерсивный спектакль-променад «Письма первой мировой», созданный на основе подлинных писем ярославцев, сохранившихся в Ярославском музее-заповеднике; спектакль «Циолковский» основан на реальных событиях (как указывает жанр на афише спектакля).

Документальный спектакль «Голоса цеха», созданный режиссером С. Карповым, который являлся режиссером иммерсивного спектакля «Письма первой мировой», – новый опыт освоения жанра документального спектакля в ярославском театральном пространстве. Необходимо отметить, что обращение к документальной основе имеет в контексте театрального проекта «Голоса цеха» особое значение.

Прежде всего, действие спектакля разворачивается в пространстве фабрики, а точнее – в пространстве реального (почти реального) цеха. На территории культурного пространства Textil (Ю. Кривцова и С. Кремнев), которое располо-

жено в помещениях действующей текстильной фабрики в Ярославле, было выделено помещение, которое стало театральной сценой. Таким образом, документом стало само пространство спектакля, перенесенное в стены фабрики, и сценография спектакля также была аскетичной (вертушка с заводской проходной, металлические конструкции) и отчасти документальной (предметы быта заводчан, повседневная одежда, развешенная на стульях). Отметим, что спектакль «Голоса цеха» был представлен на двух площадках (культурное пространство Textil и сцена театра имени Федора Волкова), но аутентичный вариант проекта предполагает фабричное помещение.

На документальность претендует текст пьесы, который был создан на основе интервью с работниками фабрики – ветеранами труда, представителями трудовых династий, людьми разных профессий и возрастов. Весь спектакль представляет собой монологи, которые произносят актеры от лица своих героев – метафора «голоса цеха» оживает конкретными персонажами, песнями, многоголосием, шутками, воспоминаниями: «Документальную основу его составляют реальные воспоминания тружеников, представителей рабочих династий из Рыбинска и Ярославля. В 1940–1960-е годы это были совсем юные девчонки и мальчишки, которые шли к станку, на производство – поднимать промышленность, поднимать страну» [Гржибовская, 2022]. Отметим, что, по словам Ю. Кривцовой, еще до замысла спектакля и написания пьесы была издана книга «Фабричный круг. Память места», в основе которой были истории фабричных старожилов. Книга включила истории 53 героев: «от директора фабрики и простого рабочего до потомков дореволюционных владельцев и хранителей фабричной истории» [«Найти нерв»…, 2022].

Документальность спектакля связана с выстраиванием коммуникации со зрителем, особенность которой заключается не только в том, что на спектакле присутствуют интервьюированные или их потомки, соседи, друзья. Особенностью спектакля становится погружение зрителя в культурное пространство, предваряющее спектакль: зритель попадает в своего рода музейную экспозицию, может увидеть предметы, связанные с фабрикой или советской эпохой, фотографии фабричных помещений и работников, отдельного внимания заслуживают программки спектакля, выполненные также в документальной стилистике.

«Голоса цеха» не в полной мере соответствуют жанру документального спектакля, точнее – соответствуют не всем требованиям, предъявляемым к жанру документального спектакля [Ерохина, 2022], но документальность является основой драматургического и режиссерского замысла, неотъемлемой частью художественного образа, создаваемого спектаклем, формирует зрительскую установку на подлинность, достоверность, доверие к увиденному и услышанному.

Реконструкция гражданской идентичности в спектакле «Голоса цеха»

Документальная основа спектакля отсылает нас к проблеме *реконструкции гражданской идентичности*, поскольку спектакль повествует о советской эпохе, для которой была свойственна иная гражданская идентичность (идентичность советского человека), утраченная в современной культуре. Понятие реконструкции в данном контексте понимается не как буквальное воссоздание культуры определенного исторического периода, а как воссоздание и воспроизведение феноменов бытия прошлого. Реконструкция гражданской идентичности в театральном проекте «Голоса цеха» может быть представлена в следующих аспектах.

Прежде всего, это реконструкция периода отечественной истории. Сценическое действие имеет определенную логику развития: начало спектакля повествует нам о том, как действующие лица впервые попадают на фабрику (по какой причине, куда, как начинают работать), следующий этап истории связан с периодом молодости героев, влюбленностью, женитьбой; отдельным этапов выделен период Великой Отечественной войны. В спектакле создается особый хронотоп, который связан не только с описанным выше пространством цеха. Основная часть действия приходится на советский период, но часть истории связана с досоветской историей (о чем повествуют персонажи спектакля), часть – с современной историей, которая не представлена на сцене, но присутствует через голоса современных людей, вспоминающих свою молодость и годы, отданные фабрике. Реконструкция истории является неотъемлемой частью формирования гражданской идентичности, поскольку знание истории родной страны, её прошлого мы можем рассматривать как когнитивный компонент гражданской идентичности. А принимая во внимание установку авторов спектакля на то, что даже трагические истории должны быть расска-

заны «без надрыва» («Молодые звонкие „голоса цеха" рассказывают зрителям о голоде, лишениях, болезнях, арестах родителей по лживым доносам, изнурительном многочасовом труде. Но без трагизма и надрыва. А где-то и очень даже весело, под баян и с песней» [Гржибовская, 2022]), формируется эмоциональный и ценностный компоненты гражданской идентичности.

Кроме того, реконструкция гражданской идентичности связана, как было указано выше, с освоением пространства. И дело не только в том, что данный спектакль создан на грани документального жанра и site specific театра, а в том, что заброшенные помещения фабрики, на территории которой располагается Textil, приобретают новую жизнь и актуализируют интерес к действующей фабрике, региональной истории, истории «малой родины», без которой также не возможно формирование гражданской идентичности. Отмечу, что одна из задач культурного пространства Textil – актуализация индустриального наследия Ярославля, что находит отражение не только в в спектакле «Голоса цеха», но в других проектах авторов: аудиоспектакль «Радио Фабрика», экскурсия-беседа «Мануфактура возможностей», семейная экскурсия и мастер-класс «Ткани на деревьях не растут», аудио прогулка «Perekop».

Следующий аспект связан с творческим коллективом театрального проекта. Реконструкция гражданской идентичности происходила на этапе подготовки проекта и, конечно, на этапе его реализации. Уникальность творческого коллектива заключается в том, что режиссером спектакля стал актер Российского государственного академического театра драмы имени Фёдора Волкова, который является одновременно преподавателем Ярославского государственного театрального института имени Фирса Шишигина. Актерский состав спектакля «Голоса цеха» состоял в основном из студентов выпускного курса театрального института. И хотя Ю. Кривцова отмечает, что изначально предполагался спектакль с актерами театра имени Волкова, выбор в качестве исполнителей молодых людей стал удачной находкой режиссера. Студенты-выпускники, для многих из которых история работников фабрики не имела привязанности к «малой родине» (поскольку основная часть актеров не имела ярославских корней), знакомились с текстом книги, общались с прототипам своих персонажей: «их разделяют поколения, и в то же время случился контакт и понимание» [«Найти нерв»…, 2022]. Вероятно, особую трогательность, лиризм, искренность этот спектакль приобрел благодаря живому диалогу (буквальному и символическому), который сложился в процессе репетиций и показов спектакля. Этот аспект включает в себя необходимый действенный компонент, который непосредственно связан с небольшим актерским коллективом, но расширяется и приобретает масштабность реализации за счет эмоционального контакта актеров со зрителями (границы между которыми в пространстве спектакля в виде сцены отсутствует).

Заключение

По мнению исследователей «интегральным показателем гражданской идентичности является образ Родины, в котором концентрируется и обобщается все, что связано с жизнью гражданской общности» [Водолажская, 2010]. Этот образ включает в себя и объективные, и субъективные характеристики, акцентирует внимание на наиболее значимых компонентах и символах. Образ Родины становится индикатором гражданской идентичности, «что делает его индикатором гражданской идентичности, так как позволяет фиксировать смыслы, вокруг которых происходит объединение общности, а также степень их значимости в общем символическом и семантическом пространстве» [Водолажская, 2010]. Документальный спектакль «Голоса цеха» (помимо художественных достоинств) представляет собой опыт успешной реконструкции гражданской идентичности в отечественной культуре XX века, способствующей формированию гражданской идентичности в современной культуре. Анализ театрального проекта от его замысла к воплощению демонстрирует нам наличие всех онтологически значимых компонентов гражданской идентичности, к которым относится когнитивный компонент как сохранение культурной памяти и получение знаний об истории родной страны, «малой родины», региональной культуры; ценностный компонент как отражение и формирование ценностной картины мира советского и современного человека; эмоциональный компонент как чувство гордости за граждан своей страны, сопереживание и сопричастность к истории своего государства; а также действенный компонент, позволяющий на новом уровне выстроить коммуникацию со спектаклем. Культурно-образовательный и культурно-просветительский потенциал театрального проекта «Голоса цеха» позволяет сделать вывод о

перспективности подобных проектов как средства реконструкции и формирования гражданской идентичности.

Библиографический список

1. Балич Н. Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // 2013. № 4. С. 214–220.

2. Безгина Н. В. Гражданская идентичность как компонент в социальном становлении человека // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 2. С. 177–186.

3. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образоватедльная политика. 2010. № 5–6 (43–44). С. 140–142.

4. Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 69–75.

5. Гржибовская О. «Голоса цеха 76»: премьера со слезами на глазах. 22 июня 2022. URL: https://gazeta-rybinsk.ru/2022/06/22/103024 (дата обращения: 02.02.2023)

6. Ерохина Т. И. Жанр документального спектакля в современном театре: «Я не вернусь» А. Заббарова // Спектакль XXI века: жанр как проблема. Сборник научных статей Межвузовского научно-практического семинара: Ярославский государственный театральный институт. Выпуск 2. 2022. С. 56–66.

7. Каллистов Д. П. Античный театр. Санкт-Петербург : Искусство, 1970. 176 с.

8. Канукова З. В., Туаева Б. В., Плиева З. Т. Художественная культура в процессах формирования гражданской идентичности // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 77–87.

9. Кожанов И. В., Петрова Т. Н. Научно-теоретические подходы и принципы формирования гражданской идентичности личности // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2013. No 1 (77). Ч. 1. С. 83–89.

10. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учебное пособие. Москва : ООО Издательство «Согласие», 2018. 240 с.

11. «Найти нерв»: Юлия Кривцова о книге и спектакле о людях «Красного Перекопа» // ИА REGNUM. 30 сентября 2022 URL: https://dzen.ru/a/YzcSlWeHKV8BX3pk (дата обращения: 02.02.2023)

12. Новоженова А. От социологического детерминизма к классовому идеалу. Советская социология искусства 1920-х годов // Социология власти. 2014. № 4. С. 117–136.

13. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 02.02.2023)

14. Разина Т. В. Национальная идентичность VS российская гражданская идентичность // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2022. No 2(22). С. 7–12.

15. Рожков М. И., Байбородова Л. В., Сапожникова Т. Н. Разработка концептуальных основ воспитания гражданской идентичности ярославских школьников с учетом региональных особенностей. Ярославль : Эдельвейс, 2011. 268 с.

16. Сулима Е. Н. Гражданская идентичность как ресурс государства // Ценности и смыслы. 2017. № 3 (49). С. 8–17

17. Туаева Б. В. Театр в социокультурной сфере северокавказских городов в пореформенный период // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы 2-й региональной конференции. Владикавказ, 2009. С. 182–187.

18. Шаева Л. А. Национальный театр и этнокультурная идентичность (молдавский театр 1930–1970 гг.) : монография. Москва : [б. и.], Ч. 1, 2012. 109 с.

19. Школина О. Документальный театр в России: от истоков до современности. URL: http://teatrologia.ru/praktika/11 (дата обращения: 02.02.2023)

20. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

21. Bennett C. I. Comprehensive multicultural education: Theory and practice. Boston : Allyn & Bacon, 1990.

22. Ford D. Y. Why Education Must Be Multicultural? // Gifted Child Today. 2014. Vol. 37. Issue 1. P. 59–62.

Reference list

1. Balich N. L. Social'naja identichnost': teoretiko-metodologicheskie osnovanija sociologicheskogo analiza = Social identity: theoretical and methodological foundations for sociological analysis // 2013. № 4. S. 214–220.

2. Bezgina N. V. Grazhdanskaja identichnost' kak komponent v social'nom stanovlenii cheloveka = Civic identity as a component in human social formation // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 177–186.

3. Vodolazhskaja T. Identichnost' grazhdanskaja = Civic identity // Obrazovatedl'naja politika. 2010. № 5–6 (43–44). S. 140–142.

4. Vjatkin B. A., Hotinec V. Ju. Jetnicheskoe samosoznanie kak faktor razvitija individual'nosti = Ethnic identity as a factor in personality development // Psihologicheskij zhurnal. 1996. T. 17. № 5. S. 69–75.

5. Grzhibovskaja O. «Golosa ceha 76»: prem'era so slezami na glazah. 22 ijunja 2022 = «The Workers' Voices 76»: premiere with tears in the eyes. June 22, 2022. URL: https://gazeta-rybinsk.ru/2022/06/22/103024 (data obrashhenija: 02.02.2023)

6. Erohina T. I. Zhanr dokumental'nogo spektaklja v sovremennom teatre: «Ja ne vernus'» A. Zabbarova = The

documentary genre in contemporary theater: «I Will Not Return» by A. Zabbarov // Spektakl' XXI veka: zhanr kak problema. Sbornik nauchnyh statej Mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara: Jaroslavskij gosudarstvennyj teatral'nyj institut. Vypusk 2. 2022. S. 56–66.

7. Kallistov D. P. Antichnyj teatr = Ancient theater. Sankt-Peterburg : Iskusstvo, 1970. 176 s.

8. Kanukova Z. V., Tuaeva B. V., Plieva Z. T. Hudozhestvennaja kul'tura v processah formirovanija grazhdanskoj identichnosti = Artistic culture in shaping civic identity // Izvestija SOIGSI. 2017. № 25 (64). S. 77–87.

9. Kozhanov I. V., Petrova T. N. Nauchno-teoreticheskie podhody i principy formirovanija grazhdanskoj identichnosti lichnosti = Scientific-theoretical approaches and principles of forming a person's civic identity // Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. 2013. No 1 (77). Ch. 1. S. 83–89.

10. Malygina I. V. Identichnost' v filosofskoj, social'noj i kul'turnoj antropologii = Identity in philosophical, social, and cultural anthropology : uchebnoe posobie. Moskva : OOO Izdatel'stvo «Soglasie», 2018. 240 s.

11. «Najti nerv»: Julija Krivcova o knige i spektakle o ljudjah «Krasnogo Perekopa» = «Finding the nerve»: Yulia Krivtsova on the book and the play about the «Red Perekop» people // IA REGNUM. 30 sentjabrja 2022 URL: https://dzen.ru/a/YzcSlWeHKV8BX3pk (data obrashhenija: 02.02.2023)

12. Novozhenova A. Ot sociologicheskogo determinizma k klassovomu idealu. Sovetskaja sociologija iskusstva 1920-h godov = From sociological determinism to the class ideal. Soviet sociology of the arts in the 1920s // Sociologija vlasti. 2014. № 4. S. 117–136.

13. O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda = On the Strategy of state national policy of the Russian Federation for the period until 2025 : ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. № 1666 // Prezident Rossii. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/36512 (data obrashhenija: 02.02.2023)

14. Razina T. V. Nacional'naja identichnost' VS rossijskaja grazhdanskaja identichnost' = National identity vs Russian civic identity // Vestnik Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Biologija. Geologija. Himija. Jekologija. 2022. No 2(22). S. 7–12.

15. Rozhkov M. I., Bajborodova L. V., Sapozhnikova T. N. Razrabotka konceptual'nyh osnov vospitanija grazhdanskoj identichnosti jaroslavskih shkol'nikov s uchetom regional'nyh osobennostej = Developing conceptual foundations for civic identity education of Yaroslavl schoolchildren, with regard to regional characteristics. Jaroslavl' : Jedel'vejs, 2011. 268 s.

16. Sulima E. N. Grazhdanskaja identichnost' kak resurs gosudarstva = Civic identity as a resource of the state // Cennosti i smysly. 2017. № 3 (49). S. 8–17

17. Tuaeva B. V. Teatr v sociokul'turnoj sfere severokavkazskih gorodov v poreformennyj period = Theater in the social-cultural spheres of North Caucasian cities in the post-reform period // Aktual'nye problemy gumanitarnyh nauk. Materialy 2-j regional'noj konferencii. Vladikavkaz, 2009. S. 182–187.

18. Shaeva L. A. Nacional'nyj teatr i jetnokul'turnaja identichnost' (moldavskij teatr 1930–1970 gg.) = National theater and ethnic cultural identity (Moldovan theater 1930-1970) : monografija. Moskva : [b. i.], Ch. 1, 2012. 109 s.

19. Shkolina O. Dokumental'nyj teatr v Rossii: ot istokov do sovremennosti = Documentary theater in Russia: from the origin to the present day. URL: http://teatrologia.ru/praktika/11 (data obrashhenija: 02.02.2023)

20. Jadov V. A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti lichnosti = Social and social-psychological mechanisms of shaping personal social identity // Mir Rossii. 1995. № 3–4. S. 158–181.

21. Bennett C. I. Comprehensive multicultural education: Theory and practice. Boston : Allyn & Bacon, 1990.

22. Ford D. Y. Why Education Must Be Multicultural? // Gifted Child Today. 2014. Vol. 37. Issue 1. P. 59–62.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 20.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 81.272
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_226
EDN: XQZBSO

Социокультурные тренды языковой политики в Республике Казахстан

Дмитрий Алексеевич Черничкин
Научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20А
chernichkin95@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9647-7916

Аннотация. Предметом многих отечественных и зарубежных исследований все чаще становится выявление особенностей взаимозависимости языковых моделей и этнокультурной картины мира, роли языка в формировании национальных образов мира, в определении основ этнокультурной идентичности. Наряду с этим все большее внимание к себе привлекает исследование места и роли языка в обеспечении политической стабильности внутригосударственных отношений. Язык это не только средство общения, это культурный код, содержащий основные духовные и нравственные ценности, а также культурные ориентиры для национального развития. Целью данной работы является выявление ключевых социокультурных трендов в языковой политике Республики Казахстан на современном этапе на основе результатов проведенного в январе 2023 г. социологического исследования, основной целевой группой которого выступили эксперты из различных сфер: науки, образования, культуры, общественной деятельности, государственной власти и др. В процессе исследования было выявлено отношение экспертов к современной языковой ситуации в Республике Казахстан, проанализированы основные проблемы, связанные с проводимой политикой трилингвизма, а также определено положение русского языка в стране. Республика Казахстан традиционно является поликультурной страной, а культура употребления русского языка более устойчива по сравнению с другими языками, поскольку он функционировал и в советские времена в качестве основного языка межэтнического общения в Казахстане. Однако, в последнее время вектор развития языковой культуры в Республике Казахстан за более чем 30 лет независимости начинает смещаться по значимости от «казахский, русский, английский и др.» в сторону «казахский, английский, русский и др.».

Ключевые слова: язык; языковая культура; Республика Казахстан; русский; казахский; английский; социокультурные тренды; культурный код

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности»

Для цитирования: Черничкин Д. А. Социокультурные тренды языковой политики в Республике Казахстан // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 226–235. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_226. https://elibrary.ru/XQZBSO

Original article

Sociocultural trends in language policy of the Republic of Kazakhstan

Dmitriy A. Chernichkin
Researcher at the center for complex security problems of the caspian macro-region, for anti-terrorism and extremism, V. N. Tatishchev Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatishchev st., 20A
chernichkin95@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9647-7916

Abstract. Interdependence of linguistic models and ethnic-cultural picture of the world, the role of language in shaping national ideas of the world and in determining the bases of ethnic-cultural identity are becoming the subjects of numerous researches both at home and abroad. At the same time, the place and role of language in ensuring political stability in national relations is attracting increasing attention. Language is not only a means of communication, it is a cultural code containing basic spiritual and moral values, as well as cultural guidelines for national development. The purpose of this work is to identify key sociocultural trends in the language policy of the Republic of Kazakhstan at the present stage based on the results of a sociological study conducted in January 2023, with the main target group being ex-

© Черничкин Д. А., 2023

perts from various fields: science, education, culture, social activities, government, etc. In the course of the study, the author revealed the attitude of experts to the current linguistic situation in the Republic of Kazakhstan, analyzed the main problems associated with the policy of trilingualism, anddefined the position of the Russian language in the country. The Republic of Kazakhstan is traditionally a multicultural country, and the culture of using the russian language is more stable compared to the other languages, as it also functioned in Soviet times as the main language of inter-ethnic communication in Kazakhstan. However, the vector of language culture development in the Republic of Kazakhstan after more than 30 years of independence is beginning to shift in importance from «kazakh, russian, english, etc.» to «kazakh, english, russian, etc.».

Key words: language; language culture; the Republic of Kazakhstan; russian; kazakh; english; social-cultural trends; cultural code

The study was carried out by a grant from the Russian science foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the caspian macroregion in the context of societal security»

For citation: Chernichkin D. A. Sociocultural trends in language policy of the Republic of Kazakhstan. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):226–235. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_226. https://elibrary.ru/XQZBSO

Введение

Обращение к исследованию феномена языка как фактора этнокультурной идентичности и его системообразующей роли в ее формировании и сохранении обусловлено особенностями современной историческо-культурной ситуации, определяемой политическими, социально-экономическими и культурными трансформациями, происходящими в современном мире. Предметом многих отечественных и зарубежных исследований все чаще становится выявление особенностей взаимозависимости языковых моделей и этнокультурной картины мира, роли языка в формировании национальных образов мира, в определении основ этнокультурной идентичности. Наряду с этим все большее внимание к себе привлекает исследование места и роли языка в обеспечении политической стабильности внутригосударственных отношений. Лингвокультурный аспект коммуникационных процессов играет стратегически важную роль в развитии стран, исторически формировавшихся в условиях полиэтничности и поликонфессиональности.

Формирование этнокультурной идентичности является важнейшей задачей любого государства. Эта идентичность позволяет государственным институтам функционировать намного лучше – обществу не нужно тратить дополнительные ресурсы на разрешение значительных межэтнических конфликтов. Однако полное совпадение культурной и этнической идентичностей в обществе встречается редко. На наш взгляд, формирование взвешенной языковой политики является залогом успешной политики этнокультурной идентичности.

Понимание логики и механизмов формирования этнокультурной идентичности в современных государствах является важнейшей научной и практической задачей на стыке социальных и гуманитарных наук. Современное общество состоит из набора сообществ с размытыми границами. Это приводит к тому, что современное общество сталкивается с кризисом идентичности. Человеку становится трудно идентифицировать себя как часть только одного определенного сообщества, определённой культуры, он начинает ощущать свою непохожесть на других членов, что приводит к восприятию себя как «другого». Особенно остро этот вопрос стоит в связи с языковой самоидентификацией.

Языковая политика всегда была эффективным инструментом внутренней политики любого государства, охват которой простирался от сохранения языкового разнообразия с учетом устойчивого развития страны до укрепления позиций государственного языка, а также стандартизации языков и образовательной политики [Spolsky, 2022]. Область языковой политики касается открытой и скрытой политики, влияющей на то, на каких языках говорят, когда, как и кем, а также на ценности и права, связанные с этими языками [Sallabank, 2013]. А в многонациональных государствах изучение языковой политики представляется чрезвычайно актуальным, поскольку именно вопросы об использовании и статусе языка национальных культурных меньшинств нередко становятся источником политических этнокультурных конфликтов. Действительно, язык для любой нации является важнейшей стороной их жизни. Можно без преувеличения сказать, что вопрос развития и сохранения родного языка – это вопрос выживания и развития самой нации.

Республика Казахстан традиционно является поликультурной страной. Однако культура использования русского языка более устойчива по

сравнению с другими языками, поскольку он функционировал и в советские времена в качестве основного языка межэтнического общения в Казахстане. С обретением Казахстаном независимости казахский язык получил статус государственного, а русский язык сохранил свой официальный статус [Law…, 2005]. Хотя в современном Казахстане казахский язык укрепил свои позиции в нескольких сферах общества, таких как СМИ, образование, торговля, а также в сфере культуры (музыка, литература, изобразительное искусство и т. д.), однако он имеет значительный дефицит функциональной области по сравнению с русским языком. Русский язык по-прежнему доминирует как язык межнационального общения в ряде областей, таких как неформальное, научное и деловое общение. После обретения независимости страна также поддержала введение английского языка в свою систему образования. Помимо двух официальных языков, а именно казахского и русского, английский как глобальный язык также вошел в лингвокультурный дискурс Казахстана.

В рамках данной статьи автором была предпринята попытка охарактеризовать современные социокультурные тренды языковой политики в Республике Казахстан на основе результатов проведенного в январе 2023 г. социологического исследования, основной целевой группой которого выступили эксперты из различных сфер: науки, образования, общественной деятельности, государственной власти и др. В процессе исследования было выявлено отношение экспертов к современной языковой ситуации в Республике Казахастан, проанализированы основные проблемы, связанные с проводимой политикой трилигвизма, а также определено положение русского языка в стране.

Современная языковая ситуация в Республике Казахстан

Поскольку в предыдущей работе [Черничкин, 2022] автором была подробно проанализирована языковая политика в Республике Казахстан, начиная с провозглашения независимости и заканчивая современным ее состояниям, в данном разделе будут обозначены ключевые характеристики языковой ситуации в исследуемом регионе. В современной Республике Казахстан сосуществуют и совместно работают более 130 различных этносов и национальностей, среди которых преобладают две группы: казахи и русские. Согласно последней национальной переписи населения (2021 г.), Казахстан разнообразен в этническом, культурном и религиозном отношении: казахи, самая большая группа, составляют 69,1 % от общей численности населения; другие национальности включают русских (18,42 %); узбеки (2,8 %); украинцы (2,1 %); уйгуры (1,4 %), татары (1,3 %); немцы (1,1 %) [National Composition…]. Кроме того, есть более мелкие этнические группы, такие как корейцы, курды, турки и чеченцы, которые были перемещены в ходе массовых депортаций в страну в советское время [Zharkynbekova and etc., 2015]. При таком культурном ландшафте формирование и реализация языковой политики является одной из важнейших задач для власти и политической элиты.

Концепция языковой политики в Казахстане определяет основную трудность «создания оптимального языкового пространства государства» [About the Concept…], как требующую «четкого определения функционального соотношения языков, в котором государственный язык должен занять свое законное место» [Tlepbergen and etc., 2022].

По мнению Ж. Смагуловой, нынешняя языковая политика в Казахстане отражает социально-демографическую и языковую сложность республики: «С одной стороны, государство проводит одноязычную политику казахизации, направленную на утверждение казахского языка в качестве государственного языка независимого Казахстана. С другой стороны, Казахстан был исторически многонациональным государством, где большой процент населения говорил на русском как на родном или втором языке» [Smagulova, 2008]. Это побудило правительство ввести политику многоязычия для сохранения русского и других языков. Кроме того, быстрое проникновение английского языка в казахстанское общество в сочетании с амбициями правительства сделать Казахстан конкурентоспособным игроком в региональной и мировой экономике также способствовало принятию многоязычной идеологии.

Русский де-юре и де-факто является официальным языком в Казахстане. Его статус был повышен с языка межнационального общения (Закон Казахской ССР 1989 г. «О языках», Конституция РК 1993 г.) до официального языка Конституцией 1995 г. [Sabitova, Alishariyeva, 2015]. Поэтому на сегодняшний день все законодательные документы, официальные сообщения и формы должны быть изданы на двух языках.

Еще одной первостепенной задачей языковой политики в Казахстане является всестороннее развитие английского языка и расширение сфер

его применения. Это иллюстрирует запущенный в 2007 г. проект Trinity of Languages, в рамках которого английскому языку был присвоен особый статус языка интеграции в мировую экономику [State Program…]. В «Государственной программе функционирования и развития языков на 2021–2025 годы» одним из целевых показателей является увеличение доли населения, владеющего английским языком (24 % к 2021 году, 25 % к 2022 году, 30 % к 2025 году); доля населения, говорящего на трех языках (государственном, русском и английском) (26 % в 2020 г., 27 % в 2021 г., 28 % в 2022 г., 29 % в 2023 г., 30 % в 2024 г., 31 % в 2025 г.) [Nazarbayev, 2008].

Также стоит упомянуть постепенный переход казахского алфавита на латиницу. Реформа алфавита обусловлена, по мнению казахстанских исследователей, «историческим контекстом и направлена на повышение глобальной конкурентоспособности Казахстана, ускорение интеграции в мировое научное, образовательное, технологическое и коммуникативное пространство» [Batyrbekkyzy and etc., 2018]. Модернизация казахского языка необходима и для того, чтобы раскрыть весь его потенциал – не только «как средства общения, но и как мощного фактора духовного возрождения, укрепления национального самосознания» [Tanayeva, 2007]. В то же время реформа государственного языка не предполагала изменения государственной языковой политики. Реализация политики развития многоязычия была продолжена [Kim, 2016]. Смена алфавита затрагивает только казахский язык. Переход на латиницу направлен прежде всего на реформирование казахского алфавита и правил правописания, что позволит установить соответствие между фонетикой языка и его графикой [Bazarbayeva and etc., 2014].

Переход на латиницу осуществляется медленно, так как она не приемлет поспешности и непродуманного форсирования событий. В современном информационно-технологическом пространстве латинский алфавит, по мнению З. Доттон, является «глобальным и прагматичным инструментом» [Dotton, 2016]. Немаловажно и то, что латиница позволяет не потерять, а оптимально адаптировать международную, научно-техническую лексику в национальный словарь [Tlepbergen and etc., 2023].

Можно сказать, что языковая политика Республики Казахстан начиная с провозглашения независимости имела и имеет непосредственную связь с политикой национальной идентичности и проектом строительства казахстанской политической нации, в частности. Специфика казахстанского билингвизма (а начиная с 2007 г. и официально задекларированного трилингвизма) состоит на наш взгляд, в том, что консолидация национальной идентичности казахстанцев как постулируемой гражданской нации происходит на основе приоритетности казахского языка как единственного государственного и языка титульного этноса, но в то же время считается важным сохранение и продвижение развития русского как официального языка. Тем не менее определенные противоречия между двумя этими целями, а также недавние радикальные трансформации, такие как реформа письменности казахского языка или популяризация языковых патрулей создают некоторые основания для определенной двусмысленности в плане оценки устойчивости такого рода политики языковой идентичности, что не может не вызвать критической оценки её последовательности.

Методы и процедура исследования

Целью данной работы является выявление ключевых трендов в языковой политике Республики Казахстан на современном этапе. В рамках поставленной цели, автором решались следующие задачи:

- выявление отношения к проводимой в республике языковой политике;
- анализ мнений, связанных с переводом казахской письменности на латиницу;
- оценка современных позиций английского и русского языков в Республике Казахстан.

Практической основой данного исследования послужила проведенная автором в январе 2023 года серия экспертных интервью на территории Республики Казахстан. Интервью были проведены с 9 экспертами в различных сферах: образование, наука, политика, социальная деятельность. Гайд экспертного интервью был разработан автором исследования. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов. Вопросы гайда экспертного интервью были разделены на тематические блоки, отвечающие требованиям задач исследования. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов, выступивших в качестве экспертов. При ограничении поиска в рамках целенаправленного отбора использовалась методика «снежного кома», целью которого являлось нахождение новых участников интервью путем

ссылки на них уже поучаствовавших в интервью. Обработка качественных интервью производилась путем транскрибирования голосовых интервью с указанием интонационных элементов с последующим содержательным анализом и «плотным» описанием результатов, а также применением метода триангуляции.

Результаты исследования

Современное состояние языковой политики в республике информанты оценивают по-разному: некоторые приветствуют развитие полиязычного образования:

«*Я думаю, очень правильная. Благодаря нашему президенту, очень правильная*…» (Информант 1).

Кто-то полагает, что подобная политика создала в стране определенные проблемы:

«*Я считаю, что все-таки стоит планку немного опустить с нашей языковой политикой, людям немного тяжеловато… т. к. у нас сейчас активно делается упор на трехъязычие: казахский как родной язык, русский как язык межнационального общения, английский, это как язык международного общения*» (Информант 6).

Несколько информантов выступают против данных трансформаций, объясняя свою позицию тем, что данные меры создают невыносимую нагрузку для населения в плане изучения нескольких языков:

«*Я противник этого, всегда открыто об этом говорил … это провальная реформа ... нету очевидных плюсов*…» (Информант 9).

Стоит отметить, что правительством республики постоянно принимаются дополнительные меры по дальнейшему развитию языковой политики в стране с учетом возникающих сложностей. Так, к примеру, министр науки и высшего образования Республики Казахстан С. Нурбек в начале 2023 года заявил, что «Будет разработан проект концепции реализации языковой политики на 2023–2028 годы, внесены дополнения в нормативные правовые акты по вопросу предупреждения языковой дискриминации, проведены региональные семинары, разработаны методические рекомендации по неугнетению прав граждан по языковым признакам, а также свободно владеющих государственным языком. Организуются публикации в СМИ о представителях этносов» [Языковая политика…].

Однако исследование, проведенное по вопросам языковой политики среди граждан республики по заказу Комитета языковой политики Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в 2022 году (N-2000), также показывает некоторое расхождение мнений как респондентов, так и экспертов в вопросе правильности проведения языковой политики. По мнению экспертов (42,5 %), языковая ситуация в Республике Казахстан благоприятная, однако на практике существует скрытая неудовлетворенность статусом языка как среди носителей казахского языка, так и среди носителей русского языка. 33,5 % отметили, что языковая ситуация в целом не претерпевает существенных изменений, реальный языковой спрос остается на русском языке, а казахский язык востребован только в официальной жизни. Можно сказать, что казахский язык вступает в фазу доминирующего языка, а влияние других языков ослабевает, так говорили 12,0 % респондентов [Социологические и аналитические исследования…].

Перевод письменности на латинцу положительно оценили лишь половина экспертов. Поддерживающие данную инициативу часто приводили аргумент о том, что латиница поможет стране «интегрироваться в мировое сообщество»:

«*Курс на латинице был заявлен не только для того, чтобы внутри что-то изменить, но и для того, чтобы внешний мир тоже зашёл в Казахстан. К примеру, те же иностранцы не могут прочитать слово на кириллице, потому что они привыкли к латинице*…» (Информант 2).

Хотя некоторые респонденты индефферентно относятся к данной реформе:

«*Мне без разницы вообще. Дело в том, что для грамотного человека значения не имеет как будет написано слово … мой немецкий коллега недавно привёл интересный пример: его отец спокойно изучил казахский язык на латинице в 30-ые годы, когда казахский алфавит был на латинице*.» (Информант 1).

«*Вопрос такой, конечно, неоднозначный, не простой. На латиницу, мы в будущем естественно перейдем, если руководство что-то задумает, оно сделает, но как это скажется на нашем обществе, сложно сказать*» (Информант 7).

Также интересен тот факт, что реформа письменности казахского языка, создала некоторый парадокс в плане выбора языка для дальнейшего изучения:

«*Эта реформа сделала несколько шагов назад … это большие трудности … из-за трудностей обучения казахскому языку на латинице люди начинают уходить от казахского языка в сторону русского языка, то есть, мы, стараясь раз-*

вить казахский язык, наоборот, сделаем так, что все родители будут давать своих детей в русские школы, чтобы только не мучатся с этой головоломкой на латинице…» (Информант 3).

Стоит отметить, что новый казахский алфавит, основанный на латинице, был утвержден еще в 2017 году. Однако представленный тогда проект нового алфавита пришлось отправить на доработку. Переход Казахстана на латиницу многие эксперты [Мы повторяем горький опыт…; Максатова и др., 2018] трактовали как стремление Астаны обозначить свою «независимость» от Москвы, но президент Н. А. Назарбаев объяснил данное «современной технологической среды, коммуникаций, а также научного и образовательного процесса XXI века, что ни в коем случае не затрагивает права русскоязычных, русского языка и других языков» [Куда язык доведет…].

Опираясь на вышеупомянутое исследование, больше половины респондентов (51,9 %) считает, что поддерживает переход казахского алфавита на латинскую графику в Казахстане только малая часть населения; 33,2 % считают, что большинство поддерживает, доля тех, кто считает, что никто не поддерживает, – 15,0 %, а правильность проведения данной реформы оценивают лишь 10,1 % опрошенных [Социологические и аналитические исследования…]. К тому же данная реформа создает довольно много новых проблем для казахстанского общества. Согласно исследованию, проведенному А. Н. Нурлановой и З. К. Чункуровой в 2021 г. (N-724), респондентами было выделено 38 типов таких проблем. Наиболее распространенные из них: «финансовые затраты, представители казахской национальности могут отдавать своих детей в русские школы, разделение общества на русскоязычное и казахскоязычное из-за использования двух разных алфавитов, трудности перевода документов и делопроизводства, а также трудности адаптации старшего поколения и, как следствие, непонимание населением друг друга и др.» [Нурланова, Чункурова, 2021].

Впрочем, к самому английскому языку эксперты относятся довольно положительно, подкрепляя свое мнение тем, что в современных условиях английский язык очень необходим для получения качественного образования и дальнейшего трудоустройства:

«*…английский язык необходим в современных условиях. Это фактор, который самым благоприятным образом влияет на возможность получить образование за рубежом, на возможность построить успешную карьеру*.» (Информант 5).

«*У нас много молодежи благодаря английскому языку сегодня получили доступ в разные вузы. Вы знаете, у нас есть программа „Болашак”. Очень много молодежных проектов. Очень много молодых людей учатся за границей, потому что здесь у нас очень много иностранных компаний. Молодёжь, вот я замечаю, очень интересуется языками, владеет ими и очень свободно общаются. Уже даже английский для них не единственный… уже китайский изучают, итальянский…т. е. знание языков способствует трудоустройству в престижные компании*». (Информант 2).

Проведение трехъязычного образования в Республике Казахстан также было высоко оценено экспертами:

«*...если человек хочет быть грамотным, это будет только на пользу. У нас все сотрудники, будь он казах, русский, кто угодно, они уже владеют тремя языками для того, чтобы работать в этой компании*.» (Информант 1).

«*Да, у нас очень много частных школ, частные детские садики, где в игровой форме обучают сразу нескольким языкам…*» (Информант 4).

«*Эта программа вот несколько лет назад началась, и я думаю, что это правильно, потому что если английский язык стал номером 1 во всем мире, то для того, чтобы наша молодежь была конкурентоспособной, нужно как можно раньше это внедрить*.» (Информант 5).

По мнению автора, трехъязычное образование несет ряд трудностей, касательно ораганизации и результатов такого обучения:

- возможно, ученик или студент, который одновременно учит несколько языков, не сможет ясно выражать свои мысли ни на одном из них (по причине лингвистической особенности языков);
- даже если дети будут справляться с возросшими учебными объемами, есть опасения, что, изучив предмет на английском, они не смогут грамотно объяснить его на казахском;
- учителям может быть сложно справляться с нагрузкой, особенно с учетом острой проблемы с квалифицированными кадрами.

В связи с этим возникает вопрос, смогут ли преподаватели объяснять детям сложные темы на английском языке? И как будет реализовываться данная мера в сельской местности, где проживает большинство казахоязычных граждан республики? Хотя некоторые исследователи и высказываются об исключительной пользе трехъязычного

образования [Сырымбетова и др., 2017; Жетписбаева и др., 2017], данная политика потребует значительных финансовых вложений и подготовку огромного числа молодых специалистов, что, на наш взгляд, может привести к серьезным долгосрочным последствиям, к примеру, снижению интереса к родному языку или рост стоимости профильного образования на нескольких языках (из-за нехватки специалистов).

Отношение к русскому языку в республике эксперты оценивают как положительное, связывая свое отношение с общим советским прошлым, однако на сегодняшний день положение русского языка в стране становится немного неустойчивым сразу по нескольким причинам: нехватка учителей русского языка, рост казахоязычного населения и популяризация английского языка:

«*Мое поколение, которое определенную часть своей жизни прожило в советском союзе, очень положительно относится к использованию русского языка, никакого негатива нет … а вот среди молодежи знание русского языка снизилось…*» (Информант 7.).

«*Вы знаете, сейчас, если вот взять пример даже наш город … нам не хватает учителей русского языка в школах. Если такие появляются, их, как говорится, с руками и ногами отрывают, предоставляют прекрасные условия … проблема еще в том, что в российских вузах, насколько я знаю, почти не готовят учителей русского языка для иностранцев, да и у нас в государстве нет, мне кажется, таких целевых программ, чтобы отправлять желающих в Россию для подготовки подобных специалистов…*» (Информант 9).

«У нас основной прирост населения осуществляется в сельской местности, где всегда говорили на казахском. Дома говорят на казахском, на улице, в школах, в магазинах … им русский язык не нужен, и, соответственно, когда поступают в университеты, сразу выбирают английский язык, потому что, может вы заметили, у нас очень много иностранных компаний здесь действует … если знаешь английский, то можно хорошую работу получить в этих компаниях» (Информант 4).

Русский язык пока что занимает в республике достаточно устойчивые позиции, но его значимость и владение им при сохранении текущей ситуации будут неуклонно снижаться, что, по мнению автора, может в некоторой степени «пошатнуть» положение русскоязычных граждан республики.

Подтверждением вышеуказанному тезису является также то, что по мнению всех экспертов именно язык является объединяющим фактором в Казахстане, а отношение к неказахам, владеющих государственным языком, значительно лучше:

«*Отношение казахов к тем, кто говорит, изучает, пытается говорить на казахском языке – мега позитивное, человеку простят все мыслимые и не мыслимые грехи только за то, что он пытается говорить что-то на казахском. Любое высказывание воспринимается на «ура», человека подбадривают, выражают ему благодарность, гордятся им, ставят его в пример т.д. Т.е. язык – это такая вот большая объединяющая сила для нас…*» (Информант 9).

Некоторые эксперты отметили за последние 3–4 года рост языковых клубов [В Казахстане открылись…], где все желающие могли бы улучшить свои знания казахского языка:

«*…вот кстати у нас кружков много стало в последнее время… Есть такой тут клуб рядом как раз, молодежный клуб «Батл бол», где бесплатно изучают казахский язык в самой интересной методике – игровой, песни разучивают. Это такой своеобразный клуб, где люди знакомятся друг с другом. И казахи, и не казахи, которые хотели бы улучшить свои навыки произношения, посещают этот клуб…*» (Информант 7).

Заключение

Таким образом, в рамках проведенного исследования были выделены следующие социокультурные тренды современной языковой политики Республики Казахастан:

1. **Перевод казахской письменности с кириллицы на латиницу**, связанный, на наш взгляд, не только с экономическими (присутствие в республике множества иностранных компаний, конкурентноспособность в мировой экономике), но и с политическими причинами («многовекторная» политика руководства страны, постепенное сближение с США). Однако такой ускоренный переход (обозначеный срок – 2025 г.) может повлечь за собой такие же негативные культурные последствия как и Туркменистане, где во время начала языковой реформы не все население страны владело туркменским языком, что привело к определенной трансформации языковой культуры населения.

2. **Утверждение системы трехъязычного образования,** которая помимо очевидных плюсов, которые были приведенны экспертами, несёт и возможные сложности, в числе которых: неспособность ясно выражать свои мысли ни на одном из языков, перегруженность учебной

нагрузки для преподавателей, отсутствие достаточного числа специалистов, не говоря уже о значительных экономических вложениях в данную реформу.

3. **Снижение культуры употребления русского языка за счет популяризации культуры употребления английского языка.** Размещение городских указателей, вывесок, названий учебных заведений, организаций, компаний на английском языке, открытие языковых школ, экономическая востребованность английского языка – все эти причины довольно сильно начинают снижать востребованность русского языка среди казахстанской молодежи. В текущих условиях, когда Россия постепенно закрывается от западной системы образования, студенты из Казахстана теперь могут выбрать альтернативные страны для обучения (в основном англоязычные). Помимо этого, за счет роста казахоязычного населения, по большей части в сельской местности, число владеющих русским языком будет также снижаться в процентном соотношении. Вектор развития языковой культуры в Республике Казахстан за более чем 30 лет независимости начинает смещаться по значимости от «казахский, русский, английский и др.» в сторону «казахский, английский, русский и др.».

Подводя итоги, можно отметить, что языковой вопрос в Республике Казахстан носит сугубо прагматический характер. Тот факт, что население Казахстана пока достаточно активно использует русский язык в повседневной культуре, не может служить аргументом в пользу прогноза о том, что так будет всегда. Прагматика языкового выбора населения страны заключается в том, что перед молодыми людьми стоит сложный, а порой и судьбоносный выбор – как строить успешную карьеру. И в этой ситуации у русского языка есть достаточно серьёзные и сильные конкуренты – английский и, набирающий популярность в последнее время, турецкий. Однако у русского языка есть один важный плюс – это язык евразийской экономической и культурной интеграции, язык для межкультурного общения на постсоветском пространстве. Выгоды, которые несет данная интеграция, будут напрямую позитивно влиять на вполне прагматическую языковую политику Казахстана.

Библиографический список

1. В Казахстане открылись бесплатные клубы по изучению казахского языка // The Village. URL: https://www.the-village-kz.com/village/city/news-city/28517-v-kazahstane-otkrylis-besplatnye-kluby-po-izucheniyu-kazahskogo-yazyka (дата обращения: 14.02.2023)

2. Жайсанбаева Ж. Латиница – уверенный цивилизованный выбор // Педагогическая наука и практика. 2018. № 2 (20). С. 18–21.

3. Жетписбаева Б. А., Сырымбетова Л. С., Кубеева А. Е. К вопросу подготовки педагогов для многоязычного образования в Казахстане // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2017. Т. 11. С. 168–172.

4. Куда язык доведет: почему Казахстан перешел на латиницу // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml (дата обращения: 12.02.2023)

5. Максатова Н. Г., Талапова О. Г., Жанболатова Н. Н. Проблемы перевода казахской письменности на латинскую графику // Tiltanym. 2017. № 4. С. 22–25.

6. «Мы повторяем горький опыт Узбекистана»: Эксперты о переходе на латиницу и новом алфавите // The Village. URL: https://www.the-village-kz.com/village/city/situation-comment/15977-a-b-c-d-novyi-alfavit (дата обращения: 12.02.2023)

7. Нурланова А. Н., Чункурова З. К. Эффективные пути социальной адаптации общества к казахскому алфавиту на основе латинской графики // Технологии в образовании – 2021: сборник материалов Международной научно-методической конференции. Новосибирск : АНОО ВО Центрсоюза РФ «СибУПК», 2021. С. 246–252.

8. Социологические и аналитические исследования по вопросам языковой политики в Республике Казахстан // Комитет языковой политики Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ТОО «NewGroup.kz». Астана, 2022. 134 с.

9. Сырымбетова Л. С., Жумашев Р. М. Казахстанская модель трехъязычного образования (методологические подходы, принципы и основные стратегии обучения трем языкам) / Л. С. Сырымбетова, Р. М. Жумашев, Д. Ныгметулы, С. А. Шункеева, Б. А. Жетписбаева // Вестник НГПУ. 2017. № 4. С. 72–92.

10. Черничкин Д. А. Языковая политика Республики Казахстан как механизм конструирования новой национальной идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 106–128.

11. Языковая политика: о развитии казахского рассказал министр // Azattyq Rýhy. URL: https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/46519-iazykovaia-politika-o-razvitii-kazakhskogo-rasskazal-ministr (дата обращения: 18.02.2023)

12. About the Concept of Language Policy of the Republic of Kazakhstan. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960003186_/links (дата обращения: 12.02.2023)

13. Batyrbekkyzy G., Mahanuly T. K., Tastanbekov M. M., Dinasheva L. S., Issabek B., Sugirbayeva G. Latinization of Kazakh alphabet: History and prospects // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14(1). P. 125–134.

14. Bazarbayeva Z., Zhunisbek A., Malbakov M. Phonological foundations of the transition Kazakh alphabet to Latin graphics // Life Science Journal. 2014. Iss.11. P. 147–150.

15. Dotton Z. Language Policy and Language Planning in Kazakhstan: About the Proposed Shift from the Cyrillic Alphabet to the Latin Alphabet. Ph.D. Thesis, The University of Arizona, Tucson, AZ, USA, 2016.

16. Kim B. Transition of the Kazakh writing system from Cyrillic to Latin // International Journal of Advanced Science and Technology. 2018. Iss. 6. P. 12–19.

17. National Composition of Kazakhstan // Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/ Национальный_состав_Казахстана (дата обращения: 12.02.2023)

18. Nazarbayev N.A. Increasing the well-being of the people of Kazakhstan is the main goal of the state policy. The Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the People of Kazakhstan. 6 February 2008. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezid enta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-6-fevralya-2008-g (дата обращения: 11.02.2023)

19. Law on Languages of the Republic of Kazakhstan (from July 11, 1997, № 151-1/ Main Legislative Documents on Languages). Almaty, 2005. P. 5–12.

20. Sabitova Z., Alishariyeva A. The Russian language in Kazakhstan: status and functions // Russian Journal of Communication. 2015. Т. 7. №. 2. С. 213–217.

21. Sallabank J. Attitudeas to Endangered Languages: Identities and Policies. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2013. 274 p.

22. Smagulova J. Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use // International journal of bilingual education and bilingualism. 2008. Т. 11. №. 3–4. С. 440–475.

23. Spolsky B. Rethinking Language Policy. Edinburgh, Scotland: Edinburgh University Press, 2022. 276 p.

24. State Program for the Implementation of Language Policy in the Republic of Kazakhstan for 2020–2025. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045 (дата обращения: 12.02.2023)

25. Tanayeva L. The politics of the Latin alphabet in Kazakhstan // ALPPI Annual Language Politics Politics Identity. 2007. Iss. 1. P. 79–84.

26. Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaja A. Language-in-Education Policy of Kazakhstan: Post-Pandemic Technology Enhances Language Learning // Education Sciences. 2022. Vol. 12. No. 5.

27. Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaja A. Bottom-Up Approach to Language Policy and Planning in Kazakhstan // Societies. 2023. Vol. 13. Iss. 43.

28. Zharkynbekova S., Aimoldina A., Akynova D. Cultural and language self-identification of ethnic minority groups in Kazakhstan // Sociolinguistic Studies. 2015. Т. 9. №. 2/3. С. 289–314.

Reference list

1. V Kazahstane otkrylis' besplatnye kluby po izucheniju kazahskogo jazyka = Free Kazakh language clubs opened in Kazakhstan // The Village. URL: https://www.the-village-kz.com/village/city/news-city/28517-v-kazahstane-otkrylis-besplatnye-kluby-po-izucheniyu-kazahskogo-yazyka (data obrashhenija: 14.02.2023)

2. Zhajsanbaeva Zh. Latinica – uverennyj civilizovannyj vybor = The Latin alphabet is a confident civilized choice // Pedagogicheskaja nauka i praktika. 2018. № 2 (20). S. 18–21.

3. Zhetpisbaeva B. A., Syrymbetova L. S., Kubeeva A. E. K voprosu podgotovki pedagogov dlja mnogojazychnogo obrazovanija v Kazahstane = Toward training teachers for multilingual education in Kazakhstan // Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. 2017. T. 11. S. 168–172.

4. Kuda jazyk dovedet: pochemu Kazahstan pereshel na latinicu = Where language will take you: Why Kazakhstan switched to the Latin alphabet // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml (data obrashhenija: 12.02.2023)

5. Maksatova N. G., Talapova O. G., Zhanbolatova N. N. Problemy perevoda kazahskoj pis'mennosti na latinskuju grafiku = Problems of translating Kazakh writing into Latin script // Tiltanym. 2017. № 4. S. 22–25.

6. «My povtorjaem gor'kij opyt Uzbekistana»: Jeksperty o perehode na latinicu i novom alfavite = «We are repeating the bitter Uzbekistan experience»: Experts on switching to the Latin alphabet and on the new alphabet // The Village. URL: https://www.the-village-kz.com/village/city/situation-comment/15977-a-b-c-d-novyi-alfavit (data obrashhenija: 12.02.2023)

7. Nurlanova A. N., Chunkurova Z. K. Jeffektivnye puti social'noj adaptacii obshhestva k kazahskomu alfavitu na osnove latinskoj grafiki = Effective ways of the society's social adaptation to the Kazakh alphabet based on the Latin script // Tehnologii v obrazovanii – 2021: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Novosibirsk : ANOO VO Centrsojuza RF «SibUPK», 2021. S. 246–252.

8. Sociologicheskie i analiticheskie issledovanija po voprosam jazykovoj politiki v Respublike Kazahstan = Sociological and analytical studies of language policy in the Republic of Kazakhstan // Komitet jazykovoj politiki Ministerstva nauki i vysshego obrazovanija Respubliki Kazahstan, TOO «NewGroup.kz». Astana, 2022. 134 s.

9. Syrymbetova L. S., Zhumashev R. M. Kazahstanskaja model' treh#jazychnogo obrazovanija (metodologicheskie podhody, principy i osnovnye strategii obuchenija trem jazykam) = Kazakhstan model of trilingual education (methodological approaches, principles, and basic strategies for teaching three languages) / L. S. Syrymbetova, R. M. Zhumashev, D. Nygmetuly, S. A. Shunkeeva, B. A. Zhetpisbaeva // Vestnik NGPU. 2017. № 4. S. 72–92.

10. Chernichkin D. A. Jazykovaja politika Respubliki Kazahstan kak mehanizm konstruirovanija novoj nacional'noj identichnosti = Language policy of the Republic of Kazakhstan as a mechanism for constructing a new na-

tional identity // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2022. T. 23. № 2. S. 106–128.

11. Jazykovaja politika: o razvitii kazahskogo rasskazal ministr = Language policy: the minister spoke about the development of the Kazakh language // Azattyq Rýhy. URL: https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/46519-iazykovaia-politika-o-razvitii-kazakhskogo-rasskazal-ministr (data obrashhenija: 18.02.2023)

12. About the Concept of Language Policy of the Republic of Kazakhstan. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960003186_/links (data obrashhenija: 12.02.2023)

13. Batyrbekkyzy G., Mahanuly T. K., Tastanbekov M. M., Dinasheva L. S., Issabek B., Sugirbayeva G. Latinization of Kazakh alphabet: History and prospects // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14(1). P. 125–134.

14. Bazarbayeva Z., Zhunisbek A., Malbakov M. Phonological foundations of the transition Kazakh alphabet to Latin graphics // Life Science Journal. 2014. Iss.11. P. 147–150.

15. Dotton Z. Language Policy and Language Planning in Kazakhstan: About the Proposed Shift from the Cyrillic Alphabet to the Latin Alphabet. Ph.D. Thesis, The University of Arizona, Tucson, AZ, USA, 2016.

16. Kim B. Transition of the Kazakh writing system from Cyrillic to Latin // International Journal of Advanced Science and Technology. 2018. Iss. 6. P. 12–19.

17. National Composition of Kazakhstan // Vikipedija. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/ Nacional'nyj_sostav_Kazahstana (data obrashhenija: 12.02.2023)

18. Nazarbayev N.A. Increasing the well-being of the people of Kazakhstan is the main goal of the state policy. The Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the People of Kazakhstan. 6 February 2008. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-6-fevralya-2008-g (data obrashhenija: 11.02.2023)

19. Law on Languages of the Republic of Kazakhstan (from July 11, 1997, № 151-1/ Main Legislative Documents on Languages). Almaty, 2005. P. 5–12.

20. Sabitova Z., Alishariyeva A. The Russian language in Kazakhstan: status and functions // Russian Journal of Communication. 2015. T. 7. №. 2. S. 213–217.

21. Sallabank J. Attitudeas to Endangered Languages: Identities and Policies. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2013. 274 p.

22. Smagulova J. Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use // International journal of bilingual education and bilingualism. 2008. T. 11. №. 3–4. S. 440–475.

23. Spolsky B. Rethinking Language Policy. Edinburgh, Scotland: Edinburgh University Press, 2022. 276 p.

24. State Program for the Implementation of Language Policy in the Republic of Kazakhstan for 2020–2025. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045 (data obrashhenija: 12.02.2023)

25. Tanayeva L. The politics of the Latin alphabet in Kazakhstan // ALPPI Annual Language Politics Politics Identity. 2007. Iss. 1. P. 79–84.

26. Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaja A. Language-in-Education Policy of Kazakhstan: Post-Pandemic Technology Enhances Language Learning // Education Sciences. 2022. Vol. 12. No. 5.

27. Tlepbergen D., Akzhigitova A., Zabrodskaja A. Bottom-Up Approach to Language Policy and Planning in Kazakhstan // Societies. 2023. Vol. 13. Iss. 43.

28. Zharkynbekova S., Aimoldina A., Akynova D. Cultural and language self-identification of ethnic minority groups in Kazakhstan // Sociolinguistic Studies. 2015. T. 9. №. 2/3. S. 289–314.

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 13.12.2022; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

Научная статья
УДК 791.2+394
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_236
EDN: XXSCJB

Русский Север как культурный концепт современного медиапространства

Марина Валерьевна Петрова
Кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
petro_mar@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2847-6441

Аннотация. Материал исследования направлен на изучение специфики представленности образа Русского Севера в современном медийном пространстве. Границами данной проблемы становится востребованный аудиторией визуальный материал, который вбирает лишь отчасти традиции и опыт мастеров предшествующей эпохи, в частности, речь идет об опыте создания советскими режиссерами этнографических фильмов. Анализ тематического, жанрового и содержательного наполнения современного кинематографического и медийного материала позволяет судить не только о специфике формирования образа Русского Севера, но и приоритетах авторского восприятия. Традиции оценки и характеристики северных территорий являются востребованными зачастую на уровне стереотипов: суровая погода, необъятная и бескрайняя территория, северные диалекты, народные промыслы. Тем не менее, погружение в эмпирический материал позволяет авторам документальных фильмов заострить внимание на том факте, что за долгую историю своего существования культурное пространство Русского Севера претерпело значительную эволюцию. Выработались региональные культурные концепты, которые воспринимаются как ценностно-смысловые характеристики. Культурные концепты получают свои инварианты воплощения от экзотических аспектов бытования до заброшенности и беспомощности в социальном плане, но при этом обязательно параллельно присутствует акцент на самодостаточность северных регионов как русской культурной провинции.

Формирование и наполнение современного медийного пространства направлено на человека и его социальную визуализацию. В этом контексте и осуществляется поиск новых этико-эстетических приемов наполнения документального направления в медиапространстве. Следует отметить, что качество этих экспериментов далеко не всегда соответствует поставленной цели. Стремление авторов документального кино или блогеров раскрыть специфику существования Русского Севера на современном этапе выглядит зачастую односторонне и поверхностно. Явно не хватает фильмов, которые бы строились на принципах научной популяризации.

Ключевые слова: Русский Север; культурный концепт; медиапространство; документальное кино; культурное пространство; традиции

Для цитирования: Петрова М. В. Русский Север как культурный концепт современного медиапространства // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 236–243. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_236. https://elibrary.ru/XXSCJB

Original article

Russian North as a cultural concept of modern media space

Marina V. Petrova
candidate of culturology, associate professor of journalism and media communications department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
petro_mar@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2847-6441

Abstract. The research is aimed at studying the specifics of presenting the image of the Russian North in the modern media space. The boundary of this problem is the visual material demanded by the audience, which only partly absorbs the traditions and experience of the masters from the previous era, in particular, the Soviet directors' experience of creating ethnographic films. The analysis of themes, genres and contents of modern cinematographic and media material enables the author to assess not only the specifics of shaping the image of the Russian North, but also the

© Петрова М. В., 2023

priorities of the authorial perception. Traditions of assessing and characterizing the northern territories are often claimed at the level of stereotypes: harsh weather, vast and endless territory, northern dialects, folk crafts. Nevertheless, thorough examination of the empirical material enables the authors of the documentaries to focus on the fact that the cultural space of the Russian North has undergone considerable evolution over its long history. The author of the article has developed regional cultural concepts which are perceived as value- semantic characteristics. Cultural concepts receive their embodiment invariants from exotic existence aspects to social abandonment and helplessness, but there is always a parallel emphasis on the self-sufficiency of the Northern regions as a Russian cultural province.

The formation and content of modern media space is aimed at people and their social visualization. The search for new ethical and aesthetic methods in producing new documentaries is going in this direction in the media space. It should be noted that the quality of these experiments does not always correspond to the set goal. The desire of documentary filmmakers or bloggers to reveal the specifics of the Russian North reality at the present stage often looks one-sided and superficial. There is a distinct lack of films that are based on the principles of scientific popularization.

Key words: Russian North; cultural concept; media space; documentaries; cultural space; traditions

For citation: Petrova M. V. Russian North as a cultural concept of modern media space. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2023;(1):236–243. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_236. https://elibrary.ru/XXSCJB

Введение

«Понятие „медиапространства”… некая условная территория, на которой размещаются информация и ее носители и куда время от времени заходят производители и потребители массовой информации…, так и система отношений между определенными субъектами по поводу производства, переработки и потребления массовой информации… Однако самый главный признак медиапространства заключается в том, что действия всех названных выше субъектов определяются нормами и правилами, присущими социальному институту, именуемому медиа» [Дзялошинский, 2015, с. 26]. Все разнообразие понятий, возникающих в связи с попытками определения медиапростанства так или иначе являются гранями единого «информационно-коммуникационного универсума».

В контексте заявленной проблемы медиапространство выступает значимой категорией, которая образует горизонталь исследования, а вертикаль в таком случае образует образ Русского Севера и культурные концепты, реализуемые в этом образном ряду разнообразием эмпирического материала.

«Концепты культуры играют значительную роль в трансляции ценностей и представлений этой культуры, а значит, и в культурной идентичности… Ценностно-смысловое содержание концептов не может не сказываться на структуре, форме, внешнем виде любых культурных продуктов, от сакральных до бытовых, от инструментальных до художественных» [Мэнтин, 2020, с. 112]. Безусловно, для нас имеет важное значение процесс эволюции в восприятии и оценки культурных доминант Русского Севера, но в рамках данного исследования акцент сделан исключительно на современные тенденции, которые мы выделяем на основе выборочного анализа кинематографических работ документального характера и авторских работ современных блогеров, объединенных одной платформой ютуб-канала.

Тема исследования Русского Севера имеет широкую представленность в области исторического, краеведческого и культурологического подходов (Д. Лихачев, А. Пермиловская, С. Лебедев, Т. Красовская, А. Соловьева, Д. Замятин, Ю. Шабаев, Stammler-Gossmann Anna, Taagapera, Rein, Davidson Peter).

«Русский Север несет в себе функцию географического названия – метки (Русский Север – север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного „русский”» [Соловьева, 2011, с. 217]. В свою очередь «...наиболее характерные региональные концепты, типичные комплексные характеристики. К ним относятся: удаленность, окраинное положение Русского Севера, отсутствие крепостного права и помещичьих землевладений, суровые природные условия, севернорусский жилищный комплекс, слабая освоенность территории, комплексный тип крестьянского хозяйства, полиэтничность при ведущей роли севернорусской традиционной культуры, севернорусские диалекты, старообрядчество и народное православие» [Калуцков, 2018].

Тем не менее опыт кинематографического освоения Русского Севера на данный момент ограничивается историей формирования этнографических фильмов, современный контекст в силу его неоднозначности и спорности мало изучен. Но в этом направлении при реализации исследовательских задач нам было важно отметить:

«Соотношение количественных и качественных характеристик и художественного восприятия меняется во времени и зависит от мировоззренческих позиций создающего этот образ индивида или социума, от уровня его культуры, этнической принадлежности и т. д.» [Красовская, 2013].

Результаты исследования

К теме Русского Севера современное документальное кино довольно часто обращается, при этом нужно отметить интерес как со стороны зарубежных документалистов, так и со стороны отечественного кинематографа. Здесь особую роль в изучении Русского Севера сыграли этнографические фильмы, которым посвящены исследования как в контексте зарубежных (O. Sarkisova, J. MacKay), так и в российских публикаций (Г. С. Прожико, Д. С. Фирсова, И. А. Головнев). «Этнографическое кино … понимается как специализированное направление в рамках научного кинематографа, фильмы которого основаны на этнографическом содержании» [Головнев, 2018, с. 6]. Первопроходцем направления этнокино в России, получившим в профессиональной среде прозвище «русский Флаэрти», по-праву считается режиссер Александр Литвинов – автор серии кинолент о народностях Дальнего Востока, тесно сотрудничавший в своем творчестве с известным исследователем и писателем – Владимиром Арсеньевым. И хотя «современный период становления визуальной антропологии проходит под знаком поиска путей интеграции научно-исследовательских подходов современной антропологии и формирующегося нового этико-эстетического языка документального кино» [Александров, 2021, с. 2], очень немногие фильмы из этих экспериментов в области кинематографа факта находят свою аудиторию.

Но фильмы очень разные по качеству, по творческим задачам, по авторскому видению и специфике поднимаемой проблемы. Все разнообразие документальных фильмов последнего десятилетия можно условно разделить на несколько направлений, одно из которых представляют фильмы-путешествия по новым неизвестным туристическим направлениям. Одной из таких последних работ, представленных на Первом канале, стала документальная картина «Русский север. Дорогами открытий» 2021 г., где в качестве одного из продюсеров и в качестве ведущего выступил Валдис Пельш, режиссер Кристина Козлова. На сайте канала сформулирована задача достаточна непростая и благородная: «Идея фильма – показать Русский Север глазами тех, кто здесь сейчас живет. Русский Север – это „исключение из правил” (*1 tv.ru›doc…puteshestviya/russkiy-sever…valdisa…*), у местных жителей совсем другая ментальность, у них в крови нет ни холуйства, ни холопства, потому что здесь не было крепостного права, войн и голода». Съемочная группа вместе с ведущим отправилась в путешествие на автомобиле и пересекла Ярославскую, Вологодскую, Архангельскую, Мурманскую области, Ненецкий автономный округ, республики Карелия и Коми. В фильме много интересных и колоритных героев. Но фильм больше напоминает туристический буклет, нежели фильм-размышление о национальном колорите Русского Севера.

Следующее направление в современном документальном кино: это фильмы-портреты, в которых образ Русского Севера раскрывается через тех людей, которые там живут. Одним из примеров данного направления можно выделить картину «Северяне» Ильи Полоцкого, 2018 г. Это три истории о мужчинах, которые когда-то приехали на Русский Север и остались там навсегда. Фильм в многочисленных публикациях, посвященных данному проекту, обозначен как фильм-эссе. Но на самом деле это нативный рекламный проект Toyota, неплохого качества, но напрочь лишенный эссеистичности.

Еще одно направление в современной документалистике, практически не представленное сегодня на федеральных каналах телевидения – это проблемный очерк. Замечательным примером подобного направления является фильм «Атлантида Русского Севера», 2018 г., режиссер Софья Горленко. Полнометражный документальный фильм компании SirinFilms, средства на съемки и пост-продакшн которого были полностью собраны на planeta.ru.

На сайте ютуб-канала рекордное количество просмотров, по сравнению с другими фильмами данной тематики: миллион двести двадцать три тысячи. Интересно, что сами авторы фильма формулируют, что это фильм-сказка (этим объясняется отсутствие указания мест съемок). И только в титрах фильма мы видим перечисление некоторых мест сьемки, заброшенных или малонаселенных уникальных деревень и городов Архангельской области. Проблема сохранения деревянного зодчества становится одной из

центральных, а те люди-энтузиасты, которые посвящают свою жизнь этому делу, неоднократно формулируют мысль о своеобразном геноциде по отношению к Русскому Северу, который привел к полному запустению этих уникальных мест.

Особняком в этой классификации стоят фильмы, подобные фильму В. Косаковского «Акварель – необузданная мощь воды», 2018 г. «Необычный документальный проект, снятый в новаторском формате, посвящен необузданной мощи воды. Эта уникальная кинолента является работающим на подсознательном, интуитивном уровне напоминанием, что, по сравнению с огромной всесокрушающей силой и капризной волей самого драгоценного элемента нашей планеты, человек – лишь мелкий, смешной в своей наивности и глупости муравей, претендующий на главенство в этом мире».

Озеро Байкал становится такой своеобразной точкой для истории о мощи и могуществе, красоте воды. Здесь сама природа является самостоятельным героем, вокруг которой и благодаря или вопреки которой пытается существовать человек.

Нужно отдельно отметить, что на ютуб-канале было найдено восемь документальных фильмов, посвященных исключительно городу Тотьме Вологодской области. На некоторых из них хотелось бы остановиться.

Короткометражный фильм, 25 минут, «Тотьма». Документальный фильм Алексея Михалева – Россия 24, количество просмотров 24.953. Несмотря на скромный объем фильма, нужно признать, что авторам удалось охватить весьма разнообразный материал, соединив историческое прошлое Тотьмы с современными реалиями. Но главным вопросом становится размышление над тем, можно ли сегодня жить в провинции счастливо. И все факты подводят к убедительному ответу, что да, и главная в этом заслуга тех людей, которые живут в этом древнем городе, их неравнодушие к судьбе своего города и ощущение себя на своем месте.

Еще одна короткометражная документальная лента «Иван Кусков» (эфир состоялся 17.10.2021 г.), входящая в общий проект «Пешком. Другое дело» (6,2 тысячи просмотров на канале ютуб) Михаила Жебрака на канале «Культура». Режиссер Мария Визитей. Михаил Жебрак имеет уже весьма убедительный список авторских проектов, один из наиболее известных – «Пешком». На сайте читаем краткую информацию к фильму, который стал точкой отсчета для своеобразного продолжения весьма успешного предыдущего цикла: «Тотьма – небольшой городок, затерянный в лесах Вологодской области». Но именно Тотьма подарила миру морехода, основателя и коменданта первой русской крепости «Форт-Росс» на западном побережье Америки. «Русский Колумб» Иван Кусков исследовал и обживал Калифорнию, строил корабли, составлял словари и карты, вёл торговлю с испанцами, принимал индейских вождей. Это был колонизатор, у которого всегда под рукой было другое дело. И хотя фильм посвящен биографии Ивана Кускова, но его личность закольцована, взращена тотемской культурой и духом, это во многом и повлияло на тот факт, что сам Иван Кусков всю свою жизнь был «сеятелем и созидателем».

Но даже при таком подходе по-прежнему актуализируется важная домината в реализации образа Русского Севера, о которой пишет в своем исследовании Ю. Шабаев: «Для современной ситуации на Европейском Севере России характерна борьба за символическое пространство региона на всех уровнях, за этническое маркирование территорий, и потому сегодня начинается активная борьба за „русскость” Русского Севера. Однако „русскость” данного региона долгое время была весьма условной. Тем показательнее, в каком контексте ведется современная „борьба” за маркер „Русский Север”, за „возвращение” ему русскости и придание данному маркеру геополитического значения» [Шабаев, 2016].

Современное медиапространство достаточно активно осваивало на протяжении последних лет разные географические точки мира рамках трэвел-журналистики и трэвел-блогеров. В силу изменений во внутренней и внешней политике страны путешествия и познания окружающего мира сегодня все больше направлено во внутрь, что дало свои очевидные и положительные аспекты в формировании спектра актуальных проблем действительности. И хотя традиционный вектор для путешественников в основном сводился к поиску всего экзотического, чем в дальнейшем и можно было заинтересовать потенциальных туристов, тем не менее в этом устоявшемся подходе нашлось место и для авторского взгляда не только на отбор фактов, но и на их оценку, что привнесло в развлекательный контент аналитику. Но в силу формата традиционных СМИ аналитические

посылы стали плавно перетекать в развлекательное или идеологическое начало. Где условно можно выделить два основных направления в подходе к реализации темы российской действительности: экзотика места и восторженный патриотизм места. При этом потенциально оба эти направления могут перетекать друг в друга.

Определенным разнообразием в этой связи отличается медиапространство, а именно блогосфера, которая посредством ярко выраженного авторского начала, что особенно характерно и значимо для реализации контента, привлекает к себе внимание. Блогеры уделяют внимание не только и не столько экзотике российских мест (хотя этого также достаточно в данном направлении), но и проблемному ракурсу существования российской глубинки, российской провинции. Именно блогосфере мы и собираемся посвятить дальнейшие рассуждения с точки зрения подачи и формирования восприятия образа Русского Севера.

Надо сказать, что медиасфера в целом и та часть в нем, которая приходится на российский сегмент блогосферы, достаточно много и регулярно обращается к отдельным сторонам жизни Русского Севера. Но для нашего анализа авторского подхода были важны и количественные характеристики материалов, поэтому прежде всего за основу анализа были взяты прежде всего видеоблогеры и те их работы, которые собрали рекордное количество просмотров.

При анализе поисковых запросов на ютуб канале, обозначались два явных лидера в данном направлении (то есть в обращении к теме Русского Севера): это блогеры: Антон Лядов, российский трэвел-блогер, журналист, автор ютуб-канала «The Люди», на котором выходят документальные видео о жизни людей в разных странах, и Илья Варламов, общественный деятель, журналист и блогер.

Антон Лядов закончил МГУ по специальности «международная журналистика». После окончания учёбы в МГУ Лядов устроился работать на общероссийский государственный федеральный телеканал «Россия-1». Во Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании работал корреспондентом в команде программы «Вести недели» Дмитрия Киселёва и часто ездил в командировки в Европу, страны Востока и СНГ. После ухода с федерального телеканала в 2017 году создал свой канал на ютубе.

Илья Варламов начинал с работы фотографа в Живом Журнале в 2006 году, позже расширил свой блог до авторского СМИ на отдельном домене. В 2015 году на базе своего блога в «Живом Журнале» учредил авторское СМИ Varlamov.ru.

Для оценки разнообразия тем и количества просмотров на момент декабря 2022 года, мы обратились к информации, которая предоставлена на ютуб канале, на основе которой можно оценить тематическое и географическое разнообразие, а также выделить количественные показатели.

Если выделять лидеров из этого перечня, то в теме Русского Севера явно выделяются материалы о Воркуте, Архангельске, Череповце. При этом образ Русского Севера в этих видеоматериалах далек от экзотического восторга. Фильм Илья Варламова «Архангельск: руины Русского Севера | Гнилые бараки и тысячи людей в развалинах»(2020 год, 3.5 млн. просмотров) является продолжением целой серии фильмов об этом городе. Варламов постоянно возвращается в этот город, при этом есть фильмы об Архангельске, где за основу берется один из ракурсов проблемы: мусор, гибель деревянного зодчества, потеря исконной красоты региона вот некоторые из рассмотренных аспектов. Такую преданность Илья Варламов, пожалуй, демонстрирует по отношению еще к одному северному городу Мурманску, о котором им снято тоже порядка пяти фильмов.

Илья Варламов отмечает, что его впечатления об Архангельске он сравнивает с тем, что видел пять лет назад в 2015 году. За это время сменилось три мэра и один губернатор, а город никак не улучшил свое положение. В своих оценках блогер весьма категоричен: «впечатление зоны стихийного бедствия и просто ужасные условия…» Итог, архитектурные памятники города рушатся, город теряет свое лицо, но в этом есть и вина самих жителей, которым, казалось бы, в массе своей безразлично что их окружает и как они живут. Зато есть места, которые вызывают у блогера искренний восторг: Кимжа и Пинега, которые сохраняют свою индивидуальность, свое архитектурное лицо, не смотря не на что.

Продолжим рассмотрение образа Русского Севера на примере фильма Антона Лядова

«Самый Брошенный город / Воркута / Как живут в мертвеющих посёлках / Лядов с Места событий» (2021 год, 6.1 млн. просмотров).

Путешествие Антона Лядова наполнено фактами, оценками, документальными свидетельствами, которые создают атмосферу не проходящей тоски и чувства горечи от всего увиденного. Да и само названия фильма сразу задает главный проблемный ракурс. Пустующие и заброшенные поселки вокруг Воркуты, оставшиеся жители заброшенных поселков живут без надежды переселиться не только на Большую землю, но хотя бы в Воркуту. Бесхозяйственность и безразличие со стороны государственных структур (заброшенные дома продолжают обогреваться и в них подается вода и свет), что в свою очередь ставит в зависимость от жилья бывших жильцов аварийных домов, поскольку они продолжают получать квитанции по оплате жилья.

Мародерство, огромные цены на продукты, их дефицит, социальные и экономическая заброшенность региона. Люди оказались заложниками места и бюрократизма государственной структуры, у которого нет места заботе о простом человеке. Не удивительно, что лексика высказываний блогера весьма эмоциональна: «жуть», «пробирает дрожь», мурашки по коже» и так далее. Путешествие превращается в исследование, которое строится как журналистское расследование, но за счет личного участия Антона Лядова и погружения в проблемы региона, материал еще и пронизан пафосом обличения несовершенства государственного управления. Но блогера трудно обвинить в предвзятости, Антон очарован людьми, продолжающими жить там, где нужно выживать и бороться с трудностями и лишениями. Не случайно его одно из финальных замечаний в фильме: «Воркута сегодня холодный город, но город с сильными людьми».

Выводы

Проведенный анализ материалов с указанных выше ютуб каналов и более широкого контекста позволяют не только выделить данных авторов в блогосфере, но и обратить внимание на характер представленности образа Русского Севера, который безусловно является достоянием нашей культуры, но современные реалии существования Северных городов таковы, что боль, отчаяние и непонимание – вот те чувства, которые перекрывают чувство гордости и любования красотами Русского Севера.

Документальное кино более последовательно в проявлении интереса к теме Русского Севера, но этому интересу, пожалуй, не всегда хватает глубины понимания тех проблем и возможных перспектив развития, которые связаны с этой огромной, яркой и по-прежнему самодостаточной территорией России.

При этом врусском культурном пространстве «за тысячелетнию историю существования в русском культурном пространстве Русский Север претерпел значительную эволюцию – от дальнего «чудского» порубежья («земли незнаемой») до мощной русской культурной провинции, обладающей яркими историческими, этнокультурными и фольклорными образами, многие из которых получили национальное «звучание» [Калуцков, 2018], но именно эта вертикаль в современном документальном кино оказывается востребована лишь частично, когда все «чудское» на повседневном уровне воспринимается как синоним экзотическому.

Библиографический список

1. Александров Е. В. Этнографическое кино в России второй половины XX в. От Союза республик в Новое время // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 52–60.

2. Головнев И. А. Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). Москва : ИЭА РАН, 2018. 216 с.

3. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2015. 312 с.

4. Замятин Д. Н. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия // Обсерватория культуры. 2007. № 6. С. 60–66.

5. Калуцков В. Н. Образно-географическая карта Русского Севера // Русский Север – 2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: Сб. материалов II Всерос. науч. конф. с международным участием (Тотьма, 1-4 марта 2018 г.). Вологда : Полиграф-Периодика, 2018. С. 210–215.

6. Красовская Т. М. Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве. // Национальный психологический журнал. 2013. № 3(11). С. 42–46.

7. Лебедев С. В., Максимович В. Ф. Русский Север: исторические и этнокультурные особенности формирования российского региона // Человек и культура. 2015. С. 28–63.

8. Лихачёв Д. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры / Д. Лихачёв, В. Янин // Коммунист. 1986. № 1. С. 115–119.

9. Пермиловская А. Б. Русский Север как как особая территория наследия. Архангельск : Правда Севера; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 552 с.

10. Прожико Г. С., Фирсова Д. С. Летописцы нашего времени. Режиссеры документального кино. Москва : Искусство. 1987.

11. Соловьева А. Н. «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск : Поморский университет, 2011.

12. Тао Мэнтин. Методологический потенциал изучения концептов в культурологии / Мэнтин Тао, Т. Ю. Быстрова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 2 (197). С. 111–120.

13. Шабаев Ю. Новый «Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 757–778.

14. Шабаев Ю. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского севера РФ и в этнополитике // Человек. Культура. Образование: Научно-образовательный и методический журнал. Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет. 2016. № 2 (20). С. 174–194. URL: https://rucont.ru/efd/314821 (дата обращения: 07.03.2023)

15. Шамшурин Д. А. Цифровые медиа как фактор культурной глобализации. // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. №6 (72). URL: https://research-journal.org/archive/6-72-2018-june/cifrovye-media-kak-faktor-kulturnoj-globalizacii (дата обращения: 05.03.2023)

16. Шнейдеров В. А. Советский экран и народы Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. Москва : Наука, 1971.

17. Sarkisova O. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov’s expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East // Studies in Russian and Soviet Cinema. London: Routledge. 2015. P. 2–23.

18. MacKay J. Film Energy: Process and Metanarrative in Dziga Vertov's The Eleventh Year (1928) // New Literature Observer. 2007. № 121. P. 41–78.

19. Golovnev I., Golovneva E. The representation of childhood in ethnographic films of Siberian indigenous Peoples: the case of the documentary film Malen’kaia Katerina (Tiny Katerina) // Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. New York: Berghahn Books. 2016. No. 3. Vol. 15. P. 83–106.

20.Stammler-Gossmann Anna Reshaping the North of Russia: toward a conception of space/Position paper for the 5th NRF open Assembly, September 24–27th 2008. URL: www. nrf. is/Open Meetings…Papers / Stammler Grossmann.

21. Taagapera, Rein The Finno-Ugric Republics and the Russian State. New York : Routledge, 1999.

22. Davidson Peter The idea of North. Londjn : Reaction Books Ltd., 2005.

Reference list

1. Aleksandrov E. V. Jetnograficheskoe kino v Rossii vtoroj poloviny HH v. Ot Sojuza respublik v Novoe vremja = Ethnographic cinema in Russia in the second half of the XX century. From the Union of republics into New times // Tradicionnaja kul'tura. 2021. T. 22. № 4. S. 52–60.

2. Golovnev I. A. Fenomen sovetskogo jetnograficheskogo kino (tvorchestvo A. A. Litvinova) = The phenomenon of Soviet ethnographic cinema (A. A. Litvinov's work). Moskva : IJeA RAN, 2018. 216 s.

3. Dzjaloshinskij I. M. Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii = Modern Russian media space : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. 312 s.

4. Zamjatin D. N. Obraz nasledija v kul'ture. Metodologicheskie podhody k izucheniju ponjatija nasledija = The image of heritage in culture. Methodological approaches to studying the concept of heritage // Observatorija kul'tury. 2007. № 6. S. 60–66.

5. Kaluckov V. N. Obrazno-geograficheskaja karta Russkogo Severa = Descriptive-geographical map of the Russian North // Russkij Sever – 2018: Problemy izuchenija i sohranenija istoriko-kul'turnogo nasledija: Sb. materialov II Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Tot'ma, 1-4 marta 2018 g.). Vologda : Poligraf-Periodika, 2018. S. 210–215.

6. Krasovskaja T. M. Obraz Russkogo Severa: osobennosti formirovanija v sovremennoj geografii i iskusstve = The image of the Russian North: formation specifics in modern geography and arts // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2013. № 3(11). S. 42–46.

7. Lebedev S. V., Maksimovich V. F. Russkij Sever: istoricheskie i jetnokul'turnye osobennosti formirovanija rossijskogo regiona = The Russian North: historical and ethnic-cultural peculiarities of the Russian region's formation // Chelovek i kul'tura. 2015. C. 28–63.

8. Lihachjov D. Russkij Sever kak pamjatnik otechestvennoj i mirovoj kul'tury = The Russian North as a monument of national and world culture / D. Lihachjov, V. Janin // Kommunist. 1986. № 1. S. 115–119.

9. Permilovskaja A. B. Russkij Sever kak kak osobaja territorija nasledija = The Russian North as a special heritage territory. Arhangel'sk : Pravda Severa; Ekaterinburg : UrO RAN, 2010. 552 s.

10. Prozhiko G. S., Firsova D. S. Letopiscy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino = Chroniclers of our time. Documentary filmmakers. Moskva : Iskusstvo. 1987.

11. Solov'eva A. N. «Russkij Sever»: smyslovye gorizonty jetnichnosti v kul'turnom prostranstve = «The Russian North»: ethnicity's semantic horizons in the cultural space // Geokul'turnoe prostranstvo Evropejskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sb. nauch. statej. Pomorskie chtenija po semiotike kul'tury. Vyp. 5. Arhangel'sk : Pomorskij universitet, 2011.

12. Tao Mjentin. Metodologicheskij potencial izuchenija konceptov v kul'turologii = Methodological potential for studying concepts in cultural studies / Mjentin Tao, T. Ju. Bystrova // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2020. T. 26. № 2 (197). S. 111–120.

13. Shabaev Ju. Novyj «Russkij Sever: istoricheskaja provincija v tiskah social'nyh i politicheskih problem» = The New Russian North: a historical province in the grip of social and political problems // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2022. T. 24. № 4. S. 757–778.

14. Shabaev Ju. Russkij Sever i Pomor'e v simvolicheskom i kul'turnom landshafte Evropejskogo severa RF i v jetnopolitike = The Russian North and Pomorye in the symbolic and cultural landscape of the RF European North and in ethnopolitics // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie: Nauchno-obrazovatel'nyj i metodicheskij zhurnal. Syktyvkar : Syktyvkarskij gosudarstvennyj universitet. 2016. № 2 (20). S. 174–194. URL: https://rucont.ru/efd/314821 (data obrashhenija: 07.03.2023)

15. Shamshurin D. A. Cifrovye media kak faktor kul'turnoj globalizacii = Digital media as a factor in cultural globalization // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2018. №6 (72). URL: https://research-journal.org/archive/6-72-2018-june/cifrovye-media-kak-faktor-kulturnoj-globalizacii (data obrashhenija: 05.03.2023)

16. Shnejderov V. A. Sovetskij jekran i narody Severa = The Soviet screen and the peoples of the North // Osushhestvlenie leninskoj nacional'noj politiki u narodov Krajnego Severa / otv. red. I. S. Gurvich. Moskva : Nauka, 1971.

17. Sarkisova O. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East // Studies in Russian and Soviet Cinema. London: Routledge. 2015. P. 2–23.

18. MacKay J. Film Energy: Process and Metanarrative in Dziga Vertov's The Eleventh Year (1928) // New Literature Observer. 2007. № 121. Pp. 41–78.

19. Golovnev I., Golovneva E. The representation of childhood in ethnographic films of Siberian indigenous Peoples: the case of the documentary film Malen'kaia Katerina (Tiny Katerina) // Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. New York: Berghahn Books. 2016. No. 3. Vol. 15. P. 83–106.

20.Stammler-Gossmann Anna Reshaping the North of Russia: toward a conception of space/Position paper for the 5th NRF open Assembly, September 24–27th 2008. URL: www. nrf. is/Open Meetings…Papers / Stammler Grossmann.

21. Taagapera, Rein The Finno-Ugric Republics and the Russian State. New York : Routledge, 1999.

22. Davidson Peter The idea of North. Londjn : Reaction Books Ltd., 2005.

Статья поступила в редакцию 17.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 17.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 30,5 п. л., 25,51 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 31. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 05.04.2023

Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69